

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

---

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

Свидетельство о регистрации как СМИ:

ПИ № ФС 77-82936 от 14.03.2022.

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2025 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 20

№ 1–2

Главный редактор

Елена Семёновна Узенёва,
к.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко,
д.и.н., зав. Отделом истории славянских народов
Юго-Восточной Европы в Новое время
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Ольга Сергеевна Каштанова,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Анна Андреевна Леонтьева,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Наталья Александровна Лунькова,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ксения Валерьевна Мельчакова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Пётр Владимирович Мочечков,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Татьяна Ивановна Чепелевская,
к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Редакционный совет

Дёрдь Бебеш,
доктор философии (история), доцент
Печский университет, Печ, Венгрия

Алеш Заржицкий,
доктор философии (история), профессор
Остравский университет, Острава, Чехия
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Наталья Корина,
д.ф.н., профессор
Университет имени Константина Философа в Нитре, Словакия
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Христина Марку,
доктор философии (филология), профессор
Фракийский университет имени Демокрита, Комотини, Греция
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Пенка Пейковска,
д.и.н., профессор
Институт исторических исследований Болгарской академии наук,
София, Болгария
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Сузана Раич,
доктор философии (история), доцент
Белградский университет, Белград, Сербия
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Витторио Томеллери,
д.ф.н., профессор
Туринский университет, Турин, Италия
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Штефан Трёбет,
д.и.н., профессор
Институт глобальных и европейских исследований
Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия
ORCID: 0000-0001-5190-3208

Сандра Хаджихалилович,
д.ф.н., доцент
Задарский университет, Задар, Хорватия
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Ответственный секретарь

Никита Владимирович Евстафьев,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Редакционная коллегия

Ирина Евгеньевна Адельгейм,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Татьяна Ивановна Вединина,
д.ф.н., руководитель Центра ареальной лингвистики
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Оксана Анатольевна Запека,
к.филос.н., зав. кафедры славяноведения и культурологии
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия

Елена Николаевна Котун,
д.ф.н., профессор, зав. Отделом истории славянских литератур
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Евгений Андреевич Колосков

к.и.н., доцент
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Константин Васильевич Лифанов

д.ф.н., профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Сергей Алексеевич Мызников,
д.ф.н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Константин Владимирович Никифоров

д.и.н., директор
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Владимир Яковлевич Петрухин

д.и.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Анна Аркадьевна Плотникова,
д.ф.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Андрей Николаевич Соболев,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Ольга Юрьевна Солодянкина

д.и.н., доцент
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Ольга Александровна Туфанова

д.ф.н., ведущий научный сотрудник, зав. Отделом научной энциклопедии
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Артём Акович Улунян,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Ольга Владимировна Хаванова

д.и.н., профессор РАН
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Степан Михайлович Шамин

д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Алла Геннадьевна Шешкен

д.ф.н., профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

---

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

Certificate of Registration as a Media Outlet:

PI No. FS 77-82936 dated 14.03.2022.

SLAVIC WORLD

2025 **IN THE THIRD
MILLENNIUM**

Volume 20

Issue 1–2

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva,

Ph. D., associate professor, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya,

Ph. D., associate professor, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Svetlana I. Danchenko,

Doctor of History, Head of the Department of History of Slavic Peoples
in South-Eastern Europe in Modern Times
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Olga S. Kashtanova,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Anna A. Leontyeva,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Natalia A. Lunkova,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ksenia V. Melchakova,

Ph. D., senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Petr V. Moshechkov,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Advisory Board

György Bebesi,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović,

Doctor of Letters, associate professor
University of Zadar, Zadar, Croatia
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Natalia Korina,

Doctor of Letters, professor
Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Christina Markou,

Doctor of Philosophy (philology), professor
University of Thrace, Komotini, Greece
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Penka Peykovska,

Doctor of History, professor
Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Suzana Rajić,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Vittorio S. Tomelleri,

Doctor of Letters, professor
University of Turin, Turin, Italy
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Stefan Troebst,

Doctor of History, professor
Global and European Studies Institute, University of Leipzig, Leipzig, Germany
ORCID: 0000-0001-5190-3208

Aleš Zářícký,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: four per year
Circulation: 500 copies

Executive Editor

Nikita V. Evstafyev,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Editorial Board

Irina E. Adelgeim,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Olga V. Khavanova,

Doctor of History, Russian Academy of Sciences professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Evgenii A. Koloskov,

Ph. D., associate professor
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Elena N. Kovtun,

Doctor of Letters, professor,
Head of the Department of the History of Slavic Literatures
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Konstantin V. Lifanov,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Sergei A. Myznikov,

Doctor of Letters, Corresponding Member of RAS, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Konstantin V. Nikoforov,

Doctor of History, director
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Vladimir Ya. Petrukhin,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Anna A. Plotnikova,

Doctor of Letters, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Stepan M. Shamin,

Doctor of History, leading research fellow
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Alla G. Sheshken,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Olga Yu. Solodyankina,

Doctor of History, associate professor
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Olga A. Tufanova,

Doctor of Letters, leading research fellow,
Head of the Department of Scientific Editorship
A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Artyom A. Ulunyan,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Tatyana I. Vendina,

Doctor of Letters, Head of the Areal Linguistics Center
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Oksana A. Zapeka,

Ph. D., Head of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Address: Leninsky Prospekt, 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Исторические исследования

Сень Дмитрий Владимирович

Межкультурная коммуникация донских казаков
и азовских турок-османов в XVII в. 9

Перетяцько Артём Юрьевич

Нелингвистические критерии классификации народов
в «Военном энциклопедическом лексиконе» 27

Лунькова Наталья Александровна,

Ляпустин Алексей Геннадьевич

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в «Дневнике писателя»:
о некоторых аспектах философии войны Ф.М. Достоевского 53

Никифоров Денис Игоревич

Процесс создания сценария художественного фильма
«Герои Шипки» (1954 г.) С. Д. Васильева 71

Омонов Николай Нуманович

Некоторые признаки и источники радикального славянского
неоязычества 85

Афонин Алексей Дмитриевич

Участие Польши в ключевых проектах транспортной инфраструктуры
Триморья. 2016–2024 гг. 104

Этнолингвистические и социолингвистические исследования

Березович Елена Львовна,

Малькова Яна Владимировна

К реконструкции затекстовой ситуации проклятия
(на материале костромской культурно-языковой традиции) 123

Бондаренко Елена Дмитриевна,

Костылев Юрий Сергеевич

Рукописная викторина как жанр любительской фольклористики
(на материале сборника-викторины Л. Н. Ухаревой
«Живая старина Приветлужья») 145

Пилипенко Глеб Петрович,

Борисов Сергей Александрович,

Немчинов Владислав Алексеевич

Обзор полевого исследования славянских сообществ Аргентины
и Бразилии 161

Кожуховская Юлия Витальевна

Пространственная модель мира в основе этнической идентичности
фракийских греков Крыма 187

Публикация исторических источников

Мельчакова Ксения Валерьевна

Российские дипломаты об освящении двух кафедральных соборов
в Боснийском вилайете в 1870-е гг.: документы 204

Стыкалин Александр Сергеевич,

Бондарев Никита Викторович

«Замечается всё большая и большая нервозность как в прессе,
так и в официальных кругах...». Положение в Югославии
летом 1948 г. глазами румынского посла 220

Обзоры и рецензии

Петрухин Владимир Яковлевич

Этническая история: миф и поиски идентичности.

О новой книге: Шнирельман В. А. В погоне за предками:

Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор – История, 2024. 624 с.

ISBN 978-5-4469-2321-2 241

Юрьев Кирилл Алексеевич

Свежий взгляд на великоморавские гомбики.

О новой книге: Krupičková Š. Gombíky from Mikulčice

and Their Regional and Supraregional Context.

Brno: Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 2024. 257 p.

ISBN 978-80-7524-086-6 256

In memoriam

Ващенко Дарья Юрьевна

Константин Васильевич Лифанов (09.10.1955–01.08.2025) 261

CONTENTS

Articles

Historical Research

Dmitriy V. Sen'

Intercultural Communication of the Don Cossacks
and the Azov Ottoman Turks in the XVII Century 9

Artyom Yu. Peretyatko

Non-linguistic Criteria of Peoples' Classification
in the "Military Encyclopedic Lexicon" 27

*Natalia A. Lunkova,
Alexey G. Lyapustin*

Russo-Turkish War of 1877–1878 in "A Writer's Diary":
About Some Aspects of F. M. Dostoevsky's Philosophy of War 53

Denis I. Nikiforov

The Process of Writing the Script for "Heroes of Shipka" (1954)
by S. D. Vasilev 71

Nikolai N. Omonov

Some Features and Sources of Radical Slavic Neopaganism 85

Aleksei D. Afonin

Poland's Participation in Key Transport Infrastructure Projects
of the Three Seas Initiative. 2016–2024 104

Ethnolinguistic Studies and Sociolinguistic Studies

*Elena L. Berezovich,
Yana V. Malkova*

On Reconstruction of an Extra-Text Curse Situation
(Based on the Materials of Kostroma Cultural and Linguistic Tradition) 123

*Elena D. Bondarenko,
Yuri S. Kostylev*

Handwritten Quiz as a Genre of Amateur Folklore Studies (Based on
the Material of the "Folklore" Collection-Quiz by L. N. Ukhareva) 145

*Gleb P. Pilipenko,
Sergej A. Borisov,
Vladislav A. Nemchinov*

A Review of Field Research among the Slavic Communities
of Argentina and Brazil 161

Yulia V. Kozhukhovskaya

Spatial Model of the World in the Ethnic Identity of the Thracian Greeks
of Crimea 187

Publication of Historical Sources

Ksenia V. Melchakova

Russian Diplomats on the Consecration of Two Cathedrals
in the Bosnian Vilayet in the 1870s: Documents 204

Alexandr S. Stykalin,

Nikita V. Bondarev

“More and More Nervousness is Noticeable both in the Press
and in Official Circles...” The Situation in Yugoslavia
in the Summer of 1948 Viewed by the Romanian Ambassador 220

Review Articles

Vladimir Ia. Petrukhin

Ethnic History: Myth and the Search for Identity.
About the New Book: Shnirelman V. A. In Pursuit of Ancestors:
Ethnogenesis and Politics. Moscow; St. Petersburg: Nestor – Istoriya,
2024. 624 p. ISBN 978-5-4469-2321-2 241

Kirill A. Yuriev

A Fresh Look at the Great Moravian Gombíky.
About the New Book: Krupičková Š. Gombíky from Mikulčice
and Their Regional and Supraregional Context.
Brno: Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 2024. 257 p.
ISBN 978-80-7524-086-6 256

In Memoriam

Daria Yu. Vashchenko

Konstantin Vasil'evich Lifanov (09.10.1955–01.08.2025) 261

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ И АЗОВСКИХ ТУРОК-ОСМАНОВ
В XVII В.**

Дмитрий Владимирович Сень

доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: ул. Большая Садовая, 105/42,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: dsen1974@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5222-4685

Аннотация

Статья посвящена истории взаимодействия донских казаков и турок-османов из Азова, выходящего за рамки их непосредственных боевых столкновений. Условия, формы и содержание такой невоенной коммуникации исследуются автором как часть пространства традиционной для обеих сторон культуры пограничного диалога. Обосновывается недопустимость маргинализации подобных исторических явлений, являющихся неотъемлемой частью местной пограничной жизни и традиционных отношений пограничных сообществ — казаков и населения османской крепости. Вводя понятие «ритмов османо-казачьих взаимоотношений», автор рассматривает межкультурную коммуникацию на фоне чередующихся друг с другом мирных и конфронтационных отношений казаков и азовских турок-османов. Устанавливаются факторы, способствовавшие развитию межкультурной коммуникации сторон, включая языковые, торговые контакты, пограничную дипломатию, обмен информацией в ходе официальных контактов, разведывательной деятельности, рассказов перебежчиков и т. п. Анализируется роль и значение так называемых «замирений» Войска Донского и османского Азова в развитии между ними торговых и иных невоенных контактов. «Замирения» также способствовали интенсификации между казаками и азовцами так называемых окупных и разменных операций с невольниками. Как «замирения», так и «розмирения» основательно вошли в культуру пограничного диалога казаков и азовцев, системно влияя на способы решения теми и другими конфликтных и других ситуаций. Обращает на себя внимание взаимная торговля между казаками и азовцами (продуктами питания, скотом, дровами и пр.), в том числе предполагавшая скупку населением крепости имущества, захваченного казаками в походах. Подобная «теневая экономика» местного пограничья вполне соответствовала симбиотическим связям его предприимчивого полиэтничного населения.

Ключевые слова

Азов, Войско Донское, коммуникация, обмен, казаки, Османская империя, пограничье, торговля, турки-османы

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2025 г.

Статья доработана автором 7 марта 2025 г.

Статья принята в печать 25 марта 2025 г.

Цитирование: Сень Д. В. Межкультурная коммуникация донских казаков и азовских турок-османов в XVII в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 9–26. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.01>

INTERCULTURAL COMMUNICATION OF THE DON COSSACKS AND THE AZOV OTTOMAN TURKS IN THE XVII CENTURY

Dmitriy V. Sen'

Dr. Sc. (History), Professor,
Southern Federal University
Postal address: 105/42 Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: dsen1974@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5222-4685

Abstract

The article is devoted to the issues of interaction between the Don Cossacks and the Ottoman Turks from Azov, going beyond their direct military clashes. The conditions, forms and content of such non-military communication are studied by the author as part of the space of the border dialogue culture, traditional for both sides. The article substantiates the inadmissibility of marginalizing such historical phenomena, which are an integral part of local border life and traditional relations of border communities — the Cossacks and the population of the Ottoman fortress. Introducing the concept of “rhythms of Ottoman-Cossack relations”, the author considers intercultural communication against the background of alternating peaceful and confrontational relations between the Cossacks and the Azov Ottoman Turks. The factors that contributed to the development of intercultural communication between the parties are established, including language and trade contacts, exchange of information during official contacts, intelligence activities, stories of defectors, etc. The role and significance of the so-called “Peacemaking” (“Zamireniye”) of the Don Host and the Ottoman Azov in the development of trade and other non-military contacts between them is analyzed. The “Peacemaking” (“Zamireniye”) also contributed to the intensification of the so-called payback and exchange operations with slaves between the Cossacks and the Azov people. “Peacemaking”, as well as “Rozmireniye” (Peacebreaking), have become a fundamental part of the culture of border dialogue between the Cossacks and the Azov people, systematically influencing the ways in which both sides resolved conflicts and other situations. Mutual trade between the Cossacks and the Azov people is noteworthy, including the purchase by the population of the fortress of property seized by the Cossacks during campaigns. Such a “shadow economy” of the local borderland was quite consistent with the symbiotic ties of its enterprising multi-ethnic population.

Keywords

Azov, Don Cossacks Host, Communication, Exchange, Cossacks, Ottoman Empire, Borderland, Trade, Ottoman Turks

Received 13 February 2025

Revised 7 March 2025

Accepted 25 March 2025

For citation: Sen', D. V., 2025. Intercultural Communication of the Don Cossacks and the Azov Ottoman Turks in the XVII Century. *Slavic World in the Third Millennium*, 2025 (1–2), pp. 9–26. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.01>

СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСМАНО-КАЗАЧЬЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья продолжает другие авторские исследования пограничной жизни в Северо-Восточном Приазовье второй половины XVI в. — первой трети XVIII в.¹ Один из главных здесь исследовательских сюжетов — взаимоотношения донского казачества (Войска Донского) и турок-османов из Азова, определявшие специфику развития пограничного региона на протяжении длительного времени. Между тем акцент, делаемый многими учеными на военной составляющей в изучении казачьей истории (при общей справедливости утверждений о том, что «главным делом донского казачества была война»², что «азовский фактор» способствовал консолидации донского казачества, например, в XVI в.³), по-прежнему мало способствует разработке новых исследовательских направлений и сюжетов. При этом регулярно маргинализируются исторические явления иного порядка, являющиеся неотъемлемой частью местной пограничной жизни и обладавшие ценными характеристиками в глазах самих пограничных сообществ. Речь идет, в частности, об изучении традиционных для казаков и азовцев «замирений» / «розмирений» как важной части пограничной дипломатии; об истории торговли и работоторговли в регионе (включая историю окупных и разменных операций в Северо-Восточном Приазовье⁴); об «обмене населением» между Войском Донским и Азовом, включая бегство (уход) казаков и азовцев к противнику; о развитии форм устной и письменной коммуникации донцов с окружающим тюркским и другим населением (предполагавшей, помимо прочего, обмен важной информацией). Между тем, в монографии крупного современного историка О. Ю. Куца, писавшего о перспективах изучения донской истории XVI–XVII вв. и перечислявшего важнейшие исследовательские вопросы⁵,

¹ Куцаинова Е. В., Сень Д. В. Донское казачество и тюрко-татарский мир // История донского казачества: коллективная монография: в 3 т. / отв. ред. А. И. Агафонов. Т. 1. Донское казачество в середине XVI — начале XVIII в. / отв. ред. Д. В. Сень. Ростов-н/Д: Омега Паблицер, 2020. С. 135–152; Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений в условиях вынужденного соседства // Казачество в тюркском и славянском мирах / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. С. 225–235; Сень Д. В. «Замирения» Войска Донского и османского Азова во второй половине XVII в.: продолжение или угасание традиции? // Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России (к 85-летию профессора В. Н. Ратушняка) / отв. ред. В. В. Касьянов, О. В. Матвеев. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 289–311.

² Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1998. С. 467.

³ Там же. С. 342.

⁴ Куцаинова Е. В., Сень Д. В. Донское казачество и тюрко-татарский мир... С. 137.

⁵ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Т. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 35–36.

нет упоминания ни об одном из возможных аспектов, относящихся к пространству казачье-азовского невоенного взаимодействия.

Б. Боук резонно обратил внимание на односторонность подхода, при котором ученые отдают предпочтение явлениям экономики Дона, связанным с Русью (жалованье, торговля хлебом), «хотя при всей скудости источников» есть основания считать, «что торговля с Азовом и Кубанью была обычным явлением»⁶. Торговля с Азовом, рыбная ловля и другие занятия прочно связывали донских казаков с жителями этой османской крепости; казаки, нуждаясь в рыбе, договаривались с азовскими турками-османами об условиях рыбной ловли в регионе⁷. Некоторые перспективные рассуждения о пограничных связях донцов и азовцев Б. Боук развил в своей фундаментальной монографии 2009 г.⁸ С. И. Рябов привел интересный пример того, как в начале 1680-х гг. в Черкасске несколько лет проживали греки, братья Остафей и Миколай Зотовы (скорее всего, османские подданные), приехавшие на Дон «для своего торгового промыслу»⁹; весной 1682 г. «Остафей с солью и... другими товарами поплыл вверх по Дону торговать в казачьих городках...»¹⁰.

В. Г. Дружинин подчеркивал, что «торговля с Азовом происходила лишь в мирное время; она даже была как бы признаком существующего перемирия: о торговле всегда упоминают казаки в Посольском приказе, когда на вопрос об отношениях к Азовцам они приносят известие о мире»¹¹. А. А. Новосельский справедливо писал о том, что, «несмотря на частые военные столкновения казаков с Азовом, мирные сношения с ними тоже существовали; выработался своеобразный *modus vivendi*, благодаря которому возможен был мирный торг с Азовом. Более того, военная добыча казаков сама же служила предметом торгового обмена с Азовом»¹². У него же находим недооцененное наукой мнение о том, что торговля османского Азова (прежде всего — полоном) весьма походила «по своему характеру <...> на казачью торговлю»¹³. Выдающийся историк верно указал на чередующийся характер мирных и конфронтационных отношений казаков и

⁶ Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: материалы научной конференции (г. Краснодар. 24-26 августа 2000 г.) / отв. ред. А. Н. Мануйлов. Краснодар: Вольные мастера, 2001. С. 152.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Boeck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 40-53 et al.

⁹ Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград: Перемена, 1993. С. 61.

¹⁰ Там же.

¹¹ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. С. 18.

¹² Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 212.

¹³ Там же. С. 215.

азовцев, а также на то, что азовцы получали свою выгоду при реализации казаками добычи. Н. А. Мининков полагает, что низовое Войско Донское сформировалось и окрепло вокруг борьбы донского казачества с Азовом; отмечает, что донские казаки достаточно быстро стали представлять для Азова существенную угрозу¹⁴. Этот крупный историк указал на некоторые стороны взаимоотношений казаков и азовцев, а также на ценностное (в широком смысле) отношение донцов к замирению с азовцами, а также к тем ценностям, которые попадали к ним либо в результате нападений на Азов, либо — уплаты азовцами им «оброка». Н. А. Мининков оправданно полагает их добычей и данью, относя к важным источникам существования донского казачества; подчеркивает, что уплата «дани» казакам со стороны азовцев стала традицией; отмечает, что заключение мира периодически инициировалось как донцами, так и азовцами¹⁵; указывает на амбивалентный характер борьбы казаков и азовцев, говоря о перманентной войне между ними, причем «зачинщика “задоров” между донскими казаками и азовцами назвать едва ли представляется возможным. Каждая из сторон всегда обвиняла другую и утверждала, что меры ее носят ответный характер»¹⁶.

Статья направлена на выявление и изучение новых фактов из истории внеконфронтационного взаимодействия донских казаков и населения османского Азова (Азака). Оно рассмотрено автором на фоне других явлений местной пограничной жизни и пограничного диалога сторон, в отношениях которых, конечно, хватало конфликтов и разногласий. Противоречия в этих словах нет — речь идет об органическом сочетании в жизни местных парамилитарных сообществ форм военной и невоенной коммуникации. Все такие и подобные им практики автор предлагает рассматривать как проявление ритмов казачье-османских отношений¹⁷ и культуры их пограничного диалога.

«ЗАМИРЕНИЯ» КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

От «замирений» друг с другом донцы и азовцы традиционно и регулярно переходили к взаимным же «розмирениям» и наоборот (причем — со второй половины XVI в. по первую половину 1730-х гг., с перерывами в 1637–1641 гг. и в 1696 г. — начале 1712 г.). Замечу, что некоторые формы невоенных контактов донцов и азовцев получали существенные импульсы

¹⁴ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья... С. 342.

¹⁵ Там же. С. 147, 161.

¹⁶ Там же. С. 349.

¹⁷ Такие ритмы представляли собой регулярный и, в значительной степени, упорядоченный (регулируемый) переход от мирных отношений к конфронтации и наоборот.

к развитию в связи именно с «замирениями», что отражено в ряде документов¹⁸. «Замирения», как и «розмирения», органично вошли в культуру пограничного диалога казаков и азовцев, системно влияя на способы решения теми и другими конфликтных ситуаций еще в 1680-е гг.¹⁹ Царские власти, учитывавшие локальное своеобразие Донской земли и не конца контролировавшие «пограничную дипломатию» казаков, были осведомлены о таких пограничных контактах Войска Донского и Азова, не только не препятствуя им, но и регулярно подталкивая казаков к их развитию. Так, царские посланники С. Б. Протасьев и М. Данилов «накрепко» говорили об этом донским атаманам и казакам на Дону в 1613 г., которые сказали, «что они <...> с азовскими людьми в миру быть однолично рады...»²⁰. Затем посланники писали казакам из Азова о необходимости быть в миру с азовцами, «покаместа мы из Царя-города сходим», будучи отпущены «за море» из крепости 5 ноября 1613 г.²¹ В царской грамоте от 18 марта 1614 г. выражалось одобрение действиям донцов, которые «по нашему указу с Азовскими людьми учинились мирны до тех мест, покаместа наши посланники назад из Царя-города придут»²². Из материалов того же посольства узнаем о том, что турки-османы получали необходимую разведывательную информацию с помощью своих «торговых людей», «которые приезжают из Азова на Дон с товарами»²³. В отписке астраханского воеводы Я. Буйносова-Ростовского «с товарыщи» сообщалось о том, что 31 октября 1628 г. из Астрахани на Дон к казакам были отправлены пятеро юртовских астраханских татар, которым велели «з Дону проведать крымских, и азовских, и казыевских и всяких вестей подлинно...»²⁴. Им, в частности, довелось общаться с азовцами: «...слышали де они у азовских людей, которые приезжали на Дон к казаком с товаром (выделено мной. — Д. С.), что де <...> к ним в Азов и из Азова в Крым никакие люди не ездят для того, что де в Крыму в прошлом 136 году (то есть в 1627/1628 г. — Д. С.) летом учинился моровое поветрее»²⁵.

Случалось, что вопросы налаживания сторонами обоюдной торговли рассматривались как одно из условий очередного заключаемого перемирия,

¹⁸ Сень Д. В. «Замирения» Войска Донского и османского Азова... С. 299–307.

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 11. Л. 2; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 89об.-90, 324, 324об., 325; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 6; Сень Д. В. «Замирения» Войска Донского и османского Азова... С. 299–307.

²⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1613 г. Д. 2. Л. 15.

²¹ Там же.

²² Донские дела. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1898. Кн. 1. Стб. 63. См.: Там же. Стб. 64, 66.

²³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1614 г. Д. 1. Л. 120.

²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 5.

иногда — как логичный итог временного перехода казаков и азовцев к мирному состоянию. По сообщению посланников И. Кондырева и Т. Бормосова (1622 г.), мировщики от Войска Донского огласили, «чтоб им атаманом и казаком с азовц[ы] н[ы]нешнею осенью, и зиму, и до весны жить в миру, и торговать бы ездить на обе стороны, и нас бы, холопей твоих, в Азов принять, и из Азова б отпустить в Ц[а]рьгород»²⁶. Переговоры о мире продолжались между 8 и 12 августа 1622 г. Для этого на Дон приезжали л у ч ш и е азовские татары (к слову, такие же «лучшие люди» участвовали в шертовании ногайцев перед Войском Донским²⁷), «а в Азов ездили атаманы и казаки лутчие ж». Замечу, что подобная форма межкультурной коммуникации способствовала специализации лиц с обеих сторон, занятых в ходе переговоров в качестве мировщиков. Регулярным становится в XVII в. привлечение казаками и азовцами к подобным контактам своих «лучших» людей (в том числе одних и тех же)²⁸. Со стороны, например, азовцев в качестве мировщиков все чаще в тот период выступают «азовские татары» (ногайцы), занявшие в этой роли заметное место среди других групп населения крепости. Благодаря им, а также толмачам и некоторым другим знающим казакам, развивались взаимные языковые практики устной и письменной коммуникации.

«Замирения» также способствовали интенсификации между казаками и азовцами так называемых окупных и разменных операций с невольниками, что не исключало эксцессов, связанных с нарушениями перемирия²⁹. В войсковой отписке от 2 ноября 1656 г. содержатся сведения как о нападении казаков на Азов, так и об их очередном «замирении» с азовцами: «А с Азовцами мы, холопи твои, ныне живем в миру. А как государь, замиряся мы с ними, выкупили мы у них на обмену на их ясырь тритцать человек казаков прежнего бранья»³⁰. 3 марта 1693 г. казачья станица во главе с атаманом Ф. Сулой сообщала в Москве следующее: «А с азовцы они замирились тому ныне другой месяц в ысходе, за душами, а не за аманаты, чтоб розменитца на обе стороны неволниками (выделено мной. — Д. С.), а сколко того перемирья будут держат, того неведомо; а с которою сторону будет какой задор, то и миру розрывание»³¹.

²⁶ Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград: б. и., 2015. Вып. 5. С. 37; См. также: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Ч. 1. Л. 16–17.

²⁷ Донские дела. Кн. 1. Стб. 973.

²⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 106, 118, 119; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1630 г. Д. 4. Л. 19–21, 248; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 324об.; Служба донских казаков XVII век... С. 56; [Попов А. Н.] Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М.: Тип. Л. Степановой, 1857. С. 194; Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. Т. 10. С. 36.

²⁹ Служба донских казаков XVII век. С. 19.

³⁰ Донские дела. Петроград: Тип. Министерства земледелия, 1917. Кн. 5. Стб. 154.

³¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 12.

Из расспросных речей войскового атамана И. Семенова от 15 декабря 1690 г. следует: «А перемирье де у них и стари с азовцы обыклое и бывает по месяцу и по два, и по году, и болши (выделено мной. — Д. С.), только освобождения для взятых своих казаков на обмен за взятых же азовцев и за деньги, а не для чего иного, и договоренось, чтоб им на государевы украинные города, также и под их казачьи городки до Пятиизб войною не ходить, а когда де под украинные города войною пойдуть, и тогда они, собрався войском, за ними же ходят и, догнав, бьют»³². Еще более показательный пример находим в царской грамоте 1690 г.: «А вы, атаманы и казаки, с азовцы ныне в м[и]ру, и тот между вами мир настоит уже болши года (выделено мной. — Д. С.). И за тем миром, как азовцы у вас в Черкасской, так и вы в Азове бываετε почасту, и такого продолжительного с неприятели мира никогда у вас <...> не бывало»³³. По В. Д. Сухорукову, донцы заключили мир с азовцами еще декабре 1689 г. — с условием не нападать на казачьи городки и южные пределы России³⁴. «Замирение» продолжилось до 1691 г.: у донцов нашлось несколько причин, в том числе экономического свойства, для его сохранения — сторонам понадобилось организовать выкуп пленных турок и татар, захваченных казаками в разных местах в 1689 г.³⁵ Враждебные действия азовцев, объединившихся с казаками-старообрядцами и калмыками, вынудили донцов разорвать мир весной 1691 г., начав боевые действия как на море, так и на суше. 19 сентября 1693 г. в Посольском приказе явились донские казаки — станичный атаман А. Фролов, есаул И. Самаренинов и девять рядовых казаков, подавшие войсковую отписку и рассказавшие, что, мол, они выехали с Дона три недели назад³⁶. Станичники сообщали, что, когда они находились на Дону, то им стало известно о нападении татар на черкас с обозом на р. Берды, многих из которых татары «побили и переранили и взяли в полон», затем отвезя в Азов. Но, что самое интересное, таких пленников видели «многие их казаки в Азове, которые ездят с торгом (выделено мной. — Д. С.), потому что они с азовцы в миру, и приехав из Азова те торгоши, на Дону войсковому атаману Фролу Миняеву и всему войску сказывали...»³⁷. Еще в конце XVII в. Посольский приказ признавал, что сами казаки «зимовых и лехких станиц» неоднократно «в роспросех своих объявляли, что они для своих торговых промыслов, и розмены на обе стороны полонных

³² Сухоруков В. [Д]. Историческое описание Земли Войска Донского / комм., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. Ростов-н/Д: ГинГо, 2001. С. 413.

³³ Сыскные дела о донских казаках: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград: б. и., 2017. Вып. 10. С. 57.

³⁴ Сухоруков В. [Д]. Историческое описание... С.375.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 10. Л. 11.

³⁷ Там же. Л. 11-12.

людей с азовцами (выделено мной. — Д. С.) чинивали на время перемирия, и розменясь на обе стороны полонными людьми, розмиривались собою»³⁸. Таким образом, сроки «замирений» почти всегда были разными, от нескольких дней до года и даже, как видим, бессрочно. Следовательно, временной фактор влиял на интенсивность торговых, окупных и иных операций между донцами и азовцами.

«ЗНАТЬ ДРУГ О ДРУГЕ»: КАНАЛЫ СБОРА И ТРАНСЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИИ

Донские казаки и азовцы собирали информацию друг о друге и о делах за пределами региона по разным каналам. 29 ноября 1645 г. в Посольском приказе были получены привезенные донскими казаками грамоты «турского письма»³⁹. Они адресовались азовским Мустафой-пашой Войску Донскому в связи с отправкой через Азов в Стамбул царских послов С. Телепнева и А. Кузовлева. Переводы грамот содержат ценную информацию не только о процедурах приема и сопровождения послов, но также об обмене грамотами по данным вопросам; причем в одном месте паша написал: «А что в тех ваших грамотах написано, про то нам учинилось ведама (то есть они были переведены в Азове. — Д. С.)»⁴⁰. В 1655 г., по сведениям валуйского станичного атамана И. Савина (поданным до 3 июня), побывавшего на Дону, «у Донских де казаков с Азовцы мир; а замирено де <...> на том, что им друг другу про всякие вести сказывать: Азовцом сказывать, куды Турского царя повеленье будет Крымскому царю и татаром войною идти, или Крымской царь пошел Татар в войну, хоти и без Турского ведома; а Донским казаком сказывать им, каковы государевы грамоты присланы будут к ним на Дон, и какой государев указ в тех грамотах прислан будет к ним»⁴¹. Примечательно, что на момент получения И. Савиным этих данных обе стороны пребывали в ссоре. Несмотря на переданные азовцами на Дон «турские» и «крымские» вести, казаки, напротив, не сообщали туркам-османам о содержании царских грамот, «почасту» присылаемых в Войско Донское⁴².

Получение казаками информации из Азова было связано не только с их общением с «городовыми азовскими людьми», с деятельностью казачьей разведки. Из расспросов станичного атамана Ф. Минаева в Посольском приказе 30 декабря 1672 г. следует, что «с азовцы де у них договор был таков: естли в Азов или к ним прибудут внов люди, и им меж себя о том чинить ведомо»⁴³. Наконец, существовал еще один канал коммуникации,

³⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 243.

³⁹ Донские дела. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1909. Кн. 3. Стб. 442–444.

⁴⁰ Донские дела. Кн. 3. Стб. 442.

⁴¹ Донские дела. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. Кн. 4. Стб. 948.

⁴² Донские дела. Кн. 4. Стб. 948.

⁴³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 102об. Благодарю к.и.н. П. А. Авакова за выписку из документа.

связанный с деятельностью нарушителей войскового права, включая беглецов и «переметчиков» с Дона в Азов, а также из Азова на Дон. Приведу отрывок из показаний вернувшегося с Дона полуголовы московских стрельцов В. Волжинского в Посольском приказе 18 ноября 1675 г.: «И в то время от казаков к азовцам перекинулись с ведомостью два человека. Да и в иные де времена какое великого государя дело зайдет, или присланы бывают о каких промыслех великого государя грамоты, и от казаков бывают в Азов переметчики (выделено мной. — Д. С.). И ж[и]-в[я] в Азове года по два и по три, приезжают назад в Азов, а казни тем людям казаки <...> толко по своему казачью приговору чинят тех людей лысым[и], естли с кем учнет бранитца, и ево волно бить, а суда не давать»⁴⁴. В 1675 г. донцы, действовавшие на Каланчинской протоке против азовцев, захватили в числе других пленных «изменника донского казака», которого повесили после того, как доставили его в Черкасск⁴⁵. В 1685/1686 г. на Дон к казакам сбежал из Азова сын чавуша — Али б. Юсуф, крестившийся и ставший казаком. Турок-перебежчик стал Иваном Петровым сыном Турченином⁴⁶, получившим за «переезд» и крещение «денег пять рублей, да сукно аглинское». И. П. Турченин позже был отправлен в Москву в составе казачьей станицы, где в общих чертах повторил свою историю, будучи расспрошен в Посольском приказе 15 декабря 1686 г.⁴⁷ В конце 1687 г. донцы с калмыками совершили вылазку против Азова. У Азова бои начались на земляном валу, причем, судя по всему, азовцы оказались заранее готовы к нападению⁴⁸. Боестолкновение обошлось для казаков без потерь, хотя и не принесло значимых результатов. Правда, калмыкам удалось отогнать от Азова «многую скотину». Позднее от «переметчиков от выходцов к ним на Дон»⁴⁹ стало известно о небольших потерях среди азовцев. Позже донцам действительно стало известно, что «ведомость в Азове о походе их учинилась... от перебежика их донского казака от Ивашки Мурзенка (тума? — Д. С.), и на том де бою (в ноябре 1687 г. — Д. С.) он, Ивашка, с ними, азовцы, был же»⁵⁰. Итак, сведения о походе под Азов в ноябре 1687 г. принесли нам имя еще одного перебежчика, скорее всего, успешно адаптировавшегося в Азове и, вероятно, происходившего из среды так называемых тум («полукровок»). В 1688 г. Войско Донское сообщало в своей отписке на имя царей о проживании у них ранее на Дону казака Микишки Хохлача, «перекинувшегося» от них в Азов и, очевидно, женившегося

⁴⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2221. Л. 10. Благодарю к.и.н. П. А. Авакова за выписку из документа.

⁴⁵ Сухоруков В. [Д]. Историческое описание Земли Войска Донского... С. 322.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 88, 89.

⁴⁷ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века... С. 9-10.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1687 г. Д. 13. Л. 9.

⁴⁹ Там же. Л. 10.

⁵⁰ Сухоруков В. [Д]. Историческое описание Земли Войска Донского... С. 366.

там⁵¹. Поведение М. Хохлача (выходца из Сечи?) предстает соответствующим: «...многие шкод нам чинил и людей подводил... везде знал и под морских похожих под наших козаков он же азовцов подвел, многие пакости учинил...»⁵². Из показаний кубанского казака Д. Башмака, пойманного и допрошенного в 1694 г., следует, что он, покинув семью еще во время событий раскола на Дону (примерно в 1690 г.), «пошел в Озов один <...> и явился озовскому бею Темеше (Темир-шаху. — Д. С.). И жил у него во дворе месяца с два»⁵³. Адаптация не потребовала от казака перехода в мусульманство, хотя черты культурного антиповедения налицо — во время постов, а также по средам и пятницам, Д. Башмак употреблял в пищу мясо «по их босурманской обыкности».

В марте 1688 г. из Азова «перекинулся» в Войско Донское некий «турчанин» («челяднин»), расспрошенный казаками в кругу⁵⁴ и предоставивший важную информацию. В 1688 г., скорее всего в августе, на Дон «выбежал» из Азова казак Рыковского городка Якушка, «которой изменил им казаком и из Черкасского в прошлых годех ушел и жил в Азове»⁵⁵. Перебежчика заслушали в кругу и, как предоставившего интересную информацию, судя по всему, простили, о чем Войско Донское сообщало в Москву. Например, Якушка рассказал о якобы имевшем место уходе крымского хана (тогда в Крыму правил Селим-Гирей I. — Д. С.) за Перекоп, из опасений лишиться престола по воле султана Сулеймана II. Перебежчик уточнял, что намерения хана состояли в том, чтобы «отложитца к Черкасскому или к Д о н с к и м к а з а к о м (выделено мной. — Д. С.) и салтану турецкому чинить отмщенье»⁵⁶. Полагаю, что войсковое право донских казаков рассматривало не все примеры подобного поведения как и з м е н у Войску Донскому — за что, в общем-то, полагалась смертная казнь. Соответствующие же практики «казаков-перелетов» предусматривали разные варианты натурализации (адаптации) в османском Азове, необязательно связанные с переходом в мусульманство. «Перелеты» курсировали в обоих направлениях — с Дона в Азов и из Азова на Дон; это могли быть как одни и те же люди (продельывавшие путь туда и обратно), так и разные. Но главное — подобные поступки совершались под влиянием разных причин, являлись повторяющимися и, судя по всему, привычными для участников «пористого» пространства местного пограничья. Наконец, необходимо сказать о том, что интенсификация переговорного процесса, помимо прочего, наверняка приводила к развитию языковых навыков у толмачей (как войсковых, так

⁵¹ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1687 г. Д. 13. Л. 78.

⁵² Там же.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1406. Л. 176.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 5.

⁵⁵ Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1872. Т. 12. С. 227.

⁵⁶ Там же. С. 227-228.

и османских) и к усилению их роли в пограничных контактах Войска Донского и османского Азова. В ряде случаев толмачи участвовали в переговорах о мире с азовцами, выступая (одновременно?) в роли миротворцев. Так, в 1622 г. Войско Донское отправило в Азов для предварительных переговоров о мире атамана В. Черного и толмача И. Скорую⁵⁷. В 1685/1686 г. царским жалованьем был награжден в Москве станичный атаман П. Микифоров: «...сверх указной дачи пара соболей в 10 рублей для того, что он турецкой язык достаточно знает и часто войском посылают ево для всяких дел в Азов»⁵⁸. В среднесрочной перспективе необходимо аккумулировать данные о толмачах на Дону, имея в виду, что рамочное исследование по истории указанной группы в XVIII в. недавно выполнено⁵⁹.

ТОРГОВЛЯ И ОБМЕНЫ: СОВПАДЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ПОЛУЧЕНИЕ ВЫГОДЫ

Обращает на себя внимание взаимная торговля между казаками и азовцами, в том числе предполагавшая скупку населением крепости имущества, награбленного казаками в походах. Подобная «теневая экономика» местного пограничья вполне соответствовала симбиотическим связям его предприимчивого полиэтничного населения, ресурсная база которого не могла все время успешно пополняться за счет внешних «вливаний» со стороны царских и османских властей. При этом масштабы подобных контактов и готовность казаков и азовцев сбывать друг другу разные ценности и невольников остаются в науке недооцененными. Недаром в грамоте азовского Умер-бея султану Мураду IV (попавшей в руки царских послов А. Совина и М. Алфимова в 1630 г.) содержалась следующая важная информация: «Да здешние, государь, люди живут своими обычаяи, ни кадыя, ни бея не слушают, и кадыйство и бейство сами чинят, да корыстуютца и знаютца с неверными. В кою пору с ними (то есть с казаками. — Д. С.) в миру будут, в те поры, што они на Черном море добывают, и те воровские животы у них, донских казаков, азовцы покупают дешевою ценою, то у них и промысел... Только, государь, в том городе иногo вашего промыслу и заповеди не будет, и город ваш однолично из рук отойдет (в тексте написано «опойдет». — Д. С.)»⁶⁰. Перед нами — аутентичное редкое свидетельство турок-османов об отношении азовских жителей (не официальных властей!) к перемирию с казаками, действительно выгодному обеим сторонам.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 119.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1686 г. Д. 19. Л. 320.

⁵⁹ *Сень Д. В.* Толмачи Войска Донского в XVIII веке: Персональный состав, происхождение, функции // *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий: материалы Международной научной конференции (Москва, 12–15 сентября 2023 г.)*. М.: ИРИ РАН, 2023. С. 322–341.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1630 г. Д. 4. Л. 51–52.

А. А. Новосельский резонно указал на то, о чем умолчал азовский Умер-бей, — одним из основных источников доходов для азовцев являлись «постоянные походы на Русь за добычей. Еще любопытнее, что в 1631 г. Умер-бей был снят из Азова за то, что он сам “отпускал татар воровски на Русскую землю войною, соединясь с ними”»⁶¹. А. А. Новосельский писал также о том, что татарские нападения в 1631 г. начались по инициативе азовцев — «вокруг испытанных азовских вожей и “промышленников” объединились татары разных улусов, в первую очередь малых ногаев»⁶². Впрочем, назначенный на его должность с предписанием сохранять мир с Москвой и не допускать нападений азовцев на Русь Мустафа-паша в разговоре с послами А. Совиным и М. Алфимовым признавал в сентябре 1631 г., «что азовские люди его не слушают, а при попытке удержать их от походов грозят убийством: “В Азове де живут воры такие же, что и донские казаки, и унять их некому, ево, бея, и их, приказных людей, не слушают”»⁶³.

В расспросных речах толмача В. Кучюмова, приехавшего в Москву с Дона 5 июля 1676 г., говорилось о том, что «у донских атаманов и казаков с азовцы учинено перемирие, и за тем перемирием казаки в Азов и азовцы в Черкасской ездят и меж собою всякими товары и харчом торгуют безо всякого опасения. А учинено де то перемирие безсрочно, на сколько время они меж собою похотят»⁶⁴. В марте 1676 г. другой современник информировал царские власти: «Донские казаки, тому неделю с Азовцы замирились, и Азовцы в Черкасской к казаком, а казаки в Азов ездят для всяких торговых промыслов без перстанно (выделено мной. — Д. С.), а слышал он, что замирились на 3 месяца»⁶⁵. Не исключено, что мартовское перемирие было продлено, что можно усмотреть из показаний донского казака П. Сергеева в Посольском приказе от 8 января 1677 г. Казак показал, что, когда в июне 1676 г. «у донских атаманов и казаков и всего Войска Донского с азовцы было замиренось (так в публикации. — Д. С.), и в то де время ездил он Пахом из Черкасского в Азов для торгового своему промыслу (выделено мной. — Д. С.), и в Азове де бил челом ему русской полоняник Мирополя города полковой казак Семен Иванов сын Никанов...»⁶⁶. К слову, этот казак был в итоге окуплен П. Сергеевым у азовского татарина (в другом источнике — у турка) Абитки. Из расспросных речей некоего поручика, приехавшего с Дона от кн. П. И. Хованского 6 марта 1675 г., следует, что «с Азовцы де у Донских казаков замирено (весна 1675 г. — Д. С.). Доведены покамест вода скроецца (то есть до зимы? — Д. С.) и для того с Азовцы

⁶¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 206.

⁶² Там же. С. 205.

⁶³ Там же. С. 206.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1676 г. Д. 13. Л. 88-89.

⁶⁵ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века... С. 18.

⁶⁶ Служба донских казаков XVII век... С. 267.

никаких боев не было, и Азовцы де и Донские казаки меж себя приезжая друг к другу скот и всякий харч и дрова купят непрестанно, а задоров никаких не чинят»⁶⁷. Подчеркну, что в последнем случае информация верифицируется показаниями от 6 апреля 1675 г. другого человека — сотника Я. Григорьева⁶⁸.

Османской стороне тоже было известно о подобных контактах султанских подданных с «неверными»; как и в случае с донцами (регулярно информировавшими Москву), азовские санджакбеи не делали из этого тайны. Султанский переводчик Зульфикар-ага писал 4 октября 1650 г. из Стамбула боярину И. Д. Милославскому о том, что «ныне, после примирения, донские казаки приходят в Азов, а азовские люди ходят к донским казакам, и так предотвращается нанесение ущерба друг другу»⁶⁹. В 1648 г. казачий есаул В. Микитин сообщал в Посольском приказе о том, что «около... Черкасского городка сенных покосов много, лошадей кормить есть где, и беречь де их мощно, потому что стало меж рек, а к зиме де они готовят сена, и Крымцы де, и Ногайцы, и Азовцы сен у них не жгут, потому только де учнут сена жечь, и они де, приход под Азов, около Азова все разорят. И в том же у них с Азовцы живет мир»⁷⁰. Еще один случай относится к более позднему времени: «Зимой 1670 г. “беспрестанно азовские жители на Дон в Черкасской к казакам со всяким товары ездят, а также и они, казаки, в Азов к ним ездят же”»⁷¹. Несомненно, что такое состояние пришлось на очередное османо-казачье «замирение». Из расспросных речей станичного атамана Р. Калуженина от 27 января 1671 г. следует, что «с азовцы донские казаки ныне в миру, и положено у них меж себя: будет они, азовцы, уведают про какие крымские вести, и им о том к ним на Дон давать ведомость. А буде у них, казаков, про каких воинских людей весть будет, и им по тому ж ведомо чинить»⁷². Влияние «замирений» на активизацию торговых контактов между казаками и азовцами не подлежит сомнению; причем одно из очередных «замирений» имело место еще в начале 1690-х гг.⁷³ А в 1693 г. донские казаки сообщали о том, что, поскольку они с азовцами «в миру», то многие из них едут торговать в Азов⁷⁴. При этом есть основания полагать, что торговые контакты между давними контрагентами не утратили своего значения еще в 1680-е — первой половине 1690-х гг.

⁶⁷ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века... С. 18–19.

⁶⁸ Там же. С. 19.

⁶⁹ Мейер М. С., Фаизов С. Ф. Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатия в контексте русско-турецких взаимоотношений. М.: Гуманитарий, 2008. С. 91.

⁷⁰ Донские дела. Кн. 3. Стб. 795.

⁷¹ Новосельский А. А. Из истории донской торговли... С. 215.

⁷² Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. / сост. Е. А. Швецова, ред. А. А. Новосельский. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. Ч. II. С. 101.

⁷³ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 12.

⁷⁴ *Voesk B. J. Imperial Boundaries...* P. 48.

ВЫВОДЫ

Исследование показало многообразие форм пограничной жизни и традиционных внеконфронтационных отношений местных сообществ — донских казаков и полиэтничного населения османской крепости Азов. Полагаю, что экономическая мотивация играла самую существенную роль в системных контактах Войска Донского с Азовом, причем набеговая активность противников была связана с традиционными для местного пограничья разновидностями экономической деятельности. Эти занятия влияли на уровень благосостояния обеих сторон, снабжение которых с территории метрополий периодически прерывалось или оказывалось недостаточным. Показана органическая и системная взаимосвязь факторов, способствовавших развитию межкультурной коммуникации сторон, включая их языковые, торговые связи, пограничную дипломатию, обмен информацией в ходе официальных контактов, разведывательную деятельность, рассказы перебежчиков и т. п. Невзирая на существенные (исторически сложившиеся) противоречия между сторонами, указанные контакты оказывались выгодны казакам и азовцам не ситуативно, но на постоянной основе. Недаром в регионе развивались взаимные обмены и торговля (продуктами питания, солью, скотом, дровами и пр.), в том числе предполагавшие скупку населением крепости имущества, захваченного казаками в походах. Подобная «теневая экономика» местного пограничья соответствовала симбиотическим связям его предприимчивого полиэтничного населения, нуждавшегося в дополнительных способах выживания.

Проанализированы роль и значение так называемых замирений Войска Донского и османского Азова в активизации между ними торговых и иных невоенных контактов, включая взаимную торговлю. Доказано, что «замирения» приводили к существенному снижению военного противостояния в регионе; они же способствовали интенсификации между казаками и азовцами так называемых окупных и разменных операций с невольниками, а также других форм межкультурной коммуникации, привычных населению местного пограничья (языковые практики, обмен информацией и пр.). Немалую роль в пограничном диалоге казаков и азовцев и их взаимном культурном «узнавании» сыграли толмачи и мировщики, которых можно уверенно отнести к «культурным медиаторам». Обе стороны придавали существенное значение их персональному составу, направляя для результативных переговоров, как правило, своих «лучших людей». Выявлен еще один важный канал межкультурной коммуникации, связанный с деятельностью нарушителей войскового права, включая беглецов и «переметчиков» с Дона в Азов, а также из Азова на Дон. Подобные действия совершались под влиянием разных причин, являлись повторяющимися и, судя по всему, привычными для полиэтничного населения «пристого» местного пограничья.

Источники

- Донские дела. Кн. 1. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1898. Кн. 3. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1909. Кн. 4. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. Кн. 5. Петроград: Тип. Министерства земледелия, 1917.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографического комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. Т. 12. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1872.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. / сост. Е. А. Швецова, ред. А. А. Новосельский. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. Ч. II.
- [Попов А. Н.] Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М.: Тип. Л. Степановой, 1857.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА):
- Ф. 89. Сношения России с Турцией.
- Оп. 1. 1613. Д. 2.
- Оп. 1. 1614 г. Д. 1.
- Оп. 1. 1622 г. Д. 1.
- Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Ч. 1.
- Оп. 1. 1630 г. Д. 4.
- Ф. 111. Донские дела.
- Оп. 1. 1676 г. Д. 13.
- Оп. 1. 1685 г. Д. 11.
- Оп. 1. 1686 г. Д. 3.
- Оп. 1. 1686 г. Д. 19.
- Оп. 1. 1687 г. Д. 13.
- Оп. 1. 1688 г. Д. 9.
- Оп. 1. 1692 г. Д. 1.
- Оп. 1. 1693 г. Д. 10.
- Оп. 1. 1695 г. Д. 12.
- Оп. 1. Кн. 3.
- Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами.
- Оп. 1. 1629 г. Д. 1.
- Ф. 159. Приказные дела новой разборки.
- Оп. 1. Д. 2221.
- Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола.
- Стб. 1406.
- Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград: [б. и], 2015. Вып. 5.
- Сыскные дела о донских казаках: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В. А. Гусев. Волгоград: [б. и], 2017. Вып. 10.

Литература

- Боук Б. М. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: материалы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.) / отв. ред. А. Н. Мануйлов. Краснодар: Вольные мастера, 2001. С. 147–155.
- Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889.
- Кусаинова Е. В., Сень Д. В. Донское казачество и тюрко-татарский мир // История донского казачества: в 3 т. / отв. ред. А. И. Агафонов. Т. 1. Донское казачество в середине XVI — начале XVIII в. / отв. ред. Д. В. Сень. Ростов-н/Д: Омега Паблишер, 2020. С. 135–152.
- Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Т. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
- Мейер М. С., Фаизов С. Ф. Письма переводчика османских падишахов Зульфикара-аги царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, 1640–1656: турецкая дипломатия в контексте русско-турецких взаимоотношений. М.: Гуманитарий, 2008.
- Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1998.
- Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 198–216.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. Волгоград: Перемена, 1993.
- Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений в условиях вынужденного соседства // Казачество в тюркском и славянском мирах: коллективная монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. С. 225–235.
- Сень Д. В. Толмачи Войска Донского в XVIII веке: Персональный состав, происхождение, функции // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий: материалы Международной научной конференции (Москва, 12–15 сентября 2023 г.). М.: ИРИ РАН, 2023. С. 322–341.
- Сень Д. В. «Замирения» Войска Донского и османского Азова во второй половине XVII в.: продолжение или угасание традиции? // Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России (к 85-летию профессора В. Н. Ратушняка) / отв. ред. В. В. Касьянов, О. В. Матвеев. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 289–311.
- Сухоруков В. [Д]. Историческое описание Земли Войска Донского / комм., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. Ростов-н/Д: ГинГо, 2001.
- Voeseck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

References

- Boeck, B. M., 2001. *Frontier or Borderland? The Role of Unsteady Borders in the History of the Don Cossacks*. In: A. N. Manuilov, ed., 2001. *Social Organization and Customary Law. Materials of the Scientific Conference (Krasnodar, August 24–26, 2000)*. Krasnodar: Vol'nye mastera, pp. 147–155. (In Russian)
- Boeck, B. J., 2009. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Druzhinin, V. G., 1889. *The Split on the Don at the end of the 17th Century*. Saint Petersburg: Tipografia I. N. Skorokhodova. (In Russian)
- Kusainova, E. V., Sen', D. V., 2020. Don Cossacks and the Turkic-Tatar World. In: A. I. Agafonov, ed., 2020. *History of the Don Cossacks*. In 3 volumes. Sen' D. V., ed. Volume 1. *Don Cossacks in the mid-16th — early 18th Centuries*. Rostov-on-Don: Omega Publisher, pp. 135–152. (In Russian)
- Kuts, O. Iu., 2009. *Don Cossacks in the Period from the Capture of Azov to the Uprising of S. T. Razin (1637–1667)*. St Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian)
- Meier, M. S., Faizov, S. F., 2008. *Letters of the Translator of the Ottoman Padishahs Zulfikar Aga to the Tsars Mikhail Fedorovich and Alexei Mikhailovich, 1640–1656: Turkish Diplomacy in the Context of Russian-Turkish Relations*. Moscow: Gumanitarii. (In Russian)
- Mininkov, N. A., 1998. *Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo RGU. (In Russian)
- Novosel'skii, A. A., 1948. *From the History of the Don Trade in the 17th Century*. In: *Istoricheskie Zapiski*, 26, pp. 198–216. (In Russian)
- Novosel'skii, A. A., 1948. *The Struggle of the Moscow State with the Tatars in the first half of the 17th Century*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)
- Riabov, S. I., 1993. *The Don Land in the 17th Century*. Volgograd: Peremena. (In Russian)
- Sen', D. V., 2018. Don Cossacks and Ottoman Azov: Culture of Border Relations in Conditions of Forced Neighborhood. In: V. V. Gribovskii, V. V. Trepavlov, eds. *Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds*. Kazan: Institut arkhologii imeni A. Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2018, pp. 225–235. (In Russian)
- Sen', D. V., 2023. Tolmachi of the Don Host in the 18th Century: Personnel, Origin, Functions. In: *Translators and Translations in Russia in the Late 16th — Early 18th Centuries: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, September 12–15, 2023)*. Moscow: Institute of Russian History Publ., 2023, pp. 322–341. (In Russian)
- Sen', D. V., 2024. So-called “peacemaking” (“zamireniye”) of the Don Host and the Ottoman Azov in the Second Half of the 17th Century: Continuation or Extinction of Tradition? In: V. V. Kas'ianov, O. V. Matveev, eds., 2024. *Questions of the History and Culture of the North Caucasus, the Cossacks of the South of Russia (On the 85th Anniversary of Professor V. N. Ratushnyak)*. Krasnodar: KubGU, pp. 289–311. (In Russian)
- Sukhorukov, V. [D]., 2001. *Historical Description of the Land of the Don Host*. Comments, additions, introduction article by N. S. Korshikov and V. N. Korolev. Rostov-on-Don: GinGo. (In Russian)

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ В «ВОЕННОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ЛЕКSIKОНЕ»

Артём Юрьевич Перетяtko

Кандидат исторических наук,
заведующий научной лабораторией,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
Почтовый адрес: ул. Б. Садовая, 105/42,
Ростов-на-Дону, 344006, Россия
Электронный адрес: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Аннотация

В рамках научной этнографии XIX в. господствовало представление о важности лингвистического фактора для классификации народов (материалы несостоявшейся Второй всеобщей переписи населения Российской империи считали родной язык респондента «определяющим его национальность», языковой критерий классификации народов считался определяющим в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»). В статье показано, что и за пределами научного дискурса получили определенное распространение представления о том, что непременным атрибутом отдельного народа является самостоятельный язык (например, классик российской литературы М. Е. Салтыков-Щедрин и донской поэт А. А. Леонов отказывались признать донских казаков народом, указывая на отсутствие у них своего языка). Однако подобные представления нельзя считать общепринятыми. В частности, в авторитетнейшем «Военном энциклопедическом лексиконе», издававшемся военными, в целом ряде статей народы классифицируются не по лингвистическому фактору. Д. А. Милютин для народов Африки использовал классификацию по внешним физическим свойствам, Н. В. Савельев-Ростиславич для славян — классификацию по «месту обитания», а редактор энциклопедии Л. И. Зедделер в страноведческих статьях просто перечислял народы без всякой системы. Более того, из трех этих авторов только у Д. А. Милютина был относительно понятный терминологический аппарат, и только он упоминал современные языки описываемых им народов. В более позднем военном словаре XIX в., «Энциклопедии военных и морских наук», также есть статьи, в которых народы классифицируются по не вполне понятным и, вероятно, не языковым критериям. Таким образом, как минимум у части военных Российской империи XIX в. не только отсутствовало четкое представление о том, что каждый народ должен иметь свой язык, — допускалось полное игнорирование лингвистических вопросов в страноведческих и народоведческих текстах.

Ключевые слова

Любительская этнография, народ, язык, классификация народов, Д. А. Милютин, Л. И. Зедделер, Н. В. Савельев-Ростиславич

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2025 г.

Статья доработана автором 11 июня 2025 г.

Статья принята в печать 15 июня 2025 г.

Цитирование: *Перетяtko А. Ю.* Нелингвистические критерии классификации народов в «Военном энциклопедическом лексиконе» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 27–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.02>

NON-LINGUISTIC CRITERIA OF PEOPLES' CLASSIFICATION IN THE "MILITARY ENCYCLOPEDIA LEXICON"

Artyom Yu. Peretyatko

Ph. D., Head of the Science Laboratory,
Institute for Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
Postal address: B. Sadovaya Street, 105/42,
Rostov-on-Don, 344006, Russia
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2779-2223

Abstract

In scientific ethnography of the 19th century the idea about the importance of linguistic factor in peoples' classification was prevalent (the failed Second general census of the population of the Russian Empire considered respondent's native language to "determine his nationality"; language criterion of peoples' classification was deemed determinant in the "Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary"). The article shows that notions about language being an indispensable attribute of a separate people had somewhat spread beyond the scientific discourse too (for example, the classic of Russian literature M. Ye. Saltykov-Shchedrin and the Don poet A. A. Leonov refused to consider the Don Cossacks a people, pointing out their lack of unique language). However, such notions cannot be considered universally accepted. In particular, the "Military Encyclopedic Lexicon", which was published by the military, has a number of articles where peoples are not classified by linguistic factor. D. A. Milyutin used classification by physical appearances and features for the peoples of Africa, N. V. Savelyev-Rostislavich — classification by "places of habitation" for the Slavs, and the editor of this encyclopedia, L. I. Seddeler, just unsystematically listed the peoples in his articles on regional geography. Moreover, of these three authors only D. A. Milyutin used a relatively consistent terminology, and only he mentioned at all the contemporary languages of the peoples he was describing. The "Encyclopedia of Military and Naval Sciences", a later military dictionary of the 19th century, also has articles in which peoples are classified by criteria not wholly understandable and, probably, non-linguistic. Thus, not only a clear understanding that every people must have their own language was absent among the military of the 19th century Russian Empire — it was acceptable to completely ignore linguistic issues in the texts on regional geography and ethnography.

Keywords

Amateur ethnography, people, language, peoples' classification, D. A. Milyutin, L. I. Seddeler, N. V. Savelyev-Rostislavich

Funding

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University ("Priority 2030").

Received 9 February 2025

Revised 11 June 2025

Accepted 15 June 2025

For citation: Peretyatko, A. Yu., 2025. Non-Linguistic Criteria of Peoples' Classification in the "Military Encyclopedic Lexicon". *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 27–52. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.02>

В сентябре 1915 г. подготовка Второй всеобщей переписи населения Российской империи дошла до стадии разработки наставлений для сельских и городских переписчиков, направленных для обсуждения, в частности, властям Области Войска Донского¹. Нас в наибольшей степени интересует инструкция по заполнению одной из граф: «Здесь записывается название того языка, который каждый считает для себя родным, то есть определяющим его национальность»². Таким образом, предполагалось совершенно однозначно зафиксировать привязку национальности к языку. Данный критерий определения национальности доминировал в XIX в. в научной мысли, среди лингвистов и антропологов, в том числе и российских. Как мы видим, в итоге он оказался принят и имперским правительством (так, наставления для переписчиков Второй всеобщей переписи населения составлялись особым совещанием по подготовке переписи при министерстве внутренних дел)³.

М. В. Лескинен был предложен небольшой обзор того, как в этом столетии менялись воззрения российских этнографов на роль языка в классификации народов⁴. Она отмечает, что еще Г. Ф. Миллер считал языковой критерий определяющим для выявления родства народов: «Характерное различие народов состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо все это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки сходны, там нет различия между народами, где языки различны, тем нечего искать единоплеменности»⁵. Критика подобного подхода началась как минимум с 1830-х гг., когда отдельные исследователи предлагали в рамках этнографической классификации учитывать, помимо языка, вероисповедание и сословную принадлежность, однако в целом языковой критерий позиционировался определяющим для «этнографической классификации» даже в соответствующем томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона⁶. В рамках Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. этническая / национальная принадлежность респондентов не определялась (то есть прямой вопрос о том, к какой народности или племени относят себя опрошиваемые, не задавался), однако

¹ Государственный архив Ростовской области. Ф. 353 (Областной Войска Донского статистический комитет г. Новочеркасск). Оп. 1. Д. 710 (Материалы по организации 2-й всеобщей переписи населения: списки населенных мест ОВД по заседательским участкам и районам, формы переписных ведомостей и переписка с центральным статистическим комитетом и местными учреждениями). Л. 375-385об.

² Там же. Л. 379.

³ Там же. Л. 372.

⁴ Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. С. 155-202.

⁵ Цит. по: Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 155.

⁶ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 156.

фиксируется родной язык⁷. Все это позволяет М. В. Лескинен сделать вывод о том, что даже в конце XIX в. язык оставался важным критерием классификации народов, хотя и утратил прежнее абсолютное значение, причем, как считает исследовательница, «его роль признавалась более в теоретических построениях — например, в вопросах этногенеза в историко-сравнительных исследованиях, нежели в практической области идентификации изучаемых объектов»⁸.

Здесь нам представляется уместным кратко отметить тот факт, что использование языкового фактора для классификации народов неизбежно порождало целый ряд теоретических и практических вопросов, на которые наука XIX в. пыталась дать ответ. В частности, требовалось провести границы между языками и наречиями (как отмечает М. В. Лескинен, к концу этого столетия «язык понимался как лингвистическое соответствие этносу, а наречие — субэтносу»⁹), определить, как соотносится развитие народа с развитием его языка (например, в контексте письменных и бесписьменных языков) и т. д. Однако для этнографии все эти вопросы были принципиально важны только в том случае, если сам языковой фактор признавался важным для классификации народов. В данной статье мы хотим показать, что за пределами научного дискурса ученых-гуманитариев в XIX в. значение языкового фактора для подобной классификации могло не учитываться, вплоть до полного невнимания к лингвистическим вопросам при описании народов.

РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ФАКТОРА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПОСТРОЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ АВТОРОВ XIX В.

Оговорим, впрочем, что нам известны и случаи, когда лингвистический критерий использовался непрофессионалами в качестве важнейшего признака, определяющего сам факт существования / несуществования того или иного народа. В этом отношении показательна критика М. Е. Салтыковым-Щедриным анонимной статьи «Донской сепаратизм», опубликованной в «Московских ведомостях»¹⁰. Данная статья имела достаточно сложную структуру: в ней обильно цитировалась другая статья, И. Краснова (вероятно, известного донского генерала и писателя И. И. Краснова), появившаяся в «Санкт-Петербургских ведомостях» ранее, причем если И. Краснов писал о «местном патриотизме» донских казаков, то «Московские ведомости» предлагали интерпретировать подобный «патриотизм» как эвфемизм для обозначения сепаратизма¹¹.

⁷ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 201-202.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ Донской сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 89. С. 2.

¹¹ Там же.

М. Е. Салтыков-Щедрин, полемизируя с этой статьей, иронически выделял множество других «российских «сепаратизмов», выразившихся в попытках защитить / получить особый статус отдельными категориями жителей Российской империи («Мещане имеют право производить известные промыслы и торговать в розницу шнурочками, на что крестьяне прав не имеют, — сепаратизм»; «Чиновники имеют право состоять на службе, на что огромное большинство населения Российской империи прав не имеет, — сепаратизм» и т. п.)¹². Ключевым фактором, не позволяющим допустить самое существование донского сепаратизма, М. Е. Салтыков-Щедрин считал отсутствие у донских казаков собственного языка, причем его высказывания на этот счет достаточно красноречивы, чтобы привести их подробно: «Донцы-молодцы! куда же вы стремитесь? И где тот Кулиш, который будет сочинять для вас буквари? где тот Костомаров, который будет издавать их? И на каком языке будут сочиняться эти буквари? Кому известен язык Земли Войска Донского? Есть ли в нем слова “хиба”, “вже” и проч., совершенно необходимые для образования сильного и самостоятельного языка?»¹³. При этом М. Е. Салтыков-Щедрин не объяснял, почему он считает возможным существование сепаратизма только у групп населения, имеющих собственный язык. Как нам представляется, это было связано с тем, что он видел важнейшим критерием выделения отдельного народа наличие у его представителей «своего» языка. Соответственно, в рамках подобной логики говорить о «сепаратизме» казаков — как и мещан или чиновников — можно было только в кавычках. И эта логика представлялась М. Е. Салтыкову-Щедрину достаточно очевидной, чтобы не расшифровывать ее специально.

Интересно, что рассуждения М. Е. Салтыкова-Щедрина очень близки к ряду высказываний донского поэта А. А. Леонова из известной речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского» (эта речь, прочитанная в 1854 г. в Новочеркасской гимназии, была не так давно специально проанализирована А. А. Волвенко¹⁴). Отметим, что А. А. Леонов был достаточно важной фигурой для донского казачества XIX в.: другими донскими авторами он позиционировался как крупнейший казачий поэт, а на его первый сборник стихотворений сдержанно-благожелательную рецензию написал сам В. Г. Белинский¹⁵. В своей речи А. А. Леонов обвинял профессиональных русских историков в непонимании донского казачества, причем особенно критически отзывался о Н. Г. Устрялове, якобы рассматривавшем

¹² Салтыков-Щедрин М. Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 7–9.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ Волвенко А. А. О чем говорил учитель русского языка войсковой старшина А. Леонов «на торжественном акте» Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 года? // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 134–145.

¹⁵ Чеканов Н. Очерк из истории литературной деятельности на Дону. Характер и быт казачества в поэзии А. А. Леонова. Харьков, 1888. С. 3–16.

казачество в качестве «особенного народа»¹⁶. Нас интересует только один аргумент, который А. А. Леонов выдвигал против того, чтобы считать казаков отдельным народом. Он совершенно четко писал: «Понятие о народе отдельном, самобытном, предполагает союз родов и целых племен, говорящих непременно своим собственным, им только одним принадлежащим, языком»¹⁷. Донские же казаки, как считал А. А. Леонов, искони говорили «чисто русским языком, великорусским наречием его» — и потому не могли «быть почитаемы за народ, отдельный от русских»¹⁸. Таким образом, с точки зрения А. А. Леонова, свой собственный язык был обязательным критерием для выделения особого народа. Заслуживает внимания и тот факт, что донской поэт вполне корректно с точки зрения науки своей эпохи использовал понятие «наречие», уточнив, что донские казаки якобы говорили не просто на русском языке, но на являющемся частью этого языка великорусском наречии (вопрос об обоснованности этого утверждения нас сейчас не интересует, только корректность терминологии).

В то же время, анализируя историко-статистические описания Земли / Области Войска Донского, выполненные в XIX в. местными авторами, мы регулярно сталкиваемся с полным игнорированием лингвистического фактора при классификации местных групп населения и крайне малым вниманием к лингвистическим вопросам вообще. Например, в классическом для донского историописания «Статистическом описании Земли Донских казаков, составленном в 1822–32 годах» выделялось три «племена» местных жителей — казаки, крестьяне и калмыки¹⁹. Сведения о языке указывались только для казаков, причем подчеркивалось, что часть из них говорит «более наречием великорусским», а другая часть — «более наречием малороссийским» (то есть данная группа была выделена не по критерию единства наречия)²⁰. Таким образом, из достаточно объемного исследования, описывающего Землю Войска Донского, сведения о лингвистической ситуации в крае зачастую можно было понять только по косвенным фактам: например, о существовании калмыцкого языка говорилось не при описании калмыков, но в связи с использованием казаками заимствованных «слов татарских и калмыцких»²¹. Для приоритетов данной книги очень показательным, что при таком невнимании к лингвистическим вопросам — которым не было специально посвящено ни одного раздела ни в одной из глав — целая глава была посвящена регалиям Войска Донского, пожалованным российскими монархами²².

¹⁶ *Артинский И. П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. С. 384.

¹⁷ Там же. С. 385.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Сухоруков В. Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891. С. 91.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 237–258.

Для секретаря Донского областного статистического комитета С. Ф. Номикосова, написавшего в 1880-е гг. «Статистическое описание Области Войска Донского», ключевым признаком для выделения в донском населении значимых групп, которые затем подробно описывались, фактически был народный быт, а не язык — в результате чего говорившие на различных диалектах русского языка казаки, местные крестьяне и крестьяне из других губерний оказывались отнесены к разным группам²³. Отметим также, что эти группы С. Ф. Номикосов никак специально не именовал — ни народами, ни племенами, ни сословиями²⁴. В то же время, кратко описывая деление местного населения на «племена» — которые, напротив, не описывались вообще за исключением одного факта их проживания в регионе, — С. Ф. Номикосов относил почти всех местных жителей, включая заведомо не русскоязычных греков, к «русским»²⁵. Лингвистическим вопросам снова не было посвящено ни одного специального раздела, и только в главе о народном быте кратко упоминались особенности речи различных групп местного населения (например, для казаков описание этих особенностей занимало менее страницы и в основном сводилось к описанию произношения низовых казаков, говоривших «Ванька» (Ванька), «Хведя» (Федя), «впали» (упали) и т. д.)²⁶.

Таким образом, мы сталкиваемся с интересной ситуацией. С точки зрения российских ученых-этнографов XIX в. язык был важен для классификации народов и определения степени их родства. Дискуссии в их среде затрагивали вопрос о том, является ли лингвистический признак для классификации народов определяющим или просто важным, — но существенное значение этого признака признавалось всеми. Подобные взгляды, безусловно, получили определенное распространение и за пределами ученой среды. Для М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. А. Леонова было очевидно, что донских казаков нельзя считать способными к сепаратизму или называть отдельным народом, и основанием для этого служило как раз отсутствие у них самостоятельного языка. В рамках подобной логики тот факт, что донские казаки говорят на русском языке, заставлял однозначно относить их к русскому народу.

Однако в историко-статистических описаниях Земли / Области Войска, выполненных местными авторами, деление местного населения на группы производилось без учета языкового фактора. Более того, лингвистическим вопросам в этих описаниях уделялось очень мало места. И это позволяет нам говорить о том, что как минимум в донском любительском народоопи-

²³ Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. С. 297–335.

²⁴ Там же. С. 297–335.

²⁵ Там же. С. 279–281.

²⁶ Там же. С. 299.

сании XIX в. идеи важности лингвистического принципа для классификации народов и, шире, понимания необходимости характеристики местных языков / наречий при описании края еще не стали общепринятыми.

Мы бы хотели здесь обратить особое внимание на то, что наше противопоставление ученых-этнографов и местных казачьих авторов предполагает не качественное, но дискурсивное различие между ними. Мы отнюдь не считаем, что практиковавшаяся учеными-этнографами классификация народов по лингвистическому принципу была «лучше», например, классификации С. Ф. Номикосовым значимых групп донского населения по народному быту (для практического управления регионом вторая классификация могла быть даже полезнее). Речь идет только о том, что донской автор XIX в. мог осознавать существующее в рамках научного дискурса соответствие языка народу, а наречия — части этого народа. Но мог он и не знать / не понимать / не принимать этого соответствия, уделяя лингвистическим вопросам минимум внимания, считая для характеристики своего региона гораздо более важным не то, на каких языках / наречиях говорят его жители, но, например, то, какой набор регалий имеет Донское Войско (что, опять же, не являлось ошибкой, но говорило о иных приоритетах описателя).

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ?

Нам представляется вероятным, что мы имеем дело не с какой-либо казачьей или региональной спецификой, но с явлением более общего характера. Прежде всего, достаточно очевидно, что формирующиеся и изменяющиеся в научном мире классификации народов совершенно не обязательно сразу становятся общепринятыми в обществе в целом, поскольку требуется какое-то время на их популяризацию. Приведем любопытный пример. В 1822 г. чешским ученым Й. Добровским было предложено разделение славянских языков на две группы: восточнославянскую (куда относились и языки, позднее выделенные в третью, южнославянскую группу) и западнославянскую²⁷. Однако уже в 1836 г. Н. И. Надеждин, опираясь на новые лингвистические труды другого чешского ученого, П. Й. Шафарика, заявил о том, что русский язык следует рассматривать отдельно от прочих славянских, а в 1837 г. в «Энциклопедическом лексиконе» он предложил делить славян по принципу родства их языков на три «племена»: восточное, северо-западное и юго-западное, причем эти «племена» по входящим в них народам уже примерно соответствовали современным восточным, западным и южным славянам²⁸. Однако даже через полтора десятилетия, в 1854 г., в книге Н. Ланге «Обозрение Австрийской империи» (первоначально напечатанной в качестве статьи в популярном журнале «Библиотека

²⁷ Лескинен М. В. Великокоросс/великорус... С. 171.

²⁸ Там же. С. 173–175.

для чтения»²⁹) еще использовалась классификация славян на основе деления их языков, предложенного Й. Добровским: выделялись только западные и восточные славяне, причем «винды» (словенцы), сербы и хорваты относились к последним³⁰.

Обратим теперь внимание на то, что и работа Н. Ланге, и историко-статистические описания Земли / Области Войска Донского, выполненные местными авторами, представляют собой популярные описания регионов, написанные лицами, не являвшимися профессиональными историками, географами и этнографами. Возможное исключение здесь составляет Н. Ланге, точной информации о котором нам не удалось найти. Возможно, это был Н. И. Ланге – известный российский юрист, автор книг по истории права и чиновник второй половины XIX в., в таком случае и он не был историком, географом или этнографом.

В контексте нашего исследования важно, что жанр популярного описания региона, выполненного не ученым-гуманитарием, был достаточно распространен в середине XIX в., когда только Военным министерством Российской империи было издано две серии статистических описаний регионов: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» (в обеих сериях были и тома, посвященные Земле Войска Донского³¹). Таким образом, для Российской империи XIX в. было нормальным, неисключительным явлением то, что описание того или иного региона / страны составлялось автором, не имевшим специальной исторической, географической или этнографической подготовки. И эти авторы работали в условиях, когда, как мы видели выше, сама система научной классификации народов только формировалась и классификации сменяли друг друга за очень небольшой промежуток времени (как классификацию славян по Й. Добровскому сменила классификация по П. Й. Шафарыку).

Таким образом, в XIX в., во-первых, российская этнография переживала период бурного развития; во-вторых, ее новые открытия и теории, которые могли противоречить старым, не всегда сразу усваивались обществом; в-третьих, существовал обширный пласт работ, который создавался не профессиональными учеными, а, например, военными или региональными донскими авторами. Как мы увидим далее, подобные авторы могли не просто описывать народы, но и предлагать те или иные системы их классификации.

²⁹ Ланге Н. Обозрение Австрийской империи. СПб.: Тип. Штаба отд-го корпуса вв. стражи, 1854. Форзац.

³⁰ Там же. С. 19–24.

³¹ Штюмер Л. Л. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11, Ч. 5: Земли Войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1852; Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.

В этом контексте мы бы хотели обратить внимание на резонное заключение лингвиста А. И. Грищенко: «Сколько бы научных теорий этноса ни существовало, все они находятся за пределами наивных этнических картин мира, определяемых в т. ч. естественными человеческими языками» — и в итоге «наивные, до- и посттерминологические, значения слов *народ*, *нация*, *этнос* и их производных формируют этническую картину мира, конкурирующую с научными теориями»³². Таким образом, научные представления о народах и этносах относятся к научному дискурсу, а не языку в целом, но и люди, не знакомые с научным дискурсом, испытывают потребность в классификации народов. И в этом контексте как раз содержащиеся элементы классификации народов работы авторов, не являющихся учеными-гуманитариями и не знакомых с научным дискурсом или отвергающих его, заслуживают специального изучения, поскольку из них можно выявить, какие формы может приобретать сравнительно редко изучаемая этническая картина мира, формируемая не научными теориями этноса, а дотерминологическими представлениями о народах.

И в случае с Российской империей XIX в. мы располагаем даже не отдельными подобными работами, но богатейшей их совокупностью, связанной в том числе с творчеством военных авторов (включая казачьих). Особое же значение имеют военные энциклопедические словари как общедоступные источники информации о народах. Первым масштабным военным энциклопедическим словарем Российской империи стал «Военный энциклопедический лексикон», вышедший в 1837–1852 гг. И, как мы покажем, в нем предлагались классификации народов целого ряда регионов и стран, но при этом языковой принцип не лежал в их основании, а лингвистические вопросы в целом мало интересовали большинство авторов соответствующих статей.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ АФРИКИ Д. А. МИЛЮТИНЫМ

О том, как была организована работа над «Военным энциклопедическим лексиконом», известно, в частности, из монументальных воспоминаний Д. А. Милютин. Д. А. Милютину (на тот момент совсем молодому офицеру, только что окончившему Императорскую военную академию, будущую Николаевскую академию Генерального штаба) поручили написать для «Военного энциклопедического лексикона» целый ряд статей, причем как математических (например, «Алгебра» и «Астрономия»), так и военных («Армия») и географических («Африка») ³³. Как раз статья «Африка», со-

³² Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима — семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М.: РУДН, 2011 С. 439.

³³ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. Т. I. Томск: Военная акад., 1919. С. 144.

державшая этнографический раздел, первоначально не устроила редактора энциклопедии, бывшего вице-директора Императорской военной академии барона Л. И. Зедделера, и он вернул ее автору на переработку, причем позднее сообщал Д. А. Милютину, что сделал это «по предварительном совещании с опытными специалистами»³⁴.

Неизвестно, о каких специалистах речь, но даже в опубликованной в итоге статье «Африка» классификация местных народов не учитывает их язык, апеллируя к внешним физическим свойствам. Д. А. Милютин делит все местное население на два «главнейших поколения»³⁵: «собственно африканское, или негрское, черное» и «кавказское, белое»³⁶. Вообще, в научной литературе первой половины XIX в. такие термины, как «поколение», «племя», «народ», обычно употреблялись в рамках некоей иерархии: например, в «Энциклопедическом лексиконе» Н. И. Надеждин делил славян в целом на племена (в частности, племенем были восточные славяне), а племена — на поколения или народы³⁷. Д. А. Милютин тоже выстраивал иерархию этих терминов, хотя и несколько иную. Сначала он писал о «негрском» «поколении», а затем о «черном племени, или неграх»³⁸. Описав африканские «главнейшие поколения», Д. А. Милютин отдельно выделил еще и «кафров и бушманов», причем тоже по внешним физическим свойствам: в его интерпретации они «весьма близки к неграм и отличаются от них только более тупым лицевым углом и оттенком цвета тела»³⁹. А затем — и это важно для понимания его классификации — Д. А. Милютин указал, что «прочие народы» Африки относятся к одному из «трех исчисленных поколений» или возникли от смешения неких «пород»⁴⁰. Таким образом, судя по всему, для Д. А. Милютина термины «поколение» и «племя» были синонимичны и обозначали группу народов. Его терминологический аппарат отличается как от тезауруса Н. И. Надеждина, так и, как мы увидим далее, от других авторов «Военного энциклопедического лексикона». Учитывая тематику данной статьи, мы воздержимся от анализа того, как терминология авторов соотносилась с научными представлениями эпохи (на наш взгляд, это тема для отдельной статьи), ограничившись реконструкцией ее логики.

Хотя предложенная Д. А. Милютиным классификация народов Африки основывалась исключительно на их внешних антропологических при-

³⁴ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала... С. 145.

³⁵ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1837. Ч. I. С. 699.

³⁶ Там же.

³⁷ Лескинен М. В. Великоросс/великорус... С. 174.

³⁸ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. С. 699.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

знаках, военный писатель касался и вопроса классификации африканских языков. Он лаконично писал, что «языки африканских народов еще менее известны, и нет возможности подвести их под какую-нибудь классификацию»⁴¹. Следовательно, Д. А. Милютин считал вопрос лингвистической классификации населения достаточно важным, чтобы рассмотреть его в обзорной статье о континенте, даже если информации о языках его жителей почти не было. Более того, о делении жителей Африки на народы и об их языках Д. А. Милютин писал в одном абзаце⁴². Это позволяет как минимум предполагать, что, *возможно*, если бы в данном случае автор обладал большим объемом лингвистических сведений об описываемых им народах, он бы дополнил их классификацию и языковым критерием. Однако в целом мы можем констатировать, что в своем описании народов Африки для «Военного энциклопедического лексикона» Д. А. Милютин уделит некоторое внимание лингвистическим вопросам, но классифицировал местные народы исключительно по внешним физическим свойствам.

В то же время мы бы хотели обратить внимание на то, что Д. А. Милютин, несмотря на крайне ограниченный объем известной в то время информации об африканских народах, сумел предложить ясную систему их классификации, основанную на очевидном нелингвистическом признаке. Нам показалось необходимым привести пример подобной классификации; в статьях, описывающих славянские народы, мы ничего подобного не увидим.

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛАВЯН Н. В. САВЕЛЬЕВЫМ-РОСТИСЛАВИЧЕМ

Статья «Славяне» в «Военном энциклопедическом лексиконе» подписана «Н.В.С.-Р.»⁴³. Из списка сотрудников, участвовавших в составлении энциклопедии, следует, что это Н. В. Савельев-Ростиславич⁴⁴. Ныне этот автор почти забыт, однако его привлечение к составлению военной энциклопедии представляет собой важный и интересный казус.

Дело в том, что Н. В. Савельев-Ростиславич, в отличие от Д. А. Милютина, не принадлежал в полной мере к военной среде, но пытался войти в круг признанных ученых-славяноведов. Родившийся в 1815 г., в 1836 г. он окончил Московский университет, в 1839–1848 гг. служил в ведомстве Военно-учебных заведений, преподавая, в частности, в Пажеском и Павловском кадетском корпусах, в 1848 г. из-за болезни вышел в отставку и в 1854 г. умер от чахотки⁴⁵. Однако амбиции Н. В. Савельева-Ростиславича

⁴¹ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. С. 699.

⁴² Там же.

⁴³ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. Ч. XII. С. 288.

⁴⁴ Там же. Без страницы.

⁴⁵ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 111–127.

были связаны не с педагогической или военной карьерой, а с академическим успехом.

Он учился у Ю. И. Венелина⁴⁶, который являлся не только одним из первых российских исследователей Болгарии, но и сторонником идей, удрежняющих и возвеличивающих славянскую историю, вплоть до утверждений о том, что Аттила был «русским царем», а его империя представляла собой «Россию, державу между Дунаем и Волгою»⁴⁷. По оценке А. А. Рыбалка, Н. В. Савельев-Ростиславич «резвым и бойким пером легко возводил в квадрат самые смелые и необдуманые идеи» Ю. И. Венелина⁴⁸. К подобной характеристике следует добавить крайне своеобразные личные претензии Н. В. Савельева-Ростиславича. В IX томе «Энциклопедического лексикона» в списке авторов его полное имя, вероятно, по его собственному желанию, приводилось так: «Александр Непомук Николай Мария Буриной Венцеслав Светомир князь Ростиславич»⁴⁹. На самом деле интересующий нас персонаж был рожден с фамилией «Савельев», однако впоследствии пытался доказать, что является потомком некоего Ростислава, болгарского боярина и потомка болгарских царей, и племянницы русского патриарха Иоакима — и принять связанную с этим фамилию «Ростиславич»⁵⁰. Более того, на основании семейного архива Н. В. Савельева-Ростиславича, который больше никто не видел, другой историк-любитель, Н. В. Елагин, описал якобы организованное вышеупомянутым Ростиславом «второе Тырновское восстание 1686 г.» — событие, в советское время включенное даже в крупнейшие энциклопедии, но не зафиксированное никакими другими источниками⁵¹. При всем этом, Н. В. Савельев-Ростиславич пользовался определенным признанием не только среди частных лиц (например, группа болгар из Одессы преподнесла ему адрес, прося написать историю Болгарии), но и в Московском университете (в 1844 г. ему разрешили читать там курс «о русских и болгарских древностях, объясняемых всеславянскими и общеевропейскими»⁵²).

Таким образом, если классификацию африканских народов в «Военном энциклопедическом лексиконе» составлял Д. А. Милютин, то есть молодой человек, позднее ставший видным ученым, хотя и не в области африканистики / этнографии, то классификация славянских народов была выполне-

⁴⁶ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича. С. 120.

⁴⁷ Касаткин К. А. Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 28.

⁴⁸ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича. С. 120.

⁴⁹ Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1837. Т. IX. Без страницы.

⁵⁰ Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича. С. 111–114.

⁵¹ Там же. С. 114–117.

⁵² Там же. С. 121–122.

на активным и пробивным носителем ненаучных теорий, *вероятно*, причастным и к прямой фальсификации болгарской истории. Соответственно, Н. В. Савельева-Ростиславича следует признать лжеученым — однако, как мы видели выше, редактор «Военного лексикона», Л. И. Зедделер, следил за качеством статей, в спорных случаях советовался с «опытными специалистами» и едва ли пропустил бы откровенно псевдонаучную статью о таком важном предмете, как славяне. Поэтому статья «Славяне» Н. В. Савельева-Ростиславича далеко не соответствует актуальным научным знаниям о славянах 1840-х гг. — но при этом в ней нет и утверждений явно неправдоподобных для образованного человека той эпохи, за исключением наиболее компетентных в истории и этнографии.

Прежде всего, реконструируем терминологический аппарат Н. В. Савельева-Ростиславича. Внятного определения всей совокупности славян он не дал, используя такие формулировки: «Славяне, составляющие почти целую треть народонаселения европейского, занимают своими жилищами две трети материка Европы»; «Оно (имя «славяне». — *А. П.*) употребляется как собирательное для означения всей общности этого огромного народонаселения»⁵³. Н. В. Савельев-Ростиславич упоминал, что общность славян включает в себя славянские «народы», однако в перечисление групп славян включил и русское «племя»⁵⁴. Кроме того, в одном месте своей статьи он писал о «народах» «чехах, ляхах, руси, болгарах, сербах»⁵⁵, а в другом месте — о «балтийских славянах сербского племени»⁵⁶. Таким образом, у Н. В. Савельева-Ростиславича основной этнографической единицей в статье «Славяне» был «народ» / «племя», причем эти понятия выступали как синонимичные, а терминов для обозначения более крупных этнических образований (групп народов) не вводилось.

В полном соответствии с интересами самого Н. В. Савельева-Ростиславича и его учителя Ю. И. Венелина большая часть данной небольшой статьи (заключительные две трети) была посвящена истории славян⁵⁷. При этом непропорционально большое внимание уделялось античному периоду (почти треть текста)⁵⁸. Автор, апеллируя к Ю. И. Венелину и А. Л. Шлецеру, пытался доказать, будто бы славяне обладают «старобытностью» и были известны еще «древним греческим и римским писателям»⁵⁹. Еще треть статьи посвящена позднейшей истории славян⁶⁰. А вот о славянских языках в статье Н. В. Савельева-Ростиславича не говорилось почти ничего

⁵³ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XII. С. 286.

⁵⁴ Там же. С. 286.

⁵⁵ Там же. С. 287.

⁵⁶ Там же. С. 286.

⁵⁷ Там же. С. 286–288.

⁵⁸ Там же. С. 286–287.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 287–288.

(исключение составляет небольшой и довольно путаный сюжет о том, на каких языках говорили славяне в древности, важный автору не в лингвистическом контексте, но для того чтобы доказать ложность представлений о неславянском происхождении «Руси и Болгар»⁶¹). Таким образом, из статьи следовало, что важнейшей особенностью славян является не родство языков (которое, подчеркнем, в статье упоминается только мимоходом, в контексте глубокой древности), но древность их истории.

Первая же треть статьи «Славяне» представляла собой крайне короткое и поверхностное изложение целого ряда сюжетов. Для нас особенно важно, что в начале Н. В. Савельев-Ростиславич писал об «этнографическом состоянии славянского мира», ссылаясь на П. Й. Шафарика⁶². Однако за этим следовало не описание славянской этнографии или хотя бы лингвистики, но краткая табличка с указанием численности славянских народов, причем какого-либо подразделения этих народов на группы в рамках данной таблички не давалось⁶³. Завершив на этом описание «этнографического состояния» славян, Н. В. Савельев-Ростиславич указывал численность славян различных вероисповеданий, а также указывал, в каких европейских странах они проживают⁶⁴.

Разделять же славян на группы Н. В. Савельев-Ростиславич предлагал не по «этнографическому состоянию» или языку, но по «месту обитания»⁶⁵. В результате предложенное им деление внешне напоминает то, которое несколько ранее предлагал Н. И. Надеждин в «Энциклопедическом лексиконе» (напомним, что последний на основании близости языков выделял восточное, северо-западное и юго-западное «племена» славян, соответствующие современным восточным, западным и южным славянам). Более того, Н. В. Савельев-Ростиславич предлагал для групп славянских народов названия, соответствующие современным: он выделял западных (или германских), южных (или задунайских) и восточных (или русских) славян⁶⁶. Обратим внимание также на то, что в этом абзаце он не использовал никакой специальной терминологии, в том числе не обозначая никаким обобщающим термином и выделяемые им группы народов.

На глубинном, сущностном уровне сходство классификации славян Н. В. Савельева-Ростиславича с научными теориями его времени оказывается чисто внешним. Мы имеем дело либо со случайным совпадением, либо с самостоятельным конструированием автором собственных критериев, объясняющих общепринятую научную классификацию народов иначе,

⁶¹ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XII. С. 287.

⁶² Там же. С. 286.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

чем принято в современной ему науке. Классификация славян Н. В. Савельева-Ростиславича не только не учитывает лингвистических и этнографических факторов, но и прямо противоречит им. Во-первых, Н. В. Савельев-Ростиславич относил к западным славянам помимо привычных нам народов «словенцев», «хорватов или кроатов» и «далматов», то есть народы, чьи языки даже в рамках самой первой и впоследствии отвергнутой классификации славянских языков Й. Добровского, не предполагавшей отдельной группы южнославянских языков, следовало относить в одну группу с языками болгар и русских, но никак не чехов или поляков⁶⁷. Во-вторых, сербский народ оказался вообще разделен Н. В. Савельевым-Ростиславичем: «сербов» он считал южными славянами, а вот «австрийских сербов» — западными⁶⁸. В целом же данная классификация выглядит так:

Западные, или германские, славяне	Южные, или задунайские, иначе — балканские славяне	Восточные, или русские, славяне
Словенцы, австрийские сербы, хорваты, или кроаты, далматы, словаки, моравы, чехи, лужицкие сербы, поляки	Сербы и болгаре	Велико-россияне, мало-россы, бело-россы, червоно-россы, карпато-россы, или русины, закарпатские русины ⁶⁹

На наш взгляд, реальный принцип данной классификации крайне расплывчат. Хотя сам Н. В. Савельев-Ростиславич и утверждал, что в основе его лежит «место обитания», совершенно неясно, почему он в таком случае относил поляков к западным славянам. В самой статье далее указывалось, что «Царство Польское соединилось с Российской Империей», то есть по чисто географическому принципу поляков следовало относить к восточным (русским) славянам или хотя бы разделить их на две группы, как сербов, и отнести одну из этих групп, проживающую на территории Пруссии и Австрийской империи, к западным, германским славянам, а вторую — к восточным, русским⁷⁰. Впрочем, восстановить принципы классификации славян Н. В. Савельева-Ростиславича по буквально одному абзацу его статьи, посвященному этой классификации, нам едва ли удастся. Поэтому просто констатируем, что эта классификация противоречила данным современной

⁶⁷ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XII. С. 286.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

ему этнографии и лингвистики и не определялась при этом исключительно политической географией. Обратим также внимание на крайне любопытный список народов, по мнению данного автора образующих в совокупности восточное славянство, и на отсутствие в нем казаков, что, как мы увидим далее, будет противоречить статье «Россия» «Военного энциклопедического лексикона».

Классификация славян Австрийской, Османской и Российской империй бароном Л. И. Зедделером

Завершая разбор классификаций народов в «Военном энциклопедическом лексиконе», обратимся к статьям о странах, в которых жили славянские народы. Статья «Австрия» была подписана «Б.Л.И.З.», то есть ее автором был сам редактор энциклопедии, барон Л. И. Зедделер⁷¹. Он, безусловно, был прекрасно образованным военным ученым, но его интересы были далеки от этнографических. Австриец по происхождению, до перехода на российскую службу он окончил знаменитый Терезианум⁷². Крупнейшим его самостоятельным трудом было двухтомное «Обозрение истории военного искусства»⁷³. Страноведческие статьи, написанные Л. И. Зедделером для «Военного энциклопедического лексикона», обстоятельны и подробны — но не в разделах, посвященных местным народам.

Л. И. Зедделер упоминал славян в качестве одного из «четырех главных поколений» Австрийской империи, «различных по языку, нравам и обычаям»⁷⁴. Не вполне ясно, как в представлениях Л. И. Зедделера соотносились понятия «народ» и «поколение»: он писал, что «народы, населяющие Австрийскую империю, разделяются на четыре главных поколения», но при этом тремя другими «главными поколениями» Австрийской империи, кроме «славян», были «немцы», «мадьяры (венгры)» и «итальянцы»⁷⁵. Соответственно, «поколением» у Л. И. Зедделера в рамках данной статьи могла быть как группа народов, так и большой народ. Точнее об этом судить не представляется возможным, поскольку далее не предлагалось не только какой-либо классификации народов империи, но и хотя бы их перечисления. Так, из славян отдельно упоминались только «чехи и моравы»⁷⁶. Более того, в тексте с характеристикой некоторых народов соседствовали характеристики некоторых региональных групп: например, отдельно характеризовались «немцы», «жители Вены» и «тирольцы», а вместо поля-

⁷¹ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. С. 128, без страницы.

⁷² Хаванова О. В. «Я послал к нему Айхенфельда...». Биография и карьера секретаря Австрийского посольства в Петербурге // *Славяноведение*. 2017. № 5. С. 85.

⁷³ Зедделер Л. И. *Обозрение истории военного искусства*. В 2 ч. СПб.: Изданием Я. Брифа, 1836–1843.

⁷⁴ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. Там же. С. 114.

⁷⁵ Там же. С. 114.

⁷⁶ Там же. С. 115.

ков и украинцев / малороссов / русских / русин характеристика давалась «жителям Галиции»⁷⁷. Языки народов Австрийской империи в статье не рассматривались.

Статья о «Турецкой империи» тоже была подписана «Б.Л.И.З.»⁷⁸. Она примечательна тем, что в ней используется несколько иной терминологический аппарат, в котором вовсе не представлено понятие «народ». Л. И. Зедделер снова делил население европейской части Османской Империи (азиатскую часть он рассматривал отдельно и куда менее подробно⁷⁹) на «главные поколения»⁸⁰. И снова большая часть этих «поколений» соответствовала скорее народам в современном понимании, чем группам народов: четыре поколения из пяти составляли «поколение албанское», «греки», «турки» и «валахи»⁸¹. В числе «менее значительных поколений» назывались «армяне», «евреи» и «цыгане»⁸². В то же время четвертым, последним из «менее значительных поколений», были «европейцы разных наций»⁸³. А пятым из «главных поколений» европейской Турции объявлялись «словяне» (именно в таком написании; впрочем, это слово упоминалось лишь однажды, что допускает ошибку корректора)⁸⁴. При этом, если другие «поколения» не делились Л. И. Зеддером на какие-то составные элементы, то внутри «словян» он выделял три «отрасли»: «сербов», «босняков» и «монтенегринцев, или черногорцев»⁸⁵. «Булгары» (снова именно в таком написании) появлялись далее, в разделе о религиях империи, но в разделе о народонаселении никак не упоминались (единственным народом, который в этом разделе локализовался в «Булгарии», были албанцы)⁸⁶. О языках, на которых говорили народы Османской империи, включая славян, не сообщалось ничего.

Наконец, статьи о России для «Военного энциклопедического лексикона» написали уже знакомые нам авторы. Статья «Россия (История)» была подписана «Н.В.С.-Р.»⁸⁷. Поэтому предсказуемо, что в этой статье ничего

⁷⁷ Военный энциклопедический лексикон... Ч. I. Там же. С. 115.

⁷⁸ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1849. Ч. XIII. С. 80.

⁷⁹ Там же. С. 79.

⁸⁰ Там же. С. 59.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Ч. XI. С. 532.

не говорилось о народах, исторически населявших российские земли, и языках, на которых они говорили, — зато Н. В. Савельев-Ростиславич счел нужным сообщить читателю, что «наша южная славянская Русь была известна грекам под именем Великой Скифии»⁸⁸.

Статья «Россия» была подписана «Б.Л.И.З.»⁸⁹. В ней Л. И. Зедделер снова несколько изменил свой терминологический аппарат. На сей раз он вообще не использовал термина «поколение», зато писал о «племени славянском», «финском или чудском племени», «литовском племени» и т. д.⁹⁰ Каждое «племя» состояло из нескольких групп, причем из дальнейшего текста видно, что эти группы Л. И. Зедделер называл «народами»⁹¹. «Племя славянское» на территории Российской империи Л. И. Зедделер описывал как состоящее из следующих четырех групп, для каждой из которой указывалась численность населения: «великороссиян»; «малороссиян с казаками»; «белоруссов, поляков»; «сербов, болгар и некоторых др.»⁹². Таким образом, здесь Л. И. Зедделер, в отличие от статей «Австрия» и «Турецкая империя», попытался разделить славян на четыре группы, занимающие промежуточное положение между уровнями отдельных славянских «народов» и «племенем славянским» в целом. При этом объединение «сербов, болгар и некоторых др.» может быть объяснено тем, что в эту категорию попадали все славянские народы, слишком малочисленные, чтобы считать их по отдельности. Объединение малороссиян с казаками можно объяснить языковой и культурной близостью. Однако объединение православных восточных славян белорусов с западными славянами по языку и католиками по вере поляками показывает, что Л. И. Зедделер считал возможным объединять народы в группы вопреки лингвистическим, культурным или этнографическим критериям даже тогда, когда каждый народ был достаточно многочисленным. К сожалению, и в данном случае мы не располагаем достаточной информацией, чтобы реконструировать его логику.

Далее в перечислении «главнейших народов в России» из славян фигурировали уже по отдельности «великороссияне», «малороссияне», «белоруссы», «русняки», «казаки» (этот этноним написан со строчной буквы, в отличие от названий других народов, которые по правилам XIX в. писались с заглавной) и «поляки»⁹³. Заслуживает внимания и тот факт, что в числе «главнейших народов» фигурируют «немцы», «цыганы», «армяне» и «евреи», которые, как мы видели выше, в статьях того же Л. И. Зедделера («Австрия» и «Турецкая Империя») позиционировались в качестве «поко-

⁸⁸ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XI. С. 520.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 505.

⁹¹ Там же. С. 505–506.

⁹² Там же. С. 505.

⁹³ Там же. С. 506.

лений»⁹⁴. Отметим также, что о языках, на которых говорили в Российской империи, Л. И. Зедделер предсказуемо ничего не сообщал.

Остается констатировать, что Л. И. Зедделер был выдающимся организатором, сумевшим напечатать первую в Российской империи военную энциклопедию, и крупным военным ученым, но этнография явно не была его сильной стороной. Описывая население Австрийской и Османской империй, редактор «Военного энциклопедического лексикона» не смог даже просто перечислить все славянские народы, проживающие в этих империях. Используемый им терминологический аппарат был крайне нестабилен и менялся от статьи к статье: славяне в целом выступали то «поколением», то «племенем», а отдельные славянские этносы — то «народами», то «отраслями». Наконец, классификация славян, предложенная Н. В. Савельевым-Ростиславичем в соответствующей статье «Военного энциклопедического лексикона», Л. И. Зедделером в своих страноведческих статьях, написанных для этого же издания, не использовалась совершенно, и вообще в его текстах отсутствует сколько-либо последовательная классификация народов. Лингвистических сюжетов в страноведческих статьях Л. И. Зедделера тоже не касался вовсе — даже в контексте описаний глубокого прошлого, как Н. В. Савельев-Ростиславич. В целом можно констатировать, что редактора «Военного энциклопедического лексикона» равно не интересовали вопросы классификации народов и языков, на которых эти народы говорили.

ТАК КАК ЖЕ КЛАССИФИЦИРОВАЛИСЬ НАРОДЫ В «ВОЕННОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ» В ЦЕЛОМ?

Мы рассмотрели классификации трех авторов «Военного энциклопедического лексикона», которые в своих статьях так или иначе были вынуждены писать не об отдельных народах, а об их группах. Наиболее простым является случай Л. И. Зедделера. Терминологический аппарат его описания народов различался от статьи к статье, но обычно предполагал два уровня этнических общностей: «племена» или «поколения» делились на «народы» или «отрасли». Однако последовательности в применении этих терминов Л. И. Зедделер не демонстрировал: так, немцы, армяне или евреи в одной его статье были «поколениями», а в другой — «народами». Л. И. Зедделер ограничивался перечислением «поколений» (в случае с Российской империей, описываемой более подробно, — «главнейших народов), проживающих в той или иной описываемой им стране, не объясняя логики их выделения и не предлагая какой-либо их классификации. Информация о том, на какие «народы» / «отрасли» делится «поколение» / «племя», приводилась не всегда, и даже если приводилась — без всяких объяснений подобного деления. Языковые вопросы не рассматривались вообще, ни в каком контексте.

⁹⁴ Военный энциклопедический лексикон... Ч. XI. С. 506.

Несколько сложнее случай Д. А. Милютин. Будущий выдающийся военный ученый, даже занимаясь совершенно чуждой ему темой африканских народов, понимал важность их обоснованной классификации и в своем тексте достаточно четко классифицировал народы Африки по внешним физическим свойствам. Попытался он дать и характеристику африканским языкам, пускай и не связывая их напрямую с классификацией народов, однако по существу эта характеристика сводилась к тому, что языки народов Африки крайне малоизучены. Наконец, из трех рассматриваемых нами авторов «Военного энциклопедического лексикона» Д. А. Милютин использовал наиболее прозрачный терминологический аппарат: в его тексте «народы» относятся к «поколениям» или «племенам», причем два последних термина явно синонимичны и могут применяться к одной и той же большой группе населения.

Наконец, наиболее сложен случай Н. В. Савельева-Ростиславича. Описывая славян, он, в отличие от Л. И. Зедделера и Д. А. Милютин, последовательно писал не о двух, а о трех иерархических уровнях этнических общностей: славяне делились на западных, южных и восточных, которые, в свою очередь, подразделялись на более мелкие общности. Однако специальными терминами («народ» или «племя») Н. В. Савельев-Ростиславич обозначал только этнические общности низшего уровня. Для славян в целом или групп славянских народов (западных, южных и восточных славян) этот автор не использовал какого-либо терминологического аппарата.

Внешне классификация славянских народов Н. В. Савельева-Ростиславича была похожа на принятую на тот момент в этнографии и лингвистике и тоже предполагавшую деление славян на три группы. Однако сущностно данный автор разделял народы по совершенно иным критериям, чем было принято тогда в науке, не по родству языка, а якобы по «месту обитания» (из-за чего, например, словенцы оказались западными, «германскими», а не южными, «задунайскими», славянами). В действительности отнесение им народов к той или иной группе не вполне соответствовало и этому критерию, поскольку поляков, проживавших в Российской империи, он считал западными, «германскими», а не восточными, «русскими», славянами. Языковых вопросов Н. В. Савельев-Ростиславич касался, но мимоходом, и не в контексте классификации народов, а в контексте вопросов истории глубокой древности.

Таким образом, ни один из трех рассмотренных нами авторов «Военного энциклопедического лексикона» не классифицировал народы по лингвистическому принципу — и, более того, только Д. А. Милютин в какой-то мере коснулся вопроса о современных языках описываемых им народов и предложил классификацию этих народов, которая основывалась на достаточно четком, хотя и не лингвистическом, критерии.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В следующем после «Военного энциклопедического лексикона» военном энциклопедическом словаре Российской империи, в «Энциклопедии военных и морских наук», вышедшей в конце XIX в. под редакцией начальника Николаевской академии Генерального штаба Г. А. Леера, статья «Славяне» тоже полностью игнорировала вопрос о славянских языках⁹⁵. П. Й. Шафарик в этой статье упоминался, но не как лингвист, а как историк, для доказательства того, что «будины и невры, упоминаемые Геродотом в его Скифии, были славяне»⁹⁶. Какой-либо ясно озвученной классификации славян в данной статье не давалось, но в сопровождавшей ее таблице славяне делились на пять «народностей»: «русские», «поляки», «сербы, кроаты, словены», «чехи, моравы, словаки, венды» и «болгары»⁹⁷. Из текста статьи видно, что мы имеем дело с очередной терминологической путаницей — в нем «сербы, кроаты, словены» и «чехи, моравы, словаки, венды» все же позиционируются не как единая «народность», а как «народности» / «группы» (то есть подразумевается термин «группы народностей»)⁹⁸. При этом «сербы, кроаты, словены» (но не «болгары»!) именуются «южными народностями», а «чехи, моравы, словаки, венды» или «поляки» *не* называются западными народностями, а русские — восточными⁹⁹. Таким образом, читателю оставалось только догадываться о логике объединения тех или иных славянских «народностей» в группы.

Между тем представляется как минимум вероятным, что военные энциклопедические словари, издававшиеся авторитетными генералами вроде Л. И. Зедделера и, позднее, Г. А. Леера, имели определенный вес в казачьей среде (к сожалению, точно выяснить то, какие словари в большей степени использовались донскими авторами XIX в., нам едва ли когда-нибудь удастся — но мы можем точно говорить, что в их числе были люди, получавшие качественное военное образование, например, автор одного из авторитетнейших историко-статистических описаний Земли Войска Донского, Н. И. Краснов, окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба¹⁰⁰, а публиковавшийся в 1870-е гг. в «Военном сборнике» А. М. Греков — Михайловскую Артиллерийскую Академию¹⁰¹). Тем более логично предполагать, что и профессиональные военные в своих исследованиях использовали не только общенаучную литературу, но и специализированные

⁹⁵ Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1895. Т. VII. С. 231–234.

⁹⁶ Там же. С. 231.

⁹⁷ Там же. С. 234.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Донцы XIX века. Ростов н/Д: NB, 2003. С. 248.

¹⁰¹ Там же. С. 83.

военные издания. В частности, составители серий «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» могли использовать в своей работе недавно вышедший «Военный энциклопедический лексикон» (прямых ссылок на него нам не удалось обнаружить, но значительная часть информации в книгах этой серии приводилась без ссылок на источники).

Однако из всего проанализированного нами выше следует, что, при прочих бесспорных достоинствах, именно в качестве пособия по этнографии «Военный энциклопедический лексикон» мог скорее запутать читателя, чем дать ему минимальные представления об актуальном состоянии этнографической науки. Значительную путаницу вносили уже терминологические расхождения между различными авторами: в одних статьях «племя» обозначало группу народов, а в других использовалось в качестве синонима понятия «народ»; в одних статьях немцы позиционировались в качестве «поколения», то есть этнографической общности высшего уровня, соответствующей славянам в целом, а не отдельным славянским народам, а в других они оказывались «народом» и перечислялись наравне не со славянами в целом, а, например, с поляками. В разных статьях давалась различная номенклатура славянских народов: так, в статье «Россия» в качестве одного из «главнейших народов» Российской империи фигурировали казаки, а в статье «Славяне» казаки в качестве одного из славянских народов не фигурировали.

Статья «Военного энциклопедического лексикона» «Славяне» недвусмысленно предлагала классифицировать народы не на основании их языка, но на основании места их обитания. В статье «Африка» народы классифицировались по внешним физическим признакам. Другие статьи вообще не предлагали классификации народов, ограничиваясь их перечислением. Языковой же критерий классификации народов, преобладавший в то время в науке, не использовался ни в одной из разобранных нами статей. Более того, ни в одной из них нет даже намек на то, что народ должен обладать своим языком, — и вообще лингвистические вопросы почти не рассматривались авторами «Военного энциклопедического лексикона».

Это означает прежде всего то, что в российском обществе XIX в. не существовало сколько-либо общепринятого важнейшего критерия выделения народов и определения их родства. Язык был безусловно важнейшим инструментом классификации народов для профессиональных ученых-гуманитариев, и это, как мы увидели выше, нашло отражение в методах всеобщих переписей населения Российской империи (особенно несостоявшейся второй). Какая-то часть общества разделяла подобные взгляды: выше мы видели, что М. Е. Салтыков-Щедрин и А. А. Леонов фактически отказывались считать казаков отдельным народом, ссылаясь на отсутствие у них самостоятельного языка. Однако в военной среде подобные взгляды, по-ви-

димому, не получили всеобщего распространения, а в военных энциклопедиях до конца XIX в. существование народа не увязывалось с наличием у него языка, более того, лингвистические вопросы при описании народов вообще нередко игнорировались. В то же время по крайней мере в «Военном энциклопедическом лексиконе» не предлагалось какой-либо общей системы классификации народов, что давало авторам отдельных статей большую степень свободы при описании этнографических сюжетов. В результате, например, редактор этого издания Л. И. Зедделер относил казаков к числу главнейших народов Российской империи, однако никаких доказательств в пользу подобной точки зрения не приводил.

И нам остается констатировать, что за пределами научного дискурса в Российской империи XIX в. представление о том, что языковой фактор является как минимум важным для классификации народов, не было общим понятием. Дальнейшие исследования, возможно, позволят выявить некие закономерности. Не потому ли для М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. А. Леонова языковой фактор был определяющим при определении факта существования народа, что они были писателями? Возможно, столь сильное пренебрежение лингвистическими вопросами при описании народов было спецификой российского офицерского корпуса, который занимался страноведением в контексте совершенно иных вопросов, связанных с военной службой? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно дополнительно исследовать то, как описывались народы в XIX в. российскими авторами, которые не были профессиональными историками, географами и этнографами, знающими и принимающими современный им научный дискурс. Но, как нам представляется, мы показали в нашей статье, что предлагаемые подобными авторами классификации народов нуждаются в отдельном изучении как особый феномен, безусловно, связанный с эволюцией российской научной этнографии, но обладающий своей ярко выраженной спецификой.

Источники

Артинский И. П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1907.

Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу. Ч. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1837. Ч. XI. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Ч. XII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. Ч. XIII. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1849.

Государственный архив Ростовской области. Ф. 353 (Областной Войска Донского статистический комитет г. Новочеркасск). Оп. 1. Д. 710 (Материалы по организации 2-й всеобщей переписи населения: списки населенных мест ОВД по заседательским участкам и районам, формы переписных ведомостей и переписка с центральным статистическим комитетом и местными учреждениями).

- Донской сепаратизм // Московские ведомости. 1864. № 89. С. 2.
- Донцы XIX века. Ростов н/Д: NVB, 2003.
- Зедделер Л. И. Обзорение истории военного искусства. В 2 ч. СПб.: Изданием Я. Брифа, 1836–1843.
- Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.
- Ланге Н. Обзорение Австрийской империи. СПб.: Тип. Штаба отд-го корпуса вн. стражи, 1854.
- Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск: Военная акад., 1919. Т. I.
- Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XV. Отделение первое. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1841.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5. С. 1–26.
- Сухоруков В. Д. Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1891.
- Чеканов Н. Очерк из истории литературной деятельности на Дону. Характер и быт казачества в поэзии А.А. Леонова. Харьков: Типография И. В. Попова, 1888.
- Штурмер Л. Л. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11, Ч. 5: Земли Войска Донского. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1852.
- Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1837. Т. IX.
- Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1895. Т. VII.

Литература

- Волвенко А. А. О чем говорил учитель русского языка войсковой старшина А. Леонов «на торжественном акте» Новочеркасской гимназии 12 августа 1854 года? // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 134–145. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-134-145
- Грищенко А. И. Лексическое значение этнонима — семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. М.: РУДН, 2011. С. 437–443.
- Касаткин К. А. Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 26–31. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.1.05
- Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016.

- Рыбалка А. А. Последние годы Н. В. Савельева-Ростиславича // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 109–133. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.07
- Хаванова О. В. «Я послал к нему Айхенфельда...». Биография и карьера секретаря Австрийского посольства в Петербурге // Славяноведение. 2017. № 5. С. 80–87.

References

- Grishchenko, A. I., 2011. Lexical meaning of the ethnonym — a semantic equation with two unknowns. In: Denisenko V. N., Valentinova O. I. et al., comp., 2011. *Functional semantics and sign systems' semiotics. Pt. I: Collected papers*. Moscow: RUDN, pp. 437–443. (In Russian)
- Kasatkin, K. A., 2020. Bulgaria and “Russian” Panslavism in the Nineteenth Century. In: Uzeneva E. S., Khavanova O. V., eds., 2020. *Slavic World: Commonality and Diversity. Abstracts of the conference of young scientists as part of the Days of Slavic Writing and Culture*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 26–31. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.1.05. (In Russian)
- Khavanova, O. V., 2017. “I sent Eichenfeld to him...” Biography and career of the secretary of the Austrian embassy in St. Petersburg. *Slavic studies*, 5, pp. 80–87 (In Russian)
- Leskinen, M. V., 2016. *Velikoross/velikorus. From the history of constructing of ethnicity. The century 19th*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Rybalka, A. A., 2019. The last years of N. V. Savelyev-Rostislavich. *Slavic almanac*, 1–2, pp. 109–133. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.07. (In Russian)
- Volvenko, A. A., 2019. What did the teacher of Russian the army foreman A. Leonov “on the solemn act” the Novocherkassk Gymnasium speak on August 12, 1854 about? *Novoe proshloe / The New Past*, 2, pp. 134–145. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-2-134-145. (In Russian)

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФИЛОСОФИИ ВОЙНЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

**Наталья Александровна
Лунькова**

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия;
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург,
199034, Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

**Алексей Геннадьевич
Ляпустин**

Кандидат философских наук, доцент,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, МГУ,
Москва, 119234, Россия
Электронный адрес: a.lyapustin@list.ru
ORCID: 0009-0000-8929-003X

Аннотация

В статье исследуется «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в аспекте русской национальной идеи, рассматриваются вопросы о «гуманизме» писателя и философские истоки его понимания войны. В «Дневнике писателя», занимавшем особое место в русской периодической печати 1870-х гг. и нашедшем широкий общественный отклик, наряду с другими социально-политическими темами особое место уделялось освещению событий эпохи Восточного кризиса 1870-х гг. и роли России в решении восточного вопроса. Анализ корреспонденции писателя выявил, что большинство читателей «Дневника» неравнодушно относились к судьбам балканских славян и благодарили писателя за статьи о «славянском деле». В статье аргументируется необходимость изучения журнала Достоевского как синтетического произведения, фрагментарный подход к исследованию которого влечет за собой искажение авторской позиции. Было показано, что рассмотрение философии войны Достоевского не может ограничиваться лишь социально-политической сферой, поскольку главенствующие позиции в творчестве писателя занимают философская и религиозная компоненты. Достоевский видел мессианскую роль России в войне за освобождение балканских славян в том, что она способна обновить мир на основе православия, где сохранен подлинный облик Христа, в связи с чем представляется некорректным отнесение идей писателя к гуманистическим. В работе опровергается мысль о том, что одним из истоков формирования представлений Достоевского о феномене войны были работы И. Канта, и проводятся параллели между толкованиями войны Гегеля и Достоевского, говоривших о мессианском предназначении немецкого и русского народа соответственно, а также усматривавших в войне залог нравственного здоровья нации, что позволяет сделать вывод о философском диалоге немецкой и русской культур, оказывавшем влияние на русский интеллектуальный дискурс 1870-х гг.

Ключевые слова

Православие, история России, русская философия, русская идея, национализм, публицистика, диалог культур, Достоевский, Кант, Гегель

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2025 г.

Статья доработана автором 11 мая 2025 г.

Статья принята в печать 28 мая 2025 г.

Цитирование: *Лунькова Н. А., Ляпустин А. Г.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в «Дневнике писателя»: о некоторых аспектах философии войны Ф. М. Достоевского // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2025. Т. 20. № 1–2. С. 53–70. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.03>

RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878 IN “A WRITER’S DIARY”: ABOUT SOME ASPECTS OF F. M. DOSTOEVSKY’S PHILOSOPHY OF WAR

Natalia A. Lunkova

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Institute of History,
St Petersburg University
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia;
Mendeleevskaya Line, 5,
Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Alexey G. Lyapustin

Ph. D., Associate Professor,
M. V. Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskiye Gory, MSU,
Moscow, 119991, Russia
E-mail: a.lyapustin@list.ru
ORCID: 0009-0000-8929-003X

Abstract

The article examines Fyodor Dostoevsky’s “A Writer’s Diary” in the context of the Russian national idea, and considers the issue of the writer’s “humanism” and the philosophical origins of his understanding of war. In “A Writer’s Diary,” which occupied a special place in the Russian periodical press of the 1870s and found a wide public response, along with other socio-political topics, special attention was given to covering the events of the era of the Balkan crisis of 1875–1878 and the role of Russia in resolving the Eastern Question. The analysis of the Dostoevsky’s correspondence revealed that most readers of the “Diary” were not indifferent to the fate of the Balkan Slavs and thanked the writer for his articles on the “Slavic cause.” The article argues for the need to study Dostoevsky’s journal as a synthetic work, a fragmentary approach to the study of which entails a distortion of the author’s position. It is shown that the consideration of Dostoevsky’s philosophy of war cannot be limited to the socio-political sphere, since the philosophical and religious components occupy the leading positions in the writer’s work. Dostoevsky saw the messianic role of Russia in the war for the liberation of the Balkan Slavs in the fact that it is capable of renewing the world on the basis of Orthodoxy, where the authentic image of Christ is preserved, in connection with which it seems incorrect to classify the writer’s ideas as humanistic. The work refutes the idea that one of the sources of the formation of Dostoevsky’s ideas about the phenomenon of war were the works of Immanuel Kant, and parallels are drawn between the interpretations of war by Hegel and Dostoevsky, who spoke of the messianic destiny of the German and Russian people, respectively, and also saw in war a guarantee of the moral health of the nation; This allows us to draw a conclusion about the philosophical dialogue between German and Russian cultures, which influenced Russian intellectual discourse in the 1870s.

Keywords

Orthodoxy, history of Russia, Russian philosophy, Russian idea, nationalism, journalism, dialogue of cultures, Dostoevsky, Kant, Hegel

Funding

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation № 23-78-10045 “National movements in the optics of imperial legitimacy: revolutions, uprisings, riots, riots in the Slavic lands in the rhetoric of the Russian authorities of the long 19th century.”

Received 3 April 2025

Revised 11 May 2025

Accepted 28 May 2025

For citation: Lunkova, N. A., Lyapustin A. G., 2025. Russo-Turkish War of 1877–1878 in “A Writer’s Diary”: About Some Aspects of F. M. Dostoevsky’s Philosophy of War. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 53–70. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.03>

ВВЕДЕНИЕ.

СВОЕОБРАЗИЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

«Дневник писателя» — моножурнал Ф. М. Достоевского — занимает особое место среди русских периодических изданий, освещавших вопросы внешней и внутренней политики Российской империи, а также события на Балканах 1870-х гг. (восстания в Боснии и Герцеговине, Болгарии, русско-турецкую войну 1877–1878 гг.). Появившись в 1873 г. как отдел газеты-журнала «Гражданин», «Дневник писателя» (далее также — «Дневник») существовал в дальнейшем как самостоятельное издание (1876–1878, 1880–1881). Тематика журнала была чрезвычайно разнообразна: размышления о российской геополитике соседствовали с освещением судебных разбирательств, комментарии к событиям общественной жизни — с впечатлениями автора от прочитанных литературных произведений.

Одной из ключевых особенностей «Дневника» был характер взаимодействия автора и читателя, «уставшего от холодной риторики охранительной и либеральной печати»¹. Публику привлекали личностное начало и откровенный тон «Дневника». Типографский наборщик М. А. Александров в своих воспоминаниях о Достоевском и о работе с его журналом отмечает, что «контингент читателей “Дневника писателя” составлялся главным образом из интеллигентной части общества, а затем из любителей серьезного чтения всех слоев русского общества»², общение же читателей с Достоевским было «беспримерным». Александров упоминает о большом количестве писем, которые получал Достоевский по поводу опубликованных

¹ Волгин И. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 70.

² Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 280.

статей, о визитах к писателю: «Некоторые говорили Федору Михайловичу, что они читают его “Дневник” с благоговением, как Священное писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешать их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени. И Федор Михайлович любовно принимал этих своих клиентов и беседовал с ними, читал их письма и отвечал на них»³.

Достоевский действительно чрезвычайно ценил возможность непосредственного контакта с аудиторией (письмо Х. Д. Алчевской от 3 марта 1876 г.): «Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати»⁴. Оценивая вклад своей аудитории в работу над «Дневником», Достоевский писал следующее: «Я <...> считаю многочисленных корреспондентов моих моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которою все обращались ко мне»⁵.

Достоевский был одним из тех общественных деятелей, которые активно участвовали в обсуждении балканских событий 1876 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. А. Кочуков, анализируя интерес русского общества к событиям эпохи Восточного кризиса 1870-х гг., подчеркивает его всеобъемлющий характер. В центре общественных дискуссий, по наблюдениям С. А. Кочукова, были вопросы о том, какие формы должна иметь помощь балканским славянам в их борьбе за независимость, как быстро должно быть осуществлено военное вмешательство, каково соотношение позиций общества и власти в решении внешнеполитических проблем. Он также отмечает наличие в русском обществе 1870-х гг. двух противоположных тенденций: «“Партия Ф. М. Достоевского” считала, что Российская империя выполняет особую историческую миссию, заключающуюся в сплочении вокруг нее славянских народов на основе православия, в то время как “партия И. С. Тургенева” отрицала значение религиозного фактора, полагая, что целью войны является не защита православия, а освобождение славян»⁶.

Достоевский действительно усматривал в широкой общественной поддержке славян историческую черту русского народа, активно развивая эту тему на страницах «Дневника» («...Искание доброго приняло в народе нашем почти что одну эту форму, то есть форму *покаянную*, в паломническом или жертвенном виде <...>. Дело это было ведено прямо, как Христово дело, а у многих, у очень многих в тайниках души их – именно как

³ Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях... С. 281.

⁴ Алчевская Х. Д. Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 325.

⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1984. Т. 26: Дневник писателя. 1877 сентябрь — декабрь, 1880 август. С. 126.

⁶ Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 165.

очистительное и покаянное дело. <...> Воли царевой, слова его все ждали в умилении и надежде, а мы, мы, сидя по углам нашим, радовались еще про себя, что великий народ русский оправдал великую и вечную надежду нашу на него»⁷). И трудно переоценить то влияние, которое оказывал его журнал на русский интеллектуальный дискурс 1870-х гг. с учетом широкого резонанса, вызванного этим изданием, что свидетельствует о его немаловажной роли в формировании точки зрения общества среди прочего на политические, социальные явления эпохи. Исследование корреспонденции Достоевского показывает, что среди откликов читателей на восстания, вспыхнувшие на Балканах, а затем на русско-турецкую войну встречались такие, где слышался упрек писателю в том, что он не может «устоять против волшебного действия ослепительной и потрясающей декорации восточной войны» и оживляет «призраки крестовых походов»⁸. Однако большинство авторов писем было благодарно Достоевскому за освещение этих событий: «Людам, которые верят в славянское дело, которым удалось принять хоть маленькое участие в неравной борьбе славян с турками, тяжело встречать повсюду одно только холодное резонерство окружающего их общества <...>. При подобных обстоятельствах статьи Ваши, полные энергии, веры и задушевности, доставили мне, верующему в славянское дело и имевшему счастье быть в нем действующим лицом, хотя и совершенно незаметным, истинное утешение и отраду...»⁹.

Рецепция Достоевским русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и — шире — событий времен Восточного кризиса неразрывно связана не столько с геополитическими задачами России, сколько с ее религиозной миссией. Достоевский видит русско-турецкую войну как «неслыханную войну, за слабых и угнетенных, для того чтоб дать жизнь и свободу, а не отнять их»¹⁰, в связи с чем возникает необходимость обратиться к толкованию феномена войны в «Дневнике писателя» и его философской составляющей, сделав ряд уточнений, касающихся вопроса о «гуманизме» Достоевского и философских концепций, послуживших основой трактовки феномена войны в «Дневнике».

О МЕТОДЕ АНАЛИЗА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»

Следует оговориться, что нередко публицистические главы «Дневника» рассматриваются изолированно от его художественной составляющей. Как отмечает Т. А. Касаткина, такой подход ведет к искажению интерпретации авторской идеи, поэтому нецелесообразно анализировать их отдельно друг от друга, с нарушением их логико-смысловых взаимосвязей: «Если мы

⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. С. 217.

⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель. С. 311.

⁹ Там же.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 197.

не следуем этому простому правилу, то уходим очень далеко от авторской идеи»¹¹. Этой же точки зрения придерживаются И. Л. Волгин («...Публицистические моменты “Дневника” как бы “вдвинуты” в его художественную структуру и сами являются частью последней»¹²) и Н. А. Тарасова, полагающая, что в синтезе художественного и публицистического в «Дневнике» можно «сквозь налет наносного и внешнего, “прямолинейность явлений” и “тиранию косной причины” увидеть мир и человеческое бытие в свете идеала»¹³. Е. А. Акелькина, исследуя особенности поэтики «Дневника», замечает: «Да не будет читатель обманут литературными, политическими, журналистскими, уголовными темами и эпизодами — все они даны в аспекте вечности. Ткань философского повествования строится на динамике внешнего (“другого”) и внутреннего (“Я”), на чередовании “вживания” и “отчуждения”, укрупнения обобщений и интимизации личного опыта»¹⁴.

Как показывает ряд работ последних лет, из поля зрения ученых, сосредоточивающихся на одном определенном аспекте «Дневника», в частности на авторской трактовке войны, исчезают и философская составляющая, и религиозная компонента, которые играют ключевую роль в творчестве писателя. Так, Е. В. Волкова, подробно освещая историческую концепцию Достоевского, описанные в «Дневнике» аспекты социальной жизни, нигде не упоминает о христианстве, сквозь призму которого Достоевский рассматривает действительность: это приводит автора к спорному выводу о том, что писатель «верен исторической правде», но в то же время «историческая правда подменялась желанием видеть существующее положение дел лучше, чем было оно на самом деле»¹⁵. При анализе творчества Достоевского важно не столько внешнее, натуралистическое, сколько внутренняя идея, скрытая за этим: Касаткина в своих работах убедительно доказывает, что «за внешним сюжетом, за внешней историей в произведениях писателя стоит старинный сюжет, древняя история — сюжет и история, являющиеся фоном всей жизни человека-христианина, — история Христа»¹⁶.

¹¹ Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: контекстный анализ // Вопросы литературы. URL: <https://voplit.ru/article/hudozhestvennye-teksty-v-sostave-dnevnika-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kontekstnyj-analiz/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹² Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 3. С. 158.

¹³ Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011. С. 270.

¹⁴ Акелькина Е. А. «Дневник писателя» за 1876–1877 гг. // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 267.

¹⁵ Волкова Е. А. «Дневник писателя» как отражение исторической концепции Ф. М. Достоевского // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. URL: <https://vestnik.rsu-rzn.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶ Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя»...

«ГУМАНИЗМ» ДОСТОЕВСКОГО

Игнорирование религиозно-философского дискурса Достоевского может привести к мысли о том, что в своей трактовке войны, вооруженного противостояния Российской империи и ее политических противников автор «Дневника» якобы вступает в конфликт с собственными нравственными идеалами: «Непонятно куда делся “гуманизм Достоевского”, который буквально толкал тысячи людей в кровавую мясорубку войны. Гуманизм Достоевского, который определяют то как христианский, то как абстрактный, то как общечеловеческий, можно назвать условно, конечно, гуманизмом надрыва, крайним гуманизмом. Достоевский не мог не понимать, что любой вооруженный конфликт стоит крови. Но вместе с тем призывы писателя с каждой новой страницей “Дневника” становятся все агрессивнее»¹⁷.

Мы разделяем мнение С. А. Кочукова о том, что «Достоевский 70-х гг. XIX в. — это непоколебимый сторонник войны»¹⁸, однако мировоззрение писателя отнюдь не следует рассматривать в русле идей европейского гуманизма. О природе гуманистической концепции в работе «Достоевский о Европе и славянстве» сербский богослов преподобный Иустин Попович пишет, что «в догмате о непогрешимости человека открылась главная тайна европейского человека. <...> Догматом о непогрешимости человека он решительно и окончательно изгнал из Европы Богочеловека и воцарил человекобога»¹⁹. Обратим внимание на то, что Достоевский в «Дневнике» рассуждает о крахе гуманизма, об опасности человеколюбия: «...любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, “любовью к человечеству”, те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству»²⁰. В своем анализе «Дневника писателя» К. В. Мочульский справедливо полагает, что «гуманизм XIX века, оторвавшись от своих христианских корней, превращается в ненависть и всеобщую войну»²¹.

По Достоевскому, миссия России при разрешении Восточного вопроса заключена в том, чтобы обновить мир в духовном отношении, обновить на основе православия, где сохранен подлинный облик Христа: «Спросите

¹⁷ Кочуков С. А. Ф. М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 71.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002. С. 199.

²⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1982. Т. 24: Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь — декабрь. С. 49.

²¹ Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. PARIS: YMCA-PRESS, 1947. С. 464.

народ, спросите солдата: для чего они подымаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, — и все скажут вам, как один человек, что идут, *чтоб Христу послужить* (курсив наш. — Н. Л., А. Л.) и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате»²². Назначение русского народа, согласно Достоевскому, есть «служение Христу, а царя ее — хранение Христовой веры и освобождение православия»²³. Иными словами, антропологизм Достоевского глубоко христианский, чуждый гуманизма европейского, «человекобожеского». По мысли Н. А. Бердяева, «именно исключительное отношение Достоевского к человеку делает его христианским писателем. Гуманисты не знают такого отношения к человеку, для них человек есть лишь природное существо»²⁴.

О ФИЛОСОФСКИХ ИСТОКАХ ПОНИМАНИЯ ВОЙНЫ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

Что же касается философских теорий, которые послужили основой философии войны Достоевского, то ряд ученых полагает, что речь идет о размышлениях о войне И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Для корректного обоснования указанного влияния необходимо выяснить, были ли известны русскому писателю труды немецких философов-классиков. О Канте Достоевский упоминает лишь раз в письме из Омска брату Михаилу (30 января — 22 февраля 1854)²⁵, где среди обширного списка книг (труды историков, экономистов, отцов Церкви), которые он просит передать, есть и «Критика чистого разума» (в которой темы войны и нравственности не затрагиваются в принципе). Указание же на то, что Достоевский общался с людьми, читавшими Канта (например, с Н. Ф. Федоровым и Вл. С. Соловьевым), не может быть серьезным аргументом в пользу его непосредственного знакомства с философией «кенигсбергского отшельника»²⁶. Гораздо больше оснований в том, чтобы в положительном ключе решить вопрос о знании писателем философии Гегеля. В упомянутом выше письме содержится настоятельная просьба прислать «непременно Гегеля»: «С этим вся моя будущность соединена!»²⁷. Надежда Достоевского на соединенность его судьбы со взглядами Гегеля не могла быть не связана с тем фактом, что ему была известна его философия в общих чертах. Это знакомство могло состояться на собраниях философских кружков западников, на которые молодого писателя приглашал гегельянец В. Г. Белинский.

²² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 100.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. С. 36.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859. С. 166–174.

²⁶ См.: Мехед Г. Н. Опыт сравнительного исследования этики И. Канта и Ф. М. Достоевского: методологический комментарий // Философская мысль. 2016. № 11. С. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.11.2030>

²⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 28. Кн. 1. С. 173.

Утверждения о том, что писатель формирует свою антипацифистскую позицию, опираясь на философские взгляды Канта²⁸, звучат крайне неубедительно. Так, в статье, посвященной исследованию философии войны Достоевского, А. А. Юдахин приводит цитату из «Критики способности суждения», где немецкий мыслитель относит войну к возвышенным категориям, а также высказывание из произведения «К вечному миру», в котором утверждается присущность войны человеческому роду. Выбранный метод — сопоставление случайных цитат, вырванных из контекста и не соотнесенных с общей мировоззренческой позицией мыслителя, — не представляется нам удачным. Цитаты из Канта о войне отнюдь не убеждают в том, что философ считает ее относящейся к моральной сфере. Называя войну «динамически возвышенным»²⁹, Кант ставит ее в один ряд с природными явлениями (ураган, землетрясение, шторм), вызывающими у человека одновременно и ужас, и восхищение. И если другая эстетическая категория — прекрасное — действительно может иметь этический смысловой оттенок (символ благого), то возвышенное, будучи тем, что своей силой и мощью подавляет человека, к моральной сфере явно индифферентно.

В произведении «К вечному миру» война характеризуется как «печальное, вынужденное средство в естественном состоянии <...> утвердить свои права силой»³⁰. Юдахин ссылается на содержащуюся во втором разделе мысль о том, что война присуща самой природе человека и проистекает из необходимости продемонстрировать такую добродетель, как доблесть. Это дает повод исследователю провести параллели с идеей Достоевского: «огромные народные потрясения, вроде войны, были бы спасительны»³¹, и по законам человеческой природы войны должны быть каждые 25 лет. Очевидно, однако, что у Канта и у Достоевского акценты расставлены по-разному.

Для Канта состояние войны есть такое, когда «человеческий род при этом выступает для нее (природы. — *Н. Л., А. Л.*) не столько человеческим, сколько животным классом»³². Поэтому отказ от войны и достижение устойчивого мира, по мнению немецкого мыслителя, является демонстрацией того, что человек перестает быть природным существом и становится гражданином мира морали, где главным ориентиром является свобода.

²⁸ См.: Юдахин А. А. «Не всегда война бич, иногда и спасение»: философия войны Ф. М. Достоевского // Вестник Адьгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2022. Вып. 4 (307). С. 104–114. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114>

²⁹ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 130.

³⁰ Кант И. К вечному миру // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

³¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 24. С. 269.

³² Круглов А. Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Исходное состояние и ранние произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 647.

Достоевский же в «Дневнике» возражает тем, кто полагает, что «накопившееся сознание, наука и гуманность, рано ли, поздно ли, непременно должны ослабить вековечный и зверский инстинкт неразумных наций и вселить, напротив, во всех народах желание мира, международного единения и человеколюбивого преуспевания»³³, так как в той исторической ситуации, в которой оказалась Россия, «столь бескорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен, впоследствии и усилится ими же, то все же, и в этом даже случае, явит собою самый исключительный пример»³⁴. Достоевский стремится убедить читателей в том, что война на Балканах есть «подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым»³⁵, и такая война есть «вовсе не “вековечный и зверский инстинкт неразумных наций”», а именно первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить»³⁶.

Наиболее сильным аргументом в пользу пацифистской позиции И. Канта является, на наш взгляд, его этическая философия, которая находится в противоречии с философией войны. Основу этики Канта составляет его знаменитый категорический императив, имеющий две известные формулировки: 1) «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»³⁷ («Основоположения метафизики нравов», 1785); 2) «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»³⁸ («Критика практического разума», 1788). Очевидно, что обе эти формулировки исключают войну из моральной сферы. Война никогда не рассматривает отдельного человека (и даже человечество) как цель, напротив, для нее люди — средство для достижения каких-либо политических целей. Смысл формулировки категорического императива из «Критики практического разума» заключается в отождествлении субъективного воления (максимы) и всеобщего закона. Другими словами, любой поступок человека расценивается с позиции того, может ли он стать нормой для действия всех людей. Война предполагает убийство, а последнее ни в коем случае не может быть оправдано с точки зрения кантовского морального закона. Причем запрет на убийство возводится в абсолют: даже если оно совершается с целью защиты своего Отечества, оно неприемлемо.

Для Достоевского не характерен подобный подход к пониманию войны. В «Дневнике» он выделяет два типа военных конфликтов: первый — «война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство,

³³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 99.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 98.

³⁶ Там же. С. 100.

³⁷ Кант И. Собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 205.

³⁸ Там же. С. 409.

продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия»³⁹, второй — международная, политическая война, полезная тем, что дает людям возможность приобщиться к великодушным идеям («Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества»⁴⁰). Автор вкладывает в уста своего героя-парадоксалиста важную мысль о том, что христианство в «высшем, нравственном смысле» «отвергает войны и требует братолюбия», однако в современном обществе мало кто меряет людей христианской меркой — «меряют карманом, властью, силой»⁴¹, а это влечет за собой неравенство, и только война способна равнять «всех во время боя», она «мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество»⁴².

Возвращаясь к пацифистской позиции Канта, которую, как было нами показано, не разделяет Достоевский, отметим, что влияние кенигсбергского мыслителя на последующих немецких философов несомненно, однако же его трактовка войны не нашла отклика у его последователей. По верному замечанию М. К. Мамардашвили, «во времена Канта еще не было понятия “нация” и тем более не было национал-философов, т. е. идеологов, которые под барабанный бой своих фраз хотели вести вперед народы, свои, конечно, народы»⁴³. Уже И. Г. Фихте «...отошел от кантовского идеала вечного мира и признал правомерность войн, в том числе и тех, которые ведутся во имя достижения “естественных границ” государства»⁴⁴. Полной противоположностью кантовской концепции «вечного мира» стала политическая философия Гегеля, которая, как мы предполагаем, возымела влияние на философию войны Достоевского.

В общественных настроениях в Пруссии периода Реставрации (1815–1840 гг.) и в России в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. можно наблюдать сходные тенденции, что нашло отражение в представлениях Гегеля и Достоевского об особом предназначении своих народов. Как правильно подчеркивает Т. Г. Румянцева, «в отличие от И. Канта Г. Гегель жил в иную историческую эпоху — эпоху “великих войн”, которые многие европейские мыслители, включая и Гегеля, рассматривали именно как *освободительные войны*...»⁴⁵. В начале XIX в. Германия была раздроблена, «ее скреплял только рыхлый Германский союз, этот секуляризированный преемник “Священной римской империи”, о восстановлении которой

³⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 22. С. 123.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Там же. С. 126.

⁴³ Мамардашвили М. Кантовские вариации. М.: Аграф, 2002. С. 11.

⁴⁴ Румянцева Т. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 70.

⁴⁵ Там же. С. 73.

не было и речи»⁴⁶. Но главным фактором, демонстрирующим отсутствие национального единства Германии, было то, что «в союзе оказались и иностранные монархи»⁴⁷. В немецком сознании зарождается мысль о возрождении единства народа, основанном на национальном принципе: «С этой точки зрения объединенная Германия, развив свои неисчислимы и еще никогда не использованные силы, сможет стать ангелом-хранителем всего человечества. <...> Чарующая утопия охватывающего весь мир национального призвания являлась своеобразной компенсацией за удручающую современность»⁴⁸. В своей историософской теории Гегель также приходит к мысли, что мировой разум, управляющий историческим процессом, делает это посредством выведения на мировую арену духа конкретного народа, которому отведена всемирно-историческая роль.

Говоря о философских основаниях антипацифистской позиции Гегеля, отметим, что они заложены в его диалектике, чьим фундаментом является закон единства и борьбы противоположностей, но именно момент противоборства позиционируется как первичный. Еще античный диалектик Гераклит Эфесский писал: «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей (δίκη)»⁴⁹ или «война (Полемос) — отец всех, царь всех»⁵⁰. Гегель прямо говорит о том, что «нет ни одного положения Гераклита», которого он «не принял в свою “Логикку”»⁵¹. Так, в «Конституции Германии» немецкий философ полагает, что два противоборствующих государства (для каждого из них своя система права является истинной) могут решить вопрос о победе одного над другим только посредством войны: «...оба эти противоречащие друг другу права в равной степени истинны, и нарушить их равенство (ungleich machen), чтобы они могли объединиться, что происходит путем уступки одного [права] другому, должно, следовательно, только нечто третье — и это есть война»⁵². Гегель убежден: «Здоровье государства обнаруживается не столько в покое мирного времени, сколько в движении войны»⁵³. Та же мысль звучит и в его работе «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве», где говорится о двух сторонах отношений между народами — положительной (мире) и

⁴⁶ Патрушев А. И. Германская история. М.: Весь Мир, 2003. С. 80.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 77.

⁴⁹ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов / изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 201.

⁵⁰ Там же. С. 202.

⁵¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.: Партиздат, 1932. Т. 9: Лекции по истории философии. Кн. 1. С. 246.

⁵² Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 140.

⁵³ Там же. С. 65.

отрицательной (войне). Постулируя абсолютную необходимость обеих, философ отмечает, что война, которая устраняет единичности во имя общего, «сохраняет нравственное здоровье (*sittliche Gesundheit*) народов»⁵⁴. Сходные мысли обнаруживаем и у Достоевского: для него вооруженный конфликт на Балканах — это «война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи, — такая война лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твердую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию»⁵⁵.

Итак, если у Гегеля «ангелом-хранителем» выступает народ немецкий, то у Достоевского эта мессианская роль отведена «матери-заступнице» в образе русского народа: «...Мать — Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос об них. И именно деток, и именно материнский великий плач»⁵⁶. На страницах «Дневника» угнетенные балканские славяне неоднократно представлены писателем как дети России, которые должны быть спасены и от турок, и от «piccola bestia» — премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли (1804–1881), с 1876 г. — графа Биконсфильда. Упоминая о нем, Достоевский многократно прибегает к образу тарантула («Паук, паук, *piccola bestia*; действительно, ужасно похож; действительно, маленькая мохнатая *bestia*! И ведь как шибко бегаёт! Ведь это избиение болгар — ведь это он допустил, куда — сам и сочинил; ведь он романист, и это его *chef-d'œuvre*»⁵⁷): в художественном мире писателя именно образ паука — символического противника Божьей Матери — тесно связан с мотивами смерти, жестокости, детоубийства. С его помощью Достоевский усиливает антитезу Европы и России, которой он отводит роль матери — заступницы славянских детей⁵⁸.

Необходимо упомянуть и о том, что «всеобъемлющий характер интерес образованного общества к балканским проблемам приобрел сразу же по окончании Крымской войны 1853–1856 гг. Вероятнее всего, в этом не последнюю роль играли и реваншистские настроения»⁵⁹. На страницах

⁵⁴ Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. С. 229.

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 102.

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь. С. 102.

⁵⁷ Там же. С. 110.

⁵⁸ См. подробнее: Лунькова Н. А. «Мать — Россия новых родных деток нашла...»: о роли образа ребенка в трактовке славянской идеи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 196–208.

⁵⁹ Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Изд-во «Наука», 2012. С. 136.

«Дневника» Достоевский, эти настроения явно разделявший, убеждает читателей, что посредством русско-турецкой войны «великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслышанное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского»⁶⁰. Стремясь определить положение русских среди других наций и объяснить их роль в спасении балканских славян, Достоевский замечает, что «есть народы благоразумные, честные и умеренные», но они «далеко не пойдут»⁶¹, русский же народ не принадлежит к их числу. Писатель настаивает на следующем: «Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести <...>. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь»⁶². Именно у русских, по Достоевскому, и есть эта «вера всеобщая, живая, главнейшая»⁶³, что утверждает исключительную позицию русского народа среди остальных в духе гегелевской трактовки национальной идеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения, сделанные нами в ходе анализа вопросов, касающихся авторской трактовки феномена войны в «Дневнике писателя», позволили прийти к следующим выводам. Синтетическая природа «Дневника» определяет метод работы с этим произведением, подразумевая его комплексное изучение, а не вычленение отдельных эпизодов, затрагивающих ту или иную проблематику. «Фрагментарный» подход, в частности, затрудняет понимание войны в «Дневнике», так как при попытке исследователей сфокусироваться только на освещении Достоевским исторических фигур и событий вне их религиозно-философского дискурса происходит искажение авторского замысла, включая попытки обвинить Достоевского в отсутствии «человеколюбия», которое он в принципе отрицал в его европейском понимании. Активно участвуя в общественной дискуссии 1870-х гг. относительно освобождения славянских народов от турецкого господства, Достоевский, чей «Дневник писателя» находил широкий отклик у тогдашней читательской аудитории, ставил на первое место русскую идею,

⁶⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений... Т. 25. С. 195.

⁶¹ Там же. С. 19.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

базирующуюся на особой миссии православия, которое Россия призвана нести миру, чтобы обновить его на этой основе. Именно религиозный фактор имел для писателя важнейшее значение в вопросе объединения славян во главе с Российской империей. С точки зрения же непосредственно философских теорий, ставших фундаментом авторской трактовки войны, Достоевский, как нами было продемонстрировано, близок к Гегелю с его идеей всемирно-исторической роли конкретного народа, но не к Канту с его абсолютом нравственного закона. Таким образом, диалог русской и немецких культур осуществлялся в русле идей национализма, оказывая влияние на развитие русской общественной мысли 1870-х гг.

Источники

- Александров М. А.* Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 251–324.
- Алчевская Х. Д.* Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / сост. и комм. К. Тюнькина. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 325–342.
- Гегель Г. В. Ф.* Политические произведения. М.: Наука, 1978.
- Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. М.: Партиздат, 1932. Т. 9: Лекции по истории философии. Кн. 1.
- Гераклит* // Фрагменты ранних греческих философов / изд. подгот. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 156–257.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 22: Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1981. Т. 23: Дневник писателя за 1876 год. Май — октябрь.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1982. Т. 24: Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь — декабрь.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1984. Т. 26: Дневник писателя. 1877 сентябрь — декабрь, 1880 август.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. / отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма 1832–1859.
- Кант И.* К вечному миру // Гражданское общество в России: научная электронная библиотека [сайт]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 11.03.2025).
- Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
- Кант И.* Собрание сочинений в 8-ми томах. М.: Чоро, 1994. Т. 4.

Литература

- Акелькина Е. А. «Дневник писателя» за 1876–1877 гг. // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 263–272.
- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923.
- Волгин И. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- Волгин И. Л. «Дневник писателя»: текст и контекст // Достоевский: Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 3. С. 151–158.
- Волкова Е. А. «Дневник писателя» как отражение исторической концепции Ф.М. Достоевского // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. URL: <https://vestnik.rsu-rzn.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).
- Иустин (Попович), преп. Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб.: Сретенский монастырь, 2002.
- Касаткина Т. А. Художественные тексты в составе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского: контекстный анализ // Вопросы литературы. URL: <https://voplit.ru/article/hudozhestvennye-teksty-v-sostave-dnevnika-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kontekstnyj-analiz/> (дата обращения: 11.03.2025).
- Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов: Наука, 2012.
- Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. 2011. № 11. С. 163–166.
- Кочуков С. А. Ф. М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 годов // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 69–73.
- Круглов А. Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Исходное состояние и ранние произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 644–657. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-644-657>
- Лунькова Н. А. «Мать — Россия новых родных деток нашла...»: о роли образа ребенка в трактовке славянской идеи в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 196–208. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>
- Мамардашвили М. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002.
- Мехед Г. Н. Опыт сравнительного исследования этики И. Канта и Ф. М. Достоевского: методологический комментарий // Философская мысль. 2016. № 11. С. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.11.2030>
- Патрушев А. И. Германская история. М.: Весь Мир, 2003.
- Румянцева Т. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 70–74.
- Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011.

Юдахин А. А. «Не всегда война бич, иногда и спасение»: философия войны Ф.М. Достоевского // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2022. Вып. 4 (307). С. 104–114. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114>

References

- Akel'kina, E. A., 2008. "A Writer's Diary" 1876–1877. In: G. K. Shchennikov, B. N. Tikhomirov, eds. *Dostoevsky: Works, Letters, Documents: A Dictionary-Reference Book*. St Petersburg: Pushkinskii dom, pp. 263–272. (In Russian)
- Berdyayev, N. A., 1923. *Dostoevsky: An Interpretation*. Prague: The YMCA PRESS Ltd. (In Russian)
- Iudakhin, A. A., 2022. "War is not always a scourge, sometimes it is salvation": the philosophy of war by F. M. Dostoevsky. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Philology and Art Criticism, 4 (307), pp. 104–114. <https://doi.org/10.53598/2410-3489-2022-4-307-104-114>. (In Russian)
- Kasatkina, T. A., 2011. Fictional Texts in the "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky: Contextual Analysis. *Voprosy literatury*. URL: <https://voplit.ru/article/hudozhestvennye-teksty-v-sostave-dnevnikha-pisatelya-f-m-dostoevskogo-kontekstnyj-analiz/> (accessed: 11.03.2025). (In Russian)
- Kochukov, S. A., 2010. F. M. Dostoevsky and the Russo-Turkish War 1877–1878. *Izvestiia Saratovskogo universiteta, Ser.: History. International Relations*, Vol. 10, Iss. 2, pp. 69–73. (In Russian)
- Kochukov, S. A., 2011. The attitude of educated Russian society to the Russian-Turkish war of 1877–1878. *Vlast'*, 11, pp. 163–166. (In Russian)
- Kochukov, S. A., 2012. "For the Slavic brothers": the Russian-Turkish war of 1877–1878 in the perception of society, power and army of the Russian Empire. Saratov: Nauka. (In Russian)
- Kruglov, A. N., 2022. Hegel's bellicist view of the war. Initial state and early works. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Philosophy*, Vol. 26, Iss. 3, pp. 644–657. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-644-657>. (In Russian)
- Lunkova, N. A., 2024. "Mother Russia discovers new real children": on the role of the child's image in interpretations of Slavic idea in "A Writer's Diary" by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, Vol. 73, pp. 196–208. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-196-208>. (In Russian)
- Mamardashvili, M., 2002. *Kantian Themes*. Moscow: Agraf. (In Russian)
- Mekhed, G. N., 2016. The experience of comparative analysis of the ethics of I. Kant and F. M. Dostoyevsky: methodological commentary. *Filosofskaia mysl'*, 11, pp. 130–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.11.2030>. (In Russian)
- Patrushev, A. I., 2003. *German history*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian)
- Popović, Justin, St., 2002. *Dostoevsky on Europe and Slavism*. Moscow; St Petersburg: Sretenskii monastery'. (In Russian)
- Rumiantseva, T. G., 2013. Hegel on the legitimacy and moral significance of wars versus Kant's idea of "eternal peace". *Sotsiologiya*, 2, pp. 70–74. (In Russian)
- Tarasova, N. A., 2011. "A Writer's Diary" by F. M. Dostoevsky (1876–1877): Textual Criticism. Moscow: Kvadriga; MBA. (In Russian)

-
- Volgin, I., 2019. *Nobody's Contemporary: Dostoevsky's Four Circles*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)
- Volgin, I. L., 1978. "A Writer's Diary": *Text and Context*. In: G.M. Fridlender, ed., 1978. *Dostoevsky: Materials and Research. Vol. 3*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe ot-delenie, 1978, pp. 151–158. (In Russian)
- Volkova, E. A., 2016. "A Writer's Diary" as a reflection of the historical concept of F. M. Dostoevsky. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Eсенина*, URL: <https://vestnik.rsu-rzn.ru/wp-content/uploads/2016/12/2.pdf> (accessed: 11.03.2025). (In Russian)

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ СЦЕНАРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «ГЕРОИ ШИПКИ» (1954 Г.) С. Д. ВАСИЛЬЕВА

Денис Игоревич Никифоров

Кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Почтовый адрес: Москва, Россия
Электронный адрес: denisen1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1580-6707

Аннотация

В статье рассматривается процесс подготовки сценария фильма С. Д. Васильева «Герои Шипки». Автор касается проблемы отображения исторических фактов в художественном произведении в советский период отечественной истории. С. Д. Васильев многие годы вынашивал план съемки фильма о событиях Восточного кризиса 1875–1878 гг. Фильм «Герои Шипки» стал первым для режиссера после смерти Г. Н. Васильева, с которым он много лет работал в творческом дуэте. Подготовленный сценарий А. А. Первенцева требовал многочисленных доработок, в том числе и в части отображения исторических событий. Сценарий фильма прошел процедуру обсуждения в Институте истории Академии наук СССР, в ходе которого свои замечания высказали отечественные слависты. Многие замечания не были учтены при съемке фильма. С. Д. Васильев, как режиссер, исходил из принципов художественной достоверности, предполагая, что драматическая достоверность в художественном произведении преобладает над исторической. Автор статьи обращает внимание на то, что подобный подход особенно ярко проявился в процессе съемок фильма, когда режиссер пожертвовал сценами Константинопольской конференции 1876–1877 гг., в пользу сцен, раскрывающих взаимоотношения ключевых персонажей фильма. Несмотря на это, режиссер фильма С. Д. Васильев провел серьезную работу в части подготовки исторического материала и осуществил попытку сохранить баланс между художественным и историческим аспектами фильма.

Ключевые слова

«Герои Шипки», советский кинематограф, С. Д. Васильев, отображение истории в кино

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2025 г.

Статья доработана автором 10 апреля 2025 г.

Статья принята в печать 1 мая 2025 г.

Цитирование: *Никифоров Д. И.* Процесс создания сценария художественного фильма «Герои Шипки» (1954 г.) С. Д. Васильева // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 71–84. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.04>

THE PROCESS OF WRITING THE SCRIPT FOR “HEROES OF SHIPKA” (1954) BY S. D. VASILEV

Denis I. Nikiforov

Ph. D., independent researcher
Postal address: Moscow, Russia
E-mail: denisen1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1580-6707

Abstract

The article examines the process of preparing the screenplay for S. D. Vasiliev’s film “Heroes of Shipka”. The author addresses the issue of representing historical facts in artistic works during the Soviet period. Focusing on the screenplay preparation, the author explores how the director tackled the challenge of balancing artistic and historical elements, using the film about the events of the Russo-Turkish War of 1877–1878 as a case study. For many years Vasiliev had been developing a plan to shoot the film about the events of the Eastern Crisis of 1875–1878. “Heroes of Shipka” became the first film for the director after the death of G. N. Vasiliev, with whom he had collaborated for many years in a creative partnership. The screenplay prepared by A. A. Perventsev required numerous revisions, particularly regarding the depiction of historical events. The film’s screenplay underwent a discussion process at the Institute of History of the Academy of Sciences of USSR, during which domestic Slavists provided their feedback. Some of these comments were not taken into account during the film’s production. As a director, S. D. Vasiliev operated on the principles of artistic authenticity, believing that dramatic truth in an artistic work takes precedence over historical accuracy. The author notes that this approach was particularly evident during the filming process, when the director sacrificed scenes from the Constantinople Conference of 1876–1877 in favor of scenes that revealed the relationships between the film’s key characters. Despite this, the author highlights that the film’s director, S. D. Vasiliev, undertook significant work in preparing the historical material and made an effort to maintain a balance between the artistic and historical aspects of the film.

Keywords

“Heroes of Shipka”, Soviet Cinema, S. D. Vasiliev, Representation of History in Film

Received 21 February 2025

Revised 10 April 2025

Accepted 1 May 2025

For citation: Nikiforov, D. I., 2025. The Process of Writing the Script for “Heroes of Shipka” (1954) by S. D. Vasilev. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 71–84. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.04>

В феврале 2025 г. исполнилось 70 лет с выхода в прокат киноленты режиссера С. Д. Васильева по сценарию А. А. Первенцева «Герои Шипки», которая стала первой отечественной кинокартиной, посвященной событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и примером совместного советско-болгарского кинопроизводства.

В марте 1948 г. был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией, в котором в том числе декларировалось укрепление и развитие культурных связей. Советские кинематографисты оказывали техническую помощь в оборудовании студий, участвовали в обмене творческим опытом, направляли в Болгарию своих операторов и др. Съемки фильма «Герои Шипки» отвечали сложившимся принципам укрепления советско-болгарской дружбы. Политическое и культурное сближение двух народов обуславливало исторический контекст, в котором создавался фильм «Герои Шипки».

В. С. Малышев писал, что исторические фильмы позволяют «не только визуально погрузиться в образную реальность атмосферы прошлых лет, но и сформировать в сознании современного зрителя художественно достоверный образ ушедшего времени»¹. Историк и киновед В. С. Листов обратил внимание на то, что картины о прошлом документируют «не столько “дела давно минувших дней”, сколько текущую социально-психологическую ситуацию, т. е. время и обстоятельства, в которых эти фильмы были созданы»². Отечественный историк С. С. Секиринский пишет: «...немалая роль в истории всегда принадлежала и такому слагаемому киноискусства, как игровое начало»³. В качестве примера он привел М. Д. Скобелева, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Создать легенду, выстроенную на сюжетной основе наполеоновской эпопеи, пытались и в российской истории, например, генерал М. Д. Скобелев <...> Скоропостижная смерть генерала лишь упрочила тщательно выстроенную им скобелевскую легенду»⁴. Неудивительно, что одним из центральных персонажей фильма «Герои Шипки» стал именно он: вокруг роли Скобелева в истории и фильме шли многочисленные споры и дискуссии, в том числе и в процессе обсуждения сценария. В этой связи особый интерес представляет изучение работы с историческим материалом в процессе создания фильма «Герои Шипки».

¹ Малышев В. С. Советские исторические фильмы как инструмент просвещения и воспитания современной молодежи // Вестник ВГИК. 2024. Т. 16. № 1 (59). С. 6.

² Листов В. С. Миф и факт на экране // История страны / История кино. М.: Знак, 2004. С. 24.

³ Секиринский С. С. Кинематографичность истории, историзм кинематографа // История страны / История кино. М.: Знак, 2004. С. 5.

⁴ Там же. С. 5–6.

Наиболее детально процесс съемок фильма С. Д. Васильева разобран киноведом Д. С. Писаревским. Работа режиссера рассмотрена в контексте творческой жизни братьев Васильевых⁵. При написании своей работы Писаревский использовал многочисленные интервью современников, доступные ему документы, статьи из отечественных и зарубежных периодических изданий. Стоит также выделить статью М. А. Ростоцкой, в которой проводилось исследование фильма «Волочаевские дни»⁶. Фильму «Герои Шипки» посвящены работы болгарского исследователя М. Писковой. Основываясь на материалах болгарских архивов, автор подробно рассматривает содержательную и художественную стороны фильма, а также процесс написания сценария⁷.

В рамках данной статьи будет рассмотрено, как создатели фильма «Герои Шипки» искали грань между историческим и художественным отображением событий Восточного кризиса 1875–1878 гг.

В исследовании использованы архивные материалы российского государственного архива литературы и искусства (далее — РГАЛИ). В деле 3534 фонда 2456 содержатся отзывы на литературный сценарий фильма «Герои Шипки» С. А. Никитина, Е. В. Тарле и др., а также стенограмма обсуждения сценария в Институте истории Академии Наук СССР. В фонде 2733 представлены личные и рабочие материалы С. Д. Васильева: тетради и блокноты, письма, сценарии с правками режиссера и др. Материалы архива дают возможность подробно исследовать процесс работы Васильева с историческим материалом при съемках художественного фильма.

ПОДГОТОВКА И СОГЛАСОВАНИЕ СЦЕНАРИЯ «ГЕРОИ ШИПКИ»

С. Д. Васильев, как сын участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг., был связан с темой лично и эмоционально⁸. Идея снять фильм на тему русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пришла ему еще в пору работы со своим коллегой и однофамильцем, Г. Н. Васильевым. «Братья Васильевы», как называли себя кинематографисты, уже работали вместе над историческими фильмами. В дуэте с Г. Н. Васильевым С. Д. Васильев снял такие киноленты, как «Чапаев» (1934), «Волочаевские дни» (1937), «Оборона Царицына» (1942) и др. Смерть друга и коллеги изменила планы режиссера

⁵ Писаревский Д. С. Братья Васильевы. М.: Искусство, 1981. С. 320.

⁶ Ростоцкая М. А. Борьба за Дальний Восток в интерпретации братьев Васильевых // Вестник ВГИК. 2020. Т. 12. № 1 (43). С. 8–20.

⁷ Пискова М. «Героите на Шипка»: Архивен прочит на един филм за Руско-турската война (1877–1878) от времето на Студената война. Благоевград: «Неофит Рилски», 2015. С. 523.

⁸ Пискова М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в болгарском кинематографе (на примере архивных документов о фильме «Герои Шипки») // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции. Ставрополь, 2015. С. 91.

на съемки кинофильма. Как рассказывал С. Д. Васильев, «надо сказать, что еще в 1945 году, в конце Великой Отечественной войны против фашизма, мысль о создании такой картины уже возникла у меня и моего постоянного творческого соратника Г. Н. Васильева, и только его неожиданная смерть помешала тогда ее осуществлению, хотя нами была уже проделана большая подготовительная работа по сбору материалов и изучению событий на местах исторических действий в Болгарии»⁹. В 1951 г. руководство советской кинематографии попросило С. Д. Васильева помочь сценаристу А. А. Первенцеву в подготовке кинематографического сценария по событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К 31 января 1952 г. сценарий был принят сценарной студией¹⁰. В 1952 г. С. Д. Васильев отправился в Болгарию, где помогал местным постановщикам в реализации их творческих проектов¹¹.

Писатель и сценарист А. А. Первенцев, участвовавший в написании сценария фильма 1948 г. «Третий удар» режиссера И. А. Савченко, имел неоднозначную репутацию среди коллег. Резкой критике Первенцева подверг советский драматург Е. Л. Шварц¹². Сам сценарий «Героев Шипки» был первой работой режиссера после смерти Г. Н. Васильева, с которым С. Д. Васильев вел совместную работу над сценарием. С. Д. Васильев в своей речи в Доме кино на спецпоказе фильма «Герои Шипки» делился своими переживаниями, связанными с фильмом: «С великим страхом начал я эту работу, с великим страхом пришел к старым московским друзьям. Мне было тяжело начинать снимать картину без брата, с которым я привык разделять творческую жизнь. Но <...> мне заменил брата дружный, по-настоящему творческий коллектив, дружная, творческая атмосфера, которую создали для меня мои друзья по работе»¹³.

Когда первый вариант сценария был готов, он не устроил режиссера. Как отмечал Писаревский, сценарий отличало «многообразие, и перегруженность историческим материалом, и внешняя помпезность»¹⁴. Проект задумывался Васильевым как фильм о русских солдатах и болгарских ополченцах, а сценарий уводил их на второй план. Писаревский обратил внимание на то, что «на их пути был мощный заслон — обширнейшая галерея исторических персонажей»¹⁵. Эти проблемы первого варианта сценария подчеркивал и сам Васильев. В своей статье для болгарского журнала «Литературен фронт», он писал: «Надо было найти соответствующий эпическому разма-

⁹ Васильев С. Д. Подлинное горение, искренний энтузиазм... // Братья Васильевы. Собрание сочинений в трех томах. М.: Искусство, 1983. Т. 3. С. 136.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 788. Л. 1.

¹¹ Писаревский Д. С. Братья Васильевы. С. 251.

¹² Шварц Е. Л. Телефонная книжка / сост. и комм. К. Н. Кириленко. М.: Искусство, 1997. С. 118–119.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 450. Л. 31.

¹⁴ Писаревский Д. С. Братья Васильевы... С. 259.

¹⁵ Там же. С. 260.

ху и поэтической приподнятости авторского изложения изобразительный язык <...> Необходимо было избежать опасности безликости масс, путем заострения отдельных индивидуальных образов, проявления типических характеров, раскрывающих для зрителя подлинные чувства и мысли, движущие массы в их поступках и действиях, и создания таким путем коллективного образа народа в картине»¹⁶. Выписывая замечания к сценарию, Васильев выделил строчку: «Над рядами дружинников реет Самарское знамя, то самое знамя, которое в мае месяце 1877 г. было торжественно преподнесено в Плоешти болгарскому ополчению (3-й дружине) представителями граждан города Самары» с комментарием «Кому это важно? Худсовету? А как это узнает зритель? Зачем это писать?»¹⁷. Некоторые сцены из литературного сценария Васильев вырезал полностью. К примеру, из конечного варианта сценария была удалена сцена диалога премьер-министра Великобритании Б. Дизраэли и министра иностранных дел Э. Г. Стенли, графа Дерби: «Из мрака тяжелого лондонского тумана выплывает красный глаз Биг-Бена. Дизраэли, радостно потирая сухие ручки, говорит Дерби.

Дизраэли: Великолепно! Вот сведения о Мак-Галахана. Русским еще не скоро удастся форсировать Дунай.

Дерби (Читает донесение, усмехается): Они хотят взять Дунай конной атакой! И опять этот вездесущий Скобелев!...»¹⁸.

В июле 1952 г. прошло обсуждение литературного сценария Первенцева в Институте истории Академии наук СССР. Председателем заседания был профессор, доктор исторических наук А. С. Нифонтов. На заседании свои заключения предоставили советские историки А. М. Панкратова, С. А. Никитин и др. Наиболее строгую критику фильм получил от С. А. Никитина. В своем отзыве он пишет: «...нельзя написать ничего удовлетворительного на эту крайне сложную и ответственную тему без пристального изучения истории войны и ей предшествующих событий»¹⁹. Более обстоятельно отечественный историк рассматривает проблемы фильма на обсуждении сценария. Никитин указывал на то, что «вызывает недоумение во многих случаях и литературная форма сценария, те выражения и фразы, которые влагаются в уста действующих лиц. Я не могу не отметить, например, того, что в уста Драгомирова вложена фраза из одесской частушки начала XX века: “Я милого узнала по походке”, вряд ли подходящая для этого лица или этого времени»²⁰. Говоря о изображении болгарского народа в фильме, Никитин замечает, что «на протяжении всего фильма болгарский народ фактически отсутствует. Есть отдельные лица, но народа, как такого,

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 447. Л. 33.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 85. Л. 41.

¹⁸ Там же. Л. 35.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2456, оп. 1, ед. хр. 3534. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 21.

в фильме нет». А. С. Нифонтов указывал на то, что крупный вклад русского народа и «в прошлое время в освободительную борьбу славянских народов за свою независимость» отображен в тексте схематично и односторонне²¹. По мнению А. М. Панкратовой, героизм и храбрость солдат «выглядят менее убедительно, чем подвиги генералов»²². Отзыв отечественного историка Е. Г. Тарле был положительным: «Сценарий написан живо, красочно, интересно, дает в ряде мест художественную и, в общем, удавшуюся иллюстрацию к историческим событиям»²³.

Отдельно стоит выделить сцену, в которой Александр II обращался за советом к канцлеру, министру иностранных дел А. М. Горчакову за советом. Е. Г. Тарле отмечал, что «Горчакову было под восемьдесят лет, и он (даже при царе) сидел, а не стоял. Горчаков тут не просто ловкий царедворец, а очень большой сановник и не может так говорить и лебезить и прикидываться глухим и т. д. Он не торопился с войной, но и не боялся ее. Его нужно сделать спокойным, сановитым, осторожным, но не трусливым и не виляющим. Это был большой барин старого аристократического рода, державшийся с большим достоинством»²⁴. А. С. Нифонтов не находил эту сцену удачной: «помимо неполноты объяснения мотивов внешней политики царизма в 70-х годах, этот текст рисует Александра II исполнителем «воли народа» и приводит к нелепому выводу, что царь якобы признавал выразителями народных настроений народнических революционеров»²⁵. С. А. Никитин обратил внимание на этот эпизод в сценарии, когда перечислял свои замечания: «На 7-й странице сценария имеется фраза, говорящая о том, что Александру II стало известно о призывах русских революционеров и помощи освободительному движению на Балканах. Из контекста вытекает совершенно ясный вывод, что эти призывы русских революционеров и были моментом, который побудил в дальнейшем Александра II начать активные действия против Турции. Но если оставить в стороне неточность, касающуюся русских революционеров и их отношения к движению на Балканах, то такая трактовка образа Александра II совсем уж недопустима»²⁶.

Отдельные замечания касались роли М. Д. Скобелева в событиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В своем отзыве на сценарий А. С. Нифонтов писал: «Явно идеализирован в сценарии и Скобелев <...> Больше того, словами великого князя Николая Николаевича он рисуется чуть ли не как революционер»²⁷. П. К. Фортунатов высказал свои замечания о роли Скобелева в сценарии: «Откуда Первенцев взял, что Скобелев захватил в плен

²¹ РГАЛИ. Ф. 2456, оп. 1, ед. хр. 3534. Л. 2.

²² Там же. Л. 8.

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 787. Л. 10.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2456, оп. 1, ед. хр. 3534. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 4.

сотни английских офицеров в Средней Азии? Это сплошная фантастика, о которой просто неудобно говорить. Это просто незнание истории характера английской агрессии»²⁸.

Заключение заседания вместе с отзывами были представлены 3 июля 1952 г. на заседании худсовета министерства кинематографии СССР А. С. Нифонтовым. В своем выступлении Нифонтов обратил внимание на то, что в сценарии недостаточно раскрыт ленинский тезис о наличии двух России, а роль царских сановников идеализируется: «Два слова по поводу замечания славистов <...> Известно, что во время военных действий русские войска встречались всем населением. Народ пропал в сценарии. Отмечалось в выступлении представителей Института славяноведения слабое отражение и быта, в том числе и турецкого»²⁹. По итогу худсовета было решено доработать сценарий.

По результатам заседания худсовета Первенцев внес дополнительные правки, которые были представлены на следующем заседании 4 сентября 1952 г. В ходе заседания подчеркивалось, что сценарий был значительно исправлен, но также были высказаны замечания. Первенцеву указывали на то, что европейские державы не играли такой активной роли, как показано в сценарии: «Вовсе не был весь капиталистический мир против России. Австрия соблюдала нейтралитет, Германия тоже соблюдала нейтралитет <...> а такое впечатление, что они все были против нас, что тогда уже имелась сплоченная коалиция капиталистического мира против России — такого не нужно»³⁰.

Первенцев защищал представленное в тексте видение политики европейских держав: «против нас тогда действовал блок держав, и ничего здесь не модернизировано, если мы разбираем отдельные детали, потому что действовали, в основном, те же враги, что и сейчас <...> я все это знаю и говорю так, потому что сценарий этот был в течение года моей жизнью»³¹.

После внесения Первенцевым незначительных правок сценарий был утвержден к съемкам. С. Д. Васильев был вынужден вносить правки в ходе подготовки фильма, отдельные погрешности были исправлены благодаря консультации П. К. Фортунатова. Некоторые сцены Васильев снял, несмотря на замечания историков. Эпизод, в котором Александр II обращается к Горчакову с вопросом о поддержке славянского движения на Балканах, был снят и вошел в финальный монтаж фильма.

Многие сцены были отредактированы или вырезаны из фильма. Режиссер сократил сцены дипломатических переговоров, которые изначально присутствовали в сценарии Первенцева, и эпизоды, предполагавшие акцент на серьезном участии англичан в действиях против Российской империи.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2456, оп. 1, ед. хр. 3534. Л. 25.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 911. Л. 12-16.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 912. Л. 18.

³¹ Там же. Л. 39-40.

Были удалены сцены с Х. Ботевым, к которым было предъявлено множество замечаний со стороны С. А. Никитина, а основной акцент был сделан на выдуманных персонажах Боримечке, Петко и Панайоте, которые по сценарию участвовали в событиях русско-турецкой войны. За счет взаимодействия этих персонажей с русскими солдатами режиссер смог продемонстрировать установившуюся связь двух народов. Подобный подход соответствовал творческим принципам режиссера и задаче отображения русско-болгарской дружбы.

РАБОТА С. Д. ВАСИЛЬЕВА С ИСТОРИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ ВО ВРЕМЯ СЪЕМОК ФИЛЬМА

Съемки фильма начались в первой половине 1953 г. В процессе съемок была задействована болгарская армия. 25 февраля 1953 г. в Болгарию прибывают первые советские участники съемочной команды. Для массовых съемок было предусмотрено 7 тыс. участников³². Вспоминая процесс работы над фильмом, Васильев пишет, что для съемок батальных сцен каждое подразделение получало свою съемочную униформу и свой съемочный номер: «Руководимое своим кадровым командным составом, оно выполняло получаемые от режиссерского штаба конкретные боевые задания. Конечно, современная армия и ее тактические боевые приемы мало похожи на армию XIX в. Бойцам и командирам приходилось проходить специальную “переподготовку”»³³.

В ходе работы над фильмом Васильев вел список литературы по теме Восточного кризиса. В нем можно обнаружить такие работы, как «Годы войны» журналиста и путешественника В. И. Немировича-Данченко, брата известного драматурга и театрального режиссера; собрание сочинений писателя В. М. Гаршина, участника событий Восточного кризиса; дневник военного министра Д. А. Милютинина и др.³⁴. Васильев также ознакомился с материалами, которые предоставляли другую точку зрения на действия героев его фильма, отличную от тех, что были представлены в сценарии. В своем блокноте он выписал цитаты, в которых роль Э. И. Тотлебена, важного участника событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг., оценивалась негативно³⁵.

Говоря о принципах работы с историческим материалом, Васильев писал: «...Несколько слов об историзме. Мы считаем обязательным для фильма на историческую тему соблюдение точности и исторической правды в основном и главном, определяющем ход исторического события, его развитие и значение. Однако мы никогда не должны забывать, что име-

³² Пискова М. «Героите на Шипка»... С. 133.

³³ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 447. Л. 40.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 518. Л. 47.

³⁵ Там же. Л. 66.

ем дело с художественным произведением, воздействующим на зрителя специфическими средствами искусства <...> Исторический факт сам по себе еще не факт искусства. Творчество художника не фотографирует, а вскрывает, анализирует и объясняет факт в художественном преломлении. Творческое опосредование факта, его образное решение — задача художественного произведения. Драматургия художественного произведения требует внесения своих коррективов в течение исторических событий. Важно лишь, чтобы эти изменения не противоречили правде истории»³⁶. В своих публикациях Васильев отмечал, что при создании произведения допустимо внесение изменений в ход исторических фактов при сохранении «внутренней правды истории». По словам режиссера, «исторический факт сам по себе часто носит характер случайности и не несет в себе исторической неизбежности. Задача художника не фотографировать факт, а вскрыть его, анализировать и объяснить в художественном образе <...> Отсюда — право художника, не нарушая смысла исторической правды, переносить место действия, концентрировать исторические события, сжимать их во времени и пространстве, вводить в действие выдуманных героев и т. п.»³⁷.

Подход режиссера к работе с историческим материалом в художественном произведении выразился в ходе съемок фильма «Герои Шипки». Режиссера попросили отказаться от съемок двух эпизодов — «Палатка Драгомирова» и «Совещание в Тырново». В своем письме 10 апреля 1954 г. заместителю начальника главного управления кинематографии Н. К. Семёнову, Васильев указывал на то, что для «экспозиции Скобелева, Драгомирова и Верещагина и был введен мною эпизод “Палатка Драгомирова” <...> Кроме этих персонажей, в этой же сцене проходят и скрещиваются линии болгарских героев — Петко, Боримечка, Панайота, и генерала Столетова»³⁸. Со слов Васильева, сцены не требовали почти никаких постановочных затрат и были необходимы, «как с точки зрения простого знакомства зрителя с персонажами картины, так и с точки зрения развития драматургических линий картины». По мнению режиссера, из-за исключения сцены в палатке Драгомирова зритель не смог бы распознавать героев фильма³⁹.

Другая сцена, за съемки которой боролся Васильев, был эпизод «Совещание в Тырново». Аргументируя необходимость съемок сцены, Васильев писал: «Хорошо известно, что в сценарии нет крепких фабульных линий <...> Удалить эпизоды, рисующие и раскрывающие эти взаимоотношения и стратегические ходы, — значит лишить картину ее сюжетики, сделать ее иллюстративной и скучной. Удаление эпизода “Совещание в Тырново” —

³⁶ Васильев С. Д. Первый результат творческой дружбы советских и болгарских кинематографистов // Братья Васильевы. Собрание сочинений в трех томах. М.: Искусство, 1983. Т. 3. С. 131.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 447. Л. 34.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 788. Л. 54.

³⁹ Там же.

сделает непонятным дальнейшее развитие действия и поведение действующих лиц и вызовет у зрителя ряд справедливых недоуменных вопросов»⁴⁰. В этот же период Васильев написал еще одно письмо директору студии «Ленфильм» И. А. Глотову: «Поставленный перед необходимостью найти возможность оставления и съемки эпизодов “Палатка Драгомирова” и “Совещание в Тырново у Гурко”, имеющих существеннейшее значение для развития образов героев картины и понимания зрителем оперативно-стратегического хода русского командования, — я прошу Вашего разрешения на съемку этих эпизодов за счет отказа от эпизода “Константинопольская конференция”. Этот последний эпизод, хотя и разъяснил бы общую ситуацию, создавшуюся в Турции к началу войны, — но все же он менее значителен и важен, чем два указанных выше»⁴¹. Как мы можем заметить, Васильев придерживался своих принципов художественной достоверности, отказываясь от съемок важных для исторического контекста сцен, если этой жертвы требовало сохранение художественной целостности картины.

В 1954 г. съемки фильма были успешно завершены. Режиссер был вынужден сокращать и убирать отдельные сцены, так как метраж «Героев Шипки» в режиссерской разработке составлял 2800 метров, а отснято было метража больше, чем вдвое⁴². В октябре 1954 г. прошел специальный показ фильма «Герои Шипки», а в феврале 1955 г. фильм вышел в широкий прокат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественный искусствовед Н. Е. Мариевская в своей работе, посвященной историческому времени в кино, пишет, что историческая стилизация «не претендует на изображение глубинных исторических конфликтов. Это прежде всего художественный прием. Сам же конфликт произведения может как принадлежать настоящему, так и иметь вневременное значение»⁴³. Перед режиссером С. Д. Васильевым стояла задача снять фильм, который несет значимое идеологическое содержание и будет интересен массовому зрителю. Чтобы решить ее, Васильев руководствовался принципом художественной достоверности. В процессе съемок он отказывался от сцен, раскрывающих исторический контекст описываемых событий, и оставлял сцены, которые критиковали с точки зрения историзма, с одной целью: сделать фильм интересным для зрителя, а идеологическое содержание фильма понятным. И Васильев справился с поставленной задачей: современники тепло встретили фильм.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 788. Л. 54.

⁴¹ Там же. Л. 56.

⁴² Писаревский Д. С. Братья Васильевы. С. 261.

⁴³ Мариевская Н. Е. Историческое время в структуре фильма (Окончание. Начало в № 1) // Вестник ВГИК. 2010. Т. 2. № 1 (2). С. 12.

Киновед А. В. Федоров пишет, что, несмотря на то что с годами картина ушла из поля зрения аудитории, в год премьеры «о ней широко писала советская пресса»⁴⁴. В рецензии газеты «Вечерняя Москва» за 24 февраля 1955 г. события фильма сравниваются с «эпосом борьбы против фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны <...> Народы СССР еще раз пришли на помощь своим болгарским братьям»⁴⁵. В статье «Литературной газеты» за 26 февраля 1955 г. отмечается, что «фильм “Герои Шипки”, созданный кинематографистами СССР и Болгарии, — новое подтверждение старой дружбы и единения обоих народов»⁴⁶. В 1955 г. фильм «Герои Шипки» был удостоен премии за лучшую режиссуру на Каннском кинофестивале, а сам фильм стал классикой советского кинематографа и примером совместного советско-болгарского производства.

Источники

Васильев С. Д. Первый результат творческой дружбы советских и болгарских кинематографистов // Братья Васильевы. Собрание сочинений в трех томах. М.: Искусство, 1983. Т. 3.

Васильев С. Д. Подлинное горение, искренний энтузиазм... // Братья Васильевы. Собрание сочинений в трех томах. М.: Искусство, 1983. Т. 3.

Крючков Н. А. Эпопея о героях Шипки // Вечерняя Москва. 1955. № 46. С. 2.

Никулин Л. В. Страницы истории // Литературная газета. 1955. № 25. С. 3.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ):

Ф. 2456, оп. 1, ед. хр. 3534.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 85.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 447.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 450.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 518.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 787.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 788.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 911.

Ф. 2733, оп. 1, ед. хр. 912.

Шварц Е. Л. Телефонная книжка / сост. и коммент. К. Н. Кириленко. М.: Искусство, 1997.

⁴⁴ Федоров А. В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М.: ОД «Информация для всех», 2023. С. 252.

⁴⁵ Крючков Н. А. Эпопея о героях Шипки // Вечерняя Москва. 1955. № 46. С. 2.

⁴⁶ Никулин Л. В. Страницы истории // Литературная газета. 1955. № 25. С. 3.

Литература

- Листов В. С. Миф и факт на экране // История страны / История кино. М.: Знак, 2004. С. 18–24.
- Мальшиев В. С. Советские исторические фильмы как инструмент просвещения и воспитания современной молодежи // Вестник ВГИК. 2024. Т. 16. № 1 (59). С. 6–14.
- Мариевская Н. Е. Историческое время в структуре фильма (Окончание. Начало в № 1) // Вестник ВГИК. 2010. Т. 2. № 1(2). С. 12–26.
- Писаревский Д. С. Братья Васильевы. М.: Искусство, 1981.
- Пискова М. «Героите на Шипка»: Архивен прочит на един филм за Руско-турската война (1877–1878) от времето на Студената война. Благоевград: «Неофит Рилски», 2015.
- Пискова М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в болгарском кинематографе (на примере архивных документов о фильме «Герои Шипки») // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв.: Материалы международной конференции. Ставрополь, 2015. С. 90–94.
- Ростоцкая М. А. Борьба за Дальний Восток в интерпретации братьев Васильевых // Вестник ВГИК. 2020. Т. 12. № 1(43). С. 8–20.
- Секиринский С. С. Кинематографичность истории, историзм кинематографа // История страны / История кино. М.: Знак, 2004. С. 3–8.
- Федоров А. В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кино-критиков и зрителей. М.: ОД «Информация для всех», 2023.

References

- Fedorov, A. V., 2023. *A Thousand and One Most Box Office Soviet Movies: Opinions of Film Critics and Viewers*. Moscow: OD «Informatsiia dlia vsekh». (In Russian)
- Listov, V. S., 2004. Myth and Fact on Screen. *History of the Country / History of Cinema*. Moscow: Znak, pp. 18–24. (In Russian)
- Malyshev, V. S., 2024. Soviet Historical Films as a Tool for Enlightening and Educating Modern Youth. *Vestnik VGIK*, 16, 1(59), pp. 6–14. (In Russian)
- Marievskaya, N. E., 2010. Historical time in a film structure (end, beginning in № 1). *Vestnik VGIK*, 2, 1 (2), pp. 12–26. (In Russian)
- Pisarevskii, D. S., 1981. *The Vasiliev Brothers*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
- Piskova, M., 2015a. «Geroite na Shipka»: *Arhiven pročit na edin film za Rusko-turskata vojna (1877–1878) ot vremeto na Studenata vojna*. Blagoevgrad: «Neofit Rilski». (In Bulgarian)
- Piskova, M., 2015b. The Russo-Turkish War of 1877–1878 in Bulgarian Cinema (Based on Archival Documents about the Film “The Heroes of Shipka”). *Caucasus-Carpathians-Balkans: Geopolitical, Ethno-Confessional, Regional and Local Components of National Mentality in the 18th–20th Centuries: Materials of the In-*

---

ternational Conference. Stavropol, June 26–29, 2014. Stavropol: SKFU. (In Russian)

Rostotskaya, M. A., 2020. The Struggle for the Far East in the Interpretation of the Vasilyev Brothers. *Vestnik VGIK*, 12, 1(43), pp. 8–20. (In Russian)

Sekirinsky, S. S., 2004. The Cinematic Nature of History, the Historicism of Cinema. *History of the Country / History of Cinema.* Moscow: Znak, pp. 3–9. (In Russian)

НЕКОТОРЫЕ ПРИЗНАКИ И ИСТОЧНИКИ РАДИКАЛЬНОГО СЛАВЯНСКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Николай Нуманович Омонов

Независимый исследователь

Почтовый адрес: Москва, Россия

Электронный адрес: arcula@yandex.ru

Аннотация

Радикальные отрасли славянского неоязычества имеют ряд общих признаков, что позволяет говорить об относительно целостном явлении. К этим признакам принадлежат представления об исконной славянской («славяно-арийской») традиции, большой древности славян, славянском древнем знании, «ведической религии и культуре», которые по воле злых сил были утрачены, а в последнее время возрождаются; евреи рассматриваются как «семитская раса», враждебная «славяно-ариям»; христианство описывается как религия, созданная для порабощения славян; поклонение предполагаемым славянским богам и духам, или, по меньшей мере, мировоззренческий интерес к этой теме; попытки реконструкции или конструирования славянского дохристианского мировоззрения, верований и обрядов. Центральной темой радикального славянского неоязычества стал арийский миф, точнее различные его «славянские» вариации. Идейная преемственность может быть показана на примере трех важных для арийского нарратива книг, изданных соответственно в конце XIX в., в первой и во второй половине XX в.: Хьюстона Чемберлена, Альфреда Розенберга и одного из основателей русского неоязычества Валерия Емельянова. Другим источником радикального славянского неоязычества выступает эзотерика, не только общеизвестные эзотерические учения, включая теософию Елены Блаватской, но и ее ультраправые изводы. Так, к учению с названием «эзотерический гитлеризм», созданному чилийским дипломатом Мигелем Серрано в конце 1970-х гг., весьма близко сформулированное в 1990-е гг. славянское неоязыческое учение инглизм омского эзотерика Александра Хиневича. С учетом близкого сходства и, вероятно, родства со старым немецким *Völkische Bewegung* и современным германским неоязыческим *neo-völkisch*, основные учения славянского неоязычества можно именовать «славянским фёлькише». В то же время не все направления славянского неоязычества связаны с ультраправыми идеологиями. Исследователи могут рассматривать неоязычество как комплексное мировоззрение, в основе которого лежит путь личного самосовершенствования. Выводы настоящей статьи являются предварительными и требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова

Славянское неоязычество, родноверие, арийский миф, *Völkische Bewegung*

Статья поступила в редакцию 19 января 2025 г.

Статья доработана автором 11 февраля 2025 г.

Статья принята в печать 24 марта 2025 г.

Цитирование: *Омонов Н. Н.* Некоторые признаки и источники радикального славянского неоязычества. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2025. Т. 20. № 1–2. С. 85–103. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.05>

SOME FEATURES AND SOURCES OF RADICAL SLAVIC NEOPAGANISM

Nikolai N. Omonov

Independent researcher

Postal address: Moscow, Russia

E-mail: arcula@yandex.ru

Abstract

Radical Slavic neopagan movements have a number of common features; Radical Slavic neopaganism is a relatively integral phenomenon, including ideas about the original Slavic («Slavic-Aryan») tradition, the great antiquity of the Slavs, Slavic ancient knowledge, «Vedic religion and culture», which were lost due to evil forces, but recently this knowledge has been revived, Jews as a «Semitic race», opponents of the «Slavic-Aryans», Christianity being described as a religion created to enslave the Slavs, the worship of supposed Slavic gods and spirits, or, at least, an ideological interest in this topic, attempts to reconstruct or construct Slavic pre-Christian worldviews, beliefs and rituals. The Aryan myth and its various «Slavic» variations, are the central place of radical Slavic neopaganism. The ideological continuity is visible in three important books for the Aryan narrative, published at the end of the 19th and later in the 20th century: works by Houston Chamberlain, by Alfred Rosenberg and by Valery Yemelyanov, one of the founders of Russian neopaganism. Esotericism is another source of radical Slavic neopaganism: not only well-known esoteric teachings, including the theosophy of Helena Blavatsky, but also its far-right versions. Esoteric Hitlerism, created by the Chilean diplomat Miguel Serrano from the end of the 1970s, was a source of the Slavic neopagan Ynglism, created by the Omsk esotericist Alexander Khinevich, in the 1990s. The main movements of Slavic neopaganism are similar to the old German Völkische Bewegung, as well as to the modern neopagan neo-völkisch movement, they are also probably related to each other, so Slavic neopaganism can be called «Slavic völkische». Not all currents of Slavic neopaganism are associated with far-right ideologies. Researchers can consider neopaganism as a complex worldview based on the path of personal self-improvement. The conclusions of this article are preliminary and require further research.

Keywords

Slavic neo-paganism, Rodnovery, Aryan myth, Völkische Bewegung

Received 19 January 2025

Revised 11 February 2025

Accepted 24 March 2025

For citation: Omonov, N. N., 2025. Some Features and Sources of Radical Slavic Neopaganism. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 85–103. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.05>

Одна из основных проблем в восприятии и изучении славянского неоязычества (как синоним в научной литературе используется¹ также один из популярных вариантов самоназвания — родноверие²) заключается в том, что никакой единой религии или единого учения, которые можно было бы назвать этим термином, по всей видимости, не существует. Славянское неоязычество весьма разнородно как хронологически, так и географически. Его учения развиваются по меньшей мере с 1920–1930-х гг., начиная с ряда польских и украинских авторов. Русское неоязычество появилось значительно позднее и связано как с частью русской эмиграции, в среде которой возникла поддельная «Влесова книга», так и с воспринявшим эту подделку рядом представителей полуподпольного движения русских националистов в СССР, условно называемого «русская партия». Русское неоязычество как совокупность идей сформировалось в 1970-х гг. преимущественно в связи с деятельностью московского арабиста Валерия Емельянова и бывшего диссидента и неонацистского активиста Алексея Добровольского, позднее принявшего неоязыческое имя Доброслав и известного в основном по этому псевдониму. Как организованное движение русское неоязычество было создано в конце 1980-х гг. с появлением первых общин. Многими исследователями и самими адептами славянского неоязычества отмечается разнообразие учений и практик, отсутствие согласия по базовым вопросам. Представления славянских неоязычников и их картину мира в большом числе публикаций подробно исследовал В. А. Шнирельман³. В науке имеются также проблемы с консенсусом в научном описании явления. Так, чешский специалист в области этнологии Йиржи Мачуда, писал, что религиоведы видят в нем новое религиозное движение, историки и политологи — национально-патриотическое движение, социологи рассматривают его как субкультуру⁴. Религиоведы А. В. Гайдуков и Е. Ю. Скачкова отмечали, что современная наука не дала единого определения религиозного направления, которое именуется неоязычеством. Ученые

¹ Бесков А. А. Полезен ли анализ неоязыческих сообществ в соцсетях для оценки численности последователей русского неоязычества? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом / Российская академия народного хозяйства и государственной службы. М., 2020. Т. 3. № 38. С. 310–311.

² Aitamurto K. Neoyazychestvo or rodnoverie?: reflection, ethics and the ideal of religious tolerance in the study of religion // Общество как событие: «система» и «жизненный мир». Омск, 2007. Р. 55–70.

³ Например: Шнирельман В. А. От «советского народа» к «органической общности» // Славяноведение. 2005. № 6. С. 3–26.

⁴ Мачуда Й. Чешская община «Родная вера» — возвращение к духовности предков // Colloquium heptaplomeres: научный альманах / Научно-исследовательской лаборатория «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы». Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. Н. Новгород: НГПУ, 2014. № 1. Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст. С. 101.

ми применяются понятия неоязычество, новое язычество, младоязычество, нативизм, но они являются рамочными, а не содержательными, не отражая всех особенностей явления⁵.

Для большей части радикального славянского неоязычества характерен ряд общих признаков, которые позволяют говорить о более или менее целостном явлении. Выделить эти признаки можно на основании масштабных исследований авторов и направлений, которое проводит В. А. Шнирельман⁶. Ни один из предполагаемых признаков не является обязательным для абсолютно всех учений, групп и авторов, однако такая относительность характерна и для многих других явлений из сфер религиоведения, социологии или этнологии. К этим признакам могут быть отнесены следующие: представления об исконной славянской («славяно-арийской») традиции, большой древности славян, славянском древнем знании, «ведической религии и культуре», которые нередко по воле злых сил были утрачены, а в последнее время возрождаются; представление о евреях как «семитской расе», враждебной «славяно-ариям»; описание христианства как религии, созданной для порабощения славян; поклонение предполагаемым славянским богам и духам, или, по меньшей мере, мировоззренческий интерес к этой теме; попытки реконструкции или конструирования славянских дохристианских мировоззрения, верований и обрядов.

Центральной темой радикального славянского неоязычества стал арийский миф, точнее различные его «славянские» вариации — мессианский «славяно-арийский» миф, присутствующий уже у одного из основателей украинского неоязычества Владимира Шаяна в 1930-е гг., а позднее отраженный во «Влесовой книге». Арийский миф в славянском неоязычестве обстоятельно исследовал историк В. А. Шнирельман, посвятивший этой теме монографии и ряд статей⁷. Использование термина «миф» в исследованиях современной культуры и конкретно в данном контексте подверглось некоторой критике со стороны филолога и фольклориста А. А. Панченко⁸. Представляется, что под арийским мифом не следует понимать политическую и националистическую идеологию и противоположность рациональному и науке, что автор рецензии допускает как одну из критикуемых им

⁵ Гайдук А. В., Скачкова Е. Ю. «Славянская» символика как способ социализации в языческой субкультуре позднего модерна // Социология религии в обществе позднего модерна. 2021. № 10. С. 84.

⁶ Выделение этого большинства может быть произведено на основании масштабных исследований авторов и направлений: Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2012; Он же. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

⁷ Например: Шнирельман В. А. Русское родноверие...; Он же. Арийский миф...

⁸ Панченко А. А. Рец. на кн.: Виктор Шнирельман. Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.; 440 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас») // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 133–134.

интерпретаций работы В. А. Шнирельмана⁹. Также сложно согласиться и с тем, что в понятие «арийского мифа» вкладываются разные и противоречивые значения¹⁰. В качестве условных синонимов использовались понятия «арийская идея», «арийская теория», которые подходят еще меньше: явление не всегда имело форму расовой или иной теории или единой идеи. Отказаться от данного концепта можно, отказавшись от понятия мифа в целом. Если же понимать миф как символический нарратив, выполняющий регулятивную и этиологическую функцию, то арийский миф представляется вполне обоснованным понятием. Реализация обеих функций отчетливо видна в мировоззрении и практиках носителей этого мифа. Миф, в отличие, например, от сказки, предполагает веру носителя — в арийском мифе это также имеется. С мифом часто сопряжен ритуал, что тоже присутствует в данном явлении: когда носители арийского мифа освобождаются от рамок не разделяющего этот миф социума и создают свой социум (например, в нацистской Германии) или микросреду (группы, общины неоязычников, группы неонацистов), они формируют и ритуал.

Арийский миф в изводе радикального славянского неоязычества близок к той его версии, которая имела место в идеологии немецкого нацизма: идея «арийцев», «арийской расы» (в славянском неоязычестве — «арии», «славяно-арии»), в том числе идея северной прародины (в славянском неоязычестве — Русский Север, Северный Урал или земли за полярным кругом, реже Русская равнина); древность народа, его расовое и/или культурное превосходство над другими этносами или расами; свой народ и/или отождествляемые с ним «арии» рассматриваются как культуртрегеры, то есть распространители высокой культуры и создатели великих цивилизаций древности (в славянском неоязычестве имеется представление о славянской или «славяно-арийской» «ведической» развитой «працивилизации», «научившей» всему остальные народы или расы), в том числе древнейшей письменности (в славянском неоязычестве такими письменностями считаются сконструированные самими неоязычниками «славянские руны», «буквица» и др. системы письма); «арийский» праязык, ставший предшественником всех или многих языков мира; элементы эзотерики в составе учения; отсылки к вере предков (откуда собственно и «язычество»); антихристианские (христианство якобы стремится поработить народ) и антисемитские представления (евреи воспринимаются как «расовые враги»); идея «арийского» социализма (составная часть собственно идеологии национал-социализма) как самого естественного для своего народа (в славянском неоязычестве эта идея выражена в виде конструирования «исконного родового строя» славян, который мыслится не как реальный родовой строй в этнографии, а именно как своего рода «арийский» социализм); символика

⁹ Антропологический форум. 2017. № 33. С. 133.

¹⁰ Там же. С. 134.

и жесты, которые близки к нацистским или неонацистским или производны от них и др.¹¹. Как можно заметить, нарратив получается, возможно, и вариативный, но довольно целостный.

В то же время следует отметить, что не все направления славянского неоязычества связаны с ультраправыми идеологиями. Исследователи могут рассматривать неоязычество как комплексное мировоззрение, в основе которого лежит путь личного самосовершенствования¹². Отмечается акцент на личный опыт и идеи культурного разнообразия. При этом националистические и плюралистические тенденции могут сосуществовать в рамках даже одного течения¹³.

В рамках настоящей статьи имеет смысл остановиться на идейной преемственности радикального славянского неоязычества. В качестве примеров можно рассмотреть три достаточно важных для арийского нарратива книги, изданные соответственно в конце XIX в., в первой и во второй половине XX в.: «Основы девятнадцатого века» (1899) Хьюстона Чемберлена, англичанина, переехавшего в Германию, ставшего одним из ведущих авторов «арийской» расовой теории; «Миф двадцатого века»¹⁴ (1930) Альфреда Розенберга, одного из идеологов немецкого нацизма и впоследствии одного из нацистских политических лидеров; и «Десионизация»¹⁵ (1979) упомянутого выше Валерия Емельянова. Тремя сочинениями в данном вопросе вынуждает ограничиться предельный объем настоящей статьи. Безусловно, для полного понимания вопроса необходим более масштабный анализ. Подобных сочинений существует большое количество, однако эти три не только сыграли важную роль в идейном оформлении арийского мифа (первые два — его немецкого варианта, третье — варианта славянского неоязычества¹⁶), но и демонстрируют близкое сходство по конкретным аспектам. Ниже приведен пересказ не всех взглядов или картины мира данных авторов, а только тех аспектов, в которых они обнаруживают сходство.

¹¹ Ср.: Шнирельман В. А. Арийский миф...; о символике см. также: Аверина О. Р., Байков Н. М. Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 79–86.

¹² Прокофьев А. В., Филатов С. Б., Коскелло А. С. Славянское и скандинавское язычества. Викканство // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2006. Т. 4. С. 180.

¹³ Aitamurto K. Russian Rodnoverie: Negotiating Individual Traditionalism. The 2007 International Conference. Globalization, Immigration, and Change in Religious Movements. June 7–9, 2007. Bordeaux, France. CESNUR (2007).

¹⁴ Книга внесена в Федеральный список экстремистских материалов под № 1648 решением Солнцевского районного суда г. Москвы от 15 октября 2012 г. (издание 2005 г., выпущенное украинским издательством «Свитовид»).

¹⁵ Книга внесена в Федеральный список экстремистских материалов под № 970 решением Мещанского районного суда Москвы от 03.12.2008.

¹⁶ О влиянии книги Емельянова см.: Шнирельман В. А. Арийский миф... Т. 1. С. 227.

Хьюстон Чемберлен и Альфред Розенберг не имели исторического или антропологического образования. «Раса» рассматривалась Чемберленом как биологическая общность или как состояние умов, как историко-культурная категория и как религиозная группа. Он считал, что форма головы и структура мозга решающим образом влияют на форму и структуру мышления. При этом состояние ума для него имело большее значение, чем язык и физические черты. Розенберг понимал расу и народ в качестве органического единства души, то есть народного духа и тела, и считал, что образ мышления определяет строение тела человека. Идеи Розенберга включали понятие «расовой души».

Чемберлен использовал как синонимы понятия «индогерманцы», «индоевропейцы», «арийцы» и «тевтонцы». К последним, по его мнению, принадлежали германцы, кельты, славяне; он заявлял, что в наиболее чистом виде «арийскую кровь» сохраняют именно германцы. Чемберлен воспевал «тевтонскую», или «арийскую», расу, которая, по его словам, создала все известные цивилизации. Врагом арийцев он называл «расовый хаос», который регулярно возникал, если оказывались забыты фундаментальные расовые принципы. Вслед за Артюром де Гобино, более ранним автором «арийской» теории, он писал, что смешение с «чужими», появление примеси «чуждой крови» неизбежно приводит к «расовому упадку» и деградации: межрасовое смешение, согласно одной из основных идей расовых идеологий, порождает неполноценное выродившееся потомство. Розенбергом все главнейшие достижения мировой культуры, включая первую письменность, объявлялись заслугами носителей «нордической крови». Он осуждал имевший место, по его мнению, текущий упадок германской культуры. Розенберг писал о связи творческого духа и расы, отрицая наличие этого духа у происходящих от смешанных браков. По Розенбергу, в прошлом азиатские расы постепенно наступали из своих центров, находившихся в Малой Азии, что привело к упадку «нордической расы» в результате межрасового смешения. Причиной смешения, согласно Розенбергу, стало введение «арийцами» демократических порядков, включая послабления для рабов, предоставление прав женщинам, оказание помощи бедноте. «Арийские» небесные боги, согласно книге Розенберга, выступали против земных богов Малой Азии. Емельянов утверждал, что в далеком прошлом «славяне-россы», или «венеды», заселяли все территории континентальной Европы и Скандинавии до земель германцев. Единственными автохтонными народами Европы он считал венедов и «прибалтийских арийцев», в то время как кельты и германцы объявлялись пришлыми народами из глубин Азии. «Венедов» он называл стеновым хребтом «арийского» языкового субстрата и главными хранителями конструируемой им «общеарийской» идеологии. По его мнению, чистоту языка и идеологии сохранило только население на землях от Новгорода до Черного моря.

По словам Чемберлена, если бы было доказано, что в историческом прошлом «арийской расы» не существовало, она возникнет или будет соз-

дана в будущем. Подобный подход откровенного конструирования разделял и Розенберг, антиинтеллектуализм которого ярче всего выражен в призыве отринуть современную ему цивилизацию, основанную на излишнем интеллектуализме, который, по его словам, разрывает связи человека с природой и расой. Миф, по мысли Розенберга, имеет в себе более глубокую истину, нежели наука или здравый смысл. Розенберг осознанно выстраивал «миф крови», или «религию расы», задавшись целью создать нового человека и новую цивилизацию. Для построения своего мифа Розенберг использовал тексты исландской «Эдды», германской «Песни о Нибелунгах», индийской Ригведы, греческой «Илиады». Однако вопреки этим памятникам, которые не знали понятия расы, философия истории Розенберга рассматривала исторический процесс как «расовую борьбу». Истина для Розенберга была в том, что соответствовало его представлениям об интересах «органического расово-народного мировоззрения». Розенберг пришел к выводу, что новый миф сам будет создавать факты. По утверждениям Емельянова, только постулируемый им «арийский» мир способен дать отпор мировому «сионизму». Помимо описания «истории», структуры и способа функционирования «сионо-масонского концерна», в его книге размещен устав «Всемирного антиссионистского и антимасонского фронта» (ВАСАМФ). В разделе «Принципы и задачи фронта» писалось о создании этой организации в качестве всемирной организации для защиты от продвигаемого евреями «нацизма-сионизма» и освобождения всех народов, и главное славян, от «сионистской» «оккупации».

Согласно Чемберлену, существует глубокий расовый конфликт между «арийцами» и «семитами», который пронизывал всю известную историю человечества. Стержень мировой истории он видел в «расовой борьбе». Розенберг писал, что необходимо заново переписать мировую историю, стержень которой заключается в вечной борьбе между «арийской» и «семитской» расами. Согласно Емельянову, с момента возникновения евреев стержнем мировой истории становится смертельная схватка между «сионистами» (евреями) и «масонами» с одной стороны и всем остальным человечеством во главе с «арийцами» — с другой — в борьбе за установление мирового господства, а план этой борьбы разработал еще еврейский царь Соломон. Емельянов заявлял, что иудейская религия требует человеческих жертвоприношений. В мире происходит вечная борьба двух практически космических начал: «патриотов-националистов» и «талмудических сионистов». Своей целью Емельянов считал разоблачение «сионистско-масонского концерна», который замышлял создание всемирного государства к 2000 г.

По Чемберлену, евреи являются группой, которая появилась от пагубного смешения трех разных «расовых типов»: семитов-бедуинов, хеттов и амореев, или хананеев. Последних он изобразил «арийцами», которые пришли с севера. Расовое смешение двух первых типов, согласно его книге, произвело евреев, а смешение последних с «арийцами» — «истинных изра-

ильтян», которые во многом превосходили евреев. Розенберг также относил амореев к «нордической расе» и объявил «нордическим» первоначальный Иерусалим, который позднее был захвачен евреями. По Емельянову, «венеды», они же «арийцы», в прошлом, помимо других земель, господствовали также на территориях Восточного Средиземноморья и дали название Палестине, которое интерпретируется как «Опаленный стан». Стремясь изобразить «венедов», а вовсе не семитов, создателями алфавита, Емельянов отнес к венедам и финикийцев. Евреев он считал дикарями, мигрировавшими в «арийскую» Палестину и присвоившими «арийское» культурное наследие. Язык евреев, по его книге, сложился под существенным «арийским» влиянием. «Дикие евреи» смогли захватить земли «славных арийцев» не с помощью военной силы и доблести, а через преступные действия египетских и месопотамских жрецов, которые страшились «великорослого народа» «росов» или «русов», что проживал в древности в Малой Азии и Палестине. Чтобы устранить эту угрозу, древние жрецы долгое время воспитывали и взращивали устойчивый преступный гибридный «генотип», основанный на скрещивании древних профессиональных династий преступного мира, принадлежавших к черной, желтой и белой расам. Позднее Емельянов писал более определенно: евреи являются профессиональными древними преступниками, сложившимися в отдельную расу.

Чемберлен противопоставлял евреев «тевтонцам», которых он наделял идеализмом, духом корпоративной солидарности и уважения иерархии. Он утверждал, что «этика» у них преобладает над духом политической свободы. По Емельянову, на славянской земле царил золотой век и не существовало понятия зла, «русичи» жили в гармонии с природой, не зная слепой покорности Богу, не имея святилищ или жрецов. По его учению, носителями «окультной мощи» были женщины-йоги, что, как он считал, вообще свойственно «арийцам».

Чемберлен продвигал идею об «арийской природе» Иисуса, и благодаря успеху его книги версия об «арийском Христе» получила общественную известность. Согласно его учению, Иисусом было создано «арийское христианство», не имевшее ничего общего с иудаизмом, который его искажил. Вслед за Чемберленом Розенберг также считал Иисуса «арийцем». Емельянов писал, что на славянских землях дольше всего сохранялось представление о триединстве трех триединых троиц (в том числе Правь-Явь-Навь — понятие из «Влесовой книги»).

Розенберг заявлял, что у истоков Католической церкви стояли «этрusco-сирийские жрецы» и все те же евреи. Ими была организована средневековая охота на еретиков и ведьм, что уничтожило последние следы исконной «арийской веры» и исконного германского духа. К наиболее пагубным деяниям Церкви Розенберг относил навязывание всем расам одной религии и языка, навязывание представителям «нордической расы» идеи греховности мира, которой, по Розенбергу, у этой расы изначально не было.

Емельянов писал, что мощным орудием в руках «сионизма» выступает христианство, по его мнению, умышленно созданное иудеями для порабощения других народов.

Согласно Чемберлену, в Ригведе изложены принципы монотеизма, позднее «украденные» евреями и до неузнаваемости искаженные ими. Емельянов считал пришедших в Индию древних «ариев» «арийцами-венедями», которые принесли туда «нашу» идеологию, сохранившуюся в основе религии индуизма и учения йоги¹⁷.

Как можно заметить, эти три книги содержат практически единое повествование. И если сюжеты двух западных авторов почти сливаются, то изложение «мировой истории» Емельяновым содержит отличия, сводящиеся в основном к «косметической» замене «германцев» на «славян» или «венедов». При этом ключевые акторы, «арийцы» и «семиты», остаются на «своих» местах. Отличием книги Емельянова является также опора на «Влесову книгу», по его мнению сохранившую следы истинного русского мировоззрения, которое составляло «душу народа»¹⁸. Кроме того, в отличие от немецких предшественников, Емельянов воспринимал Иисуса негативно, называя его иудейским расистом и масоном¹⁹. Сходства трех рассмотренных сочинений касаются расовых вопросов, конкретики «расовой борьбы», «истории» возникновения евреев и ряда других элементов повествования. По отдельности эти сюжеты встречаются у многих других расистских авторов, в том числе авторов арийского мифа, однако, взятые в совокупности, они рождают предположение о прямой или, по меньшей мере, близкой опосредованной текстуальной связи, то есть о заимствованиях.

В этих связях заключается одно из внутренних противоречий радикального славянского неоязычества. Позиционируясь как нативизм, радикальное славянское неоязычество активно заимствует чуждые для любой традиционной культуры, включая славянскую и русскую, стереотипы расизма, в том числе расовой теории немецкого нацизма. Валерий Емельянов, на словах выступая против нацизма и поддерживая современный ему Советский Союз, написал книгу, повторяющую ключевые элементы книги Альфреда Розенберга, одного из основных идейных противников Советского Союза, под влиянием которого Гитлер пришел к идее о колонизации славянских земель²⁰. Реагируя на подобные противоречия, радикальное славянское неоязычество сформулировало два основных апологетических подхода. Согласно одному, видимо менее распространенному и характерному

¹⁷ О книге Чемберлена: Там же. С. 35–38; о книге Розенберга: Там же. С. 75–82; о книге Емельянова и его биографии: Там же. С. 39–40, 224–227, 272, 277–280. О Чемберлене и Розенберге см. также: Шнирельман В. А. Лица ненависти (Антисемиты и расисты на марше). 2-изд., испр. и доп. М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2010.

¹⁸ Шнирельман В. А. Арийский миф... Т. 1. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 278–279.

²⁰ О Розенберге: Там же. С. 82.

часто для смыкающихся с неоязычеством неонацистов, немецкий нацизм не осуждается и воспринимается положительно. К числу сторонников такого подхода принадлежит автор, опубликовавший под именем Владимир Истархов книгу «Удар русских богов»²¹ (1999), содержащую несколько измененную версию повествования Емельянова. Истархов открыто заявляет, что разделяет идеи Адольфа Гитлера²². Название своей книги он разъясняет следующим образом: «удар языческих богов» по «иудохристианству», «коммунизму» и «сионизму» это, собственно, и есть Гитлер²³. Другие сторонники славянского неоязычества осуждают нацизм, но весьма своеобразно, считая, что немецкие нацисты «украли» идеологию или мировоззрение у «славяно-ариев» и исказили ее, обратив против славян. Если Емельянов и использовал нацистские источники напрямую, он так или иначе не мог указывать на это в тех условиях, в которых писалась и издавалась его книга. Кроме того, для радикального славянского неоязычества в целом характерно заимствование идей без указания авторства. Почти каждый радикальный неоязыческий идеолог представляет свои высказывания как древнее тайное знание, результат откровения или собственного открытия, а не в качестве информации, почерпнутой у какого-то иного, даже идейно близкого автора; в противном случае он, видимо, будет проигрывать в авторитете и харизме в глазах последователей, а чудесное знание уступит место обычной философии и идеологии.

Другим существенным источником радикального славянского неоязычества выступает эзотерика, не только общеизвестные эзотерические учения, включая теософию Елены Блаватской, но и ее неонацистские изводы. Так, к учению с красноречивым названием «эзотерический гитлеризм», созданному чилийским дипломатом Мигелем Серрано в конце 1970-х гг., весьма близко сформулированное в 1990-е гг. славянское неоязыческое учение инглизм омского эзотерика Александра Хиневича, которое изложено в сборнике «Славяно-арийские веды»²⁴ (издававшемся с 1999 г.) и получило большую популярность в славянском неоязычестве и за его пределами.

Согласно Серрано, полубожественные «арийцы» имеют внеземное происхождение и рассматриваются как носители божественного света.

²¹ Книга внесена в Федеральный список экстремистских материалов под № 918 решением Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 23 декабря 2009 г. Повторно внесена в Федеральный список экстремистских материалов под № 1955 решением Темрюкского районного суда Краснодарского края от 6 марта 2013 г.

²² Шнирельман В. А. Арийский миф... Т. 2. С. 18.

²³ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. С. 125.

²⁴ Книги внесены в Федеральный список экстремистских материалов под № 3353 решением Центрального районного суда г. Омска от 30 октября 2015 г. и на основании апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 3 февраля 2016 г.

Серрано утверждал, что против «арийцев» плетет заговор злой Демиург, регент планеты Земля и господин всей низменной материи, несущий только разложение. Космическим Демиургом, Иеговой, или Яхве, поочередно создавались разные расы. Высшими существами стали гиперборейцы, наделенные мудростью и могуществом, которые начали расовую борьбу против сотворенного Демиургом механического мира. В результате войны на Северном полюсе возникла вторая Гиперборея, куда из космоса прибыли боги во главе с Вотаном, чтобы навести на Земле порядок. У Серрано происходит падение Луны на Землю, после чего чистокровные гиперборейцы отправляются на Южный полюс, а другие в виде кроманьонцев постепенно отступают на юг, уходя от ледника. Гиперборейский континент погружается в недра полой Земли. Там гиперборейцы смогли восстановить священный порядок, построив подземные города Асгартх (Асгард) и Шамбалу. На стороне Демиурга выступала сотворенная им «антираса» (биороботы), представленные евреями, строящими заговор против гиперборейцев. В учении Хиневича «славяне и арии» пришли на Землю-Мидгард из созвездия Большой Медведицы. Вначале они поселились на северном материке, в Гиперборее — стране Даарии, основав столицу Асгард Даарийский. Согласно Хиневичу, во Вселенной в прошлом шла Великая асса, борьба светлых богов против падших богов, возглавляемых Чернобогом, к которым присоединились «серые» — предки евреев — выходцы из Пекла, миров Тьмы. По Хиневичу, «серые», или «чужеземцы», то есть выходцы с «чужой земли» — чужой планеты, смогли обосноваться на одной из трех имевшихся в то время земных лун, Леле, и пытались уничтожить Мидгард-Землю. Однако этому помешал Дажьбог, разрушивший эту луну. В результате такой «медвежьей» услуги, однако, погибла также «славяно-арийская» Даария. В 109 807 г. до н. э. «славяне и арии» переселяются на Урал и в Сибирь, в страну Беловодье, или Семиречье, где у слияния рек Иртыш и Омь, на землях современного Омска, в 104 778 г. до н. э. они строят Асгард Ирийский. О евреях как «биороботах», созданных «неземной сатанинской цивилизацией», писал Истархов.

Согласно Серрано, в золотой век гиперборейцы стали учителями «низших рас» — «черной», «желтой» и «красной», чтобы помочь им выйти из «полуживотного» состояния. При этом некоторые гиперборейцы позабыли о «чистоте крови» и стали смешиваться с «дочерьми человеческими», что вызвало расовую катастрофу и потерю земного рая. По Хиневичу, из миров Пограничья, в которых шла Великая асса, с гибнущих планет силы Света переселили выживших чернокожих жителей на Мидгард-Землю. «Славяне и арии», которые уже расселились по Земле, принесли свои великие духовные учения чернокожим жителям Африки и семитам. Хиневич также учил о пагубности расового смешения, а принятые в англиизме «заповеди» богов прямо его запрещают. В учении Серрано евреи отождествлялись с «химерой». У Хиневича «серые», они же «чужеземцы», описаны как химерические двуполые существа.

Орудиями заговора евреев против гиперборейцев в представлении Серрано стали христианство и масонство, которые умышленно исказили исконные «арийские» знания. Христианство объявлялось враждебным для «арийской расы». Серрано утверждал, что против христианства и масонства боролись вначале рыцари-тамплиеры, а позднее эзэсовцы, ставившие цель спасти мир от расовой деволуции. Согласно Хиневичу, «серыми» был убит посланный к ним светлыми богами Великий Странник — Иисус. Затем «серые» исказили учение Иисуса, создав христианство, направленное на подчинение «славян и ариев». Фатимские пророчества в интерпретации Хиневича сообщают о грядущем прилете Перуна, который покарает христианскую церковь²⁵.

И снова ввиду популярности учения Серрано у неонацистов²⁶ говорить о прямом заимствовании сложно, однако сходства в обоих повествованиях очевидные. Некоторые из озвученных эзотерических идей читались уже у ариософов Йорга Ланца фон Либенфельса и Карла Марии Вилигута²⁷.

Если с конкретными нацистскими учениями схожа только часть форм или направлений радикального славянского неоязычества, то продуктивное сравнение с более широким историческим явлением, немецким *Völkische Bewegung* («народное» движение, фёлькише), покрывает значительно большую часть этих направлений. К таким параллелям между немецким движением конца XIX — начала XX в., из которого развивается нацизм, и славянскими неоязыческими движениями XX–XXI вв. принадлежат идеи этнического национализма, расизма и антисемитизма, антилиберализма, культурного пессимизма, представления об уникальности и превосходстве своих языка, истории, духовности и «расы». Сходны примордиализм, связь «крови и почвы», отождествление «народа», «нации» и «расы», понимание расы и как биологической, и как духовной метафизической категории; обращение к «своему» «язычеству», фольклору и краеведению; антиурбанистический популизм в духе «назад к земле»; поиски «первоначальной нации» в сельских районах; идеи примитивной демократии.

К близким, хотя и не существенным в данном контексте аналогиям можно отнести также относительную идеологическую пестроту и отсутствие организационного единства как фёлькише, так и славянского нео-

²⁵ Учение Серрано по: *Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity*. NY: New York University Press, 2002. P. 4; Шнирельман В. А. Арийский миф... Т. 1. С. 92–93, 96; Т. 2. С. 140. Книги и учение Хиневича по: Шнирельман В. А. Арийский миф... Т. 1. С. 166, 299–302; Т. 2. С. 68–76; Яшин В. Б. «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // Неоязычество на просторах Евразии / сост. В. А. Шнирельман. М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2001. С. 56–67. Книга Истархова по: Арийский миф... Т. 2. С. 16–22.

²⁶ Шнирельман В. А. Арийский миф... Т. 1. С. 93; *Goodrick-Clarke, Nicholas. Black Sun...* P. 4.

²⁷ Гудрик-Кларк Н. *Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию*. СПб.: Евразия, 1995.

язычества. К отличиям относится ярко выраженный в фёлькише элитаризм, не характерный для славянского неоязычества²⁸.

С ариософией, созданной под влиянием фёлькише и теософии Елены Блаватской, радикальное славянское неоязычество роднит, помимо перечисленного выше, мистицизм и опора на эзотерику. Австрийский ариософ Гвидо фон Лист в юношеском возрасте пережил откровение, в результате чего решил создать храм Вотана. Позднее он утверждал, что смог обнаружить в германской традиции остатки духовности предков, некогда живших на континенте Арктогея. Он написал труд на тему «арийского» протоязыка, продвигал идеи о магическом использовании рун и «тайных арийских письмен». Другой автор ариософии австриец Карл Мария Вилигут, духовный наставник рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, заявлял, что является потомком древней династии германских святых Вилиготис, произошедших от союза между воздушными (асами) и водными (ванами) богами. Это родство, по словам Вилигута, позволило ему сохранить в своей памяти события древней истории. Он утверждал, что посвящен в родовую тайну отцом, который вместе с прочими давно умершими родственниками постоянно давал Карлу наставления и советы, выраженные в рунической форме²⁹. Все эти «духовные» истории весьма близки к распространенным откровениям славянских неоязыческих волхвов и тайному знанию, по их утверждениям, переданному им от родителей или предков.

Учение Гвидо фон Листа постулировало существование древней развитой «ариогерманской» культуры, которая достигла рассвета за несколько тысячелетий до римской эпохи и появления христианства. Прежде чем Карл Великий насильственно внедрил христианство, жители будущих немецких Дунайских земель исповедовали «вотанизм». Сам Карл Великий изображался Листом как убийца саксонцев, поскольку он провел кровавое крещение язычников Северной Германии. Весь христианский период Лист считал эпохой культурного упадка, в которую происходило забвение «истинной» веры и «противоестественное» расовое смешение, а «арийской» правящей касте королей-священников приходилось скрываться, тайно сберегая сакральные знания. Эти знания ныне стали доступны Листу, объявившему себя полноправным аристократическим потомком древней касты³⁰. В славянском неоязычестве присутствует набор весьма близких представлений, включая идею о древнейшей многотысячелетней и чрезвычайно раз-

²⁸ О *Völkische Bewegung* и ариософии см., напр.: Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма...; *Stackelberg R. Völkisch Movement and Ideology // Antisemitism: a historical encyclopedia of prejudice and persecution / Richard S. Levy, ed. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. Vol. 2 (L-Z). P. 743-745; Поewe К., Нехтам I. The Völkisch Modernist Beginnings of National Socialism: Its Intrusion into the Church and Its Antisemitic Consequence // Religion Compass. 2009. № 3 (4). P. 676-696.*

²⁹ Об ариософах см., напр.: Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма...

³⁰ О Гвидо фон Листе см., напр.: Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма...

витой цивилизации «славян-ариев»; весь христианский период представлен как эпоха регресса и упадка³¹, выразившихся в «пагубном» расовом смешении и порабощении, подчинении «славяно-ариев» пришлыми миссионерами, которые навязали им «рабскую» христианскую систему. Эти миссионеры часто представлены в качестве иудеев, «иудеомасонов» или их пособников. «Славяно-арийские» волхвы или жрецы вынуждены были укрыться в секретных местах, где им удалось сохранить тайные знания, в настоящее время переданные их прямым потомкам-родноверам и ставшие доступными всем людям. Популярна идея, что креститель Владимир Святославич имел еврейско-хазарское происхождение, по причине чего он и ввел христианство, по мнению неоязычников, являющееся орудием порабощения вольных «арийцев» евреями, более того, князь осуществил геноцид славян-язычников. Историк и религиовед Р. В. Шиженский характеризовал неоязыческий нарратив о князе Владимире (автором которого был все тот же Валерий Емельянов, изложивший его в книге «Десионизация») в качестве одного из наиболее «одиозных» неоязыческих исторических мифов и в то же время одного из основных по мировоззренческой значимости среди русских неоязыческих мифов³². Существенным отличием славянских неоязыческих представлений о князе Владимире от идей Листа является связь первых с популярным в среде славянских неоязычников хазарским мифом, изучению которого посвящена отдельная монография В. А. Шнирельмана³³.

В. А. Шнирельман писал, что в 1970–1980-х гг. русские националисты-неоязычники стремились найти исконную «русскую веру» и «Русского Бога», тем самым повторяя путь австрийских ариософов и германских неоязычников, которые были заняты тем же в первые десятилетия XX в. и предложили символику и ритуалы, воспринятые затем нацистами³⁴. Через неоязыческую публицистическую и художественную литературу проводилась реабилитация свастики, а в рамках поисков «исконной русской веры» неоязыческие идеологи создали целый ряд новых мифологических клише³⁵.

Следует добавить, что в рамках современного германского неоязычества (*Heathenry*, неоязычество германских народов, не только немецкое) термины *Völkisch*, *neo-völkisch* или англ. *folkish* используются в отношении групп, считающих, что религия тесно связана с предполагаемой биологи-

³¹ Ср.: Прокофьев А. В., Филатов С. Б., Коскелло А. С. Славянское и скандинавское язычества... С. 187–188.

³² Шиженский Р. В. Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. 2009. Вып. 6. С. 250–256.

³³ Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.

³⁴ Шнирельман В. А. Русское родноверие... С. 7.

³⁵ Аверина О. Р., Байков Н. М. Экстремистская символика... С. 84.

ческой расой. Многие учения этих групп также содержат арийский миф и ряд перечисленных выше признаков³⁶, характерных для радикального славянского неоязычества. С учетом близкого сходства и, вероятно, родства со старым немецким *Völkische Bewegung* и современным германским неоязыческим *neo-völkisch* радикальное славянское неоязычество можно именовать «славянским фёлькише».

В то же время выводы настоящей статьи являются предварительными и требуют дальнейших исследований. Рассмотренные идеи радикального славянского неоязычества были изложены в основном в 1980–1990-е гг. В статье речь идет об идеях, которые повторяются в работах многих других авторов, однако неясным остается, в какой мере они были усвоены массой последователей славянского неоязычества. Нет надежных сведений об изменении мировоззрения славянских неоязычников в последние годы, особенно с учетом смены поколений. Масштабные исследования явления, включая социологические исследования или обобщения полевых исследований, не проводились.

Литература

- Аверина О. Р., Байков Н. М.* Экстремистская символика в интернет-пространстве как фактор угрозы социализации молодежи // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. № 3 (80). С. 79–86.
- Бесков А. А.* Полезен ли анализ неоязыческих сообществ в соцсетях для оценки численности последователей русского неоязычества? // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. М., 2020. Т. 3, № 38. С. 306–330.
- Гайдуков А. В., Скачкова Е. Ю.* «Славянская» символика как способ социализации в языческой субкультуре позднего модерна // *Социология религии в обществе позднего модерна*. 2021. № 10. С. 83–89.
- Гудрик-Кларк Н.* Окультирные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. СПб.: Евразия, 1995.
- Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004.
- Мачуда Й.* Чешская община «Родная вера» — возвращение к духовности предков // *Colloquium herbarplomeres*: научный альманах. Нижний Новгород: НГПУ, 2014. № 1. Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст. С. 101–109.
- Панченко А. А.* Рец. на кн.: Виктор Шнирельман. Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.; 440 с. (Библио-

³⁶ *Doyle White E.* Northern Gods for Northern Folk: Racial Identity and Right-wing Ideology among Britain's Folkish Heathens // *Journal of Religion in Europe*. 2017. № 10 (3). P. 259–261; *Gardell M.* Gods of the Blood: The Pagan Revival and White Separatism. Durham; London: Duke University Press, 2003. P. 17, 153; *Kaplan J.* Radical Religion in America: Millenarian Movements from the Far Right to the Children of Noah. Syracuse: Syracuse Academic Press, 1997. P. 78.

- тека журнала «Неприкосновенный запас») // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 125–137.
- Прокофьев А. В., Филатов С. Б., Коскелло А. С.* Славянское и скандинавское язычества. Викканство // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2006. Т. 4. С. 155–207.
- Шиженский Р. В.* Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. 2009. Вып. 6. С. 250–256.
- Шнирельман В. А.* От «советского народа» к «органической общности» // Славяноведение. 2005. № 6. С. 3–26.
- Шнирельман В. А.* Лица ненависти (Антисемиты и расисты на марше). 2-е изд., испр. и доп. М.: Московское бюро по правам человека; Academia, 2010.
- Шнирельман В. А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Библиейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2012.
- Шнирельман В. А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.
- Шнирельман В. А.* Арийский миф в современном мире: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Яшин В. Б.* «Церковь православных староверов-инглингов» как пример неоязыческого культа // Неоязычество на просторах Евразии / сост. В. А. Шнирельман. М.: Библиейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2001. С. 56–67.
- Aitamurto K.* Russian Rodnoverie: Negotiating Individual Traditionalism. The 2007 International Conference. Globalization, Immigration, and Change in Religious Movements. June 7–9. Bordeaux, France. CESNUR (2007).
- Aitamurto K.* Neoyazychestvo or rodnoverie?: reflection, ethics and the ideal of religious tolerance in the study of religion // Общество как событие: «система» и «жизненный мир». Омск, 2007. P. 55–70.
- Doyle White E.* Northern Gods for Northern Folk: Racial Identity and Right-wing Ideology among Britain's Folkish Heathens // Journal of Religion in Europe. 2017. № 10 (3). P. 241–273. <https://doi.org/10.1163/18748929-01003001>. ISSN 1874-8929.
- Gardell M.* Gods of the Blood: The Pagan Revival and White Separatism. Durham; London: Duke University Press, 2003.
- Goodrick-Clarke N.* Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity. New York: New York University Press, 2002.
- Kaplan J.* Radical Religion in America: Millenarian Movements from the Far Right to the Children of Noah. Syracuse: Syracuse Academic Press, 1997.
- Poewe K., Hexham I.* The Völkisch Modernist Beginnings of National Socialism: Its Intrusion into the Church and Its Antisemitic Consequence // Religion Compass. 2009. № 3 (4). P. 676–696. <https://doi.org/10.1111/J.1749-8171.2009.00156.X>.
- Stackelberg R.* Völkisch Movement and Ideology // Antisemitism: a historical encyclopedia of prejudice and persecution / ed. by R. S. Levy. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. Vol. 2 (L–Z). P. 743–745.

References

- Aitamurto, K., 2007. Russian Rodnoverie: Negotiating Individual Traditionalism. In: *The 2007 International Conference. Globalization, Immigration, and Change in Religious Movements*. June 7–9. Bordeaux, France. CESNUR (2007).
- Aitamurto, K., 2007. Neoyazychestvo or rodnoverie?: reflection, ethics and the ideal of religious tolerance in the study of religion. In: *Society as an event: «system» and «life world»*. Omsk, pp. 55–70.
- Averina, O. R., Baykov, N. M., 2017. Extremist symbols in the Internet space as a factor threatening the socialization of young people. In: *Power and management in the East of Russia*, 3 (80), pp. 79–86. (In Russian).
- Beskov, A. A., 2020. Is the analysis of neopagan communities in social networks useful for assessing the number of followers of Russian neopaganism? In: *State, religion, church in Russia and abroad*. Moscow. Vol. 3, No. 38, pp. 306–330. (In Russian).
- Doyle White, E., 2017. Northern Gods for Northern Folk: Racial Identity and Right-wing Ideology among Britain's Folkish Heathens. In: *Journal of Religion in Europe*, 10 (3), pp. 241–273. <https://doi.org/10.1163/18748929-01003001>.
- Gaidukov, A. V., Skachkova, E. Y., 2021. «Slavic» symbolism as a way of socialization in the pagan subculture of late modernity. In: *Sociology of religion in late modern society*, 10, pp. 83–89. (In Russian).
- Gardell, M., 2003. *Gods of the Blood: The Pagan Revival and White Separatism*. Durham, London: Duke University Press.
- Goodrick-Clarke, N., 1995. *Occult roots of Nazism. Secret Aryan cults and their influence on Nazi ideology*. St Petersburg: Eurasia. (In Russian).
- Goodrick-Clarke, N., 2002. *Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity*. New York: New York University Press.
- Kaplan, J., 1997. *Radical Religion in America: Millenarian Movements from the Far Right to the Children of Noah*. Syracuse: Syracuse Academic Press.
- Klein, L. S., 2004. *Resurrection of Perun: Towards the reconstruction of East Slavic paganism*. St Petersburg: Eurasia. (In Russian).
- Mačuda, J., 2014. The Czech community «Native Faith» — a return to the spirituality of ancestors. In: *Colloquium heptaplomeres: scientific almanac*. Nizhny Novgorod: NGPU. No. 1. Paganism in the XX–XXI centuries: Russian and European context, pp. 101–109. (In Russian).
- Panchenko, A. A., 2017. Review of the book: Viktor Shnirelman. The Aryan myth in the modern world: In 2 vols. Moscow: New literary review, 2015. 536 p.; 440 p. (Library of the journal «Neprikosovenny zapas»). In: *Anthropological forum*, 33, pp. 125–137. (In Russian).
- Poewe, K.; Hexham, I., 2009. The Völkisch Modernist Beginnings of National Socialism: Its Intrusion into the Church and Its Antisemitic Consequence. In: *Religion Compass*, 3 (4), pp. 676–696. <https://doi.org/10.1111/J.1749-8171.2009.00156.X>.
- Prokofiev, A. V., Filatov, S. B., Koskelo, A. S., 2006. Slavic and Scandinavian Paganism. Wicca. In: M. Burdo, S. B. Filatov, eds. *Modern Religious Life in Russia. An Attempt at a Systematic Description*. Moscow: Logos. Vol. 4, pp. 155–207. (In Russian).

- Shizhensky, R. V., 2009. The Neo-Pagan Myth of Prince Vladimir. In: *Bulletin of the Buryat State University. Philosophy, Sociology, Political Science, Cultural Studies*, 6, pp. 250–256. (In Russian).
- Shnirelman, V. A., 2005. From the «Soviet people» to the «organic community». In: *Slavic studies*, 6, pp. 3–26. (In Russian).
- Shnirelman, V. A., 2010. *Faces of Hatred (Anti-Semites and Racists on the March)*, 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Moscow Bureau for Human Rights; Academia. (In Russian).
- Shnirelman, V. A., 2012. *Russian Rodnoverie: Neo-Paganism and Nationalism in Modern Russia*. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle. (In Russian).
- Shnirelman, V. A., 2012. *Khazar myth: the ideology of political radicalism in Russia and its origins*. Moscow: Mosty kultury-Gesharim. (In Russian).
- Shnirelman, V. A., 2015. *Aryan myth in the modern world*. In 2 Vols. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie. (In Russian).
- Stackelberg, R., 2005. Völkisch Movement and Ideology. In: R. S. Levy, ed. *Antisemitism: a historical encyclopedia of prejudice and persecution*. Santa Barbara: ABC-CLIO. Vol. 2 (L–Z), pp. 743–745.
- Yashin, V. B., 2001. «The Church of Orthodox Old Believers-Ingling» as an example of a neopagan cult. In: V. A. Shnirelman, comp. *Neopaganism in the vastness of Eurasia*. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle, pp. 56–67. (In Russian).

УЧАСТИЕ ПОЛЬШИ В КЛЮЧЕВЫХ ПРОЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТРИМОРЬЯ. 2016–2024 ГГ.

Алексей Дмитриевич Афонин

Магистрант,
Российский государственный
гуманитарный университет
Почтовый адрес: Миусская площадь, 6,
Москва, 125047, Россия
Электронный адрес: alekseiafodmi@gmail.com
ORCID: 0009-0005-1868-5903

Аннотация

В статье рассматриваются приоритетные транспортные (железнодорожные, автомагистральные и речные) проекты Инициативы трех морей, продвигаемые и реализуемые Польшей — страной, в давней традиции политической мысли которой укоренены идеи геополитической и геоэкономической активности в Балто-адриато-черноморском треугольнике и стремление к лидерству в регионе. Автор обращает внимание на инфраструктурный разрыв между восточными и западными членами Европейского союза, который до сих пор не преодолен, несмотря на то что большинство центрально- и восточноевропейских стран присоединились к экономическому и политическому объединению 20 лет назад. Анализируется недостаток в Центрально-Восточной Европе транспортных коридоров и соединений по оси Север — Юг, а также ответ Республики Польша на обозначенную проблему. Прослеживается эволюция польских усилий по созданию транспортной инфраструктуры: от определения целей и формирования перечня проектов до учреждения специализированных институтов, привлечения инвестиций и строительства автомагистралей, железных дорог и водных путей. По результатам исследования делается вывод о геополитической значимости реализуемых инициатив как для Польши и региона Центрально-Восточной Европы, так и для внешних игроков, прежде всего Соединенных Штатов Америки, Европейского союза, Китая и России. Отмечается недостаточный уровень финансирования проектов Триморья, при этом подчеркивается ведущая роль Польши в инвестировании в развитие инфраструктуры. Кроме того, установлено, что воплощение в жизнь проектов на пространстве между Балтийским, Адриатическим и Черным морями во многом зависит от контекста междунациональной обстановки.

Ключевые слова

Польша, Инициатива трех морей, Триморье, Центрально-Восточная Европа, транспортная инфраструктура, региональное сотрудничество, «Виа Карпатия», «Рейл Балтика», водные пути

Статья поступила в редакцию 24 января 2025 г.

Статья доработана автором 21 февраля 2025 г.

Статья принята в печать 24 марта 2025 г.

Цитирование: *Афонин А. Д.* Участие Польши в ключевых проектах транспортной инфраструктуры Триморья. 2016–2024 гг. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 104–122. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.06>

POLAND'S PARTICIPATION IN KEY TRANSPORT INFRASTRUCTURE PROJECTS OF THE THREE SEAS INITIATIVE. 2016–2024

Aleksei D. Afonin

Master's student,
Russian State University
for the Humanities
Postal address: Miususkaya square, 6,
Moscow, 125047, Russia
E-mail: alekseiafodmi@gmail.com
ORCID: 0009-0005-1868-5903

Annotation

The article deals with priority transport (railway, motorway road and river) projects of the Three Seas Initiative promoted and implemented by Poland, a country whose long tradition of political thought is rooted in the ideas of cooperation in the Baltic-Adriatic-Black Sea triangle and aspirations for leadership in the region. The author focuses on the infrastructural gap between the Eastern and Western members of the European Union, which has not yet been bridged, despite the fact that most Central and Eastern European countries joined the economic and political union 20 years ago. The lack of transport corridors and connections in East Central Europe along the north — south axis is analysed, as well as the response of the Republic of Poland to this problem. The evolution of Polish efforts to create transport infrastructure is traced, from defining objectives and forming a list of projects to establishing specialised institutions, attracting investments and building highways, railroads and waterways. The study concludes on the geopolitical significance of the implemented initiatives both for Poland and the region of East Central Europe, as well as for external players, especially the United States, the European Union, China and Russia. The insufficient level of financing for Trimarium projects is noted, while the leading role of Poland in investing in infrastructure development is emphasised. In addition, it is revealed that the realization of the projects in the area between the Baltic, Adriatic and Black Seas depends largely on the context of the international environment.

Keywords

Poland, Three Seas Initiative, Trimarium, East Central Europe, transport infrastructure, regional cooperation, «Via Carpathia», «Rail Baltica», waterways

Received 24 January 2025

Revised 21 February 2025

Accepted 24 March 2025

For citation: Afonin, A. D., 2025. Poland's Participation in Key Transport Infrastructure Projects of the Three Seas Initiative. 2016–2024. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 104–122. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.06>

Сегодня Польша занимает одну из лидирующих позиций в развитии регионального сотрудничества в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ). Эта страна обладает богатым опытом регионального проектирования пространства между Балтийским, Адриатическим и Черным морями. Так, например, после завершения Первой мировой войны начальник Польского государства Юзеф Пилсудский предпринял неудачную попытку реализовать концепцию федерации Междуморья. Объединение государств, расположенных между Балтикой и Черным морем, было призвано противостоять мощи Германии и Советской России / СССР. Эти идеи не были воплощены в жизнь, так как они встретили противодействие со стороны других стран ЦВЕ, которые выразили свое несогласие с попытками Польши усилить влияние в регионе. В конце XX — начале XXI в. после окончания блокового разделения Европы, при котором не было места каким-либо интеграционным центральноевропейским проектам, Польша приняла самое активное участие в создании различных региональных форматов сотрудничества (Вишеградская четверка, Сообщество демократического выбора, Восточное партнерство и др.)¹.

Геополитические изменения после 2014 г., связанные с проблемами архитектуры безопасности в Европе, вопросами энергобезопасности, ростом напряжения в отношениях с Россией и внутренними разногласиями в ЕС между Варшавой и Брюсселем, вызвали новый этап инициирования регионального сотрудничества. Одержавшая в 2015 г. победу на парламентских выборах партия «Право и Справедливость» (ПиС) начала предпринимать действия, направленные на укрепление влияния страны в ЦВЕ. Создание в 2015–2016 гг. польско-хорватской Инициативы трех морей (ИТМ) или Триморья, стало отражением геополитических претензий Польши на лидерские позиции в этой части Европы при поддержке США и их аналитических центров, проведении курса на противостояние доминированию Германии в регионе и ослабление его инфраструктурных связей с Россией².

В отличие от Междуморья, концепция Триморья предполагает активизацию польской внешней политики в отношении пространства, границы которого обозначены побережьями не двух, а трех морей: Балтийского, Черного и Адриатического. Кроме того, для Польши важно показать, что ИТМ не повторяет межвоенных попыток создания Второй Речью Посполитой союза в ЦВЕ под собственным руководством. В рамках этого проекта польская сторона формулирует предложения по развитию сотрудничества

¹ Клепацкий Л. Н. Польские геополитические амбиции и их последствия // *Международная жизнь*. 2022. № 11. С. 58–67.

² В 2015 г. в Нью-Йорке состоялась предварительная встреча лидеров стран ЦВЕ, а в 2016 г. прошел первый саммит Инициативы трех морей. Существует распространенное мнение, что идея Триморья родилась после того, как в 2014 г. в своем докладе «Завершение Европы» американский Атлантический совет обратил внимание на слабость транспортных и энергетических соединений между Балтийским, Черным и Адриатическим морями.

в регионе в экономике, транспортной и энергетической инфраструктуре. Следует также подчеркнуть, что инициатива полностью состоит лишь из стран-участниц ЕС (по крайней мере, так было до 2022 г. — о выходе ИТМ за границы Евросоюза будет сказано ниже). Как считают некоторые российские эксперты, Польша претендует на особую роль «командующего» в ЦВЕ (прежде всего речь идет о восточном фланге НАТО), а в интересах США — поддерживать эти амбиции в духе идей «санитарного кордона»³.

Стоит отметить, что государства Центрально-Восточной Европы стали предметом геополитических интересов не только Америки, но и Китая. Триморье было создано в то время, когда в рамках глобального экономического проекта «Один пояс, один путь» уже реализовывался другой формат регионального сотрудничества, инициированный Пекином — «16+1» (Китай и страны ЦВЕ). В Вашингтоне тут же увидели необходимость остановить усиление позиций Пекина в регионе, начав все чаще подчеркивать его важность в контексте трансатлантических отношений.

ДЕФИЦИТ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНЕ ТРЕХ МОРЕЙ И ПОЛЬСКИЙ ОТВЕТ НА ПРОБЛЕМУ

Транспортная инфраструктура является своеобразной «ахиллесовой пятой» региона, находящегося между Балтийским, Адриатическим и Черным морями. В странах ЦВЕ действительно существуют сложности с транспортной системой по оси Север — Юг, что объясняется развитием соединений с запада на восток в социалистическое время. Французский исследователь Пьер-Эммануэль Томанн подчеркивает, что унаследованная инфраструктура, построенная во времена холодной войны, воспринимается восточно- и центральноевропейскими государствами как фактор геополитической зависимости от России и укрепления экономического доминирования Германии, на которую после присоединения к ЕС стало ориентироваться большинство из них⁴.

Как отмечает крупная международная аудит-консалтинговая корпорация PwC, за 1990-е — 2010-е гг. в этой части Европы было построено около 5 600 км новых автомагистралей и потрачено около 210 млрд евро, из которых более 150 млрд поступило из фондов ЕС и 30 млрд из Европейского инвестиционного банка (ЕИБ)⁵. Несмотря на это, по-прежнему по густоте

³ Могильницкий Д. Игры в Междуморье. Угрожает ли Польша интеграционным проектам Беларуси и России? // Евразия.Эксперт. 13.05.2016. URL: https://eurasia.expert/polska-integratsionnym-belarusi-rossii/?sphrase_id=117449 (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Thomann P.-E. The Three Seas Initiative, a New Project at the Heart of European and Global Geopolitical Rivalries // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2019. № 3 (17). P. 31–63.

⁵ Inicjatywa Trójmorza szansą na stworzenie wspólnej wizji finansowania infrastruktury transportowej w Europie Środkowo-Wschodnie // PwC Polska. 2017. URL: <https://www.pwc.pl/pl/media/2017/2017-07-04-inicjatywa-trojmorza-szansa-na-stworzenie-wspolnej-wizji-finansowania-infrastruktury-transportowej-cee.html> (дата обращения: 27.11.2024).

сети дорог и их качеству страны Востока Европы невыгодно отличаются от Запада. По плотности железнодорожной сети они незначительно уступают среднему показателю по ЕС, за исключением Центральной Венгрии, польской Силезии и Чехии. В то же время в ЦВЕ практически нет высокоскоростных железных дорог (со скоростью более 200 км/ч)⁶. Формат ИТМ призван покончить с инфраструктурной отсталостью наиболее динамически развивающегося региона европейского континента.

Преодоление дефицита инфраструктуры в масштабах макрорегиона трех морей стало основной целью, поставленной польским правительством при создании ИТМ. Укрепление транспортных соединений в Триморье Польша объявила своей внешнеполитической задачей⁷. Благодаря расположению в центре Европы, эта страна может получить значительные преимущества от улучшения связей между Севером и Югом. Не вызывает сомнений, что наличие хорошо развитой инфраструктуры позволяет свободно перемещаться как людям, так и товарам, обеспечивает доступ к рабочим местам и услугам, а также способствует развитию торговли и экономики. Однако к моменту создания Триморья железнодорожная инфраструктура между Варшавой и Софией была (и остается сегодня) развитой настолько слабо, что для преодоления этого маршрута нужно потратить вдвое больше времени, чем на путь от Варшавы до Парижа, который вдвое длиннее; для того чтобы добраться наземным транспортом от венгерской до польской столицы, требуются целые сутки⁸; между Эстонией и Польшей отсутствует железнодорожное сообщение, а дорога от Таллина до Констанцы, которая проходит через Польшу, занимает 32 часа на машине или 3,5 дня на поезде, хотя от Гетеборга до Барселоны около 1 дня в обоих случаях при том же расстоянии 2500 км⁹.

ВОПРОС ОБ УКРЕПЛЕНИИ ТРАНСПОРТНЫХ СВЯЗЕЙ В РЕГИОНЕ ВО ВРЕМЯ САММИТОВ ИНИЦИАТИВЫ ТРЕХ МОРЕЙ

Компенсирование неравенства между Востоком и Западом посредством развития трансевропейских транспортных сетей стало одной из основ (наряду с энергетикой и цифровизацией) развития концепции Триморья. Пред-

⁶ Zenderowski R. Geopolityka Trójmorza. Warszawa: Collegium Interethnicum, 2021. P. 35. URL: https://politologia.uksw.edu.pl/wp-content/uploads/2023/02/BAROMETER_2_Final-1.pdf (дата обращения: 27.11.2024).

⁷ Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej 2017–2021 // Ministerstwo Spraw Zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej. 2017. URL: <https://www.gov.pl/attachment/8196524f-687b-40e6-aca8-82c53ff8e6db> (дата обращения: 04.01.2025).

⁸ Шишелина Л. Н. Триморье: постпандемическое пробуждение // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 4 (22). С. 24–29. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikier-an420212429>.

⁹ Perspectives for Infrastructural Investments in the Three Seas region // SpotData report. 2019. URL: <https://spotdata.pl/research/download/74> (дата обращения: 28.11.2024).

варительная встреча лидеров стран ЦВЕ в Нью-Йорке в сентябре 2015 г. положила начало инфраструктурному сотрудничеству в рамках ИТМ и организации ежегодных саммитов президентов и министров 12 стран, на которых стали обсуждаться наиболее актуальные проекты региона.

Первые две встречи на высшем уровне в Дубровнике (2016 г.) и Варшаве (2017 г.) имели декларативный характер. Страны-участницы подчеркнули необходимость соединения транспортных путей для завершения формирования единого европейского рынка, было объявлено об интенсивном сотрудничестве в области транспортного сообщения, укреплении связей в регионе для интеграции в Трансевропейскую транспортную сеть ТЕН-T¹⁰. В это время официальные представители Польши заявляли о необходимости дать зеленый свет практическому сотрудничеству по проектам и не допустить развития ЕС по принципу «многоскоростной Европы»¹¹. При этом, чтобы не спровоцировать негативную реакцию со стороны Брюсселя и Берлина и не помешать возможным инвестициям от крупнейших европейских фондов, было выражено намерение рассматривать инициативу как инструмент укрепления ЕС, а не альтернативу ему или его структурам.

Важно подчеркнуть, что на варшавском саммите присутствовал президент США Дональд Трамп, который отметил приверженность американской стороны обеспечению доступа региона к альтернативным источникам энергии¹². Нет сомнений в том, что речь шла об американских планах увеличения поставок СПГ из США через терминалы в Польше и Хорватии для уменьшения энергозависимости региона от России. С того момента стало ясно, что поддержка Триморья со стороны Соединенных Штатов направлена больше в сторону создания и модернизации энергетической инфраструктуры, нежели транспортной.

С 2018 г. после Бухарестского саммита ИТМ перешла к практической фазе реализации проектов. Параллельно со встречей лидеров 12 стран был организован первый бизнес-форум ИТМ, призванный собрать представителей бизнеса, заинтересованных в сотрудничестве, для укрепления экономических связей в регионе. Выступая на мероприятии, президент Польши Анджей Дуда назвал транспортную инфраструктуру одной из наиболее важных сфер для углубления интеграции и экономического развития региона¹³.

¹⁰ The Second Summit of the 3 Seas Initiative. Joint Declaration // The official website of 3SI. 2017. 6 XVII. URL: <https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/WARSAW-joint-declaration-2017.pdf> (дата обращения: 07.01.2025).

¹¹ Krzysztof Szczerski: Trójmorze nie jest alternatywą dla UE // Rzeczpospolita. 2016. 8 IX.

¹² Trump's speech in Warsaw // CNN. 2017. 6 VII. URL: <https://edition.cnn.com/2017/07/06/politics/trump-speech-poland-transcript/index.html> (дата обращения: 08.01.2025).

¹³ Prezydent podczas Forum Biznesowego Trójmorza // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 2017. 17 IX. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/wystapienie-prezydenta-podczas-forum-biznesowego-trojmorza,3728> (дата обращения: 10.01.2025).

В совместной декларации были отмечены намерения создания Инвестиционного фонда Триморья (3SIIF)¹⁴.

Кроме того, в Бухаресте был принят список приоритетных проектов ИТМ, что стало одним из главных результатов саммита. Список включает 48 приоритетных проектов в трех областях: транспорт, энергетика и цифровые технологии¹⁵. Несмотря на составляющие основу концепции Триморья амбиции по сокращению неравенства Запада и Востока Европейского континента, вряд ли страны-участницы ставили перед собой задачу реализовать эти проекты в ближайшей перспективе, так как их масштаб намного превышал возможности инициативы. Кажется вероятным, что цель представления списка — показать потенциал региона и обосновать смысл существования ИТМ как регионального объединения, занимающегося развитием инфраструктуры. Среди транспортных проектов, представленных Польшей, значатся: «Виа Карпатия» (Via Carpathia), коридор Балтика-Адриатика, «Рейл Балтика» (Rail Baltica), Янтарный железнодорожный грузовой коридор (Amber Rail) и водный коридор Дунай-Одра-Эльба.

Уже на встрече в Любляне в 2019 г. лидеры государств приветствовали созданный Инвестиционный фонд. Учредительный акт подписали президенты польского банка BGK (Bank Gospodarstwa Krajowego) и румынского Exim Bank. Оба они внесли наибольший вклад в создание 3SIIF. Учредители предоставили стартовый капитал на общую сумму 520 млн евро, из которых 500 млн внес польский BGK, что сделало его крупнейшим акционером¹⁶.

Основная объявленная цель фонда — преодолеть инфраструктурный разрыв между странами инициативы и остальной частью ЕС, особенно Западной Европой. Поэтому его задачами стали: увеличение финансирования инфраструктуры и трансграничных проектов региона, продвижение инвестиционного потенциала ИТМ, привлечение частных инвесторов и инвестиций международных финансовых институтов¹⁷. Ожидалось, что финансирование проектов будет состоять из частных и государственных средств, причем первоначальные средства должны поступать от национальных бан-

¹⁴ Joint Declaration of the Third Summit of the Three Seas Initiative // The official website of 3SI. 2018. 18 VII. URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/BUCHARREST-SUMMIT-JOINT-DECLARATION_2018.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

¹⁵ The Three Seas Initiative: Priority Interconnection Projects // The official website of 3SI. 2018. 18 IX. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Lista_regionala_de_proiecte_prioritare_de_interconectare_I3M.pdf (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁶ Соловьева А. А. Участие в региональных интеграционных объединениях стран ЦВЕ (Инициатива трех морей) // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2022. № 4. С. 295–301.

¹⁷ Wilczek J., Rudowski A. The Three Seas Initiative Investment Fund. Towards the operationalization of the Initiative? Warszawa: Wydawnictwo Naukowe UKSW, 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/381154997_The_Three_Seas_Initiative_Investment_Fund_Towards_the_operationalization_of_the_Initiative#read (дата обращения: 28.11.2024). P. 23.

ков развития стран Триморья, а на следующем этапе к ним присоединятся глобальные инвесторы.

В словенской столице А. Дуда в очередной раз обратил внимание на то, что уровень развития транспортных связей влияет на экономические и социальные отношения. Он выразил надежду на то, что плодами партнерства стран ИТМ станут новые автомагистрали, железные дороги, мосты и развитое воздушное сообщение¹⁸. К обсуждению автодорог и железнодорожных путей в Любляне добавился водный транспорт, была отмечена необходимость эффективного управления водными ресурсами, соединения рек водными путями¹⁹.

Однако не все центрально- и восточноевропейские страны разделяли оптимизм Польши по отношению к развитию Триморья и были готовы вкладывать средства в создаваемые инициативой институты. К моменту проведения саммита в Таллине в 2020 г. к фонду присоединились или заявили о присоединении Министерство финансов Эстонии, национальные банки Латвии, Венгрии, Словении, Болгарии, Литвы, Хорватии и Румынии. Вне фонда остались Австрия, Чехия и Словакия. Поставленная цель привлечения в 3SIIF всех стран инициативы не была выполнена. Польский банк развития BGK объявил о дополнительных инвестициях в размере 250 млн евро, а первый британский частный инвестор Amber Infrastructure Group — о своем намерении инвестировать 10 млн евро²⁰. Таким образом, девять государств и один частный инвестор выделили 923 млн евро, из которых Польша направила 750 млн, Словения — 23 млн, а остальные государства — по 20 млн²¹.

Шестой саммит (София, 2021 г.) ознаменовался существенным ростом числа проектов: с 48 до 90. Двенадцать государств заявили о признании значительного потенциала Инвестиционного фонда как важного механизма на пути ликвидации инфраструктурного разрыва, однако более практических шагов, связанных с новыми инвестициями, сделано не было.

То же можно сказать и о Рижском саммите 2022 г., основными целями которого стали демонстрация поддержки Украины на фоне начала российской СВО, наделение ее статусом страны-партнера ИТМ и подтверждение

¹⁸ Prezydent: Chcemy mierzyć efekty Trójmorza kilometrami zbudowanych dróg // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 2019. 5 VI. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/prezydent-chcemy-mierzyc-efekty-trojmorza-kilometrami-zbudowanych-drog-3940> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁹ Joint Declaration of the Fourth Summit of the Three Seas Initiative (Ljubljana) // The official website of 3SI. 2019. 5 VI. URL: <https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/LJU-BLJANAJoint%20Declaration%202019.pdf> (дата обращения: 27.11.2024).

²⁰ Tallinn Summit 2020 // The official website of 3SI. 2020. 19 X. URL: <https://3seas.eu/about/past-summits/tallinn-summit-2020> (дата обращения: 28.11.2024).

²¹ Jarończyk K., Przybylski W. Poland: Regional leadership stunted by governance dilemmas // Three Seas Initiative: Mapping National Perspectives / edited by Sprüds A., Vargulis M. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2022. P. 125-141.

важности укрепления трансатлантических связей²². Для саммита 2023 г., проходившего снова в Бухаресте, было прежде всего характерно расширение ИТМ и выход за границы ЦВЕ и ЕС: полноправным участником стала Греция, а Молдавия, как и Украина годом ранее, получила статус государства-партнера. Вильнюсский саммит 2024 г. был снова посвящен вопросам геополитической трансформации региона, важности стратегического присутствия США и поддержке Украины в контексте противостояния с РФ²³. Общее число проектов ИТМ достигло 143 наименований, в том числе за счет 25 проектов с Украиной и Молдавией.

Увеличение количества проектов в 3 раза при отсутствии роста инвестиций из стран ИТМ говорит о том, что этот список не имеет гарантий реализации, так как региональные инвесторы осторожны в своих действиях и не уверены в преимуществах, которые Инвестиционный фонд может принести акционерам. Выбивается из общего ряда Польша — крупнейший инвестор, инициатор создания и движущая сила инициативы. К тому же президент ВГК Беата Дашиньска-Музычка является председателем Наблюдательного совета фонда.

Несмотря на польский вклад, финансирования явно недостаточно. В 2023 г. Б. Дашиньска-Музычка назвала необходимую сумму инвестиций в инфраструктуру в размере 650 млрд евро, что якобы позволит ЦВЕ преодолеть разрыв между западом и востоком ЕС²⁴.

Согласно официальному сайту Триморья, в период с 2020 по 2024 г. основное финансирование проектов приходилось на фонды ЕС: Фонд соединения Европы (CEF), Европейский банк реконструкции и развития, ЕИБ и др. В процентном соотношении этот показатель со временем лишь увеличивался: с 50% в 2020 г. до 53% в 2023 г. (в 2024 г. он снова достиг 50%). Таким образом, Евросоюз стал главным инвестором проектов, преследующих цели укрепления связей между странами ЦВЕ и преодоления разрыва в развитии между его восточной и западной частями. Доля инвестиций со стороны государственного финансирования составляла 26% в 2020 г., 24% в 2021, 2022 и 2023 гг. и 27% в 2024 г. Вклад Инвестиционного фонда в инфраструктуру незначительно увеличился с 7% в 2020 г. до 9% в 2021 г. (возможно, благодаря присоединению к фонду новых стран) и оставался таковым в 2022 и 2023 гг., однако в 2024 г. показатель опустился до 8% при общем снижении бюджета (см. таблицу). Транспортные инфраструктурные проекты превы-

²² Riga Summit 2022 // The official website of 3SI. 2022. 20 VI. URL: <https://3seas.eu/about/joint-declaration-of-the-seventh-three-seas-initiative-summit?lang=en> (дата обращения: 04.01.2024).

²³ Vilnius Summit 2024 // The official website of 3SI. 2024. 11 IV. URL: <https://3seas.eu/about/past-summits/vilnius-summit-2024> (дата обращения: 08.12.2024).

²⁴ Gazeta Bankowa: Trójmorze — nowy lider Europy // wGospodarce. Warszawa. 2023. 31 VIII. URL: <https://wgospodarce.pl/informacje/132185-trojmorze-nowy-lider-europy> (дата обращения: 11.01.2024).

шали другие во все рассматриваемое время, на них приходилось около половины от всех проектов: самые высокие показатели были отмечены в 2020 и 2024 гг.: 51%. (рис. 1).

Финансирование проектов Инициативы трех морей и общий бюджет					
	2020	2021	2022	2023	2024
CEF (Фонд соединения Европы)	27%	26%	25%	25%	27%
EBRD (Европейский банк реконструкции и развития)	4%	3%	4%	4%	4%
EIB (Европейский инвестиционный банк)	7%	8%	9%	10%	8%
Другие фонды ЕС	12%	15%	15%	14%	11%
Другие источники	18%	15%	14%	15%	15%
3SIF (Инвестиционный фонд Триморья)	7%	9%	9%	9%	8%
Национальное финансирование	26%	24%	24%	24%	27%
Общий бюджет проектов (обеспечено, в %)	85, 49 млрд € (12%)	180, 9 млрд € (53%)	168, 4 млрд € (62%)	107 млрд € (38%)	111 млрд € (37%)

Источник: составлено автором по данным Status Report of 2020, 2021, 2022, 2023 and 2024, *Three Seas Initiative*, URL: <https://projects.3seas.eu/report> (дата обращения: 04.12.2024).

ПОЛЬСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Польша не отступает от своих планов, не отказывается от обещаний, которые нашли отражение в списке приоритетных проектов Триморья в 2018 г., и активно работает над реализацией железнодорожных, автомобильных и водных проектов. Самым амбициозным и важным с точки зрения соединения Север — Юг является «Виа Карпатия». Проект призван улучшить автомобильное сообщение, соединив Литву, Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Грецию, и стать одним из главных транс-

портных маршрутов Европы. Он включает в себя как строительство новой инфраструктуры, так и модернизацию существующих дорог.

Стоит отметить, что идея «Виа Карпатия» возникла еще в 2006 г. в польском Ланьцуте, где министры транспорта Литвы, Польши, Словакии и Венгрии подписали декларацию о создании дороги²⁵. Инициатором выступил президент Польши Л. Качиньский. В 2010 г. к проекту присоединились Румыния, Болгария и Греция.

Триморье активизировало процесс реализации этого проекта. После саммита ИТМ в Варшаве Министерство инфраструктуры Польши представило план маршрута от границы с Литвой через Белосток, Люблин и Жешув до польско-словацкой границы в Барвинеке. Поскольку Украина, игнорируя тот факт, что она не является частью Триморья, к которому могут принадлежать лишь государства ЕС, выразила свою заинтересованность и в 2017 г. подписала с Польшей меморандум о сотрудничестве по проекту строительства маршрута, участок дороги в Подкарпатском воеводстве мог бы позволить построить ответвления на территорию Украины через Жешув-Пшемысль-Львов, Замостье-Владимир-Луцк и Люблин-Хелм-Ковель²⁶.

Однако, несмотря на обещания некоторых стран ИТМ (и в особенности Польши) соединить инфраструктуру Украины и ЕС, никаких практических действий по строительству участка «Виа Карпатия» на территории Украины предпринято не было. Кроме вопросов финансирования и низкого качества украинских дорог можно выделить несколько других факторов, создающих трудности для реализации проекта. Украина не является членом Евросоюза и Шенгенской зоны, соответственно, движение по ее участку требовало бы прохождения таможенных проверок. Кроме того, ответвление на восток стало бы конкурентом основному маршруту, проходящему через Словакию и Венгрию, что явно не входит в круг их интересов.

На юге проект должен составить конкуренцию сербскому участку коридора, связывающего Грецию и Турцию с Центральной и Северной Европой (маршрут E-75). Поэтому весьма вероятно, что с завершением «Виа Карпатия» немалый объем пассажирских и грузовых перевозок переместится в новый коридор, который будет проходить исключительно через страны ЕС, что позволит также избежать длительного таможенного контроля после принятия Болгарии и Румынии в Шенгенскую зону.

Польша крайне заинтересована в успешной реализации «Виа Карпатия», поскольку развитая инфраструктура может стать движущей силой для роста торговли и экономики в восточных областях страны. Эти регионы традиционно являются сельскохозяйственными и менее развитыми по сравнению

²⁵ *Lewkowicz Ł.* The Three Seas Initiative as a New Model of Regional Cooperation in Central Europe: a Polish Perspective // *Revista UNISCI / UNISCI Journal*. 2020. № 54. P. 177–194. <http://dx.doi.org/10.31439/UNISCI-101>.

²⁶ *Baziur G.* Trójmorze jako koncepcja bezpieczeństwa i rozwoju ekonomicznego Europy Wschodniej // *Przegląd Geopolityczny*. 2018. № 23. P. 24–38.

с центральными и западными областями. Кроме того, здесь проживает электоральная опора ПиС, главного покровителя ИТМ. В 2024 г. было заявлено, что польский участок проекта (712 км) будет готов в 2027 г. К настоящему времени завершены 282,5 км дорог, 257,9 км — в стадии строительства, а 171,6 км участвуют в тендере и находятся на стадии подготовки. Что касается финансирования, то Польша сама инвестирует в строительство на своей территории, вложив уже 6,5 млрд евро²⁷.

Одним из важнейших железнодорожных проектов для страны является «Рейл Балтика», которая также не является чем-то новым, так как реализуется с 2012 г. Это общий приоритетный проект Польши и стран Балтии, который предусматривает соединение Эстонии, Латвии и Литвы с остальной частью ЕС по железной дороге. Эти государства до сих пор испытывают проблемы с железнодорожным сообщением с другими странами ЕС, поскольку их железнодорожные сети имеют более широкую колею из-за наследия Российской империи и СССР. Как заявлено на официальном сайте, проект будет представлять 840 км новой железнодорожной инфраструктуры в Литве, Латвии и Эстонии и 370 км модернизированной инфраструктуры в Польше. В 2017 г. было завершено строительство на участке Варшава-Садовне (66,5 км). По состоянию на 2023–2024 гг. строятся участки Садовне-Чижев (35,5 км) и Чижев-Белосток (71,24 км)²⁸.

Финансирование «Рейл Балтика» осуществляется за счет собственных средств государств и СЕФ (85%). Железная дорога призвана содействовать развитию бизнеса, туризма, созданию дополнительных рабочих мест и увеличению товарообмена в регионе. В то же время проект является настоящим долгостроем, сроки окончания работ постоянно сдвигаются, а их предполагаемая стоимость увеличивается. По прогнозам, проект должен быть готов к 2030 г., а его общая стоимость оценивается в 15,3 млрд евро²⁹. В то же время в СМИ все чаще появляется информация о том, что стратегическое значение проекта вызывает вопросы, а его реализация находится под угрозой срыва и может привести к банкротству отдельных стран³⁰.

Более успешным в плане реализации на фоне предыдущего оказался проект Янтарного железнодорожного грузового коридора, который, сокращая разрыв между новыми и старыми членами ЕС, призван помочь

²⁷ Via Carpathia. Three Seas Projects // The official website of 3SI. URL: <https://projects.3seas.eu/projects/via-carpatia-submitted-by-poland> (дата обращения: 29.11.2024).

²⁸ Rail Baltica. Three Seas Projects // The official website of 3SI. URL: <https://projects.3seas.eu/projects/rail-baltica-submitted-by-poland> (дата обращения: 29.11.2024).

²⁹ Koszt budowy Rail Baltica w ciągu 7 lat wzrósł ponad dwukrotnie // Kurier Kolejowy. 2024. 15 VI.

³⁰ Висит угроза банкротства: в Латвии призвали отказаться от Rail Baltica // Sputnik Литва. 2024. 2 III. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20240302/visit-ugroza-bankrotstva-v-latvii-prizvali-otkazatsya-ot-rail-baltica-32132609.html> (дата обращения: 09.12.2024).

облегчить грузоперевозки между быстроразвивающимися экономиками Центральной Европы — Польшей, Венгрией, Словакией и Словенией. Протяженность коридора составляет около 1 400 км — от порта Копер в Словении до терминала Малашевичи на границе Польши и Беларуси, через который проходят большинство товаров, поставляемых из Китая в ЕС³¹.

Стоит отметить, что проект особенно выгоден Польше. Крупнейший железнодорожный грузоперевозчик в стране и второй по величине в Евросоюзе РКР Cargo с его помощью надеется увеличить свою роль в Европе в качестве посредника в железнодорожной грузовой торговле между ЕС и КНР. Проект был зарегистрирован в 2018 г. и полностью реализован в 2023 г. Общий бюджет составил 1 552 300 евро, деньги были выделены четырьмя выше-названными государствами, СЕФ и ЕИБ³².

Еще один важный проект, инициированный Польшей, — коридор Балтика-Адриатика, являющийся частью сети TEN-T. Он проходит от Свиноуйсьце (первая ветвь), Гданьска и Гдыни (вторая ветвь) через Восточную Чехию и параллельно Западную Словакию до Вены, а затем через Австрию и Словению до итальянских Венеции, Болоньи и Равенны³³. Планируется, что благодаря модернизации инфраструктуры в этом районе будут развиваться новые грузовые и пассажирские транспортные потоки. Как сообщается в докладе Польского института автодорожного транспорта, общая сумма инвестиций за 2016–2030 гг. должна составить 64,9 млрд евро, что приведет к увеличению ВВП стран-участниц на 489 млрд евро и будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест для примерно 1,4 миллиона человек³⁴.

В то же время Польша, как уже было отмечено выше, признает, что транспортные проекты, реализуемые в регионе, должны включать не только железнодорожные пути и автомагистрали, но и речной транспорт. В 2017 г. А. Дуда ратифицировал Европейское соглашение о важнейших внутренних водных путях международного значения. Было определено три участка водных путей, проходящих по территории Польши: 1) водный путь Е-30, соединяющий Балтийское море с Дунаем; 2) водный путь Е-40, связывающий Балтийское море с Черным морем; 3) водный путь Е-70, соединяющий Клайпеду с Роттердамом, т. е. Балтийское море с Северным. Тогда же президент отметил низкий уровень развития водного транспорта в Польше и

³¹ Amber Rail Freight Corridor. Three Seas Projects // The official website of 3SI. URL: <https://projects.3seas.eu/projects/amber-rail-freight-corridor> (дата обращения: 29.11.2024).

³² Ibidem.

³³ Baltic — Adriatic TEN-T Core Network Corridor Three Seas Projects // The official website of 3SI. URL: <https://projects.3seas.eu/projects/baltic-adriatic-ten-t-core-network-corridor> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁴ Wolak M. Transport i Logistyka jako Strategiczna Branża dla Polskiej Gospodarki. Wrocław: Polski Instytut Transportu Drogowego, 2019. URL: <https://open.icm.edu.pl/bitstreams/bf0e0ff2-9520-473a-be97-99730d6fa9c8/download> (дата обращения: 30.11.2024).

подчеркнул, что запуск судоходства по этим маршрутам соединит республику с крайне важными европейскими коридорами³⁵.

Развитие Е-70 затруднено по причине того, что часть маршрута проходит по Калининградской области. Сотрудничество с Россией в сфере транспортных связей не представляется для Варшавы возможным ввиду геополитической конфронтации.

Реализация Е-30 также столкнулась со сложностями. В 2018 г. Польша, Чехия и Словакия инициировали проект Дунай-Одра-Эльба, многофункционального водного коридора, соединяющего Балтийское, Черное и Северное моря, однако у них не получилось договориться о бюджете. Кроме того, проект подвергся критике со стороны экологов, которые сочли строительство канала угрозой природным экосистемам Центральной Европы. Практических действий предпринято не было, а в 2022–2023 гг. Чехия и вовсе отказалась от проекта, прежде всего по причине его экономической нецелесообразности³⁶.

Связать Польшу с ее восточными соседями должен был водный путь Е-40, планируемый речной маршрут длиной 2 000 км. В конечном итоге он должен был пройти от Гданьска, через Быдгощ, Варшаву, Брест и Киев до Одессы (или Херсона³⁷), что могло бы стать стимулом для более активного экономического развития отдельных регионов Польши, Беларуси и Украины. Реализация водного пути Е-40 также столкнулась с финансовыми и экологическими препятствиями. Так, например, на несудоходном маршруте между Варшавой и Брестом расположены ценные экологически охраняемые территории. Планируемые дноуглубительные работы встретили протесты защитников окружающей среды.

Следует заметить, что проект имел большое геостратегическое значение в рамках концепции Триморья. Он мог бы не только соединить Балтику и Черное море, но и предоставить Польше возможность активизировать торговлю с Беларусью и Украиной, а далее (по Черному морю) со странами Кавказа и Ближнего Востока. ИТМ рассматривалась в качестве потенциального инвестора по созданию соответствующей инфраструктуры Е-40³⁸.

Главной помехой для строительства водного пути стали геополитические события. Несмотря на то что еще в 2019 г. в медийном пространстве

³⁵ Prezydent RP Andrzej Duda ratyfikował Konwencję AGN // Archiwalna strona Ministerstwa Gospodarki Morskiej i Żeglugi Śródlądowej Rzeczypospolitej Polskiej. 2018. 24 I. URL: <https://www.gov.pl/web/gospodarkamorska/prezydent-rp-andrzej-duda-ratyfikowal-konwencje-agn> (дата обращения: 30.11.2024).

³⁶ Czeski rząd porzucił projekt budowy kanału Dunaj-Odra-Łaba // Radio Wrocław. 2023. 9 II.

³⁷ До 2022 г. в составе Украины.

³⁸ Interpelacja nr 22521 do ministra infrastruktury w sprawie międzynarodowej drogi wodnej E40 łączącej Morze Czarne z Morzem Bałtyckim // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. 2021. 14 IV. URL: <https://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/InterpelacjaTresc.xsp?key=C25BWF> (дата обращения: 30.11.2024).

Беларуси сообщали о выгодах для страны нового пути «из варяг в греки»³⁹, президентские выборы 2020 г. и последующие протесты вызвали большую напряженность в отношениях Минска и Варшавы и фактически сделали невозможным проведение каких-либо переговоров по реализации Е-40. В 2022 г. Киев расторг договор с Минском о судоходстве по рекам и озерам⁴⁰.

Важной причиной замедления реализации транспортных инфраструктурных проектов Триморья в начале 2020-х гг. стал энергетический кризис в Европе. По мере усиления геополитических разногласий с Москвой Европейский союз всё больше и решительнее стал поддерживать создание газотранспортной инфраструктуры в ЦВЕ и уменьшение энергетической зависимости региона от России, выделяя средства на проекты в этой сфере за счет грантов европейских фондов. События 2022 г. привели к тому, что тема энергобезопасности стала наиболее актуальной как в польском политическом дискурсе, так и в других странах ИТМ.

* * *

Идея формирования Балто-адриато-черноморского региона, которая в наши дни выразилась в создании Инициативы трех морей, имеет глубокие корни в истории польской политической мысли. Несмотря на то что современный проект обладает инфраструктурным характером, нет сомнений в том, что развитие транспортной инфраструктуры влечет за собой геополитические последствия как для Польши и Центрально-Восточной Европы, так и для США, ЕС, Китая и России — внешних игроков, чьи интересы часто сталкиваются на пространстве трех морей.

Польша принимает самое активное участие в реализации инфраструктурных проектов инициативы, которые призваны не только улучшать транспортную доступность между странами ИТМ по оси Север — Юг, но также политически и экономически укрепить позиции Варшавы в Балто-адриато-черноморском треугольнике и, согласно концепции Триморья, повысить уровень развития и безопасность Польши и всего региона. Она активно работает над реализацией железнодорожных, автомобильных и водных проектов. Однако, несмотря на польские усилия по привлечению средств и значительные инвестиции в ИТМ, осуществление масштабных проектов во многом по-прежнему зависит от европейских фондов, нуждается в заинтересованности со стороны всех стран-участниц Триморья и привлечении внешних источников финансирования. Геополитическая ситуация в регионе также играет немаловажную роль.

³⁹ Проект Е-40. Пойдут ли через Беларусь суда из Гданьска в Херсон? // СБ. Беларусь сегодня. 2019. 4 X. URL: <https://www.sb.by/articles/ot4dat-shvartovy.html> (дата обращения: 09.12.2024).

⁴⁰ Украина денонсировала соглашение о судоходстве с Белоруссией // ТАСС. 2022. 29 VII. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15346617> (дата обращения: 30.11.2024).

В настоящее время среди приоритетных транспортных проектов, инициированных в Триморье Польшей, полностью реализован лишь Янтарный железнодорожный грузовой коридор. Такие долгострои, как «Виа Карпатия» и «Рейл Балтика», а вместе с ними и коридор Балтика-Адриатика продолжают находиться в стадии строительства и испытывают определенные сложности ввиду их масштаба и дороговизны, а идея создания водного пути Е-40, по сути, отложена по причине геополитического противостояния Варшавы с Москвой и Минском.

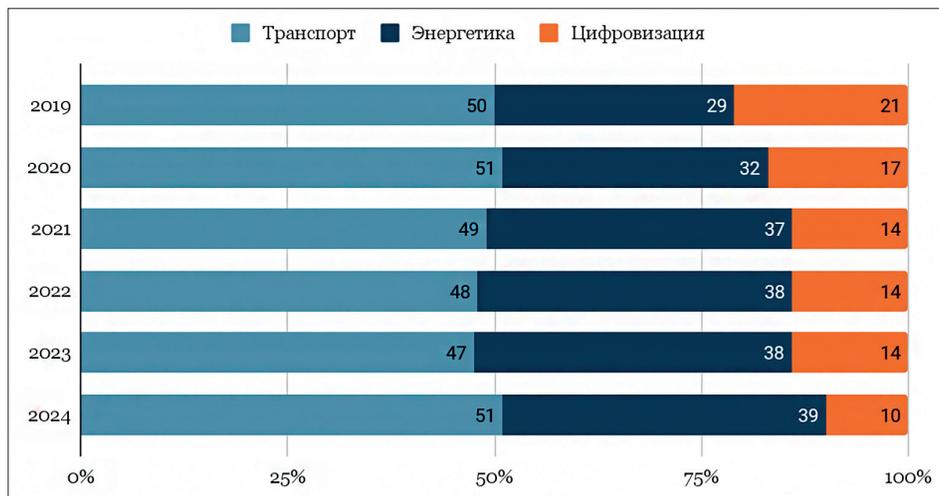

Рис. 1. Процентное соотношение проектов Инициативы трех морей
Percentage of the Three Seas Initiative projects

Источники

- СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/ot-4dat-shvartovy.html> (дата обращения: 09.12.2024).
- ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15346617> (дата обращения: 30.11.2024).
- Archiwalna strona Ministerstwa Gospodarki Morskiej i Żeglugi Śródlądowej Rzeczypospolitej Polskiej [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.pl/web/gospodarkamorska/prezydent-rp-andrzej-duda-ratyfikowal-konwencje-agn> (дата обращения: 30.11.2024).
- CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2017/07/06/politics/trump-speech-poland-transcript/index.html> (дата обращения: 08.01.2025).
- Kurier Kolejowy [Электронный ресурс]. URL: <https://kurier-kolejowy.pl/aktualnosci/45382/koszt-budowy-rail-baltica-w-ciagu-7-lat-wzrosl-ponad-dwukrotnie.html> (дата обращения: 07.01.2025).

- Ministerstwo Spraw Zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.pl/attachment/8196524f-687b-40e6-aca8-82c53ff8e6db> (дата обращения: 04.01.2025).
- Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/wystapienie-prezydenta-podczas-forum-biznesowego-trojmorza,3728> (дата обращения: 10.01.2025).
- PwC Polska [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.pl/pl/media/2017/2017-07-04-inicjatywa-trojmorza-szansa-na-stworzenie-wspolnej-wizji-finansowania-infrastruktury-transportowej-cee.html> (дата обращения: 27.11.2024).
- Rzeczpospolita [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rp.pl/wydarzenia/art-10946661-krzysztof-szczerski-trojmorze-nie-jest-alternatywa-dla-ue> (дата обращения: 07.12.2024).
- Sejm Rzeczypospolitej Polskiej [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sejm.gov.pl/Sejm9.nsf/InterpelacjaTresc.xsp?key=C25BWF> (дата обращения: 30.11.2024).
- SpotData [Электронный ресурс]. URL: <https://spotdata.pl/research/download/74> (дата обращения: 28.11.2024).
- Sputnik Литва. [Электронный ресурс]. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20240302/visit-ugroza-bankrotstva-v-latvii-prizvali-otkazatsya-ot-rail-baltica-32132609.html> (дата обращения: 09.12.2024).
- Three Seas Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://3seas.eu/> (дата обращения: 07.01.2025).

Литература

- Клепацкий Л. Н.* Польские геополитические амбиции и их последствия // *Международная жизнь*. 2022. № 11. С. 58–67.
- Могильницкий Д.* Игры в Междуморье. Угрожает ли Польша интеграционным проектам Беларуси и России? // *Евразия. Эксперт*. 13.05.2016. URL: https://eurasia.expert/polsha-integratsionnym-belarusi-rossii/?sphrase_id=117449 (дата обращения: 10.12.2024).
- Соловьева А. А.* Участие в региональных интеграционных объединениях стран ЦВЕ (Инициатива трех морей) // *Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики*. 2022. № 4. С. 295–301.
- Шишелина Л. Н.* Триморье: постпандемическое пробуждение // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2021. № 4 (22). С. 24–29. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420212429>.
- Baziur G.* Trójmorze jako koncepcja bezpieczeństwa i rozwoju ekonomicznego Europy Wschodniej // *Przeгляд Geopolityczny*. 2018. № 23. P. 24–38.
- Jarończyk K., Przybylski W.* Poland: Regional leadership stunted by governance dilemmas // *Three Seas Initiative: Mapping National Perspectives* / ed. by Sprüds A., Vargulis M. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2022. P. 125–141.
- Lewkowicz Ł.* The Three Seas Initiative as a New Model of Regional Cooperation in Central Europe: a Polish Perspective // *Revista UNISCI / UNISCI Journal*. 2020. № 54. P. 177–194. <http://dx.doi.org/10.31439/UNISCI-101>.

- Thomann P.-E. The Three Seas Initiative, a New Project at the Heart of European and Global Geopolitical Rivalries // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. № 3 (17). P. 31–63.
- Wilczek J., Rudowski A. The Three Seas Initiative Investment Fund. Towards the operationalization of the Initiative? Warszawa: Wydawnictwo Naukowe UKSW, 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/381154997_The_Three_Seas_Initiative_Investment_Fund_Towards_the_operationalization_of_the_Initiative#read (дата обращения: 28.11.2024).
- Wolak M. Transport i Logistyka jako Strategiczna Branża dla Polskiej Gospodarki. Wrocław: Polski Instytut Transportu Drogowego, 2019. URL: <https://open.icm.edu.pl/bitstreams/bf0e0ff2-9520-473a-be97-99730d6fa9c8/download> (дата обращения: 30.11.2024).
- Zenderowski R. Geopolityka Trójmorza. Warszawa: Collegium Interethnicum, 2021. URL: https://politologia.uksw.edu.pl/wp-content/uploads/2023/02/BAROMETER_2_Final-1.pdf (дата обращения: 27.11.2024).

References

- Baziur, G., 2018. Trójmorze jako koncepcja bezpieczeństwa i rozwoju ekonomicznego Europy Wschodniej. *Przegląd Geopolityczny*, 23, pp. 24–38.
- Jarończyk, K., Przybylski, W., 2022. Poland: Regional leadership stunted by governance dilemmas. In: Sprüds, A., Vargulis M., ed., 2022. *Three Seas Initiative: Mapping National Perspectives*. Riga: Latvian Institute of International Affairs, pp. 125–141.
- Klepatsky, L. N., 2022. Polish geopolitical ambitions and their consequences. *International Affairs*, 11, pp. 58–67. (In Russian)
- Lewkowicz, Ł., 2020. The Three Seas Initiative as a New Model of Regional Cooperation in Central Europe: a Polish Perspective. *Revista UNISCI / UNISCI Journal*, 54, pp. 177–194. <http://dx.doi.org/10.31439/UNISCI-101>.
- Mogilnitsky, D., 2016. Games in the Intermarium. Does Poland threaten integration projects of Belarus and Russia? *Eurasia.Expert*. 13/V. Available at: https://eurasia.expert/polsha-integratsionnym-belarusi-rossii/?sphrase_id=117449 (accessed: 10.12.2024). (In Russian)
- Shishelina, L. N., 2021. The 3 Seas Initiative: Post-pandemic Awakening. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 4(22), pp. 24–29. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420212429>. (In Russian)
- Solovieva, A. A., 2022. Participation in Regional Integration Associations of CEE Countries. Three Seas Initiative. *Topical Issues of Accounting and Management in the Information Economy*, 4, pp. 295–301. (In Russian)
- Thomann, P.-E., 2019. The Three Seas Initiative, a New Project at the Heart of European and Global Geopolitical Rivalries. *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, 3(17), pp. 31–63.
- Wilczek, J., Rudowski, A., 2024. *The Three Seas Initiative Investment Fund. Towards the operationalization of the Initiative?* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe UKSW. Available at: https://www.researchgate.net/publication/381154997_The_Three_Seas_Initiative_Investment_Fund_Towards_the_operationalization_of_the_Initiative#read (accessed: 28.11.2024).

Wolak, M., 2019. *Transport i Logistyka jako Strategiczna Branża dla Polskiej Gospodarki*. Wrocław: Polski Instytut Transportu Drogowego. Available at: <https://open.icm.edu.pl/bitstreams/bf0e0ff2-9520-473a-be97-99730d6fa9c8/download> (accessed: 30.11.2024).

Zenderowski, R., 2021. *Geopolityka Trójmorza*. Warszawa: Collegium Interethnicum. Available at: https://politologia.uksw.edu.pl/wp-content/uploads/2023/02/BAROMETER_2_Final-1.pdf (accessed: 27.11.2024).

**К РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАТЕКСТОВОЙ СИТУАЦИИ ПРОКЛЯТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОСТРОМСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ
ТРАДИЦИИ)**

**Елена Львовна
Березович**

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
заведующая кафедрой русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина

Почтовый адрес: пр. Ленина, 51,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес: berezovich@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

**Яна Владимировна
Малькова**

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
топонимическая лаборатория кафедры
русского языка, общего языкознания и
речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина

Почтовый адрес: пр. Ленина, 51,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес: yana-malkova@list.ru
ORCID: 0000-0003-3511-0878

Аннотация

Статья посвящена исследованию затекстовой ситуации проклятия, организующей соответствующий речевой акт. Материалом выступили мифологические тексты, записанные Топонимической экспедицией Уральского университета в 1975–2024 гг. в Костромской области. В статье были последовательно рассмотрены все компоненты ситуации проклятия, указания на которые повторяются в рассказах диалектоносителей: 1) действие проклятия; 2) субъект; 3) объект; 4) инструмент; 5) время; 6) место; 7) последствия проклятия; 8) противодействие проклятию. Проанализированы метаязыковые маркеры проклятия, организующие повествование о нем, к примеру глаголы, называющие злоречение, такие как клясть, покласть, намолить, прокликнуть и др., существительные и прилагательные, именующие объект проклятия, – клягыш, проклиныш, проклинутый, прокликнутый, поклянный и др. Описаны внеязыковые роли ситуации злоречения, такие как родители (особенно мать), супруги (особенно жена), хозяин по отношению к скоту в качестве отправителя проклятия. В статье также сформулированы основные мотивы, организующие тексты о проклятиях: например, если говорить о последствиях проклятия, то ключевыми становятся мотивы пропажи проклятого в лесу, похищения проклятого нечистой силой, болезнь (обычно психическая) проклятого и др. Особое внимание уделено до сих пор мало исследовавшимся элементам ситуации проклятия. Так, подробно описан инструмент проклятия, который в костромской традиции оказывается колом (клином), используемым в магических практиках проклятия, наведения порчи, когда кол вбивается во двор проклинаемого, с одной стороны, а с другой стороны, имеющим апотропеическое применение в широком круге ситуаций защиты от нечистой силы и проклятий. Делаются некоторые выводы лингвогеографического характера о распространенности тех или иных мотивов на разных территориях; указывается перспективность исследования затекстовой ситуации проклятия на материале других локальных культурно-языковых традиций.

Ключевые слова

Проклятие, этнолингвистика, Костромская область, русские народные говоры, мифологические тексты, полевые материалы

Финансирование

Авторская работа Я. В. Мальковой выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10029, <https://rscf.ru/project/23-78-10029/>».

Статья поступила в редакцию 5 марта 2025 г.

Статья доработана автором 25 марта 2025 г.

Статья принята в печать 22 апреля 2025 г.

Цитирование: *Березович Е. Л., Малькова Я. В.* К реконструкции затекстовой ситуации проклятия (на материале костромской культурно-языковой традиции) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 123–144. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.07>

ON RECONSTRUCTION OF AN EXTRA-TEXT CURSE SITUATION (BASED ON THE MATERIALS OF KOSTROMA CULTURAL AND LINGUISTIC TRADITION)

Elena L. Berezovich

Dr. Hab, Professor,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences,
Head of the Department of Russian
Language, General Linguistics
and Verbal Communication,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
Postal address: Lenin Ave., 51,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: berezovich@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1688-2808

Yana V. Malkova

Ph. D., Researcher,
Toponymic Laboratory
of Department of Russian Language,
General Linguistics
and Verbal Communication,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
Postal address: Lenin Ave., 51,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: yana-malkova@list.ru
ORCID: 0000-0003-3511-0878

Abstract

The article is concerned with the study of an extra-text curse situation arranging the corresponding speech acts. The article is based on mythological texts recorded by the Toponymical expedition of the Ural University in the Kostroma region from 1975 to 2024. The article examines the components of the curse situation repeatedly appearing in the stories of dialect speakers: 1) curse effect; 2) subject; 3) object; 4) tools; 5) time; 6) place; 7) curse consequences; 8) counter measures against the curse. Metalinguistic markers of a curse, for example verbs naming evil speech, such as *klyast'*, *poklyast'*, *namolit'*, *proklinut'*, etc. nouns and adjectives naming the curse object, such as *klyatysh*, *proklinysh*, *proklinuty*, *prokliknutyy*, *poklyanny*, etc. have been analyzed. Extralinguistic roles of the evil speaking situation, such as parents (especially mother), spouses (especially wife), keeper towards his/her livestock as a curse addresser have been described. The article also represents the main tropes organizing the texts about curses: for example, if we talk about the curse consequences, the key tropes are the disappearance of the cursed one in the forest, the abduction of the cursed one by evil spirits, illness (usually a mental one) of the cursed one, etc. Special attention is paid to the elements of the curse situation that have not yet been studied in much detail. Thus, the curse tool is described in detail; in the Kostroma tradition it is a stake (wedge), which, on the one hand is used in the magical practices of cursing and casting bad

spells, when a stake is hammered into the courtyard of the person to be cursed, and on the other hand having apotropaic use in a wide range of situations of protection against evil spirits and curses. Some linguistic and geographical conclusions are made about the prevalence of certain tropes in different areas; the prospects for studying the extra-textual curse situation based on the materials of other local cultural and linguistic traditions are indicated.

Keywords

Curse, ethnolinguistic, Kostroma region, Russian dialects, mythological texts; field materials

Funding

The work authored by Ya. V. Malkova was prepared as a part of the project supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-78-10029, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10029/>).

Received 5 March 2025

Revised 25 March 2025

Accepted 22 April 2025

For citation: Berezovich, E. L., Malkova, Ya. V., 2025. On Reconstruction of an Extra-Text Curse Situation (Based on the Materials of Kostroma Cultural and Linguistic Tradition). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 123–144. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.07>

Проклятие в традиционной культуре славян понимается как «словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа, животных, природных объектов и стихий, в адрес мифологических персонажей и т. п.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой нанести урон обидчику, недругу, наслать на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком — нарушителем законов и обычаев»¹. Как следует из этого определения, проклятие вписано в определенный сценарий, ситуацию. Проклятие может изучаться в двух аспектах: во-первых, в аспекте затекстовой ситуации, организующей соответствующий речевой акт, во-вторых, с точки зрения внутритекстовой структуры, разворачивающейся в собственно словесную формулу.

В предшествующих публикациях Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой², посвященных лексике русских проклятий, исследование велось в рамках

¹ Виноградова Л. Н., Седякова И. А. Проклятие // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 286.

² Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // *Вопросы языкознания*. 2018. № 3. С. 89–111; *Они же*. Названия болезней в русских проклятиях // *Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения В. Н. Топорова* / под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 111–140; *Они же*. О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // *Шаги/Steps*. 2021. Т. 7, № 2. С. 268–287; и др.

второго из названных аспектов: изучались собственно формулы злоречений, в составе которых выделялись различные позиции (актор, предикат, хронотоп и прочее), а затем рассматривалась лексическая манифестация этих позиций. При этом затекстовая ситуация нами еще не изучалась, хотя есть ряд важных работ специалистов по фольклору, которые ею занимались; см., например, компетентное диссертационное сочинение Я. Ю. Соловьевой³.

Подходя к исследованию **затекстовой ситуации проклятия** с позиций широкой этнолингвистики, мы решили поначалу сосредоточиться на описании отдельной региональной культурно-языковой традиции — костромской. Она изучалась авторами статьи и их коллегами в полевых условиях — при работе в составе Топонимической экспедиции Уральского университета. Объектом исследования в статье станут, с одной стороны, собственно языковые (главным образом метаязыковые) маркеры проклятия, организующие повествование о нем, а с другой, наполнение затекстовой ситуации проклятия, которая разворачивается в связи со злоречением. Основным массивом материала выступают полевые записи мифологических текстов, представленные в Лексической⁴ и Этнографической⁵ картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета. Среди них будут и факты, зафиксированные в течение последнего полевого сезона — лета 2024 г.⁶

Затекстовая ситуация проклятия включает в себя несколько устойчивых компонентов, упоминания которых регулярно повторяются в различных нарративах, записанных у диалектоносителей: 1) действие проклятия; 2) субъект; 3) объект; 4) инструмент; 5) время; 6) место; 7) последствия проклятия; 8) противодействие проклятию. Обратимся к каждому из них.

Сделаем предварительное замечание, относящееся к области лингвопрагматики злоречения. Как следует из рассказов диалектоносителей, проклятие может быть наложено несколькими способами. С одной стороны, проклятие осуществляется, когда субъект произносит особую формулу-злопожелание: «Матка сказала “Бей тебя стрелой!” — в его молния и попала. Он всю жизнь полудурок» (Кологр); «Баба сказала в поудень: “Будь ты недаровой!” Парня у ёй к вечеру на реке закружило, еле спасли» (Шар). С другой стороны, к неблагоприятным последствиям может привести упо-

³ Соловьева Я. Ю. Народная проза о детях, отданных нечистой силе: сюжетный состав и жанровые реализации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

⁴ Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

⁵ Этнографическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

⁶ Сведения из этих картотек далее будут подаваться без паспортизации.

минание нечистой силы или же обценная ругань: «Как-то девка маленькая со старухой в Святки дома осталась. И старуха на девку: “Да отстань, нечистый дух”! Девку из-за стола как выдуло» (Мак); «Лесной обменяет детей, если матом ругают» (Окт). Отметим и то, что проклятие может быть непреднамеренным, когда говорящий не желает зла, но употребляет «опасную» речевую формулу: «Матка и скажи: “Где ты, леший тебя понеси?!” В сердцах сказала, дурного не думала, а леший-то унёс дочку» (Кологр). При этом в традиционном восприятии оба вида речевых актов — «оптативные» проклятия и отсылки — могут иметь одинаковые (самые серьезные) перлокутивные эффекты.

ДЕЙСТВИЕ ПРОКЛЯТИЯ

Основной способ обозначения действия проклятия — общерусский глагол *проклинать* и однокоренные ему *клясть*, *клясти*, *клясться*, *клястись*, *поклясть*, *поклёсть* и др.: «*клясть* в отличие от *говорить* означает сакрализованную речь, слово, обладающее силой действия»⁷, ср. «Земля тебе пусть будет камнем! — проклинали так. Страшное проклятие. Земля чтоб не приняла его. Бельмо тебе на глаз! — проклинали» (Кологр); «С другой деревни коров потеряли, отец дочь поклял, а клясти нельзя» (Вохом); «Господи, я не клянусь! Клятба — возьми тебя леший!» (Вохом).

В орбиту проклятий втягиваются и другие **обозначения магической речи**. Так, характерно использование глагола *намо́лить*, который может менять оценочный полюс (по сравнению с общенародной семантикой): «“Чтоб те сдохнуть!” — вот это и называется намолят. Намолили, говорит, мне это уж, сделали <навели порчу>» (Окт). Такая семантика указанного глагола перекликается с костр. *мо́лiтва*, *мо́лiтовка* ‘заговор, заклинание (в том числе вредоносное)’: «[Для лечения грыжи:] Тряпочку положит, зубам кусает и читает молитву свою», «Молитовку скажут килуны-те — молока и не станет у коровушки» (Окт), ср. также арх. *мо́лiть* ‘насылать порчу’: «Павередны <способные навести порчу> люди есть, молят тебе болеть какую»⁸.

Следующий глагол, который описывает действие проклятия, — *прокльiкнуть*: «Прокльiкнула ребёночка в межуемочный час — ну и потеряла его. Забрал леший» (Меж). Этот весьма интересный глагол, кажется, не фиксируемый другими источниками, кроме Лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета на костромской территории, используется для описания не только проклятия, но и ближайшего

⁷ Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). М.: Наука, 1994. С. 174.

⁸ Словарь говоров Русского Севера. Т. 7: Л-М / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 312.

к нему действия — наведения порчи: «Колдун-от, Егор Грязет, отпускал наговоры по ветру — и на кого поветрие попало, тот будет страдать. Прокликнет чьё имя, отпустит по ветру — тот и страдает» (Меж). Вообще, гнездо корня *-клик-* активно при описании магической и обрядовой речи, о чем мы говорили в предыдущих работах⁹. Так, в костромской традиции глагол *окликать* связан с практикой величания молодых в один из весенних праздников (это может быть Масленица, первая суббота или воскресенье после Пасхи и др.), словосочетание *окликать Егория* описывает обход домов и исполнение ритуальных песен в Егорьев день, и др. Этот глагол можно отнести к ряду других, характеризующих «напряженную речь», — *вопить*, *вить*, *реветь*, *кричать* и др. Называя некоторую речевую «аномалию», слишком громкий, интенсивный звук по сравнению с нормой, этот глагол используется в сфере описания магической речи и самых разнообразных магических практик. Проклятие точно так же начинает свое действие, будучи произнесенным «измененным» голосом, ср.: «Еретик с вам! — чёрные слова. *Крикнешь* к ночи дома — из семьи кто сгинуть может» (Мак).

Ранее мы высказывали предположение о том, что вовлечение глагола *прокликнуть* в круг обозначений проклятия имеет дополнительную причину — сходство фонетического облика *проклинать* — *прокликнуть*¹⁰. Несколько опережая ход повествования (обозначения проклятых будут рассмотрены далее), хочется обратить внимание и на следующий факт, записанный нами в ходе последнего полевого сезона (2024 г.), — *прокликнутый* ‘проклятый’: «Матка скажет: “Отступитесь, понеси вас черт!” В урочливый час скажет — и унесут черти. Было у нас. Сказала матка в сердцах, а девчонка и пропала. Нашли на третий день в лесу у ёлки. Девчонка прокликнута была, как рахманная <умственно неполноценная>» (Меж). На территории Межевского района отмечается и форма *проклíнутый*: «У нас одна девка проклинута была. Её матка проклýла, она в рамени <в лесу> оказалась» (Меж). Последняя форма, вероятно, образована от *прокликнуть* при аттракции к *проклинать*.

Еще одну группу глаголов, называющих действие проклятия, составляют отдемонимные глаголы с семантикой ‘проклинать, ругаясь с упоминанием того, кто назван производящей основой’. Если в общенародном языке это глагол *чертыхаться*, то в Костромской области — *лешакаться* и его варианты (производные) — *залешакаться*, *долешакаться*, *лешачиться*, *лешугаться*, *лешачиться* и др.: «Лешакаться нельзя хозяйке. Корова заблудится» (Окт); «Лешакаться нельзя. В лесу-то нельзя. “Понеси тебя леший”

⁹ Березович Е. Л. Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. 2023. № 4 (120). С. 5–9; Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33.

¹⁰ Там же. С. 30.

нельзя говорить» (Вохом); сюда же сочетания *по-лесному ругать*, *лесной ругаться*, соотносимые с костр. *лесной*, *леснина* ‘леший’: «На ребёнка по-всякому ругались, только не матом и не лесниной» (Парф). Упоминание лешего считается страшной бранью, грехом, поэтому нередко *леший* подвергается эвфемистическим заменам, ср.: «*Леший* нельзя говорить, леманом всё звали. Лемана помянут — слово мягче, не то, что леший» (Окт)¹¹. Важно отметить и то, что «лешакание» отличает именно северновеликорусские говоры (и дочерние по отношению к ним)¹².

Завершая разговор о глаголах с семантикой магической речи, получающих значение проклятия, отметим, что для их смыслового пространства нередко нерелевантна поляризация «божественного» и «демонического» (ср. проклинающий смысл *намолить* и *лешакаться*).

Глаголы «бытовой речи» представлены преимущественно лексемами с корнем *-руг-*: *ругать*, *ругаться*, *выругаться*, *изругать*, *наругать*, *поругать*, *разругаться*: «Ругала корову, так теряешь в лесу корову» (Окт); «Говорили, matka изругала её, её нечистая сила и взяла» (Вохом); «В лес ни коуды не ходи не ругайся. И чтоб тебя не ругали. А то водить будет» (Окт). Несмотря на то что эти глаголы могут означать, как в общенародном языке, «обычную» ругань¹³, в ряде диалектных контекстов она оборачивается проклятием (обычно неосознанным, если это упоминание нечистой силы), ср.: «Когда мать ругает “Понеси тебя леший” — и ребёнка унесёт» (Окт).

Среди других глаголов речи, означающих проклятие, встречается глагол-интенсив *выговáривать*: «Никогда не выговаривай, это грешно, это всё придёт на тебя» (Шар), а также экспрессив *лаяться*, отсылающий к просторечию, ср. «Лаялись бабы — ну, раздуло бы тебя горой!» (Мак). Эмоциональная окрашенность этих глаголов вовлекает их в практику действенной, перформативной речи.

Для обозначения **вербальной формулы проклятия** используются следующие номинации: ■ *проклятое слово* (Скажет: “Да уйди, вершний, от меня!” Это тоже проклятое слово (Пав); ■ *плохое слово*: «Пойдёшь по улице, тебя кто-нибудь что-нибудь проклянёт, плохое слово про тебя скажет» (Меж); ■ *нечистое слово*: «Вот будет жена мужа клятбой клясти: “Вот такой-то... и такой-то...”», нечистым-то словом, а мужу жену не проклясти» (Вохом); ■ *нехорошее слово*: «Он говорил: “Ты не ругайся по-лесному”. А у неё, у женщины, часто нехорошее слово вылетало» (Окт); ■ *чёрное слово*: «Еретик с вам! — чёрные слова» (Мак); ■ *клятба*: «Клянися клятбой — нечистая сила утащит» (Вохом).

¹¹ Подробнее см.: Березович Е. Л., Сурикова О. Д. О лингвопрагматике русских демонических проклятий... С. 275.

¹² Там же.

¹³ Ср.: «Адамёнком ругают ребёночка: ну, скажут, не слушается» (Вохом); «Ты что выйти-то не знаешь?!» — нарушает порядки, большие маленьких ругают» (Вохом); «Ой, стой, егáрма! Это корове кричат так» (Шар).

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПРОКЛЯТИЯ

В костромских говорах закреплены наименования **объекта** проклятия — проклинаемого человека (чаще всего ребенка) или скотины. Это слова, образованные от *клясть*, реже — *ругать*: *клятыш*, *проклíныш*, *проклятой*, *проклíнутый*, *проклíкнутый*, *прокляту́щий*, *поклáнный*, *руганой*: «Мужик был клятыш. Матка сказала “Бей тебя стрелой!” — в его молния и попала. Он всю жизнь полудурок» (Кологр); «“Кол тебе в сердце!” — сказала, девку-то изурочила. Девка проклятушша была» (Меж); и др. Наличие таких образований (особенно субстантивированных отглагольных форм, закрепляющих некоторую «онтологичность» свойства предмета, каузированного действием) свидетельствует об особой выделенности проклятых в народной традиции: «метка» проклятия может оставаться на человеке всю жизнь.

В отличие от объекта, **субъект** проклятия не получает никакого номинативного выделения в системе языка; эта позиция может быть заполнена лишь на уровне текста — в быличках о злоречениях. В костромской традиции, как и в общерусской (и гораздо шире), в качестве отправителя проклятия выступают обыкновенно члены семьи, именно от «своих» проклятие наиболее действенно и наиболее опасно. Чаще всего встречается сюжет, когда **мать** проклинает своего ребенка: «Арину мать прокляла, дак на одёнок <недометанный стог сена> её занесло» (Шар). В изображении современных быличек эта ситуация редко бывает «сознательной»; обычно она проста и пугающа в своей бытовой обыденности: уставшая и изработавшаяся мать ругает плачущего, просящего есть или балующегося ребенка. **Отец** также может проклясть, однако таких нарративов значительно меньше: «Отец дочь поклял, а клясти нельзя. Она поклянная, её долго-долго носило, искали, нигде найти не могли, а нашли, её на берегу посадило. Ей лесной показался тятей, в лес и увёл» (Вохом). Иногда упоминаются «обобщенные» **родители**: «Родителям детей ругать нельзя. Это как проклятие. Потом только в церкви можно всё исправить» (Мак). Проклясть друг друга могут **супруги**, но при этом чаще упоминается **жена**, что еще раз подчеркивает прерогативу женской субъектности в сценарии проклятия ср.: «Его не отпускало, он был руганой. Жена, видно, поругала его, он и запутался, не может ходу найти» (Пав). Легко подвергается проклятию скот, когда его ругает **хозяин**: «Мужик залешакался: “Вот бы чёрт увёл!” Три дня не было коровы» (Окт); «Сгоняла да выругалась — скотина и не может прийти» (Кадый); «Одна у нас корову оскорбила, корова потом месяц в лесу жила одна. Пошла в лес и не смогла выйти из лесу-ту» (Мак).

Показательна ситуация, когда ребенок или скотина становятся объектами проклятия, направленного на другое лицо: «Мать сильно сватью наругала, а ребёнку приключилося — сын на зароде <продолговатом стог сена>» (Вохом); «Мама лешей назвала <меня>, дак корова в лес убежала» (Вохом). Здесь проявляется «неслучайная случайность»: ребенок или ско-

тина «случайно» присутствуют при акте проклятия, но подвергаются ему закономерно, имея особую уязвимость (это лишний раз уравнивает проклятие и порчу).

ИНСТРУМЕНТ ПРОКЛЯТИЯ

Об этом элементе затекстовой ситуации надо сказать особо, потому что на него почти не обращалось внимание исследователей. Проклятие определяется, о чем говорилось выше, как словесная формула и соответствующий вербальный ритуал, но в отдельных (редких) случаях к вербальному ритуалу могут подключаться «реальные» (предметные) вредоносные магические практики, несущие порчу¹⁴ объекту проклятия. Так появляется **инструмент порчи = проклятия**. В костромской традиции таким инструментом обычно оказывается *кол (клин)*.

При этом возможна ситуация «**симметрии**» текста и затекстовой ситуации (кол поименован в тексте проклятия и «опредмечен» в затекстовой ситуации) и ситуации «**асимметрии**» (есть только именование в тексте; имеется только магическая практика втыкания кола, не сопровождаемая текстом, но объект порчи считается проклятым). Ср. контексты, где перечисляются эти возможности: «Когда хотели кого-то проклясть, могли сказать: *Кол тебе в затыл <изгородь>*. Иногда могли действительно воткнуть кол из дерева за ограду» (Меж); «*Колом тебя пригвозди!* — проклинали. А которые ничего не говорили. Молча делали. Возьмут кол, втыкают его в землю в огороде, во дворе. Ну скотина начинаетдохнуть, а когда и люди помрут. А никто кол найти не может. Пока кол не найдёшь, проклятие на тебе» (Кологр); «*Кол осиновый тебе в жопу!* — страшное проклятие. От того повелось, что, когда колдуны умирают, в них кол всаживают» (Меж); «Чтобы извести скотину, осиновый *кол тебе вбить* надо. Только без слов не получится» (Кологр); «*Осиновый кол тебе на могилу!* — страшные слова. Чтоб ты умер как колдун, в мучениях» (Кологр); «У нас, когда хотели кого-то послать или проклясть, говорили: *Осиновый кол тебе на могилу!* Осиновый, потому что на осине Иуда удавился» (Шар); и др.

Магические практики втыкания кола (клина) во вредоносных и превентивных целях (вне зависимости от вербальной составляющей) могут иметь разные **мишени**. В нашем материале они сводятся к двум основным вариантам: ■ двор (огород) соседа, чтоб «испортить» его животных и домашних; ■ могила, чтоб покойник (обычно считавшийся колдуном) не стал

¹⁴ Ср. понимание *порчи* в славянской народной традиции как «совокупности вредоносных магических приемов и предметов, используемых ведьмами, колдунами и другими “знающими” для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека, скота, урожая, хозяйства в целом. В отличие от сглаза, порча предполагает контакт с объектом и всегда бывает намеренной» [Левкиевская Е. Е. Порча // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 178–179].

ходячим, ср.: «Клин вбивали во дворе, незаметно пройдут и вобьют. Это порча. Скотинадохнет, люди умереть могут» (Кологр); «Кол вбивали. Это и к скотине, и к человеку применить можно. Хоть в подвал можно, хоть во дворе где-то осиновый кол вбивают (колдуны. — Е. Б., Я. М.) и заговор, видно, какой делают. Человек начинает болеть и в конце концов или надо идти знахарку искать, или умрет он. Насмерть наговаривают, бывает. Если кол нашли, его достать надо и сжечь» (Кологр); «Делали у нас. Кол вобьют во дворе — скотине будет урон, а то и люди мрут. А в чём дело — никто не знает. Надо *проклин* найти и выкопать» (Кологр); и др. Такие практики встречаются не только на Костромской территории, при этом втыкание кола в могилу колдуна (или в него самого) — очень частое действие у славян¹⁵, а втыкание кола во двор с вредоносными целями отмечается, кажется, гораздо реже, ср., к примеру, на Архангельской территории: «У нас вот... тут медведь корову съел, тут ещё чё-то сделалось, и вот зять приехал, вот мне сестры муж, и говорит: “У вас ведь, наверно, чего-то сделано”. И стал навоз выкидывать из двора. *Кол осиновый вбит* (выделение наше. — Е. Б., Я. М.). <Во дворе?> Во дворе. Ну мы потом уж думали на одну да... Не застал ведь, не знаешь. <С колом что сделали?> А кол вытащил он и, говорит, выбросил куда-то, снёс. <Куда?> Не знаю. Наопашку, наверно, выбросил»¹⁶; «На шальное кто, шобы и взамуж не вышла девка у этих. *Воткнул* куда <в дом> *зуб... от бороны*. И не выдёт эта девка»¹⁷.

Особое внимание хочется обратить на слово *проклѣн*, встретившееся в одном из контекстов (см. выше — «Надо *проклин* найти и выкопать») и означающее орудие вредоносной магии. Это слово не отмечено, кажется, лексикографическими источниками, но имеется фиксация его омонима — ряз. *проклѣн* в выражении *проклинать*, *проклясть*, *клясть на* (или *в*) *проклѣн* ‘очень сильно ругать, бранить кого-л.’: «Йио доч’ клин’от’ на праклин»¹⁸, где усилительная структура (аналогичная *ругмя ругать*) подтверждает производность от *проклинать*. Костромской *проклин* мотивационно сложнее: здесь, с одной стороны, тоже есть производность от *проклинать*, поскольку *проклин* выступает как «каузатор» порчи = проклятия, а с другой, весьма вероятна связь с *клин*, актуализирующая вещественно-орудийную семантику инструмента порчи; эта связь актуальна в плане магических манипуляций, в которых клин (кол) может использоваться «реально» или «фигурально».

Подчеркнем также **амбивалентность** символики кола / клина в ситуации проклятия. Кол служит инструментом и каузатором проклятия и пор-

¹⁵ Агапкина Т. А. Кол // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528.

¹⁶ Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2012. С. 100.

¹⁷ Там же. С. 182, 474.

¹⁸ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. М.: Наука, 1969. С. 463.

чи, при этом он же может расцениваться как оберег от них, о чем говорит не только втыкание кола в могилу колдуна, но и апотропеическое использование его в более широком круге ситуаций: «Надо осиновый кол забивать у дома, чтобы защититься от проклятий и всякой нечистой силы» (Меж).

Из сказанного вытекают далеко идущие последствия разного плана. Так, исключительно интересен вопрос о возможной этимологической связи *проклинать* и *клин*, см. версию А. В. Штейнгольд, которая считает, что *проклинать*, *клясть* соотносится с *klin, *kliniti* ‘прокалывать’ (а акт колдовства часто связывался с символическим прокалыванием объекта порчи); *клясться* = проклинать себя, то есть «прокалывать себя»¹⁹. Можно выйти и на вопрос о реконструкции культурно-прагматического контекста выражения *вбить кол между кем-либо*, которое обычно трактуется как метафора на основе обозначения процесса колки дров (требующего вбивания клина): думается, есть возможность видеть в этом выражении и «колдовскую» подоплеку. Но эти вопросы требуют отдельного рассмотрения на обширном материале (славянском и общерусском). Пока можно говорить лишь о том, что костромские данные ставят яркий акцент на орудийной роли кола или клина в структуре ситуации проклятия.

ВРЕМЯ И МЕСТО ПРОКЛЯТИЯ

Маркеры пространства и времени — слова с локативной и темпоральной семантикой, функционирующие вне собственно текста проклятия: это указания на время, когда произносится проклятие (реже — когда проклятие оказывается снятым или преодоленным, когда можно встретить того, кто был проклят), и локусы, в которых может оказаться проклинаемый адресат (реже — в которых произнесено проклятие).

Временной контекст проклятия в нашем материале представлен в двух ракурсах: ■ момент произнесения, ■ длительность действия.

Характеристика **момента произнесения проклятия** вписывается в «классические» для народной традиции параметры. Проклятие может исполниться, если оно произнесено в «опасное», «демоническое», «колдовское» время: ■ **леший час**: «Лешака помянула, а был леший час. Вот и унесло корову. А когда леший час — колдуны знают. Такое время есть» (Шар); ■ **лихой час**: «“Лешак тебя в рамень унеси”, в дальний лес. А в лихой час скажешь — он и унесёт» (Меж); ■ **урóчливый (урóчный)**²⁰ **час**: «Матка скажет: “Отступитесь, понеси вас черт!” В урочливый час скажет — унесут черти. Было у нас» (Меж); ■ **чёрный час**: «В чёрный час скажешь: “Понеси тебя леший!” — проклятие и сбудется» (Кологр).

¹⁹ Штейнгольд А. В. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе: [дис. ... доктора философии по русскому языку]. Tartu: Tartu University Press, 2006. С. 43–46, 50–53.

²⁰ Ср. костр. *урок* ‘сглаз, порча’, *урочливый* ‘способный сглазить (о человеке)’, ‘подверженный сглазу (о человеке или животном)’.

Эти мифопоэтические обозначения могут не иметь конкретной временной привязки, но иногда такая привязка, характеризующая время особой действенности проклятий, появляется. В первую очередь, речь идет о **полночи**, называемой в костромских говорах знаменательным именем — **межеумочный час**, подчеркивающим «переходность» этого времени: «Прокликнула ребёночка в межеумочный час — ну и потеряла его. Забрал леший» (Меж). Другие промежутки не получают специального обозначения, но являются, как и полночь, высоко семиотизированными зонами суток: **ночь вообще**: «Еретик с вам! — чёрные слова. Крикнешь к ночи дома — из семьи кто сгинуть может» (Мак); **полдень**: Баба сказала в поудень: “Будь ты недаровой!” — и парня у ёй к вечеру на реке закружило, еле спасли» (Шар). Проницаемы для проклятий и те моменты, когда человек **собирается в путь**: «Не брани кого, когда он в дорогу собирается, пусть даже в магазин» (Мак); «То ли уж она нас поругала на поход, то ли уж чего, то ли мы не в час пошли — всю ночь проблудилися» (Вохом).

Перейдем к характеристике **длительности действия проклятий**. Этот параметр ситуации проклятия оказывается маркированным весьма редко, что повышает ценность костромских свидетельств. Разумеется, здесь тоже используются аксиологически нагруженные числа. Проклятие может держаться **девять лет**: «Проклинать большой грех. Девять лет оно дёржится» (Кологр), **семь поколений**: «Проклятие, говорят, семь поколений держится» (Кологр). В последнем контексте речь, очевидно, идет об архаичном родовом проклятии, имеющем огромную длительность. Здесь же стоит упомянуть такие случаи (более частые), когда указание на срок действия злоречения является косвенным: в быличке указывается, через какое время (на **третий**, **девятый день** и т. п.) после момента проклятия людям удастся найти проклятого: «Нашли на третий день в лесу у ёлки» (Меж); «У нас одна девка проклинута была. Её matka прокляла, она в рамени оказалась. На девятый день нашли» (Меж). Речь идет о косвенном указании, поскольку неизвестно, приводит ли обнаружение проклятого к полному избавлению от вредоносного действия проклятия (зачастую найденный человек оказывался понесшим серьезный физический или психический урон, если вообще живым).

Что касается **топоса**, связанного со злоречениями, то соответствующие упоминания относительно редки в текстах быличек — в отличие от самих формул проклятий²¹, где они важны как адресация отсылы. Различаются: ■ место произнесения проклятия (где оно оказывается наиболее опасным и действенным), ■ «адрес», где обнаруживается его объект. В обеих ролях выступает в первую очередь **лес**. Лес как место произнесения проклятия

²¹ См.: Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12: Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. М., 2017. С. 137-159.

фигурирует в текстах предостережений и запретов: «В лесу ругать нельзя. Проклятого может и бес заблудить» (Мак), а также быличек: «Матка с дочкой пошли в лес. Матка дочку зовёт, а та балуется, не отвечает. Матка и скажи: “Где ты, леший тебя понеси?!” В сердцах сказала, дурного не думала, а леший-то унёс дочку» (Кологр). Чаще всего лес упоминается как место обнаружения проклятого — и это коррелирует с упоминавшимся выше «лешакаином» как действием проклятия, ср. множество контекстов типа «Изругаешься “Унеси леший” — он тебя на ёлку унесёт» (Пав). Кроме леса, могут встречаться также указания на другие удаленные или опасные локусы — реку, овраг, поля, далекие деревни.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОКЛЯТИЯ

Злоречение имеет множество перлокутивных эффектов, при этом важно отметить, что они бывают двунаправленными: страдает не только **объект** проклятия, но и — бумерангом — его **субъект**. Разумеется, последнее упоминается гораздо реже — и воспринимается как возмездие за грех: «Ты долешакаешься, так лешака-то на дом вызовешь. Сама вызываешь, лешакаешься когда» (Пыщ); «Проклянула кого — с тобой потом и случится, грех ведь это» (Шар); ср.: «На проклинателей нечистая сила насылает морок, блазнит, “вводит в прелесть”»²².

Акциональные последствия проклятия в большинстве текстов «симметричны» посылу, иначе говоря, слова вызывают действие, ими поименованное: «Неси тебя горой! — так нельзя говорить. Ребёнка может раздуть, живот горой будет» (Мак); «Тётя Маня рассказывала, что дед поругался с сыном. Он проклял сына, что останешься на войне, не придёшь. Так и случилось» (Кологр); «Она сказала: “Господи, да захлестни его ёлкой”. Да захлестнуло ведь его» (Шар).

В большинстве костромских проклятий следствием магических слов становится **пропажа** человека или скотины: «Собаку один мужик поклёл, лесным поругал. Не пришла и домой собака» (Окт); «Леший — и сказать-то боязно. Изругал отец родной — найти не могут» (Вохом). Проклятый может заблудиться или «самостоятельно» уйти из дома: «Примерно, мать ребёнка свово поругает: “Понёс бы тебя леший”. И ребёнок-от и в самом деле долго не придёт домой. Где-нить ево как поводит» (Пыщ); «Лесным поругала корову, та изо двора убежала. След ей видят, корову не видят» (Окт). Исчезновение объекта проклятия может не «закладываться» непосредственно в текст проклятия, но, конечно же, нередко оно «стимулируется» текстом, неслучайно наиболее частотными предикатами проклятий в нашем материале становятся глаголы **унести** или **понести**: «Пошёл он в лес. “Иди, Христос с тобою”, — вот так и сказала. А вторая ему сказала: “Куда тебя леший понёс?” Так его носило неделю целую» (Пыщ); «Ругаешься в ка-

²² Щербинина Ю. Злоречие: Иллюстрированная история. М.: НЕОЛИТ, 2019. С. 119.

кой-то день: “Ой, леший тебя понеси!” — и вот может унести далёко» (Окт); «Она и сказала: “Понеси тебя леший!” Тут его и подхватило — как ветром ребёнка несёт. Эта нечистая сила в любой момент человека подхватывает» (Вохом).

Чаще всего рассказчики быличек не знают, что происходит с проклятыми, когда они оказывается во власти нечистой силы, но иногда это становится известным. Согласно рассказам проклятых, леший принимает разные обличья (обычно старичка, кого-то из близких и др.): «Ей лесной показался тятей, в лес и увёл» (Вохом). Леший водит по лесу или же забирает себе в жилище: «<Проклятый мальчик> ушёл трушничать <собирать остатки сена> и не вернулся. Через несколько дней его нашли. Он сидел на пеньке. Говорит, что его дед на закрошках в лес, к себе в избу, унёс. У него тепло. Этот дед кормил оладьями и лепёшками. А потом из карманов мальчик достал листья: “Вот, — говорит, — оладьи-то”. Этот дед и был вершний <леший>» (Пав). Леший может заставить проклятого бесчинствовать вместе с ним: «Ребёнок гулять просился. Мать-то послала его к лешему. Он и попал к дяде Мише. Они вместе дела делали. Потом парень говорил, когда его нашли: “Меня дядя Миша сквозь шшель протаскивал”. Они прознают, что где-то люди за стол сели, не благословясь. Залезут в эту избу, дядя Миша парню говорил: “Насерём в эту еду”» (Шар). При этом для ищущих односельчан проклятый, находящийся во власти нечистой силы, становится невидимым: «Из школы мальчик не вернулся, и его искали. И когда его нашли, он сказал: “Я вас видел. Я под деревом сидел. Старичок со мной сидел”. Вот и послали к лешему его!» (Кологр).

Проклятый может **пропасть в лесу**, однако в некоторых случаях его находят в «маргинальных» местах, куда он не может забраться самостоятельно: «Просекой идём далеко, всё нет, потом встали, а он кричит: “Мама, я на ёлке”. Ак его не на ёлке нашли, дедушко его ссадил на корни. Вот лешакаться-то нельзя» (Вохом); «Мать сильно сватью наругала, а ребёнку приключилося, сын на зароде, а Вохма-то широкая, воды-то много, его сверху-то сняло, ребёнка и над рекой закружило» (Вохом).

Проклятые редко проходят бесследно: его жертвы могут серьезно заболеть, причем обычно **страдает психика**: «У нас одна девка проклинутая была. Её matka прокляла, она в рamenti оказалась. На девятый день нашли. Домой живую вернули, но она так и жила рахманная <слабоумная>» (Меж); «Если человека прокляли, то он начинал бегать без остановки» (Меж). Верования такого плана широко распространены у славян: проклятые люди сближаются с нечистой силой и «возвращаются домой, утратив человеческие свойства и способности»²³.

²³ *Седакова И. А.* Проклятые // *Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 295; см. также: Соловьева Я. Ю.* Народная проза о детях, отданных нечистой силе... С. 31-33.

В костромском материале представлен и известный сюжет **подмены проклятого ребенка**. Если мать проклинает младенца (как правило, невольно), то нечистая сила забирает его себе, а в кроватку подкладывает полено или неразвитого, больного ребенка: «У одной бабы было: ребёнок всё ревет и ревет, ревет и ревет. И видно она возьми да и скажи: “Чтоб тебя леший унёс!”». Ну леший-то полено и принёс ей, а ребёнка-то путевого-то взял себе. Вот это дерево, полено-то всё скрипит и скрипит, скрипит и скрипит» (Шар).

Отметим, что текстов о подмене ребенка у нас немного (всего два) — на фоне не одного десятка рассказов о пропаже ребенка или же скотины в лесу. Интересно, что в соседней Нижегородской области, напротив, сюжет о подмене детей является одним из ключевых, о чем говорит не только большое количество соответствующих рассказов, но и разнообразие сюжетных мотивов²⁴.

В целом обращает на себя внимание несколько **иной набор мотивов**, присущих рассказам о проклятых на территории Нижегородского Поволжья, где, к примеру, частотен рассказ **об обращении проклятых в русалок**²⁵, имеющих целый ряд специальных номинаций (*тартомойка*, *беломойка*, *колотовка*, *щекотун* и др.²⁶). В костромском материале этот мотив, кажется, единично проявлен на границе с Нижегородской областью: «Волосатки в озёрах сидят, ночью плачут, а утром на камне волосьями трясут. Их прокляли, волосаток-то, матеря» (Мак). Наконец, на Нижегородчине появляется мотив женитьбы парня на проклятой девушке, живущей в бане²⁷.

Разумеется, мы не можем пока делать категоричные выводы (в том числе по субъективным причинам — недостаточности материала), но предварительно есть смысл предположить, что «вес» мотивов, связанных с проклятыми, в Костромской и Нижегородской области различен. Так, в костромских материалах наибольшее число рассказов посвящено именно **«лесному» сюжету** (похищение проклятых лешим, их исчезновение в лесу), при этом названный сюжет уходит и дальше на Русский Север — в Вологодскую и Архангельскую области²⁸. Нижегородский материал отличается частотностью «водного» сюжета, ведущего далее на юг и запад²⁹.

²⁴ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корпова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 203–205.

²⁵ Там же. С. 202.

²⁶ Там же. С. 200, 201, 398

²⁷ Там же. С. 205–207.

²⁸ Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

²⁹ *Виноградова Л. Н.* Русалка // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 495–501.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОКЛЯТИЮ

В заключение важно сказать о такой малоизученной части сценария проклятия, как **противодействие ему**. Наиболее интересны нам вербальные «антидоты», дающие «симметричный ответ» на проклятие, то есть ведущие борьбу со словом тем же оружием. Они, во-первых, предполагают использование формул, **отрицающих действительность** проклятия: «Она лешакнулась: “Понеси тебя лешак!” — А ты скажи: “*От слова не сбудется, от слова не станется*”. И креститься надо» (Шар). Во-вторых, получатель злоречения может ответить отправителю **угрозой**: «Кто чёрное слово скажет, а ты ему: “*Кипун тебе на язык!*”» (Мак). Слово *кипун* в приведенной формуле — вариант общенародного *типун*³⁰. Аналогичный набор формул противодействия проклятию фиксируется на соседней Вологодской территории: «На подобного рода зложеланья <типа *Дуй ты горой*> обыкновенно отвечают: *От слова не сбудется; Типун те на язык-от* или *Сам сеешь*»³¹. Использование таких формул обозначается метаязыковым глаголом *отговаривать* ‘снимать проклятие’: «Типун поминали, отговаривали-то» (Шар)³².

Возможно, подобные специализированные формулы не раз использовались в речевой практике, но в текстах быличек они не встречаются: по законам жанра, это слишком легкий способ избавления от разрушающего действия злоречения. Чаще упоминаются «неспециализированные» вербальные акты, применяемые для противодействия любому негативно-магическому воздействию, — **молитвы**. Так, в ряде текстов говорится о том, что если проклятый оказывался в лесу, необходимо было искать его с молитвами и иконами. Наряду с этими приемами из «христианского» арсенала противодействия проклятию, закономерно использовались и «языческие» приемы. Среди них, к примеру, **подношение лешему**, когда в лес уносили еду в обмен на возвращение проклятого: «И один мужчина говорит: “Нечего — кони-те руганые”, он чего-то знал, и он чего-то писал ли, на ростáни носил — табаку носили, хлеба носили, соли, на пенёк положили, через полчаса как положили — кони из леса выскочили» (Вохом). Закономерно и **обращение к магическим специалистам**, которые предлагали

³⁰ О русских народных формулах с этой семантикой см. отдельное исследование: Березович Е. Л. К семантической реконструкции некоторых русских диалектных вербальных формул («типун тебе на язык!») // Этимология, 2000-2002 / под ред. Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной и др. М.: Наука, 2003. С. 165-177.

³¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния, часть 3: Никольский и Сольвычегодский уезды / авт.-сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова; науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. С. 151.

³² Вновь отметим родство разных по целеполаганию видов магической речи: так, для защиты от нечистой силы при гадании тоже использовался *отговор*: «Доски брякают — к смерти. А ты отговоришься, скажи “Чур, полно!” Отговор-от помогают» (Пав).

разные варианты исцеления проклятого: «А у бабушки были камешки, она стоит на колени перед иконостасом, молится и кидает камешки. Камешки выложит, поворачивается к хозяйке-то: “Ругала вчера скотинку-то?” — “Ругала, она ко мне не пришла!” — “Вот ты моя милая, вот тебе водички, приди, спрыскивай три зори этой святой водой да проси прощения. Не поможет — ты очень виновата, скотина падёт от тоски”» (К-С).

* * *

Представим таблицу, в которой обозначены основные позиции затекстовой ситуации проклятия, названы соответствующие языковые номинации, перечислены внеязыковые роли и мотивы.

Компонент затекстовой ситуации	Языковые номинации	Внеязыковые роли и мотивы
действие проклятия	<i>проклинать, клясть, клясти, клястись, клясться, поклясть, поклесть намолить прокликнуть залешакаться, долешакаться, лешачиться, лешугаться, по-лесному ругать, лесной ругаться ругать, ругаться, выругаться, изругать, наругать, поругать, разругаться выговаривать лаяться</i>	акт произнесения проклятия как вербальный ритуал
формула проклятия	<i>проклятое слово, плохое слово, нехорошее слово, поганое слово, чёрное слово клятва</i>	основной перформативный элемент ритуала
субъект проклятия		родители, особенно мать; супруги, особенно жена; хозяин по отношению к скоту

объект проклятия	<i>клятыш, проклятыш, проклятой, проклинутый, прокликнутый, проклятуций, поклянный руганой</i>	ребенок по отношению к родителям; супруги, особенно муж; скот по отношению к хозяину
инструмент проклятия	<i>кол, клин, проклин</i>	кол (клин) — реальный или «символический»
время проклятия: момент произнесения длительность действия	<i>леший час, лихой час, урочливый час, урочный час, чёрный час межеумочный час</i>	полдень, полночь, ночь вообще; момент сборов и отправления в путь девять лет, семь поколений; третий, девятый день как время обнаружения проклятого в лесу
место: место произнесения проклятия локус, куда попадает объект		лес лес
последствия проклятия: для объекта для субъекта		кара, урон, поименованный в проклятии; болезнь (обычно психическая), смерть, пропажа проклятого в лесу, похищение проклятого нечистой силой, подмена проклятого ребенка возмездие за грех проклятия

противодействие проклятию	<i>От слова не сбудется, от слова не станется Кипун тебе на язык отговаривать</i>	молитва, икона различные магические практики

В дальнейшем было бы важно изучить характер заполнения этой сетки на материале других локальных культурно-языковых традиций.

Сокращения

- Вохом — Вохомский район Костромской области
 Кадый — Кадыйский район Костромской области
 Кологр — Кологривский район Костромской области
 К-С — Красносельский район Костромской области
 Мак — Макарьевский район Костромской области
 Меж — Межевской район Костромской области
 Окт — Октябрьский район Костромской области
 Пав — Павинский район Костромской области
 Парф — Парфеньевский район Костромской области
 Пыщ — Пыщугский район Костромской области
 Шар — Шарьинский район Костромской области

Источники

- Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2012.
- Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева / науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. Т. 5: Вологодская губерния, часть 3: Никольский и Сольвычегодский уезды / авт.-сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова; науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб.: Деловая полиграфия, 2007.
- Словарь говоров Русского Севера Т. 7: Л–М / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / материал собрали и словарь сост. Г. А. Барина, 2018.

Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова [и др.]; под ред. И. А. Оссовецкого. М.: Наука, 1969.

Этнографическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

- Агапкина Т. А.* Кол // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 527–528.
- Березович Е. Л.* К семантической реконструкции некоторых русских диалектных вербальных формул ('типун тебе на язык!') // Этимология, 2000–2002 / под ред. Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева, Л. В. Куркиной и др. М.: Наука, 2003. С. 165–177.
- Березович Е. Л.* Мотив восклицания, зова, отклика в топонимии и топонимических преданиях // Живая старина. 2023. № 4 (120). С. 5–9.
- Березович Е. Л., Малькова Я. В.* «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области) // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 24–33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33)
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Пространственные и временные маркеры в текстах русских проклятий (на материале лексики русских народных говоров) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 12: Диалектология / гл. ред. А. М. Молдован. М.: Нестор-История, 2017. С. 137–159.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К реконструкции лексического состава проклятий: категория актора и особенности ее реализации в текстах (на материале русских народных говоров) // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042>
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология: К 90-летию со дня рождения В. Н. Топорова / под ред. А. Ф. Журавлева, Ф. Б. Успенского. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 111–140.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // Шаги/Steps. 2021. Т. 7, № 2. С. 268–287. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-268-287>
- Виноградова Л. Н., Седакова И. А.* Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 286–294.
- Виноградова Л. Н.* Русалка // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 495–501.
- Левкиевская Е. Е.* Порча // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 178–183.

- Седакова И. А. Проклятые // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 294–296.
- Соловьева Я. Ю. Народная проза о детях, отданных нечистой силе: сюжетный состав и жанровые реализации : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Толстая С. М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (отв. ред.). М.: Наука, 1994. С. 172–177.
- Штейнгольд А. В. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе : [дис. ... доктора философии по русскому языку]. Tartu: Tartu University Press, 2006.
- Щербинина Ю. Злоречие: Иллюстрированная история. М.: НЕОЛИТ, 2019.

References

- Agapkina, T. A., 1999. Stake. In: N. I. Tolstoj, ed., 1999. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2, pp. 527–528. (In Russian)
- Berezovich, E. L., 2003. On the Semantic Reconstruction of some Russian Dialect Verbal Formulas (“tipun tebe na yazyk!” (curse that tongue of yours!)). In: Zh. Zh. Varbot, A. F. Zhuravlev, L. V. Kurkina, eds., 2003. *Etymology, 2000–2002*. Moscow: Nauka, pp. 165–177. (In Russian)
- Berezovich, E. L., 2023. Motive of Exclamation, Call, Response in Toponymy and Toponymic Legends. *Living Antiquity*, 4 (120), pp. 5–9. (In Russian)
- Berezovich, E. L., Malkova, Ya. V., 2024. “Tense” Sounds in Ritualism and Magic (Based on Materials of Cultural and Linguistic Tradition of Kostroma Region). *Ural Historical Journal*, № 2 (83), pp. 24–33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33) (In Russian)
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2017. Space and Time Markers in the Texts of Russian Imprecations (with Reference to the Russian Dialects Vocabulary). In: A. M. Moldovan, ed., 2017. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Moscow: Nestor-Istoriia. No. 12. Dialectology, pp. 137–159. (In Russian)
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2018. Reconstructing the Lexicon of Imprecations: The Category of Actor and Peculiarities of its Textual Implementation (with Special Reference to Russian Dialectal Vocabulary). *Voprosy Jazykoznanija*, 3, pp. 89–111. <https://doi.org/10.7868/S0373658X18030042> (In Russian)
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2019. Names of Diseases in Russian Curses. In: A. F. Zhuravlev, F. B. Uspenskij, eds., 2019. *Slavic and Balkan Linguistics: Slavic Studies. Indo-European Linguistics. Cultural Studies: On the 90th Anniversary of the Birth of V. N. Toporov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 111–140.
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D., 2021. On Linguopragmatics of Russian Imprecations Mentioning Evil Forces. *Shagi / Steps*, 7(2), pp. 268–287. (In Russian) <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-268-287>.

- Levkievskaja, E. E., 2009. Spoiling. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 178–183. (In Russian)
- Sedakova, I. A., 2009. The Cursed Ones. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 294–296. (In Russian)
- Shcherbinina, Iu., 2019. *Evil Speaking: Pictorial Story*. Moscow: NEOLIT. (In Russian)
- Shteingol'd, A. V., 2006. *Signs of Ancient Slavic Beliefs in the Russian Vocabulary*. Dis. ... doktora filosofii po russkomu iazyku. Tartu: Tartu University Press. (In Russian)
- Solov'eva, Ia. Iu., 2012. *Folk Prose about Children Given Over to Evil Spirits: Plot Composition and Genre Implementations*. Dis. ... kand. filol. nauk. Lomonosov Moscow State University. (In Russian)
- Tolstaia, S. M., 1994. Verbal Rituals in Slavic Folk Culture. In: N. D. Arutiunova, N. K. Riabtseva, eds., 1994. *Logical Analysis of Language. Language of Speech Actions*. Moscow: Nauka, pp. 172–177. (In Russian)
- Vinogradova, L. N., 2009. Mermaid. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 495–501. (In Russian)
- Vinogradova, L. N., Sedakova, I. A., 2009. Curse. In: N. I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 286–294. (In Russian)

РУКОПИСНАЯ ВИКТОРИНА КАК ЖАНР ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА-ВИКТОРИНЫ Л. Н. УХАРЕВОЙ «ЖИВАЯ СТАРИНА ПРИВЕТЛУЖЬЯ»)

**Елена Дмитриевна
Бондаренко**

Кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник,
Топонимическая лаборатория кафедры
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
Почтовый адрес: пр. Ленина, 51, ком. 306,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес:
jelena.kazakowa@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0449-8689

**Юрий Сергеевич
Костылев**

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Топонимическая лаборатория кафедры
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации,
Уральский федеральный университет
Почтовый адрес: пр. Ленина, 51, ком. 306,
Екатеринбург, 620000, Россия
Электронный адрес:
jurij-kostylev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3208-9911

Аннотация

В статье анализируется текст рукописного фольклорного сборника собирателя-любителя Л. Н. Ухारेвой. Сборник является частью комплекса рукописных материалов Л. Н. Ухारेвой, озаглавленного автором «Живая старина Приветлужья» и посвященного местным языковым и культурным особенностям, содержит ряд народных примет, запретов, предписаний и оформлен в виде викторины с вариантами ответов. Цель статьи — охарактеризовать рассматриваемый фольклорный сборник как текст, совмещающий в себе черты, типологические для жанра рукописного сборника, и специфические особенности уникального авторского произведения. Анализируются как подобранные автором сборника приметы, так и придуманные ею варианты ответов. Сборник демонстрирует типичное для подобных трудов смешение фольклорных жанров (примет, предписаний и запретов). Уникальность текста Л. Н. Ухारेвой обусловлена формой подачи материала в виде викторины, что демонстрирует ориентацию автора на целевую аудиторию — носителей городской культуры, установку на «утилитарность» сборника, в частности возможность использования его в рамках культурно-массовых мероприятий с интерактивно-развлекательным элементом. Ориентация на адресата прослеживается также в авторской стратегии выбора тем: их круг ограничен физиологией человека, «базовыми» реалиями домашнего быта и элементами похоронного обряда. При создании неверных вариантов ответов Л. Н. Ухарева активно использует стратегию метонимического переноса и подмены предполагаемого результата прямой ценностной характеристикой реалии. Кроме того, в качестве неверных вариантов нередко предлагаются фрагменты городского культурного кода. Целью автора становится не накопление фольклорного материала как таковое, а демонстрация фактов народной традиции носителям иного типа культуры: этим и обусловлено содержание сборника и форма подачи информации в нем.

Ключевые слова

Русские говоры, костромские говоры, русский фольклор, этнолингвистика, фольклористика, рукописная культура, любительская фольклористика

Финансирование

Авторская работа Е. Д. Бондаренко выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10029, <https://rscf.ru/project/23-78-10029/>

Статья поступила в редакцию 5 января 2025 г.

Статья доработана авторами 7 апреля 2025 г.

Статья принята в печать 21 апреля 2025 г.

Цитирование: *Бондаренко Е. Д., Костылев Ю. С.* Рукописная викторина как жанр любительской фольклористики (на материале сборника-викторины Л. Н. Ухारेвой «Живая старина Приветлужья») // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 145–160. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.08>

HANDWRITTEN QUIZ AS A GENRE OF AMATEUR FOLKLORE STUDIES (BASED ON THE MATERIAL OF THE “FOLKLORE” COLLECTION-QUIZ BY L. N. UKHAREVA)

Elena D. Bondarenko

Ph. D, Junior Research Fellow,
Toponymic Laboratory,
Department of Russian Language,
General Linguistics
and Speech Communication,
Ural Federal University
Postal address: Lenin Ave., 51,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: jelena.kazakowa@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0449-8689

Yuri S. Kostylev

Ph. D, Senior Research Fellow,
Toponymic Laboratory,
Department of Russian Language,
General Linguistics
and Speech Communication,
Ural Federal University
Postal address: Lenin Ave., 51,
Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3208-9911

Abstract

The article analyzes the text of the handwritten collection “The Living Olden Times of the Vetluga Region” by the amateur collector L. N. Ukhareva. The collection contains a number of folk signs, prohibitions, prescriptions and is designed in the form of a quiz with answer options describing the consequences of the existence of a particular phenomenon. The purpose of the article is to characterize the folklore collection as a type of text with specific typological genre features, as well as specific features of a unique author’s work. Both the signs selected by the author of the collection and the answers she invented are analyzed. The collection demonstrates the mixing of folklore genres typical for such works, referring not only to signs, but also to prohibitions and prescriptions. The form of presentation of the material as a quiz is unique, because the introduction of the audience to this genre is carried out at a cultural event with interactive and entertainment elements. The selection of folklore texts and answer options was guided by the relevance of the mentioned realities for the addressee. The addressee, in the author’s view, is a bearer of urban culture, which significantly narrows the range of topics mainly to questions of the physical condition of the body, well-known realities of domestic life and elements of funeral rite. When choosing incorrect answers, the author actively uses the strategy of metonymic transfer, due to the clarity of the relations between the phenomena of reality when using this strategy. A strategy is often used to replace the intended result with a direct value characteristic of reality, since such characteristics often coincide for speakers of different types of cultures. In addition, the author of the collection often includes elements of the urban cultural code in the author’s

text elements. The author's goal is not to simply accumulate folklore material, but to demonstrate it to bearers of a different type of culture, which is what the content of the collection and the form of presentation of the information contained in it are aimed at.

Keywords

Russian dialects, Kostroma dialects, Russian folklore, ethnolinguistics, folkloristics, handwritten culture, amateur folkloristics

Funding

The grant of Russian Science Foundation No. 23-78-10029 (<https://rscf.ru/en/project/23-78-10029/>) is gratefully acknowledged.

Received 5 January 2025

Revised 7 April 2025

Accepted 21 April 2025

For citation: Bondarenko, E. D., Kostylev, Yu. S., 2025. Handwritten Quiz as a Genre of Amateur Folklore Studies (Based on the Material of the "Folklore" Collection-Quiz by L. N. Ukhareva). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 145–160. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.08>

Рукописные сборники фольклорных текстов, произведения так называемой «народной фольклористики» — явление несомненно универсальное, точнее, распространенное во всякой культуре, где сосуществуют устная и письменная формы бытования языка (а следовательно, произведения устного народного творчества возможно зафиксировать таким образом, каким это видится фольклористу-любителю), ср., например, городскую традицию рукописных девичьих тетрадей, песенников, молитвенников и пр. В русской деревенской традиции это чаще всего тетради, куда записываются известные автору произведения малых фольклорных жанров (частушки, присловья, загадки) или песни.

Рукописные произведения такого рода составляют особый пласт народной культуры, находясь на пограничье между письменной литературной и устной формами бытования языка и в некотором смысле «ломающая шаблон» принципиально устного бытования фольклора¹. Интенции фольклористов-любителей могут быть как чисто мнемоническими (скажем, «для памяти» записываются тетрадки заговоров², рукописные молитвенники³ и сборники

¹ Лурье М. Л. Фольклор в записях носителей и любителей (предисловие к сборнику) // Фольклор без фольклористов: рукописные альбомы и любительские собрания частушек первой трети XX века / под ред. М. Л. Лурье ; сост. М. Л. Лурье, Н. Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2019. С. 7–20.

² Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, ст. и комм. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010.

³ Бураева С. В., Костров А. В. «Сия богодухновенная книшка писана в городе Осаки в плену»: рукописные молитвы и обережные тексты в военном быту забайкальских старообрядцев (нач. XX в.) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. С. 120–127.

духовных стихов⁴, песенники⁵, травники⁶ и пр.), так и «аксиологическими» (в этом случае собиратели-любители, вероятно, одновременно используют метод интроспекции и стремятся выработать дистанцию по отношению к собственному фольклору, взглянуть на него не как на инструмент, а как на ценность). М. Л. Лурье описывает этот механизм следующим образом: «Подобные собирательские опыты возникают тогда, когда человек разделяет или усваивает точку зрения на определенные классы текстов и практик как на “памятники” (народной культуры) и как на “материал” (для хранения, публикации, изучения) — то есть собственно как на “фольклор”, имеющий ценность и требующий фиксации»⁷. Впрочем, говоря о различных механизмах появления рукописных сборников фольклора, исследователь далее рассматривает множество точек сближения и пересечения этих механизмов⁸. Особое место в народной рукописной культуре занимают рукописные календари — письменные фиксации праздников, почитаемых или опасных дней, которые диалектоносители нередко помещают в свои «заветные» тетради, либо пишут на отдельных листах, либо отмечают на листках современных календарей, нередко снабжая их информацией этнографического или фольклорного характера⁹.

Важной отличительной чертой таких рукописных сборников является их «списочное» устройство — это, как правило, сборники, созданные по принципу открытого списка, то есть списка со свободной комбинацией элементов, а также с гипотетической возможностью продолжения.

Однако фольклористы-любители, движимые «аксиологическими» интенциями, могут осознавать свою собирательскую деятельность также и как просветительскую, придавать своим сборникам своего рода обучающую, дидактическую направленность: подобными же интенциями движимы, например, сельские составители самодельных книг-хрестоматий¹⁰. Дидактические интенции автора, без сомнения, могут отражаться на способе организации текста.

⁴ Сигарева М. Н. Рукописные сборники духовных стихов как способ хранения и передачи фольклорного текста (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций по Алтаю) // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2018. № 3 (17). С. 117–121.

⁵ Васильева Е. Е. О рукописных песенниках, их создателях и читателях: (по записям и пометам в рукописях) // История русского читателя. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 6–18.

⁶ Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008.

⁷ Лурье М. Л. Фольклор в записях носителей и любителей... С. 8.

⁸ Там же. С. 9–10.

⁹ Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.

¹⁰ Обухов А. С., Попова П. Е., Филимонова С. А. Самодельные книги-хрестоматии учителя школы села Калинино Забайкалья как пример инициативной формы самообразования в 1960–1970 гг. // Исследователь (Researcher). 2023. № 4. С. 365–372.

Показательным и представляющим, как нам кажется, особый интерес в этом отношении является рукописный фольклорный **сборник-викторина** «Живая старина Приветлужья» Л. Н. Ухаревой, жительницы д. Берзиха Шарьинского района Костромской области. В сборнике представлены фольклорные тексты, записанные Лирой Николаевной (далее — Л. Н.) и квалифицируемые ею как местные, однако значительная часть из них подана не в форме простого списка текстов, а в форме викторины с четырьмя вариантами ответов.

Настоящий сборник был передан автором в рукописной форме участникам Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в 2023 г.¹¹ Сборник озаглавлен «**Загадки. Приметы**». Тексты, приводимые в этом сборнике, Л. Н. классифицирует по трем разделам: 1) «**Загадки**»: «Скоро ест и мелко жуёт, сама не глотает и другим не даёт (пила)¹²», «Когда дурак умён бывает? (когда молчит)»; 2) «**Конанье (жребий)**»: «Яблочко катилось вокруг огорода, кто его поднял, тот воевода: шишел, мышел, вышел»; 3) «**Приметы**»: «Ресница выпадет — к чему: а) к гостям, б) к подарку¹³, в) к слезам, г) к болезни». Третий раздел сборника автор подает в форме викторины, и именно он представляет, по нашему мнению, наибольший интерес для исследования. Отметим, что все загадки и считалки, а также большая часть фактов из раздела «Приметы», приведенные в сборнике Л. Н., присутствуют в сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля (очевидно, без вариантов ответа), и, вероятнее всего, именно этот сборник стал основным источником материала для Л. Н. Ухаревой при создании «фольклорной» тетради. Ориентация на авторитетный, «эталонный» источник — одна из базовых черт, характерных для произведений любительской лексикографии. Это, однако, не отменяет ценности любительского сборника: для исследователей метаязыкового сознания лексикографов-любителей интересны могут быть принципы отбора и подачи фактов, а также творческий аспект произведений наивной лексикографии (который, в частности, наиболее ярко проявлен в текстах Л. Н. Ухаревой).

Итак, в **центре** настоящей статьи — жанровое своеобразие фольклорного сборника-викторины Л. Н. Ухаревой, посвященного текстам малых фольклорных жанров, бытующим, по мнению автора, на территории костромского Приветлужья. Нам видятся следующие задачи работы: 1) проанализировать рукописный фольклорный сборник Л. Н. Ухаревой на предмет жанрового и тематического своеобразия; 2) исследовать прагматические установки автора сборника; 3) эксплицировать авторские приемы,

¹¹ Ранее Л. Н. Ухарева уже передавала экспедиции сборник-викторину, посвященный диалектной лексике и фразеологии. Он был опубликован в 2021 г. отдельным изданием в типографии «Издательские решения» при помощи системы Ridero тиражом 100 экземпляров.

¹² Все тексты Л. Н. Ухаревой приводятся в авторской редакции.

¹³ Подчеркиванием автор обозначает верный ответ.

при помощи которых достигаются данные установки; 3) реконструировать предполагаемую целевую аудиторию сборника; 4) оценить продуктивность обращения к текстам В. И. Даля, расцениваемым автором любительского сборника как «эталонные»; 5) соотнести «Живую старину Приветлужья» с подобными рукописными сборниками.

Предпосылки к смешению жанров фольклора. Одной из специфических черт рукописных фольклорных сборников является склонность их составителей к смешению, неразличению жанров (особенно это касается малых форм народного творчества). Стратегия отбора текстов осложняется для фольклористов-любителей проницаемостью и нестрогостью отдельных жанров фольклора; при этом собиратели, нередко захваченные страстью коллекционера, помещают в свои сборники все, что только возможно¹⁴.

«Свободный» подход собирателей-любителей к жанровой классификации материала отражается и в анализируемом нами сборнике Л. Н. Ухаревой, озаглавленном «Приметы». Автор дает здесь не только собственно приметы, но и предписания (ср. «Чтобы не бояться покойника: а) нужно не подходить к гробу, б) хватают его за ноги, в) поцеловать крест, г) пить из его стакана»), а также запреты (ср. «Почему нельзя родным нести гроб с покойником: а) у них и других забот много, б) от горя они могут его уронить, в) чтобы друзья могли оказать честь умершему, г) чтоб не подумали, что они рады его смерти»). Однократно встречается также загадка (ср. «Огонь силён, вода сильнее огня, земля сильнее воды. А что, по пословице, сильнее земли: а) хлеб, б) небо, в) человек, г) растения») и космогоническая легенда (ср. «Чёрт ударил кремь о кремь — посыпались лешие, домовые, русалки. А Бог ударил кремь о кремь — посыпались...: а) звёзды и кометы, б) снег и дождь, в) ангелы и архангелы, г) куличи и пряники»).

Если обратиться к базовым определениям перечисленных выше жанров, то можно увидеть некоторые их сходства, предопределяющие, как думается, возможность их смешения в сознании «фольклористов-любителей»¹⁵:

а) близость композиционной структуры: и приметы, и предписания входят в ряд регулятивных текстов и строятся по формуле правовой нормы, которая включает гипотезу (условия, в которых предстоит действовать), диспозицию (то, как предстоит действовать) и (факультативно) санкцию (наказание, которое последует в случае невыполнения предписания)¹⁶;

¹⁴ Николаев О. Р. Наивная фольклористика: типы, формы, функции // Живая старина. 2010. № 1. С. 3.

¹⁵ О смешении и разграничении жанров примет и предписаний см. в том числе: Берестнев Г. И., Бойко Л. Б. Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 31–40.

¹⁶ Фидарова Ф. Т. Логико-дискурсивная структура текстов фольклорного жанра примет и поверий: На материале текстов французских и русских примет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2001. С. 8.

б) сходство функций, дидактических установок: если метеорологические и хозяйственные приметы имеют по преимуществу рационалистическую основу¹⁷ и несут в первую очередь информативную функцию, то бытовые и семейные приметы информативную функцию совмещают с функцией воздействия на слушателя и тем самым сближаются с другими «воздействующими» жанрами, причем логика вербального осмысления и текстового структурирования объективных (погодных, например) и необъективных (мифологических, например) примет одинакова, что свидетельствует об их тождестве в народном сознании¹⁸; в частности, именно «на основе примечания» формируются жанры предписания и запрета¹⁹.

Запрет же и предписание в целом выступают как «антитетическая пара, совпадая по своему жанру и модальности, но различаясь по аксиологическому вектору» (ср. благопожелание и проклятие, похвалу и брань и др.²⁰).

Предпосылки к подаче списка «примет» в форме викторины. Итак, в форме викторины в сборнике Л. Н. построены вопросы, посвященные преимущественно приметам, запретам и предписаниям. Можно предположить, что это «стилистическое решение» отчасти связано с такой характерной особенностью примет, как их вариативность; Т. А. Агапкина и О. В. Белова, в частности, приводят пример с толкованием приметы о радуге, появление которой в небе может означать прекращение дождя или затяжное ненастье²¹. В анализируемых нами материалах, как нам кажется, показательным является вопрос о тушении пожара: «Чем нужно заливать пожар от грозы: а) водой, б) пивом, в) квасом, г) молоком». В «Пословицах русского народа» это предписание также представлено, ср. «Пожар от грозы гасят квасом, пивом, молоком, яйцами»²². При этом мы видим, что предписание вариативно: в сборнике В. И. Даль зафиксированы четыре возможных варианта помощи от пожара. Л. Н. Ухарева — вероятно, отчасти под давлением требований жанра (вопросы викторины подразумевают обычно только один правильный ответ) — выбирает один «верный» ответ — молоко, а остальные варианты, предложенные Далем, использует как «неверные».

Кроме того, необходимо отметить, что выбор формы викторины может быть связан со стремлением автора найти «современную» подачу для «старинных» фактов. Л. Н., реализуя свои педагогические устремления, начала

¹⁷ Агапкина Т. А., Белова О. В. Примета // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 279.

¹⁸ Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ Толстая С. М. Речевые акты и речевые жанры в фольклоре // *Живая старина*. 2015. № 4. С. 21.

²¹ Агапкина Т. А., Белова О. В. Примета... С. 280.

²² Даль В. И. *Пословицы русского народа*. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1862. С. 1037.

составлять викторины еще в 1970-е гг., когда работала в клубе и библиотеке д. Берзихи. В ее запасе множество викторин на самые разные темы: по отдельным литературным произведениям, по творческой биографии писателей, о временах года, о политике, по истории календарных праздников и пр. Викторины Л. Н. регулярно публиковались в районной газете²³.

Перед тем как перейти к анализу **авторских стратегий подбора вариантов ответа**, скажем несколько слов о приметах и предписаниях в семиотическом аспекте, см. подробно статью Г. И. Берестнева и Л. Б. Бойко²⁴. Если приметы с семиотической точки зрения трактуются как особого рода знаки, где планом выражения являются непосредственно трактующиеся лицом события, а планом содержания — события предполагаемые: такие, которые произойдут в будущем или происходят синхронно, но за пределами непосредственного восприятия²⁵, — то предписания (и запреты) можно, думается, трактовать как знаки, где планом выражения являются предписываемые (запрещаемые) действия лица, а планом содержания — также события предполагаемые: те, что произойдут в будущем, в случае выполнения (невыполнения) действий, указанных в плане выражения.

Анализируемая нами «фольклорная» викторина Л. Н. Ухаревой выстроена автором так, что чаще вопрос и предлагаемые варианты ответа касаются «плана содержания» приметы, предписания или запрета, однако есть несколько случаев, когда читателю предлагается отгадать «план выражения» по заданному «плану содержания», ср., например: «На что нужно посмотреть во время еды, чтобы не пришли уроки, то есть чтобы не объесться: а) на дверь, б) на окно, в) на икону, г) на матицу».

Двухчастность структуры анализируемых текстов, вероятно, предопределяет частотность таких традиционных механизмов соотношения плана выражения и плана содержания, как метонимия и метафора.

Рассмотрим метонимический перенос как авторскую стратегию подбора вариантов ответа викторины. В результате прямой пространственной смежности объектов в вопросе: «А что, по пословице, сильнее земли?» — возникает вариант «хлеб». В вопросе: «Чёрт ударил кремь о кремь — посыпались лешие, домовые, русалки. А Бог ударил кремь о кремь — посыпались... а) звезды и кометы; б) снег и дождь» также «работает» метонимический перенос: и Бог в народной картине мира, и звезды с кометами, а также снег и дождь находятся в одном небесном пространстве. Прямая смежность объектов представлена и в вопросе: «Хорошо плавать будет и не станет бояться грозы тот, кто: а) стоит в дождь на улице; <...> в) кто рыбу не ловит», где в первой части вопроса представлены два объекта действительности: гроза и водоем, объединенные тематической сфе-

²³ Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021.

²⁴ Берестнев Г. И., Бойко Л. Б. Лингвистические критерии разграничения...

²⁵ Там же. С. 39.

рой «вода», — и к каждому из них автор подбирает метонимический ответ: дождь — вода, рыба — водоем.

Несколько более сложным видится механизм переноса в вопросе: «Ус чешется перед: <...> в) ссорой с женой, г) встречей с собутыльником». Здесь метонимические отношения между объектами и обозначающими их лексемами заложены в самой вопросной части: локативно «ус» непосредственно связан с носом. Этот факт закреплен и в культурном коде (ср., например, поговорку «Под носом взошло, а в голове и не засеяно»²⁶, что, вероятно, стало стимулом для авторской ассоциации *ус* — *нос* и — следовательно — метонимического переноса. Конкретные варианты ответа, как нам кажется, продиктованы связью с широко бытующими поговорками вида: «Хороший нос кулак за версту чует» (личные записи Ю. С. Костылева), «Кончик носа [чешется] — к вину»; «Нос чешется — в рюмку глядеть»²⁷ и др. К метонимии в узком, чисто пространственном или временном, смысле могут примыкать переносы по функции. Так, в вопросе: «Кто разоряет гнездо ласточки, у того <...> петухи будут клевачие» в вопросной и ответной части действуют представители тематической группы «птицы».

Использование механизма метафорического переноса встречается в вопросе: «Почему в одной избе разными вениками не метут: а) будет ссора стариков с молодыми», где идея выполнения хозяйственных работ разными предметами порождает связь с конфронтацией между членами семьи. Метафора по внешнему сходству видится нам и в ответе «К дороге» на вопрос: «Переносье чешется...», где обыгрываются различные значения слова «дорога»: 1) «полоса земли, служащая для езды или ходьбы» и 2) «направление, путь следования». Вероятным здесь кажется также и обращение к относительно шаблонному, бытующему в культуре сценарию, где «дальняя дорога» — нередкий прогноз в попытках предсказания будущего, ср. образ цыганки, нагадавшей дорогу в современной блатной и авторской песне (например, «Таганка», «Цыганка нагадала мне» и др.). Ср. еще приметы типа «стопа чешется — к дороге», «бровь чешется — к дороге», также, вероятно, бытующие в современной городской культуре (личные записи Ю. С. Костылева).

Еще один традиционный механизм соотнесения реального действия (события) и его предполагаемого результата — это подмена предполагаемого результата прямой оценкой реального действия (события): абстрактное хорошо или абстрактное плохо²⁸. В подобных случаях в качестве вариантов ответа на вопрос, построенный по принципу «продолжи примету / предписание / запрет», Л. Н. предлагает ситуации, представляющие собой некое «эталонное традиционное хорошо» или «эталонное традиционное плохо».

²⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа... С. 329.

²⁷ Там же. С. 1044.

²⁸ Берестнев Г. И., Бойко Л. Б. Лингвистические критерии разграничения... С. 39.

В вопросе, отсылающем к предписанию, что нужно делать, «чтоб леший не обошел» (то есть чтобы не заблудиться), среди прочих вариантов ответа Л. Н. предлагает варианты «плюнуть через левое плечо» и «пройти немного назад по своему же следу». Оба варианта являются, с точки зрения автора, неверными, однако их возникновение может быть связано с вполне традиционными, «эталонными» ассоциациями, бытующими в народной культуре: левая сторона традиционно связывается с нечистой силой, ср. «Не плюй направо — там Ангел-хранитель, плюй налево — там дьявол»²⁹. Необходимость же возвращения по своим следам может быть связана как с традиционными верованиями о возможности «попасть на след» лешего, ср. «Заблудишься, когда не на тот след ступишь, нечистый след лешего» (влг.)³⁰, так и с вполне рациональной осторожностью и нежеланием оставлять лишние следы, которые могут запутать путника.

Запрет мести в одной избе разными вениками открывает Л. Н. широкие возможности для «эталонных» вариантов плохого, которое может произойти при нарушении запрета: «кто-то умрет», «скотина не будет вестись», «ссора стариков с молодыми». В последнем варианте к эталонному «плохому» ответу добавляется, думается, также фонетическое сближение слов *сор* и *ссора*, ср. фразеологизм *выносить сор из избы* ‘разглашать внутренние, семейные раздоры, ссоры, касающиеся только узкого круга лиц’³¹, ср. «Выносишь сор из избы — выносишь разговоры, споры, поэтому мусор надо в печке сжигать»³². Итак, можно, кажется, говорить о базовых негативных сценариях, участвующих в традиционных предсказательных текстах и повторяющихся в качестве возможных вариантов ответа в сборнике Л. Н.: а) угроза жизни, смерть (3 раза), б) болезнь (3 раза), в) угроза хозяйству (дважды), г) ссора (трижды).

Зеркальным (отчасти) образом выстраиваются варианты «эталонного» хорошего. Это могут быть гости или подарок: ср. «Ресница выпадет — к чему: а) к гостям, б) к подарку»; в) вести или замужество», ср. «Переносье чешется: <...> в) к вестям, г) к замужеству»; выздоровление, ср. «Сорока скачет по дому больного: а) к выздоровленью»; удача в хозяйственных делах, ср. «Большой урожай рябины — к чему: <...> б) к хлебобродному году» и т. д.

Нередко при создании набора неправильных ответов Л. Н. использует различные креативные механизмы, но иногда — вероятно, в силу усталости или в силу специфики самого вопроса — руководствуется единым принципом для всех вариантов. Ср., например: «Почему нужно печь класть на новолуние: а) кирпичу меньше потребуется, б) дольше простоит, в) теплее будет, г) всё в печи будет хорошо вариться», где все варианты ответа — это

²⁹ Даль В. И. Пословицы русского народа... С. 329. Отметим, что традиция плевать через левое плечо прижилась и в городской культуре.

³⁰ ЭКТЭ.

³¹ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. М. Мокиенко. Ростов-н/Д: Феникс, 1996. С. 94.

³² ЭКТЭ.

элементы фрейма «идеальная печь». В вопросе: «Где по зарям первый туман ложится, там...» автор создает из вариантов ответа фрейм «идеального места для жизни», предлагая, наряду с верным ответом «копай колодец», строить там дом, ставить мельницу и сажать яблоню.

Оригинальным образом — «от противного» — выстраивает Л. Н. систему неправильных вариантов в вопросе о строительстве нового дома. В один вопрос автор укладывает сразу три предписания, связанные с традицией при закладке дома прятать под Святой угол предметы-обереги: ладан, шерсть, деньги. Цель читателя в данном задании — найти то предписание, которого не существует в местной традиции на самом деле. При этом ответ: «березовые угольки для мира в семье» — вполне логично может встраиваться в цепочку заданных предписаний, продолжать фрейм «идеальной жизни» и таким образом «путать» читателя.

Стремясь выйти за пределы эталонных сценариев и, вместе с тем, найти точки соприкосновения с целевой аудиторией — «новым», «городским» поколением, Л. Н. предлагает новые возможные «позитивные» и «негативные» сценарии некоторых предписаний и примет. Таким образом она выстраивает систему вариантов, например, в вопросе № 16 («Если мыши поедят неубранные остатки ужина, ...: а) хозяйке будут кошмары сниться, б) у хозяина будут болеть зубы, в) ребятишки будут вести себя спокойнее, г) старики помирятся»). Неправильные варианты ответа «отталкиваются» от правильного, выстраивается сценарий возможных происшествий с каждым из членов семьи, негативный (кошмары для хозяйки³³) и позитивные (дети будут спокойные, старики помирятся).

Итак, ориентируясь на адресата, стремясь сделать викторину более понятной и запоминающейся и желая внести в нее развлекательный элемент, Л. Н. использует при создании неверных вариантов ответа целый ряд своеобразных креативных практик.

Помимо перечисленных выше механизмов подбора неверных вариантов ответа, Л. Н. обращается также к такому «выигрышному» в городской аудитории способу, как переключение элементов культурного кода. Автор намеренно помещает в викторину знаки, специфические для городской культуры, причем знаки эти могут быть разного вида и статуса. Например, в вопросе о символической нагруженности чихания в разные дни недели³⁴ вариант ответа «знакомство со второй половинкой» демонстрирует принадлежность городскому коду. «Инокультурным» здесь представляется не столько значение лексем, сколько сама формулировка, более типичная

³³ Ср. еще частотную в народной культуре примету «Без ужина ложиться — цыгане приснятся» (по материалам ЭКТЭ).

³⁴ Чихнёшь в понедельник натошак — к подарку, во вторник — к приезжим, в среду — к вестям, в четверг — к похвале, в пятницу — к свиданию. А если чихнёшь в субботу — к...: а) болезни, б) знакомству со второй половинкой, в) исполнению желаний, г) весёлому субботнему вечеру.

для развлекательных СМИ. В вопросе «Кто при первом соловье скинет рубаху» одним из вариантов ответа становится такой неактуальный для традиционной культуры элемент, как успешность в учебе. Составитель викторины в данном случае, очевидно, ориентируется на еще более узкую, нежели просто «горожане», группу адресатов — школьников.

Стремясь продемонстрировать контраст между символически значимыми элементами народной культуры и рациональным подходом «горожан», автор включает в ряд вариантов неверных ответов примеры чисто рациональных действий, которые (и это воспринимается как ошибка) могут быть предприняты в той или иной символически нагруженной ситуации. «Рационализирующий» подход работает, например, в одном из вариантов ответа на вопрос о чихании в разные дни недели, где чихание становится не осмысляемым символически актом, а симптомом грядущего заболевания.

Рациональный ответ предлагает автор и в качестве одной из реакций на вопрос, что нужно делать, чтобы не бояться покойника: «Нужно не подходить к гробу». При подборе неверных вариантов ответа на вопрос «К чему трещит матица» символическая нагруженность матицы «проигрывает» ее бытовой значимости. Матица является весьма значимым элементом инженерной конструкции, а соответственно ее «подозрительное поведение» требует незамедлительной реакции, отсюда вариант «пора строить новый дом». В предписании о занавешивании зеркал, где символическую нагрузку несет как похоронный обряд в целом, так и образ зеркала, варианты «чтобы не разбить» и «чтоб не видеть плачущих хозяев» сводят ситуацию к статусу абсолютно бытовой. Бытовое объяснение элементов похоронного обряда можно наблюдать и в вопросе № 27 «Почему нельзя родным нести гроб с покойником», где предписание связывается с рациональным нежеланием нанести ущерб обстановке и ходу мероприятия: «у них и других забот много», «от горя они могут его уронить».

При подобном «рациональном» подборе неверных вариантов может возникать комический эффект, связанный, как правило, с несоответствием символически нагруженной первой части приметы или предписания — и противопоставленной ей чисто рациональной, «житейской» второй части. Ср. «Чёрт ударил кремь о кремь — посыпались лешие, домовые, русалки. А Бог ударил кремнём о кремь — посыпались...: а) звёзды и кометы, б) снег и дождь, в) ангелы и архангелы, г) куличи и пряники». Умение автора иногда пошутить позволяет сохранить концентрацию внимания участников, а также развлечь их.

Выводы. Итак, фольклорный сборник-викторина, составленный Л. Н. Ухаревой, демонстрирует жанровые черты, вписывающие его в ряд произведений народной рукописной культуры:

- а) тенденции к смешиванию жанров (в единый список «примет» попадают как собственно приметы, так и предписания и запреты);
- б) открытый список как способ подачи материала;

в) ориентация на авторитетный источник (в данном случае — «Пословицы русского народа» В. И. Даля).

Круг тем, представленных в сборнике, сравнительно узок: в основном речь идет о различных характеристиках состояния организма, элементах домашнего быта, деталях похоронного обряда. Такой выбор демонстрирует, вероятно, стремление автора зафиксировать в сборнике факты фольклора, актуальные как для носителей деревенской культуры, так и для горожан. В сборнике отсутствуют «классические» метеорологические приметы, что связано, на наш взгляд, с «заезженностью» этой темы даже в городской среде, автор же стремится к решению просветительских задач и весьма искусно находит баланс между общеизвестными и «чисто деревенскими» (а потому представляющими интерес для городского адресата) темами. Реконструируя образ целевой аудитории анализируемой нами викторины, можно предполагать, что, вероятнее всего, это юные и молодые носители городской культуры.

Существенным отличием «Живой старины Приветлужья» от прочих рукописных фольклорных сборников является способ подачи текстов – викторина с несколькими вариантами ответов, причем неправильные варианты сочиняет сам автор сборника. Данный способ выбирается автором в связи с его просветительскими целями, стремлением увлечь «городского» адресата, найти с ним общий язык. Кроме того, к форме с несколькими вариантами ответа располагает и жанровая специфика, и двухчастность структуры представленных в сборнике текстов примет, предписаний и запретов.

Говоря о стратегиях подбора неверных ответов, следует отметить активное использование автором механизма метонимического переноса и переноса по функции, а также стратегии подмены предполагаемого фактического результата прямой оценкой действия / события, заявленного как исходное. Кроме того, автор сборника нередко включает в ряд вариантов ответа элементы «чужого» — городского — культурного кода, стремясь сделать вопросы и ответы более ясными для носителей городской культуры.

Такая специфика сборника обусловлена особенностями творческого и исследовательского пути Л. Н. Ухारेвой, а также стоящими перед ней задачами просветительского и дидактического характера. Поскольку главной задачей, к которой стремился автор, было не простое накопление фольклорного материала, а демонстрация его в рамках культурно-массовых мероприятий, форма подачи, подходы к его отбору, мера личного творческого участия здесь довольно специфичны. Педагогические интенции Л. Н. Ухारेвой ставят на особое место фигуру адресата. Роль же автора сборника не сводится к фиксации фольклорного материала, а подразумевает значительный личный вклад в составление итогового текста, выражающийся в первую очередь в создании вариантов ответов, в целенаправленном отборе тематических групп и конкретных фольклорных микротекстов, а также в поиске баланса и диалога между «традицией» и «современностью», деревенской и городской культурой.

Источники

- Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1862.
- Ухарева Л. Н.* Живая старина Приветлужья. Ridero, 2021.
- ЭКТЭ — Картотека фольклорных и этнографических материалов Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Литература

- Агаткина Т. А., Белова О. В.* Примета // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 279–280.
- Берестнев Г. И., Бойко Л. Б.* Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 31–40.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В. М. Мокиенко. Ростов-н/Д: Феникс, 1996.
- Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021.
- Бураева С. В., Костров А. В.* «Сия богодухновенная книшка писана в городе Осаки в плену»: рукописные молитвы и обережные тексты в военном быту забайкальских старообрядцев (нач. XX в.) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Филология, история, востоковедение. 2012. С. 120–127.
- Васильева Е. Е.* О рукописных песенниках, их создателях и читателях (по записям и пометам в рукописях) // История русского читателя. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 6–18.
- Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: Исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008.
- Лурье М. Л.* Фольклор в записях носителей и любителей (предисловие к сборнику) // Фольклор без фольклористов: рукописные альбомы и любительские собрания частушек первой трети XX века / под ред. М. Л. Лурье; сост. М. Л. Лурье, Н. Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2019. С. 7–20.
- Николаев О. Р.* Наивная фольклористика: типы, формы, функции // Живая старина. 2010. № 1. С. 2–5.
- Обухов А. С., Попова П. Е., Филимонова С. А.* Самодеятельные книги-хрестоматии учителя школы села Калинино Забайкалья как пример инициативной формы самообразования в 1960–1970 гг. // Исследователь (Researcher). 2023. № 4. С. 365–372.
- Садова Т. С.* Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: СПб.: СПбГУ, 2004.

- Сигарева М. Н. Рукописные сборники духовных стихов как способ хранения и передачи фольклорного текста (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций по Алтаю) // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2018. № 3 (17). С. 117–121.
- Толстая С. М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.
- Толстая С. М. Речевые акты и речевые жанры в фольклоре // Живая старина. 2015. № 4. С. 20–23.
- Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010.
- Фидарова Ф. Т. Логико-дискурсивная структура текстов фольклорного жанра примет и поверий: На материале текстов французских и русских примет. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ м. М.В. Ломоносова, 2001.

References

- Agarkina, T. A., Belova, O. V., 2009. An Omen. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 4. pp. 279–280. (In Russian).
- Berestnev, G. I., Boiko, L. B., 2019. Handwritten Spiritual Verses Books as a Way of a Folklore Texts Preservation and Transfer (Based on Materials of Folk and Ethnographical Expeditions Round of the Altai Territory). *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Filologii, pedagogika, psikhologii*, 2019, № 2, pp. 31–40. (In Russian).
- Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I., 1996. *Dictionary of Phraseological Synonyms of the Russian Language*. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian).
- Bondarenko, E. D., 2021. *Naive Linguistics and Dialect Linguistic Consciousness*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Buraeva, S. V., Kostrov, A. V., 2012. Handwritten Prayers and Protective Texts in the Military Life of Transbaikalian Old Believers (the Beginning of the 20th Century). *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologii, istoriia, vostokovedenie. Filologii, istoriia, vostokovedenie*, 2012, pp. 120–127. (In Russian).
- Fidarova, F. T., 2001. *The Logical and Discursive Structure of Texts of the Folklore Genre of Omens and Beliefs: Based on the Texts of French and Russian Traditions*. Abstract of the dissertation of the candidate of Philology. Moscow: MGU. (In Russian).
- Ippolitova, A. B., 2008 *Russian Handwritten Herbals of the XVII–XVIII Centuries: A Study of Folklore and Ethnobotany*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Lurie, M. L., 2019. Folklore in the Recordings of Bearers and Amateurs (Preface to the Collection). *Fol'klor bez fol'kloristov: rukopisnye al'bomy i liubitel'skie sobraniia chastushek pervoi treti XX veka*. Moscow: RGGU, pp. 7–20 (In Russian).
- Nikolaev, O. R., 2010. Naive Folklore Studies: Types, Forms, Functions. *Zhivaia starina*. 2010. № 1, pp. 2–5. (In Russian).

- Obukhov, A. S., Popova, P. E., Filimonova, S. A., 2021. Self-made Chrestomathy Books of the History Teacher from Kalinino Village of the Transbaikalia as an Example of the Initiative Form of Self-Education in 1960–1970. *Issledovatel' (Researcher)*, 2023, № 4, pp. 365–372. (In Russian).
- Sadova, T. S., 2004. *Folk Omen as a Text and Problems of Linguistics of Folklore Text*. Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. St Petersburg: SPbGU. (In Russian).
- Sigareva, M. N., 2018 Handwritten Spiritual Verses Books as a Way of a Folklore Textes Preservation and Transfer (Based on Materials of Folk and Ethnographical Expeditions Round of the Altai Territory). *Uchenye zapiski Altaiskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, 2018, № 3 (17), pp. 117–121. (In Russian).
- Tolstaya, S. M., 2005. *Polesye Folk Calendar*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Tolstaya, S. M., 2015. Speech Acts and Speech Genres in Folklore. *Zhivaia starina*, 2015, № 4, pp. 20–23. (In Russian).
- Toporkov, A. L., 2010. *Russian Charms from Handwritten Sources of the XVII — First Half of the XIX Century*. Moscow: Indrik. (In Russian).
- Vasil'eva, E. E., 2010. About Handwritten Songbooks, Their Creators and Readers: (According to the Notes in the Manuscripts). *Istoriia russkogo chitatelia*. Rel. 5. St Petersburg: SPbGUKI, 2010, pp. 6–18. (In Russian).

ОБЗОР ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ СООБЩЕСТВ АРГЕНТИНЫ И БРАЗИЛИИ

Глеб Петрович Пилипенко

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Сергей Александрович Борисов

младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: s.borisov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Владислав Алексеевич Немчинов

исполнитель проекта,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Аннотация

В статье обсуждаются результаты полевого исследования, проведенного в 2024 г. у славянских сообществ, проживающих в Аргентине и Бразилии. Целью экспедиции было установление первичных диалектных черт переселенческих славянских говоров, а также выявление и анализ контактологических особенностей, возникших под влиянием доминантных романских языков — испанского и португальского. В ходе экспедиции были исследованы говоры потомков славянских переселенцев в аргентинских провинциях Мисьонес и Чако, а также в бразильском штате Риу-Гранди-ду-Сул. Архив исследователей пополнился нарративами на русском, белорусском, украинском, польском, чешском, словацком и сербскохорватском языках. Установлено, что информанты используют, например, поднестровский диалект украинского языка, гродненско-барановичские говоры белорусского языка, южночакавские говоры хорватского. Фиксируются примеры фонетической, лексической и синтаксической интерференции. В частности, распространено явление бетацизма, а также субституция звука [с] звуком [s]. Отмечены многочисленные случаи переклочения кода, также адаптации романской лексики: чеш. *po čakrax* (исп. *chacra* ‘ферма’), укр. *f’izón* (порт. *feijão* ‘фасоль’), укр. *dósy* (порт. *doces* ‘конфеты, сладости’). Информанты рассказывают о традиционной духовной и материальной культуре тех регионов, где они проживают. Среди наиболее распространенных сюжетов встречаются истории о помберо, ловисоне, записаны также местные легенды о негритенке-пастухе и о традициях праздника Сан-Хуан (Сан-Жуан). Зафиксированы также рассказы о славянских традициях, о праздновании Рождества, Нового года, приготовлении праздничных блюд. Перспектива исследования заключается в составлении типологии контактных явлений в переселенческих славянских диалектах и славянской традиционной культуре под влиянием разных романских языков и традиций региона.

Ключевые слова

Полевое исследование, славянские языки, романские языки, диалект, языковые контакты, традиционная культура, Аргентина, Бразилия

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь в проведении исследования З. Забчук, о. Пабло Коладжело, о. Бартоломе Овьедо, А. Миловичу, М. Капетанич, С. Лукасевичу, С. Книз, Ж. А. Заболоцкому, о. Олегу, О. Марусяк, Ж. Гжечиньски, Э. Ваштику

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2024 г.

Статья доработана автором 3 мая 2025 г.

Статья принята в печать 10 мая 2025 г.

Цитирование: *Пилипенко Г. П., Борисов С. А., Немчинов В. А.* Обзор полевого исследования славянских сообществ Аргентины и Бразилии // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 161–186. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.09>

A REVIEW OF FIELD RESEARCH AMONG THE SLAVIC COMMUNITIES OF ARGENTINA AND BRAZIL

Gleb P. Pilipenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Sergej A. Borisov

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: s.borisov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Vladislav A. Nemchinov

Project Executor,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Abstract

The paper discusses the results of a field study carried out in 2024 among Slavic communities living in Argentina and Brazil. The purpose of the expedition was to identify the primary dialectal features of the migrant Slavic dialects, as well as to identify and analyze the contact features that arose under the influence of the dominant Romance languages — Spanish and Portuguese. During the field research, the dialects of the descendants of Slavic immigrants in the Argentine provinces of Misiones and Chaco, as well as in the Brazilian state of Rio Grande do Sul, were examined. The researchers' archive includes narratives in Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, Czech, Slovak, and Serbo-Croatian. The informants have as their basis eg. the Dniestrian dialect of the Ukrainian language, Hrodna-Baranavichy dialect of the Belarusian language, and South Čakavian dialects of Croatian. Examples of phonetic, lexical, and syntactic interference are recorded. In particular, the phenomenon of betacism is widespread, as well as the substitution of [c] with [s]. Numerous cases of code switching have been attested,

as well as adaptations of Romance vocabulary: cz. po čakrax (sp. chacra ‘farm’), ukr. f’izón (port. feijão ‘beans’), ukr. dósy (port. doces ‘sweets, candies’). The informants talk about the traditional spiritual and material culture of the regions where they live. The most common stories are about pombero, lobisón, local legends about a black shepherd boy and the traditions of the San Juan (São João) holiday. Stories about Slavic traditions, about celebrating Christmas, New Year, and cooking festive dishes have also been recorded. The perspective of the research is to elaborate a typology of contact phenomena in the migrant Slavic dialects and in the Slavic traditional culture under the influence of Romance languages and traditions of the region.

Keywords

Field research, Slavic languages, Romance languages, dialect, language contacts, traditional culture, Argentina, Brazil

Funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10030 «Language and cultural contacts during the social transformations among national minorities in Alpine-Pannonian region»

Gratitudes

The authors express their gratitude for assistance in conducting the research to Z. Zabczuk, Fr. Pablo, Fr. Bartolomé Oviedo, A. Milović, M. Kapetanić, S. Lukasevic, S. Kniz, J. A. Zabolotsky, Fr. Oleg, O. Marusiak, J. Grzeczynski, E. Vastik

Received 28 December 2024

Revised 3 May 2025

Accepted 10 May 2025

For citation: Pilipenko, G. P., Borisov, S. A., Nemchinov, V. A., 2025. A Review of Field Research among the Slavic Communities of Argentina and Brazil. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 161–186. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.09>

I. ВВЕДЕНИЕ. ГЕОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОЧНИКИ

Изучение сохранности и функционирования славянских идиомов в странах Южной Америки планомерно осуществляется научными сотрудниками Института славяноведения РАН с 2015 г. Были обследованы славянские сообщества, компактно проживающие в Аргентине, Уругвае, Чили и Парагвае¹. В 2024 г. был продолжен сбор аудио и видеоматериала: научные сотрудники к. ф. н. Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов и В. А. Немчинов с 9 августа по 12 сентября находились в экспедиции в Аргентине и Бразилии. Для обследования было выбрано несколько регионов: провинция Мисьонес и провинция Чако в Аргентине, штат Риу-Гранди-ду-Сул в Бра-

¹ См. напр.: Пилипенко Г. П. Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300; Он же. Обзор экспедиции к восточноевропейским сообществам Аргентины и Уругвая // Славяноведение. 2025. № 1. С. 108–117; Pilipenko G. P. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker // Slověne. 2018. № 1. P. 281–307; Березнев В. И., Ясинская М. В. Рассказы о еде у русских эмигрантов в Аргентине и Уругвае (по материалам экспедиции 2023 г.) // Живая старина. 2024. № 2 (122). С. 53–57.

зилии. Целью экспедиции было выявление и установление первичных диалектных черт, характерных для конкретной славянской переселенческой общины, а также идентификация контактных явлений, возникших в результате непрерывных славянско-романских языковых контактов (с испанским и португальским языками в Аргентине и Бразилии соответственно). Интерес для исследователей представляют проживающие компактно потомки славянских экономических мигрантов, эмигрировавших из Европы до начала Второй мировой войны.

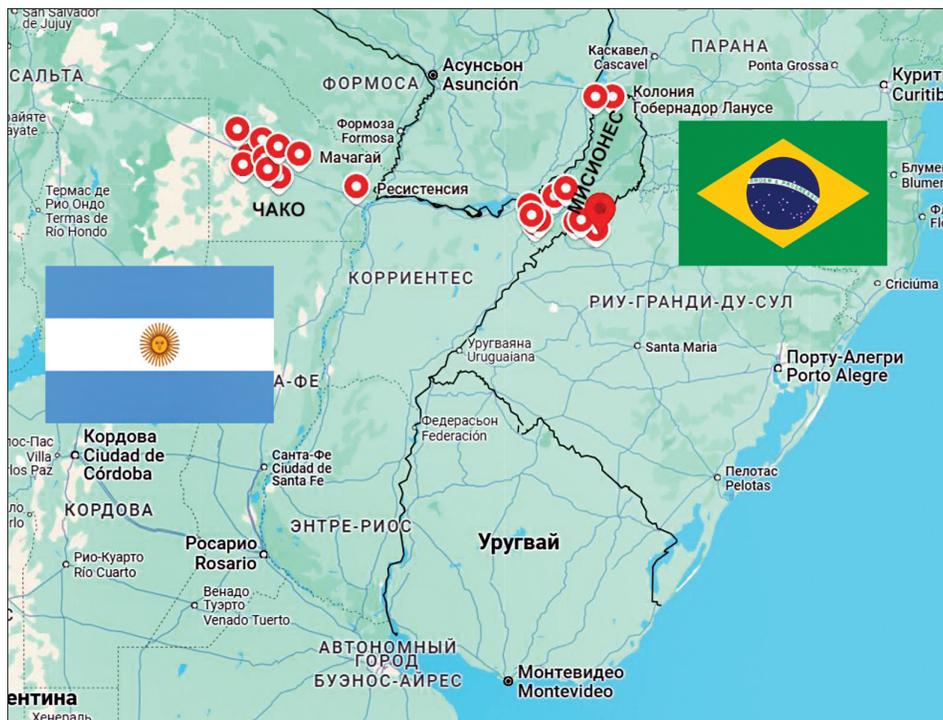

Рис. 1. Карта посещенных регионов Аргентины и Бразилии
Map of Visited Regions of Argentina and Brazil

Если ранее потомки славянских переселенцев и функционирующие в их среде языки в провинции Мисьонес неоднократно становились объектом изучения, то в экспедиции 2024 г. география славянских поселений и перечень самих идиомов были расширены. Так, впервые нами были обследованы славянские языковые сообщества в провинции Чако, а также в штате Риу-Гранди-ду-Сул. При этом следует сделать оговорку, что речь идет об ограниченной территории указанных регионов, где проживают потомки славянских мигрантов: в Мисьонесе (Misiones) научные сотрудники посетили северную (Ванда (Wanda), Лануссе (Lanusse)), центральную (Обера

(Oberá), Гобернадор-Лопес (Gobernador Lopez)), а также южную часть провинции (Трес-Капонес (Tres Capones), Асара (Azara), Сан-Хосе (San José), Апостолес (Apóstoles)). В перечисленных населенных пунктах проводилась работа с информантами белорусского, украинского (среди украинских информантов были носители южноволынского и поднепровского диалекта) и польского происхождения. Отметим, что север провинции был колонизирован позже всего, тогда как юг считается зоной ранней колонизации — конца XIX в. В провинции Чако (Chaco) работа проходила в столице региона — городе Ресистенсия (Resistencia), а также в центральной части (Саэнс-Пенья (Saénz Peña), Мачагай (Machagai), Ла-Монтенегрина (La Montenegrina), Пампа-дель-Инфьерно (Pampa del Infierno), Виллья-Анхела (Villa Ángela), Лас-Бреньяс (Las Breñas), Ла-Клотильде (La Clotilde), Корсуэла (Corzuela)). Здесь были записаны нарративы на чешском и словацком (впервые за все время экспедиций), сербскохорватском (от черногорцев, потомков выходцев из окрестностей Никшича, и хорватов, выходцев из Далмации)) и украинском языках (потомки переселенцев с Волыни). Впервые наша экспедиционная группа посетила Бразилию, где была обследована северо-западная часть самого южного штата страны Риу-Гранди-ду-Сул (Rio Grande do Sul), примыкающая к реке Уругвай, по которой проходит граница с Аргентиной, точнее — с провинцией Миссьонес: Кампина-дас-Миссойнс (Campina das Missões), Сан-Паулу-дас-Миссойнс (São Paulo das Missões), Санта-Роза (Santa Rosa), Бон-Жардин (Bom Jardim), Армония (Harmonia), Гуарани-дас-Миссойнс (Guarani das Missões). В этих населенных пунктах научные сотрудники зафиксировали речь информантов на русском, украинском и польском языках. Всего было опрошено более шестидесяти информантов, объем записанного материала составил более ста часов. С информантами проводились полуструктурированные интервью на темы истории переселений, семейных воспоминаний, материальной и духовной традиционной культуры с особым вниманием к типу ведения хозяйства и выращиванию сельскохозяйственных культур, характерных для определенного региона (напр., йерба мате, чай, хлопок, маниок, батат), кулинарным традициям, а также — к своим и заимствованным верованиям и обрядовым практикам, мифологическим сюжетам.

Численность самих сообществ, а также количество говорящих на славянских языках можно оценить лишь приблизительно, поскольку в переписях данная статистика не ведется². Здесь мы можем опираться на ста-

² Число сохраняющих славянские языки установить не представляется возможным. В большинстве случаев они сохраняются у выходцев из сельской местности и у собеседников старшего поколения. Большинство наших собеседников использует в повседневной коммуникации мажоритарный романский язык, даже в случае общения друг с другом, что наглядно свидетельствует о вытеснении славянских языков практически из всех сфер коммуникации. Возрастные, гендерные характеристики информантов, а также их принадлежность к тому или иному по счету поколению мигрантов в статье указаны после приводимых нарративов. Заимствованные элементы из испанского и португальского языков выделены курсивом.

Рис. 2. Карта населенных пунктов, в которых проводилась работа в провинции Мисьонес (Аргентина) и штате Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

Map of the Settlements Where the Work was Carried Out in the Province of Misiones (Argentina) and the State of Rio Grande do Sul (Brazil)

тистику, приводимую в ряде научных работ (и, по нашему мнению, эти цифры весьма приблизительные, во многих случаях авторы не указывают их источник). Кроме того, невозможно сказать, каков процент представителей славянских диаспор по каждому конкретному населенному пункту: зачастую данные приводятся либо для всего сообщества, либо для регионального уровня. Отмечается, что в муниципалитете Кампина-дас-Мисойнс примерно 20 % (от 6 000 жителей) составляют российские имми-

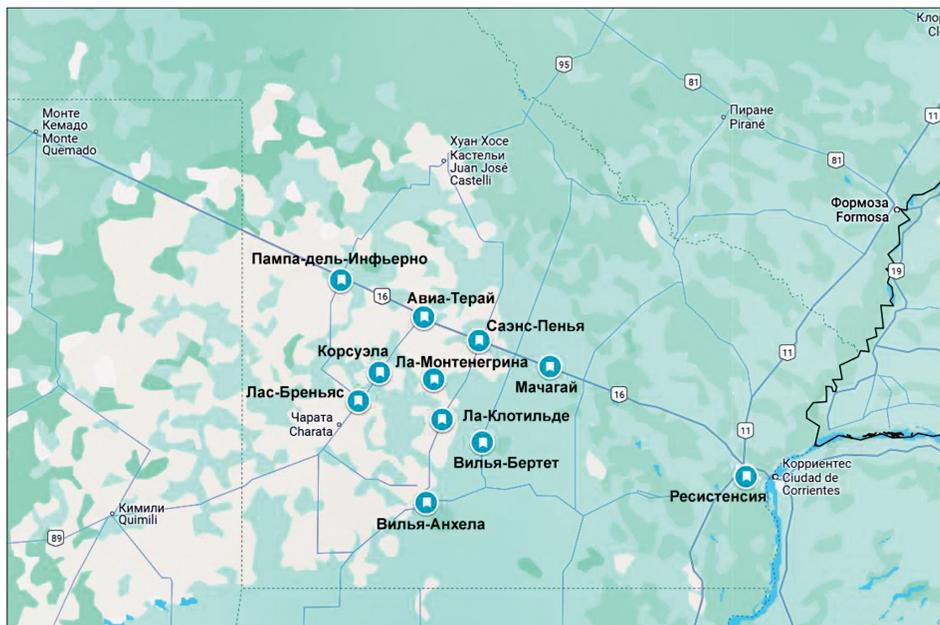

Рис. 3. Карта населенных пунктов, в которых проводилась работа в провинции Чако (Аргентина)

Map of the Settlements Where the Work was Carried Out in the Province of Chaco (Argentina)

гранты и их потомки³, поляки в штате Риу-Гранди-ду-Сул составляют 250 000⁴, тогда как в аргентинской провинции Мисьонес к 1939 г. (когда эмиграция из Польши прекратилась) насчитывалось 50 000 поляков и их потомков⁵. Во всей Аргентине число потомков чешских переселенцев на сегодняшний день приблизительно 100 000⁶, число потомков черногорцев в провинции Чако оценивалось в начале XX в. в 10 000⁷, в про-

³ *Заболоцкий Ж. А.* Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ttda, 2009. С. 12.

⁴ *Linde Usiekniewicz J.* Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej // Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny, pod red. S. Dubisz. Warszawa: Elipsa, 1997. S. 24.

⁵ *Porada K.* La etnicidad en el espacio publico. Los descendientes de inmigrantes polacos en la Provincia de Misiones // Runa. 2018. Vol. 39 (2). https://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1851-96282018000200002 (дата обращения 12.12.2024)

⁶ *Hingarová V.* Periodizace českého (československého) vystěhovalectví v Argentině // Argentina napříč obory: současné pohledy. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. S. 157-186.

⁷ *Stojović G.* La inmigración montenegrina en Argentina y países aledaños. Estudio sobre montenegrinos en América del Sur. 2009. <https://montenegroargentina.blogspot.com/2009/08/estudio-sobre-montenegrinos-en-america.html> (дата обращения: 12.12.2024).

винции Мисьонес потомков украинских переселенцев насчитывается 75 000⁸.

По примеру прошлых экспедиций работа не ограничивалась интервью с собеседниками. В поселениях со славянскими сообществами были обследованы кладбища и задокументированы эпитафии на украинском, польском, словенском, чешском, сербскохорватском, русском, испанском и португальском языках (Трес-Капонес (православное кладбище), Асара, Гобернадор-Лопес, Ванда, Саэнс-Пенья, Ла-Монтенегрина, Кампина-дас-Миссойнс, Бон-Жардин). Всего было сделано более 3 000 фотографий.

Еще одним источником послужили частные семейные, музейные и церковные архивы, в которых содержатся письма, дневники, записи бухгалтерской отчетности, уставы организаций, фотографии. Большой удачей было обнаружить новые части дневника Кирилла Вознюка в семье его сына Николаса Вознюка в городе Обера. Дневник переселившегося с Волыни в конце 1930-х гг. Кирилла Вознюка ранее был опубликован с комментариями и переводом на русский язык⁹. Кроме того, стоит упомянуть произведение в стихах на сербскохорватском языке (на кириллице и на латинице), обнаруженное в городе Саэнс-Пенья. Написано оно в преддверии Второй мировой войны на политические темы. Особо отметим документы, обнаруженные в архиве церкви Санта-Роза и содержащие ценные данные по происхождению переселенцев в поселении Кампина-дас-Миссойнс (установлено, что это были переселенцы с Волыни, из Полесья, Гродненской губернии, Бессарабии, а также из Сибири). Богатая коллекция вышивок в традиционном чешском и словацком стиле с надписями на этих языках хранится в музее чешско-словацкого общества в городе Саэнс-Пенья.

Конфессиональные особенности также учитывались нами при проведении исследования, члены экспедиционной команды посетили храмы Русской православной церкви московского патриархата в Гобернадор-Лопес, Кампина-дас-Миссойнс, Санта-Розе, православную церковь в Трес-Капонес, подчиняющуюся Русской православной церкви за рубежом, Сербские православные церкви в Ресистенсии и в Мачагае (церковь в Мачагае изначально находилась в юрисдикции РПЦЗ).

В дальнейшем статья структурирована следующим образом. В разделах II, III, IV публикуются наиболее репрезентативные нарративы на славянских языках, записанные в экспедиции (критерии отбора представлены в сноске 11), с переводом на русский язык и с лингвистическим, социолингвистическим и в некоторых случаях — с этнолингвистическим комментарием. При публикации сохранен хронологический порядок полевого исследования:

⁸ Богданова Т. Е., Погромський В. О. Українська етнічна спільнота в Аргентині наприкінці XX — початку XXI століття // Історичний архів. 2010. № 4. С. 82–86.

⁹ Пилипенко Г. П. Южновольнский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021.

во II разделе рассмотрены тексты из провинции Мисьонес, в III — из штата Риу-Гранди-ду-Сул, в IV — из провинции Чако. Данные нарративы дают представление¹⁰ о функционировании, состоянии, диалектной основе и контактных явлениях в языках у представителей разных поколений славянских диаспор в обследованных регионах. Они являются уникальным свидетельством островного развития (в отдельных случаях — на протяжении более века) переселенческих славянских идиомов в романоязычном окружении стран Бразилии и Аргентины. В V разделе дается краткое заключение.

II. МИСЬОНЕС

Рассмотрим нарративы, записанные в аргентинской провинции Мисьонес. Нас будет интересовать как формальная сторона — присутствие диалектных и контактных явлений, так и содержательная¹¹. Всего в Мисьонесе было записано интервью с 12 собеседниками на украинском, польском и белорусском языках.

С информантом из Лануссе (А.Ч., муж., 81 год) проходило общение как на белорусском, так и на польском языках.

K'épsko, bo b'édnyja byl'í, málo z''aml'í m'él'í, pradál'í z''éml'u, tato pradáu, máma pradala i n'í v'ystar- xvac'ílo na na pódrúš, pós'l'a moj z'áz'o pradáu svájú z''éml'u i try řaspadárk'i pradal'í pryjéxac' tud da Argentýny, náto málo z''aml'í, m'él'í, b'édnyja byl'í, i pryjéxal'í b'édnyja s''udý na Lanúsy, i astal'ís'a tútaka, bo n'í byló z'e v'ernúcca, kudý búz'e v'ertác'? Tam v Eűróp'i kup'íl'í z''éml'u. Pryv'ez''l'í jix, janý n'í znál'í kudý v'ez''l'í. Kampán'ija v'ezlá l'uz'éj i ũsaz'íl'í s'udý da lésu, i pastáv'il'í xátku i tréba byló rubác' l'es, čýs''c''ic'', saz'ic'. Bo bajál'ís'a vájny, užé řavarýl'í što búz'e vajná, búz'e vajná, i uc''akál'í ad vajnú. I na drú'ij rok ũže načylás'a vajná, u trycac' z'ev'átomu róku, al'é janý užé byl'í tut, bo trýc'ac' vas'móm róku pryjéxal'í s'udý. Akréntam, akrént, móram, dva m'és'acy pryjéxac' aš s'udý. Máma i táto řan'íl'ís'a u B'elarus'iji, maladýja byl'í [Плохо жили, бедные были, было мало земли, продали землю, папа продал, мама продала и не хватило на дорогу, потом мой дядя продал свою землю и три хозяйства, чтобы приехать сюда, в Аргентину, слишком мало земли у них было, бедные были, приехали в Лануссе бедные, и остались здесь, потому что не было куда вернуться, куда поедет? Там в Европе купили землю. Привезли их, они не знали, куда везли. Компания везла людей, оставила их тут в лесу, поставили домик, и нужно было рубить лес. Уехали, так как боялись войны, уже говорили, что будет война, и убегали

¹⁰ Краткое в силу ограниченного объема статьи.

¹¹ Тексты, представленные в статье, отбирались по двум критериям: структурно-лингвистическому и тематическому. В них реализуются как диалектные явления, позволяющие установить исходную диалектную зону первых переселенцев, так и контактные особенности из окружающих языков. Тематически они посвящены историям семей переселенцев, традиционной культуре славянских народов и народов стран, в которых проживают наши собеседники (что наилучшим образом иллюстрирует взаимовлияние контактирующих культурных традиций), хозяйственной деятельности.

от войны. И на следующий год уже началась война, в 1939 году, а они в 1938 приехали сюда. На пароходе, по морю, два месяца, чтобы приехать сюда. Мама и папа поженились в Белоруссии, молоды были] (А.Ч., 81, муж., Лануссе, второе поколение, бел. яз.).

Родители А.Ч. переселились в Аргентину из окрестностей города Слоним. Представленный отрывок демонстрирует характерные черты гродненско-барановичской группы говоров, например, наличие заударного оканья в конечном слоге (*málo* ‘мало’, *táto* ‘папа’). Вместе с тем непоследовательно реализуется яканье: *z’amł’i* ‘земли’ (род. п. ед. ч.), но *v’ezł’i* ‘они везли’. Также речи свойственно большое количество полонизмов (так как А.Ч. владеет и польским языком), которые могут как адаптироваться под белорусскую фонетику, так и оставаться без изменений (*pódrusz* (пол. *podróż*) ‘поездка’, *akrément* (пол. *okręt*) ‘корабль’). Собеседник рассказывает о причинах эмиграции белорусов из межвоенной Польши в 1930-е гг., а также об освоении земель в Аргентине. А.Ч. упоминает плохую экономическую ситуацию и предчувствие войны в Европе.

В следующем отрывке А.Ч. рассказывает на польском языке о случае, произошедшем в июне 2024 г. в соседней провинции Корриентес: пропажу внука бабушка объясняет тем, что его украл помберо. Вера в помберо, как и в других мифологических персонажей, широко распространена на северо-востоке Аргентины. Многие потомки мигрантов также перенимают эти мифологические представления. В данном нарративе обращает на себя внимание обилие испанских элементов, как одиночных, так и пространных, которые можно считать переключением кода. При этом топонимы не подвергаются словоизменению (ср. мест. п. *f Corrientes* ‘в Корриентесе’).

Dužo luž’i v’ežo f pombero, lobizón, yaciyateré. Pombero je tak’i, muvjo že te tak’i že kradn’e ž’eč’i. Zobačy jak’e ž’ecko co on lub’i i on skradn’e i tšyma dla š’eb’e. Karm’i i tšyma *el pombero*. Tera f *Corrientes* co zg’inoł jeden xłopaček p’en’č’ lat, to bapka muv’ila že to *pomberito* vž’on. Tera ješče telev’izory pokazuju. Ješče, ma v leš’e i v žev’e ž’e je tak’e dupło, v žev’e, i on ma jeho tam tego xłopačka, jeho bapka muv’ila f *Corrientes*. To tera š’e zdažyło tera dva m’iš’oncy temu, ješče n’i zdybały, *hasta ahora no lo encontraron*. Pombero to je tak’i co, muv’i že tak’i člov’ek malutk’i, i on žyje v leš’e tylko, pombero. Tylko ž’eč’i i małe co on lub’i jak’e ž’ecko to on skradn’e i časam’i on zan’eš’e daleko! I ruž’n’ij zdybały i vruč’i ž’ecko [Много людей верят в помберо, лобисона, джасиджатере. Помберо такой, говорят, что крадет детей, увидит ребенка, который ему понравится, и украдет и держит для себя, кормит его и держит этот помберо. Сейчас в Корриентесе пропал мальчик пяти лет, бабка его сказала, что его забрал помберито. Еще в лесу у него в дереве такое дупло, и он там держит этого мальчика, его бабка говорила. Это сейчас произошло, два месяца назад, еще не нашли, до сегодняшнего дня не нашли. Помберо — это невысокий человек, он живет в лесу. И только маленьких детей он крадет и уносит далеко. Потом их находили и возвращается ребенок] (А.Ч., 81, муж., Лануссе, второе поколение, пол. яз.).

Информант О.Х. является потомком переселенцев начала XX в. из Галиции, носителей поднестровского диалекта украинского языка. В его речи находим яркие диалектные черты, например, $t' > k'$ (*št'is'k'i* — укр. *щастя* ‘счастье’), переход $a > 'e$ (*d'iwč'éta* ‘девушки’), дистантное расположение возвратной частицы *s'i* (*perš s'i varýt* ‘сначала варится’), окончание глаголов в 3 л. ед. и мн. ч. $-t$ (*varýt* ‘варит’), специфическая лексика (*gazdá* ‘хозяин’). Для цитируемого фрагмента характерно использование испанских дискурсивов (*claro* ‘конечно’, *bueno* ‘хорошо’). О.Х. рассказывает про обычай, широко распространенный на исходной территории миграции, в Галиции: в Сочельник кутью подбрасывают к потолку, что позволяет предсказать, будут ли пчелы роиться в наступающем году¹².

My tak májím, na s'v'ityj věčir kutjá i na nový r'ík, a p'ótmu jak *claro*, jak Ardán wže. Perš s'i varýt pšenýc'u, e, a i p'ótmu s cúkrom, xto l'úbe s cúkrom, a xto z médom. *Ah bueno*, *gazdá máje wz''éty lýšku i méžy ws'imá nastójet wstáty i kutjá nabráty i do stél'i*, xto zlapáje b'il'se toj budé dúže št'is'k'i na pčóly máty, sí. [У нас так, на Сочельник кутья и на Новый год также. А потом, когда уже Богоявление. Сначала варят пшеницу, а потом с сахаром, кто любит с сахаром, а кто с медом. И хозяин должен взять ложку (кутъя) и встать между всеми, набрать ложкой кутью и кинуть до потолка. Кто поймает, у того будут пчелы хорошо роиться, да] (О.Х., 74, муж., Трес-Капонес, третье поколение, укр. яз.).

О.Х. также обращается к местным обычаям и верованиям: к гаданиям на Сан-Хуан (24.06), в самую длинную ночь в Южном полушарии. К сожалению, детально информант не проговорил весь процесс. Смысл заключается в том, чтобы воткнуть лезвие ножа в ствол бананового дерева и оставить его на определенное время. Затем следует вынуть нож и по следам от сока, выделяемого деревом, можно определить инициалы будущего супруга. Так гадали девушки.

Día de San Juan, la noche de San Juan. Banana, znájiš, plátano, banana to tóje šo, bueno, a wno jak ty pererubájiš, a vonó slezýt zára, *savia slezýt*, i znáje jak, kotrá, jak to, najb'il'se slezýt to ta budé. D'iwč'éta propov'idály šo je. [День праздника Сан-Хуан, ночь на Сан-Хуан. Знаешь банан? Хорошо. Когда его перерезаешь, он сразу же выделяет сок, сок выходит. И какой больше всего выделяет сок, то тот и будет. Девушки говорили, что есть] (О.Х., 74, муж., Трес-Капонес, третье поколение, укр. яз.).

III. РИУ-ГРАНДИ-ДУ-СУЛ

Как упоминалось выше, в Бразилии проходила работа с информантами польского и восточнославянского происхождения, опрошено 13 информантов. От поляков в Гуарани-дас-Миссойнс, месте, которое считается столицей поляков в данном регионе, были записаны нарративы про истории пе-

¹² Ср.: Валенцова М. М. Кутья // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого М.: Международные отношения, 2004. Т. 3 (К-П). С. 69-71.

расселения. Э.Г. рассказывает историю своей семьи. В его речи наблюдается ряд фонетических явлений, характерных для польских диалектов: сужение континуантов носовых (*tyś 'unc* 'тысяча'; *pam 'intal' i* 'они помнили'), наличие протетического *w* (*wokrentym* 'кораблем'), в позиции носового заднего ряда в конце слова находим сочетание *-un* (*prośun* 'они просят'). Фиксируется использование португальских лексем и выражений, в частности, при упоминании числительных.

Tutaj v *Guaran' i*, e *tyś'unc, mil novecientos cinquenta e sete, tyś'unc ž'ev'inset p'in'ž'eš'unt š'edym. Moje praž'atk'i moje čtery ž'atk'i pšyjexal'i s Polsk'i, v'jem že s tyl'i zes Baronuf i z Varšavy, to ja v'em. Moje ž'atk'i navet pam'intal'i jak pšyjexal'i wokrentym z drug'ij struny, vjele jexal'i i šystko... Muj bože kohany, to jexač' i š'e žegnač' na zafše, jexač' na drug'i kraj n'eznany. [Я родился в Гуарани(-дас-Миссойнс) в 1957 году. Мои прадеды, мои четыре деда приехали из Польши, знаю только, что из Баранува и Варшавы, это я знаю. Мои деды даже помнили, как они приехали на пароходе с той стороны, они долго ехали... Боже, ехать и прощаться навсегда, ехать в другую неизвестную страну] (Э.Г., 75, муж., Гуарани-дас-Миссойнс, третье поколение, пол. яз.).*

Собеседник Э.Г. говорит о широко известных на этой территории мифологических персонажах: *саси-перерé* и негритенке-пастухе. Здесь мы находим случаи использования португальских лексем.

Tyn *sasi pereré* to je tak'i, že bodaj jedne noge ma, i to tak'i bodaj čarny byl, e, drug'e tyš š'e tak'e *mito negrinho do pastoreio*. Tyn *negrinho do pastoreio*, to go poťlukl'i, zab'il'i i bodaj go mrufk'i zežarły, i un, vježun tak jak gž'e človjek co zgub'i abo co, to veznun *fume*, maxork'i, maxorke, i žucun tam gž'e i prośun žeby to š'e nalazło, i to bodaj š'e najž'e. To *negrinho do pastoreio*. *Mito* [Этот *саси-перерé* выглядит так, что якобы у него одна нога, и он черный. А другой миф о негритенке-пастухе. Его избили, убили и якобы его муравьи съели. И верят, если где-то человек что-то потерял, то берут табак, махорку, бросят туда и просят, чтобы нашлось, и якобы находится. Это миф о негритенке-пастухе] (Э.Г., 75, муж., Гуарани-дас-Миссойнс, третье поколение, пол. яз.).

От информантки А.Г.Л. из Кампины-дас-Миссойнс, которая считается компактным местом проживания выходцев из Российской империи¹³, также был записан нарратив на украинском языке о негритенке-пастухе. Обращает на себя внимание переключение кода при цитации в фольклорном тексте: просьба к мифологическому персонажу о помощи выражается на португальском языке.

Nu to jak xtos' šoz' zŷúbyť, taká prýkaska, vjír'ut' tak, zŷúbyť, to poprosý: *Negrinho do pastoreio, encontra pra mim por favor, e, o que eu perdi*. I nájde! ... n'e dáže u xát'i. V'in l'ubýw kurýt' toj čornén'k'ij, to kupý pap'irósy, i k'in' tam des'. Tak kážut' šo tája paperósa d'ínycc'a [Ну если кто-то что-то потеряет,

¹³ См. подробнее: *Заболоцкий Ж. А. Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды»*. Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ltda, 2009.

есть такая присказка, верят так, если потеряет, то попроси: Негритенок-пастух, найди для меня, пожалуйста, то, что я потерял. И найдет! ... и даже не дома. Он любил курить этот черненый, купи ему папиросы и кинь где-то там. Так говорят, что та папироса денется.] (А.Г.Л., жен., 90 лет, Кампина-дас-Миссойнс, второе поколение, укр. яз.).

От А.Г.Л. были записаны истории о народной медицине, в частности, рассказы о лечении головной боли, теплового удара. Для речи информантов характерна вариативность, например, А.Г.Л. использует формы личного местоимения 3 л. ед. ч. ср. р. *vonono* 'оно'. Кроме того, в ее речи встречается форма указательного местоимения *eto* 'это' при преимущественном употреблении других форм местоимений (*to*). Особенностью некоторых информантов в Кампине-дас-Миссойнс является то, что они владеют несколькими славянскими языками. Так, А.Г.Л. говорит также по-русски.

Stávyly butýľočku z vodóju, i tr'ápočkoj(u) i tut des' užé tak, móna najtý mn'éstó, butýľočku tak šob vodá ne pot'iklá, ne, i toydá vonó st'ayló sónce, ot sónc'a yólová bol'íla, jés'a tak šo des' kupájic'a, w r'íčc'i čy u prúdu, u vod'í, tam sónce prygr'ílo, blýsnulo, i šos' i slúčyc'a tut. Tak onó st'ayáje. Éto potóyálo. [*От головной боли* ставили бутылочку с водой и тряпочкой, тут где-то можно найти место, бутылочку так, чтобы вода не потекла. И тогда оно оттягивало солнце, от солнца голова болела, если где-то купается, в речке или в пруду, в воде, там солнце пригрело, блеснуло, и что-то случится. И оно оттягивает. Это помогало] (А.Г.Л., жен., 90 лет, Кампина-дас-Миссойнс, второе поколение, укр. яз.).

От собеседницы К.Т. участники экспедиции записали нарративы на языке, который, по всей видимости, имеет украинскую диалектную основу, однако в нем наблюдаются многочисленные русизмы, как, например, при цитациях устоявшихся выражений, которые говорили, совершая обряд засеивания на Новый год («Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю»)¹⁴. Отмечается непоследовательное аканье: *pozdaravl'ájim* 'поздравляем', *karmýt* 'кормить', *paubyrájut* / *poubyrájut* 'поубирают'; вариативное яканье в идентичной позиции: *ws'eyó/ws'ayó* 'всего', смягчение согласных перед *i, e* (не из *ě): *wxod'ily* 'входили', *t'ip'ér* 'теперь, сейчас' (при варианте *typér*), личные местоимения 3 л. ед. и мн. ч. имеют формы *janó* 'оно', *janý* 'они', окончание прилагательных и местоимений во мн. ч. варьируется: *malyja* 'меленькие', но *rašč'in'anyje* 'порванные'. При этом свой язык К.Т. называет русским: *n'i pómn'u jak janó pa rúsk'i* «не помню, как оно по-русски». В приводимом отрывке находим большое количество заимствованных из португальского языка лексем, в особенности из кулинарной сферы. Данные лексемы подвергаются фонетической адаптации: португальское *feijão* 'фа-

¹⁴ См. подробнее: Агапкина Т. А. Сев ритуальный // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 (П-С). С. 608-609.

соль' заимствуется при устранении дифтонга *ei* в первом слоге и носового дифтонга *ão* — во втором слоге: *фижон*; изначальный мужской род существительного в португальском языке сохраняется и в русском.

Na Rъžestvó borš várym i ws'eýó tak! mn'ása i ws'aýó, *kúxa* i *dósy* je ty šo ja kazála vam, *bolachinha*, us'eýó! T'ip'er' n'e, *kadáz'* buló, na Rožystvó, na Nóvyj ýot, na Pásku, s'éjaly v'éjaly i pas'ívaly i z Nóvyym ýódom pozdaravl'ájim. I jak my malýja bulý, to ostaválys'. I t'ómno t'ómno, a jak palučýly tam užé brály *sakulín'ju* takúju mal'én'kuju, tam *níquel*, e, tróšk'i ýrós'iw, *mas*, takó, d'it'am! Ux! ... S'éju v'éju pas'ívaju, z Nóvyym ýódom pozdaravl'ájim. I s'éjaly s'im'inó u xát'i, tak jak užé wxod'íly u xátu, i kukurúzy, i rys, i šo buló, *f'izón*, i te, buló téje, *ararú*, to n'i znáju jak janó typér' skazát', téje, dróbn'in'k'e šo, e, cyp'l'átam karmýt', n'i pómn'u jak janó pa rúsk'i [На Рождество борщ варим, и всего так! мяса и всего, пироги и сладости есть, те, что я говорила вам, печенье, есть все! Теперь не [колядуют], когда-то было на Рождество, на Новый год, на Пасху, сеяли, веяли и посеваали, и с Новым годом поздравляем, и, когда мы маленькие были, то оставались и темно-темно, а когда получили, там уже брали мешочек такой маленький, там монета, э, немного денег, но, так детям! Ух! ... «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю». И сеяли семена в доме, так как уже входили в дом, и кукурузу, и рис, и что было, фасоль, и это, было это *арару* <лат. *maranta arundinacea*>, это не знаю, как оно сейчас сказать, это, мелкое, что цыплят кормить, не помню, как оно по-русски] (К.Т., 72, жен., Кампина-дас-Миссойнс, третье поколение, укр. яз.).

В следующем отрывке К.Т. рассказывает о праздновании Сан-Жуана (повсеместно используется португальское наименование праздника), как это принято в обследованной нами части штата Риу-Гранди-ду-Сул. Здесь следует обратить внимание на заимствование разделительного португальского союза *ou* 'или' (фиксируется и в речи славян под влиянием испанского и итальянского языков)¹⁵.

Na *São João*, da t'ip'er' d'ét'i *mas* paubyrájucca, i š'l'ápy paubyrájut' i ad'óžu poubyrájut' i d'évačk'i dak tak'íje ad'óžy nós'at', a xlópc'i tak'íje, e, kusk'í pra-a, pašýtyje povérx, *ou* n'e to rašč'in'anyje téje jak mátuška č'i te-, máma kazála: Tréba zašýt'! A janý parazyrvájut' joó šop kras'ívo^u buló. Da t'ip'er' e, ne-e, x'ibá to kras'ívu *mas*! I s'p'ívájut' i d'ét'i *mas*! Dúže kras'ívo. My tóže tak sámó, na *São João* ad'inákvuje *kadáz'* buló da sódn'e, étyj d'en' ws'i d'ét'i ták'i dažydájut' *São João* [На Сан-Жуан до теперь дети одеваются, и шляпы надевают и одежду, и девочки такую одежду носят, а мальчики такую, куски, пошитые сверху, или если нет, то разорванные они, как мама говорила: Нужно зашить! А они разорвут ее, чтобы красиво было. До теперь, как же это красиво было! И поют дети! Очень красиво. Мы тоже так же, на Сан-Жуан, одинаково было когда-то и сегодня, этот день все дети ждут, Сан-Жуан] (К.Т., 72, жен., Кампина-дас-Миссойнс, третье поколение, укр. яз.).

¹⁵ Ср. Пилипенко Г. П. Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. Article 2388.

IV. ЧАКО

В Саэнс-Пенье удалось записать речь потомков переселенцев (1920–1930-е гг.) черногорцев из окрестностей города Никшич. Всего записано 10 интервью с потомками черногорцев. В приводимом ниже фрагменте М.К. повествует о городе Саэнс-Пенья времен ее детства, в другом фрагменте М.К. рассказывает о гаданиях по костям забитого скота, в конкретном случае — ягненка, что в особенности распространено у южных славян¹⁶. Отметим некоторые региональные особенности в нарративах: рефлекс *ě — иекавский: *vidjela* ‘видела’, *dijete* ‘ребенок’, *svijeta* ‘народа’, при йотации фиксируется звук *ś* < *sj*: *śećam* ‘помню’, форма глагола *htjeti* ‘хотеть’: *šćeti*, звук *h* отсутствует в начале слова: *iljada* ‘тысяча’, *oće* ‘хочет’, отрицательная форма глагола *biti* ‘быть’ в 3 л. мн. ч.: *nijesu* (стандартное *nisu*), инфинитивная форма глагола без финального *-i*: *doć* ‘прийти’, *udat se* ‘выйти замуж’, употребление форм вин. п. вместо мест. п.: *vazda bio malo u drugu ulicu* «он всегда был на другой улице», пропуск вспомогательного глагола в перфекте: *kad ja bila mala* «когда я была маленькой», параллельно со стандартными формами: *ja sam imala deset godina* «мне было десять лет», региональная лексика: *vazda* ‘всегда’, *mlogo* ‘много’. Одновременно находим испанизмы, как на уровне дискурсивов (*si* ‘да’, *este* ‘это, то есть’), так и среди полнозначных слов (*intendente* ‘мэр’). Испанизмы функционируют параллельно с исконной лексикой (*plasa* — *trg* ‘площадь’). Испанизмы встраиваются в словоизменительную систему принимающего языка: *oko plase* ‘около площади’. Одновременно встречаем примеры гибридов: сербскохорватская лексема *centar* ‘центр’ при взаимодействии с испанской *centro* образуют фонетико-морфологический гибрид *sentar*¹⁷. Следует предположить влияние испанского языка при использовании формы местоимения *što* ‘что’ в функции определительного местоимения (вместо формы местоимения *koji* ‘какой, который’), как это происходит, например, в речи хорватов аргентинской провинции Санта-Фе¹⁸.

A mali, mali grad, ja se śećam od, ja sam imala deset godina, deset dvanaest godina, to je iljadu devetsto e pedeset druge, i mali grad! I sad, ima ne znam koliko stanovnika, sad ima stotinu i dvadeset iljada, stanovnika, mlogo svijeta

¹⁶ Белова О. В., Толстая С. М. Кости // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 (Д–К). С. 627–630.

¹⁷ Можно предположить также влияние распространенного фонетического процесса — субституции звука [c] звуком [s], как это происходит в других примерах (см. ниже) (ср. также *Bilić J. B., Cúneo P., Franić I.* El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico // *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. Medellín, Colombia. 2023. Vol. 28. Issue 1. P. 93*). Однако в данном случае лексема имеет аналог в испанском языке и не является исконной в сербскохорватском.

¹⁸ Там же. P. 95.

živi, kad ja bila mala, bio mali grad... Vazda je trg *San Martín*, i ona *plasa*, to je bilo *sentar, sentar, sí*. Malo, svi smo se poznavali, a sad, sad već. *Sí!* To je bila katolička tu vazda, i bio *este-e, banco*, crkva i škola. Stara škola. *Sí*. Tako je bio, svaki, *este*, bilo je tako, oko *plase* to kažemo mi, bio banak, crkva i škola, sve jednako. ... *A intendente vazda bio malo ovamo*, u drugu ulicu *la calle catorce*, i do dan danas je tu [Маленький, маленький город, я помню, мне было десять-двенадцать лет, это было в 1952 году, был маленький город! И сейчас я не знаю, сколько жителей, сейчас 120 000 жителей, много народу живет, когда я была маленькой, был маленький город. Всегда была площадь Сан-Мартина, и та площадь, это был центр, да. Мало, мы все друг друга знали, а сейчас уже, да. Была католическая церковь всегда, банк, церковь и школа. Старая школа. Да. Так было, около площади, это мы говорим, был банк, церковь и школа, все одинаково... А мэр всегда был немного в ту сторону, на другой улице, улица 14, и сейчас он там] (М.К., 71, жен., Саэнс-Пенья, третье поколение, серб. яз.).

Ja što sam vidjela kad sam bila mala, kad se *este* kad se jede, vazda su imali oni janje, a vidiš janje ima ovu pleće, onda neki su znali da to tumače, to na pleće oće li se rodit dijete, oće li se neko udat oženit, i na pleće isto su gledali, de, jedna kost, vidiš ona kost što ima na pleće, onda kažu, ove godine će dobro doć oni, to su tumačili, a neki nijesu šćeli nikada to gledaju zašto one kad je nešto grdno pa oni nijesu to. To se šćeam. Kad se jagnje ubije i onda i kad se naprvi da se jede [Я видела, когда была маленькой, когда ели, всегда был ягненок, а у ягненка есть лопатка, и некоторые умели объяснить по лопатке, родится ли ребенок, женится ли кто-то, на лопатку смотрели, это кость, кость на лопатке, тогда говорят, в этом году будет хорошо, это объясняли, а некоторые не хотели на это смотреть, потому что если что-то плохое выпадало, то они не хотели. Я это помню. Когда ягненка режут, тогда устраивали обед и ели] (М.К., 71, жен., Саэнс-Пенья, третье поколение, серб. яз.).

На чакре (ферме) недалеко от Саэнс-Пеньи и города Авиа-Терай (*Avia Terai*) проводилась беседа с хорватами, прибывшими с острова Вис в Далмации (Я.М., муж., 95 лет, с сыном Д.М., 67 лет, приехали в 1961 г., спустя 30 лет после того, как дед Д.М. эмигрировал в Аргентину)¹⁹. Информанты рассказали о том, как растет хлопок — основная сельскохозяйственная культура в этом регионе, как его собирали раньше и как сбор проходит в настоящее время. Согласно М. Московлевичу, говор острова Вис имеет южночакавскую основу, однако он претерпел также влияние штокавских говоров и романских языков²⁰. В приведенном ниже отрывке обнаруживаем, например, икавский рефлекс *ě: *posli* ‘после’, *vriću* ‘мешок’, *svit* ‘люди’, хотя лексему *svijet* ‘цветок’ оба информанта произносят с иекавским континуантом *ě (форма *svijet* в том же значении у Я.М., вероятно, вызвана

¹⁹ Единственное за время описываемой экспедиции интервью на хорватском языке, второе интервью с представителями хорватской диаспоры проводилось на испанском языке.

²⁰ *Московлевич М.* Говор острова Виса // Исследования по сербохорватскому языку / отв. ред. Р. В. Булатова. М.: Наука, 1972. С. 106–109.

субституцией звука [с] звуком [s], которая упоминалась выше, и возникла под испанским фонетическим влиянием). Отмечен случай нового ринезма в конце слова на *-n* (из *-m*): *vaⁿ* ‘вам’, где фиксируем полуназальное произношение гласного *a* и слабоартикулированный *n* после него. Пример *urejenu* ‘специальную, предназначенную для этого’ (ср. *uređen*) иллюстрирует замену *j < đ*. Был зафиксирован случай перехода [s] в [š], который Московлевич относит к влиянию венецианского произношения: *posli šu učinili*. Употребление окончания *-ega* на месте *-oga* в случае *ot tega* мы можем вслед за Московлевичем интерпретировать как сохранение исходных диалектных особенностей далматинской зоны. У Д.М. встречается форма *vrali* ‘брали’, которая является примером бетацизма, возникшего под влиянием испанского языка, причем наблюдается варьирование в пределах одного предложения: *brali* — *vrali*. Что касается лексических заимствований из испанского, в приведенном отрывке находим союзы *como* ‘как’, *pero* ‘но’; прилагательное *maduro* ‘спелый’; существительное *máquina* ‘машина’, которое встречается в неизменяемой форме с артиклем: *sa la máquina* и без него, а также в адаптированной к хорватской словоизменительной системе форме мн. ч. *máquine*. Особого внимания заслуживает отрывок, где встречаются новые заимствования — испанизмы (*como, una*) — и старый итальянизм *kapula* (от итал. *cippola* ‘лук’²¹): *Zatvoreno como una ona ne kapula*. Нами также рассматривалась интерпретация данного заимствования как фонетического варианта исп. *capullo* (м. р.) ‘бутон’. Она не подтвердилась, так как слова *una* и *ona* явным образом указывают на женский род. Кроме того, информант в этом слове четко произносит [l] (ср. произношение ll как [ʎ] или [j] в испанском языке).

Соб²²: I koliko dugo raste pamuk?

Я.М.: Tri četiri dok je za brat ga, četir mjeseca. Dok on ne... i ovaj raste i napravi svijet teži, razvire. A pamuk je, to je edan cvijet, kako bi vaⁿ reka. I onda onaj. Zatvoreno *como una* ona ne kapula. Zatvoreno i os- onda sa kad je već *maduro*, se otvara, otvori se. Otvori se i onaj pamuk izlazi, a to sa *la máquina* viene i bere, čisti.

Д.М.: Pija, pija se to vadilo sa rukiman. Svijet do- dođe pa vadi sa rukom. To je bolje bilo. Ali posli šu učinili *máquine* e-e-e što radi.

Я.М.: Brali ru- na ru- rukama se vrali ljudi. Ima ednu vreć... i onda bere i poslje praznijo i napunio vreć i tako.

Д.М.: I ovde je tako da da da pija se radilo rukaman i tako da bi ot toga je živijo puno svita. A sada *máquina* dođe i...

Я.М. Bere i nema rada.

Д.М. U jedan dan to ti digne sve i izvadi i nema ti ništa ot tega. Oni svit čeka kući. Nema rada. Ne znamo je li to za bolje ili za gorje *pero* ja znam da u druge ž- države e radi svit i ot tega živi.

²¹ Московлевич М. Говор острова Виса... С. 136.

²² Собиратель.

Соб.: Vere ručno, rukama?

Д.М.: Rukaman, da da, svit. Rukaman, to to. Kako je to se otvori na cvijet, ima ti pamuk, tako da treba uhvatit i izvadi. Izvadijo rukom. Samo pamuk. I bacu u jednu urejenu vriću.

[— И как долго растет хлопок?

— Три-четыре, пока [не придет время] собирать его, четыре месяца. Пока он не... он растет и делает цветок тяжелый, раскрывает. А хлопок — это такой цветок, как вам сказать. И тогда он... Закрыто, как эта, луковица. Закрыто и тогда, когда уже созревший, открывается, откроется. Откроется, хлопок выходит, тогда приходят с машиной и собирают, чистый.

— Раньше, раньше это собирали руками. Люди придут и достают руками. Это было лучше. Но потом сделали машины, которые работают.

— Собирали руками, собирали люди. Есть такой мешок... и вот собирает, потом опустошает и наполняет мешок, и так дальше.

— И здесь так раньше работали руками, и так этим зарабатывало на жизнь много людей. А сейчас приезжает машина и...

— Собирает, и нет работы.

— За один день соберет все и достанет, и ничего уже нет. А люди ждут дома. Нет работы. Мы не знаем, к лучшему это или к худшему, потому что я знаю, что в других странах люди работают и этим зарабатывают на жизнь.

— Собирают вручную, руками?

— Руками, да, люди. Руками, именно так. Когда раскрывается цветок, там хлопок, нужно взять его и достать. Достать рукой. Только хлопок. И положить в один специальный мешок] (Я.М., 95, муж., первое поколение; Д.М., 67, муж., Авиа-Терай, второе поколение, хорв. яз.).

Недалеко от Саэнс-Пеньи также состоялась беседа с носительницей словацкого языка²³ (М.К., ок. 90 лет, второе поколение). Ниже приведен отрывок, в котором она рассказывает о предполагаемой встрече с ловисоном (*lobizón, luisón*) — персонажем мифов индейцев гуарани, гигантским оборотнем. Считается, что им может стать седьмой родившийся в семье подряд мальчик. С точки зрения контактологии внимания заслуживает переключение кода в речи М.К. Первое переключение происходит в момент, когда собеседница испытывает трудности с названием числительного на словацком, а потому объяснение происхождения ловисона она начинает по-испански (*séptimo hijo varrón* «седьмой ребенок мальчик»), после чего применяет стратегию перевода, или пояснения (*ma bit' xlap* «должен быть мальчик»), но числительное не вспоминает, поэтому повторяет его по-испански. Подобную стратегию она применяет, когда не может подобрать словацкий вариант слова *gallinero* ‘курятник’, поэтому поясняет, что выходила *ot sliepkax* «от куриц». Здесь также примечательна измененная по правилам словацкого языка форма *s gažinera* «из курятника». Следующее переключение связано с названием процесса смены фаз луны и полнолуния. В этот раз собеседница сначала говорит *cambio de luna* ‘смена

²³ Единственное интервью на словацком языке за время описываемой экспедиции.

луны' затем конкретизирует также по-испански: *luna llena* 'полнолуние'. Наконец, отметим случай экспрессивного переключения кода, когда М.К., уже описав на словацком момент, когда перед ней прошел гигантский пес, повторяет на испанском, выделяя фразу интонационно: *sí, despacito, es un perro grande* «да, потихоньку, большая собака». Помимо лексических заимствований среди контактных явлений в данном нарративе отмечаем влияние бетацизма: *bolali* (словацк. *volali* 'звали').

Ja mislim že som ho vid'ela. Ale ňviem čo. Mislim, že som ho vid'ela. *Lobizón*. E povedaju, že bow edon tu, ako d'e je *cooperativa*. Teras ak bud'e'te preist', tak naprot'i, tag do ňej *cruce* tam bival edon, a že to bolali *lobizón*. *Séptimo hijo varrón*, ma biť xlap, *séptimo*. A to toho keď bolo *cambio de luna, luna llena, že lobizón* hod'i. Ja som mala sliepki. *Era la tarde. Más o menos* tri hod'ini. Ja som ňemala pes, psi. Som mala, *pero* ta vona jako tadi. Ja vixazam s gažinera, ako ot sliepkax, *el gallinero*. Ale edon pes, ja som ňigdaj vid'ela tak ve'lki. Ve'lki mi preiřow, preto mjou, a iřow *crúzó el patio*. A *sí, despacito, es un perro grande*. Ja som zostala. Ja som bola sama, moja *suegra* bola tu. A *siesta*, ja som tad' šla vid'e't sliepki či maji vodu [Я думаю, что я его видела. Но я не знаю, что. Я думаю, что видела. Ловисон. Да, говорят, был один здесь, где кооператив. Сейчас если будете проезжать, это напротив, до одного перекрестка, там жил один, и говорили, что это ловисон. Седьмой ребенок, мальчик, должен быть мальчик, седьмой. Это когда смена <фазы> луны, полнолуние, что ходит ловисон. У меня были куры. Была вторая половина дня. Где-то три часа. У меня не было собаки, собак. Была, но та <была> здесь. Я выхожу из курятника, от кур, курятник. Но вот — пес, я никогда не видела такого большого. Большой, прошел передо мной, перешел двор. Да, потихоньку, большая собака. Я осталась стоять. Я была одна, моя свекровь была здесь. Была сиеста, я ходила проверять, есть ли у кур вода] (М.К., 90, жен., Саэнс-Пенья, второе поколение, словац. яз.).

В провинции Чако также проводились беседы с представителями чешской диаспоры. Всего было записано 12 интервью с потомками чешских переселенцев. Так, в г. Ресистенсия исследователи пообщались с Э.В. (37 лет). Чешский язык был им усвоен от бабушки, в то время как отец информанта им не владеет. В 1931 г. бабушку Э.В. и его брата, когда детям было 3 и 4 года соответственно, из городка Полешовице на юго-востоке Моравии (совр. Злинский край) в Аргентину вывезла их тетя. Отец мальчиков, прадед Э.В., к тому времени уже работал в Саэнс-Пенья столяром на фабрике. В настоящее время Э.В. продолжает самостоятельное изучение чешского языка, в том числе благодаря посещению летних школ в Чехии. В его речи присутствует усвоенная естественным образом основа (разрушающаяся в условиях отсутствия общения на языке), из которой, однако, не представляется возможным вычленить какие-либо специфичные моравизмы, так как на эту основу накладывается выученная самостоятельно по учебникам и на летних языковых курсах структура литературного языка. Э.В. постоянно контролирует свою речь на чешском языке: делает уточнения, самоисправ-

ления, старается пояснить значения испанских слов, когда не может подобрать чешское, либо подбирает лексемы, которые не используются другими аргентинскими чехами (напр., *pasovec* ‘броненосец’ в приведенном ниже отрывке нарратива — другим представителям диаспоры известно только местное название этого животного *tatú*). В приведенном ниже отрывке Э.В. рассказывает об охоте и приготовлении традиционных для региона блюд из капибары (исп. *carpincho* из яз. гуарани *kapi'uvva*) и броненосца (исп. *tatú*, из яз. гуарани *tatu*). Среди контактных явлений из области фонетики мы отмечаем возможную адаптацию словосочетания *tatú carreta* ‘гигантский броненосец’ (буквально «броненосец-телега») под влиянием чешской фонетики: информант произносит звук, близкий [ř] в слове *carreta*. Однако для данной фонетической реализации возможна и другая интерпретация, так как в говорах на северо-западе Аргентины для звука [r] свойственна фрикативизация в группах *rr* и *tr*, благодаря чему появляется звук, схожий с чешским [ř]. Так же, как и у других вышеупомянутых информантов, в речи Э.В. отмечается мена звуков [c] и [s], причем в рамках одного и того же нарратива (*museš — muceš; do leca — v lese*). Фиксируется явление бета-цизма (*zavit — zabilí; vojovat*, ср. чеш. *bojovat*). Для речи данного информанта также характерны некоторые черты, которые, вероятно, вызваны тем, что чешский язык усваивался в условиях недостаточной коммуникации с другими носителями чешского языка. К подобным чертам можно отнести неразличение задненебного [x] и гортанного [h] (*xodňe* вместо чеш. *hodně*), появление звука [č] на месте [x] под влиянием графической формы слова, прочитанной по правилам испанского языка (*kačna* ‘утка’, ср. чеш. *kachna*).

Э.В. Jedli co mňel' dobrý xut', *tatú carreta*.

Соб. Jak? Ješ'te jednou?

Э.В. *Tatú carreta*, nevím, jak se řekne. *Tatú, tatú*. Jo, jo, *pasovec*, ano. Tadi museli it do lesa a lovit, a říbit, a to bil xutňejší. A *carpincho, carpincho* taki je xutňejší, protože muceš vařit jako gulaš, ne gulaš, *giso*, tadi se říká *giso*, ale to je stejne no...

Соб. A jakou xut' má *carpincho*?

Э.В. Jee... jako visvjetlovál, to je maso, že maso i trošku suxe no, no. Ale muceš jako jit sam, to ne, to neňi xutňejší. Ano, musíš jit, jako připravovat, jako vařit, jako omačku.

Соб. A s čeho omačku?

Э.В. Cokoliv. No muceš omačku, omačkou, co xceš, co maš. E *carpincho*, e, nevím jak se řekne, jeleni taki, jeleni, to je xutňejší. No to vite. Jelen je v lese, lovím, lovím, potom zavit, zabit, vařím.

Соб. Xod'i se lovit *tatú* teď'ka?

Э.В. Je *xodňe*, no, je *xodňe*. Taki teď' je *xodňe* xodiš do leca, ale je, je je *xodňe*. Jeleni uš neňi tolik, protože už to jako ale je. Podle zakona uš to se nemuce lovit. Ale lovi stejne, no. To se ribi *xodňe*. Tadi mame jako ribi, *dorado*. Znete *dorado*? To je jako lev v naše *Paraná*. Je, to se říká, že lev je kral v lese. I naše kral v řece *Paraná* je *el dorado*. Poznate *dorado*?

Соб. Ano, ano.

Э.В. A taki protože je... je... agresivni, kedi si ti řibiš jako musíš vojovat. Toto je turističké to se řiví.

Соб. A česká jídla nějaká vařili? Něco tradičně českého?

Е. То je jako, typičke to je jako... jak se menova... kačna a knedliki. Ale bude tadi ne, ale tadi ne se vaří. Ale budete najit ve Saens Penje. Ale malo taki, ale málo, v domje, jenom, jenom doma, doma, jenom v domje.

[— Ели то, что было вкусным, *tatú carreta* (гигантский броненосец).

— Как, еще раз?

— *Tatú carreta*, не знаю, как это сказать, татú, татú. Да, да, броненосец, да. Здесь нужно было идти в лес охотиться и рыбачить, и это было вкусно. И капибара, капибара тоже очень вкусная, потому что ее надо готовить как гуляш, ну не гуляш, а *guiso*, тут это называется *guiso*, но это одно и то же...

— А какой вкус у капибары?

— Ну как я уже говорил, это как мясо, мясо, но немного суховатое. Поэтому его нельзя есть отдельно, это невкусно. Его надо есть, ну, готовить, варить, с соусом.

— А из чего соус?

— Из чего угодно. Но нужно соус, из чего хочешь, что есть. Капибара и... Не знаю, как называется... Олени тоже, олени очень вкусные. Ну, вы знаете. Олень в лесу, на него охочусь, охочусь потом убить, варю.

— А на броненосцев сейчас охотятся?

— Много, да, много. За ними тоже много ходят в лес, но да, да, их много. На оленей уже не так много, потому что это как... По закону на них нельзя охотиться. Но охотятся все равно. Рыбачат много. У нас здесь есть рыба, дорадо. Знаете дорадо? Она как лев в нашей Паране. Да, говорят, что лев — король в лесу. И наш король в реке Парана — дорадо. Знаете дорадо?

— Да, да.

— И так как она... агрессивная, когда ты рыбачишь, с ней надо как бы побороться. Это туристическое, рыбачат.

— А чешские блюда какие-то готовили? Что-то традиционно чешское?

— Да, из типичного, как это называется, утку и knedliki. Но здесь нет, здесь не готовят. Но в Саэнс-Пенье вы найдете <тех, кто готовит>. Но тоже мало, мало, в доме, только, только дома, только в доме] (Э.В., 37, муж., Ресистенсия, третье поколение, чеш. яз.).

Больше всего чехов в Аргентине проживает в Саэнс-Пенье. Говоря об истории переселений, в качестве исходной точки информанты часто называют город Велке-Биловице в Южноморавском крае. Однако мы также узнали, что Саэнс-Пенья стала местом назначения волн вторичных миграций: из хорватского Дарувара и Сфынта-Елены в румынском Банате, где до настоящего времени существуют чешские диаспоры²⁴, состоящие из потомков переселенцев XIX в.

²⁴ См. об этом: Борисов С. А. Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1-2. С. 310-328; Он же. Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 5-16.

Ниже приведены отрывки интервью с двумя информантками (Р.Б., 68 лет, А.Б., ок. 94 лет), семья которых приехала в Аргентину из Сфынта-Елены. Из уже упоминавшихся фонетических явлений мы вновь наблюдаем мену [с] и [s] (*xsi* на месте чеш. *chci* ‘я хочу’; *přese* вместо чеш. *přese* ‘ведь’, *tos* на месте чеш. *tos* ‘очень’). С точки зрения переключения кода отметим встраивание синтаксических конструкций на испанском языке в чешский нарратив в ситуации, когда информантка затрудняется объяснить что-либо на чешском языке: *jeho zamňestatňi bilo d'elat de madera*. Не менее примечательной также является адаптация испанских слов в соответствии с грамматикой чешского языка, в частности, изменение по числам и падежам слова *čakra* (исп. *chacra* ‘чакра, ферма’).

Mi smo se hazali po *čakrax*, kdiž mamiňka bili... to ja sam bila mala, po *čakrax*, a mňeli smi shromažďeňi [Мы ходили по чакрам, когда еще мама была. Я тогда была маленькая, по чакрам, были у нас собрания] (А.Б., 94, жен., Саэнс-Пенья, второе поколение, чеш. яз.).

Соб. A odkud přijeli?

А.Б. Oňi přijeli. Oňi se narodili jako Rumunsko. Pak to Rumunsko ma mos mňesteček. Jedno, co voňi přijeli, to je Santa Jelena, Svata Helena. Ze Svati Heleni voňi přijeli.

Р.Б. Bila valka.

А.Б. Jo, taťinek bil ve valce taki, mňel kufri, co von uďelal.

Р.Б.: Baul, jak balixa, *pero* je to dřeveni.

А.Б.: Von d'al kola, vozi. Taťinek mňel jeho jako jeho zamňestatňi bilo d'elat, pracovat <...> *de madera*. Rozumite všecker španelski?

[– А откуда приехали (родители)?

– Они приехали... Родились они в Румынии. В Румынии много маленьких городков, и один из них, из которого они приехали, это Святая Елена. Из Святой Елены они приехали.

– Война была.

– Папа был на войне, у него были чемоданы, которые он делал.

– Баул, как баул, но деревянный.

– Он мастерил колеса, телеги тоже делал. У папы была профессия делать, работать <...> из дерева. Вы все понимаете по-испански?] (А.Б., 94, жен., второе поколение, Р.Б., 68, жен., третье поколение Саэнс-Пенья, чеш. яз.).

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полевое исследование 2024 г. позволило пополнить архив исследовательской группы новыми текстами на чешском и словацком языках, включить в исследование новый португалоязычный регион бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул, что будет способствовать расширению типологии выявляемых контактных явлений. Кроме того, многие тексты на славянских языках были записаны впервые, например, восточнославянские тексты из Кампины-дас-Миссойнс и от черногорских информантов из Чако. Боль-

шое количество записанных нарративов на славянских языках о местной мифологии (индейской / креольской) дает основания рассматривать ее как составную часть локальной славянской традиционной культуры. Все записанные тексты войдут в хрестоматию по славянским диалектам в странах Южной Америки.

Исследователи пришли к выводу, что славянские языки у потомков экономических мигрантов находятся в стадии угасания, практически отсутствует межпоколенческая передача языка, славянские языки функционируют только в персональном и внутрисемейном общении в редких случаях, для многих собеседников беседы с исследователями были единственной возможностью использовать славянский язык за долгое время. Лучшая сохранность языка отмечается у выходцев из сельской местности, у тех, кто сохраняет традиционное ведение хозяйства и традиционные обряды и праздники. В большинстве случаев речь идет о функционировании того или иного диалекта славянского языка, так как литературная норма славянского языка незнакома информантам. При этом их речь подвержена структурным влияниям доминирующих романских языков (как нам представляется, большему влиянию подвержен консонантизм, чем вокализм, например, фиксируется явление бетацизма, утрата затвора у аффрикаты [с] в разных славянских языках), повсеместно отмечены явления переключения кода, использование заимствованных дискурсивов.

Литература

- Агапкина Т. А.* Сев ритуальный // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 (П–С). С. 607–609.
- Белова О. В., Толстая С. М.* Кости // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 (Д–К). С. 627–631.
- Березнев В. И., Ясинская М. В.* Рассказы о еде у русских эмигрантов в Аргентине и Уругвае (по материалам экспедиции 2023 г.) // Живая старина. 2024. № 2 (122). С. 53–57.
- Богданова Т. Є., Погромський В. О.* Українська етнічна спільнота в Аргентині наприкінці ХХ — початку ХХІ століття // Історичний архів. 2010. № 4. С. 82–86.
- Борисов С. А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 310–328. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02>.
- Борисов С. А.* Чешско-хорватские языковые контакты в центральной Хорватии на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 5–16. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/1>.
- Валенцова М. М.* Кутья // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого М.: Международные отношения, 2004. Т. 3 (К–П). С. 69–71.

- Заболоцкий Ж. А.* Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ltda, 2009.
- Московлевич М.* Говор острова Виса // Исследования по сербохорватскому языку / отв. ред. Р. В. Булатова. М.: Наука, 1972. С. 105–138.
- Пилипенко Г. П.* Некоторые контактнообусловленные явления в словенском диалекте долины Натизоне // *Slavia Meridionalis*. 2021. № 21. Article 2388. <https://doi.org/10.11649/sm.2388>
- Пилипенко Г. П.* Обзор экспедиции к восточноевропейским сообществам Аргентины и Уругвая // *Славяноведение*. 2025. № 1. С. 108–117.
- Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // *Славянский альманах*. 2018. № 1–2. С. 289–300. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05>.
- Пилипенко Г. П.* Южноволинский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. <https://doi.org/10.31168/91674-654-9>.
- Bilić J. B., Cúneo P., Franić I.* El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico // *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura*. Medellín, Colombia. 2023. Vol. 28. Issue 1. P. 8–104. <https://doi.org/10.17533/udea.ikala.v27n3a04>.
- Hingarová V.* Periodizace českého (československého) vystěhovalectví v Argentině // *Argentina napříč obory: současné pohledy*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014. S. 157–186.
- Linde Usiekiewicz J.* Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej // *Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny*, pod red. S. Dubisz. Warszawa: Elipsa, 1997. S. 23–41.
- Porada K.* La etnicidad en el espacio publico. Los descendientes de inmigrantes polacos en la Provincia de Misiones // *Runa*. 2018. Vol. 39 (2). https://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1851-96282018000200002 (дата обращения 12.12.2024)
- Stojović G.* La inmigración montenegrina en Argentina y países aledaños. Estudio sobre montenegrinos en América del Sur. 2009. <https://montenegroargentina.blogspot.com/2009/08/estudio-sobre-montenegrinos-en-america.html> (дата обращения: 12.12.2024).
- Pilipenko G. P.* The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker // *Slověne*. 2018. № 1. P. 281–307. <https://www.doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.1.12>.

References

- Agapkina, T. A., 2009. Ritual sowing. In: N. I. Tolstoy, ed., 2009. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 4 (P–S), pp. 607–609. (In Russian)
- Belova, O. V., Tolstaya, S. M., 1999. Bones. In: N. I. Tolstoy, ed., 1999. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 2 (D–K), pp. 627–631. (In Russian)

- Bereznev, V. I., Yasinskaya, M. V., 2024. Narratives about food among Russian emigrants in Argentina and Uruguay (based on the materials of the 2023 expedition). *Living Antiquity*, 2 (122), pp. 53–57. (In Russian).
- Bilić, J. B., Cúneo, P., Franić, I., 2023. El croata como lengua de herencia en Argentina: entre la vulnerabilidad y el mantenimiento lingüístico. *Íkala, Revista de Lenguaje y Cultura. Medellín, Colombia*, Vol. 28., Issue 1, pp. 8–104. <https://doi.org/10.17533/udea.ikala.v27n3a04>.
- Boganova, T. E., Pohroms'kyi, V. O., 2010. Ukrajin'ska etnichna spil'nota v Arhentyini naprykintsi XX — pochatku XXI stolittia. *Istorychnyi arkhiv*, 4, pp. 82–86.
- Borisov, S. A., 2021. Czech language and the traditional culture in the multiethnic environment (results of the field research of 2019 in Serbia, Romania, Bosnia and Herzegovina). *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 310–328. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02>. (In Russian)
- Borisov, S. A., 2023. Czech-Croatian language contacts in Central Croatia based on the field research. *Tomsk State University Journal*, 486, pp. 5–16. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/1>. (In Russian)
- Hingarová, V., 2014. Periodizace českého (československého) vystěhovalectví v Argentíně. *Argentina napříč obory: současné pohledy*. Olomouc, Univerzita Palackého, pp.157–186.
- Linde Usiekiewicz, J., 1997. Sytuacja językowa Polonii brazylijskiej. In: S. Dubisz, ed., 1997. *Wybór tekstów polonijnych z Brazylii y Argentyny*. Warszawa, Elipsa, pp. 23–41.
- Moskovljević, M., 1972. *The dialect of the island of Vis*. In: R. V. Bulatova, ed., 1972. *Research on the Serbo-Croatian language*. Moscow: Nauka, pp. 105–138. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2018. Expedition to the Slavs in South America. *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 289–300. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05>. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2018. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*, 1, pp. 281–307. <https://www.doi.org/10.31168/2305-6754.2018.7.1.12>.
- Pilipenko, G. P., 2021. Some Contact-related Phenomena in the Slovenian Dialect of the Natisone Valley. *Slavia Meridionalis*, 21, Article 2388. <https://doi.org/10.11649/sm.2388>. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2021. *The South Volhynian dialect of the Ukrainian language in Argentina (Misiones): the diary of Kirill Wozniuk, a migrant from interwar Poland*. Moscow: Indrik. <https://doi.org/10.31168/91674-654-9>. (In Russian)
- Pilipenko, G. P., 2025. Review of the expedition to the Eastern European communities of Argentina and Uruguay. *Slavic Studies*, 1, pp. 108–117. (In Russian)
- Porada, K., 2018. La etnicidad en el espacio publico. Los descendientes de inmigrantes polacos en la Provincia de Misiones. *Runa*, vol. 39 (2). https://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1851-96282018000200002 (accessed: 12.12.2024)
- Stojović, G., 2009. *La inmigración montenegrina en Argentina y países aledaños. Estudio sobre montenegrinos en América del Sur*. URL: <https://montenegroargentina.blogspot.com/2009/08/estudio-sobre-montenegrinos-en-america.html> (accessed: 12.12.2024).

-
- Valentsova, M. M., 2004. Kutia. In: N. I. Tolstoy, ed., 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 3 (K–P), pp. 69–71. (In Russian)
- Zabolotsky, J. A., 2009. *Russian Immigration to Brazil. “A Long Journey of Hope”*. Santa Rosa/RS: Coli Grafica e Editora Ltda. (In Russian)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ОСНОВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФРАКИЙСКИХ ГРЕКОВ КРЫМА

Юлия Витальевна Кожуховская

Кандидат филологических наук, доцент,
Институт филологии Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского
Почтовый адрес: просп. Академика Вернадского, 4,
Симферополь, 295007, Россия
Электронный адрес: jv-k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6057-5821

Аннотация

Статья посвящена проблеме восприятия территории как компонента этнической идентичности представителями локального этнического сообщества греков с. Чернополе (Крым), которые вследствие отъезда из Фракии в 1830 г. после Адрианопольского мирного договора утратили связь с исконной территорией проживания. Обращение к актуальному, первоначально чуждому ландшафту, выраженное в его символическом освоении, произошло, только когда община стала вырождаться вне связи «со своей землей». В исследовании выделяется два этапа в освоении местности, соответствующие двум кризисным периодам в истории общины, при этом на каждом этапе дифференцируются способы концептуализации. Первый этап представлен поиском «своей» земли, где медиатором являлись духовные покровители общины свв. Константин и Елена, «выбравшие» определенный водный источник. Символические границы местности были обозначены четырьмя источниками, степень значимости которых соответствует символике сторон света. После этого в символическом центре деревни расположилась часовня (конак), а затем и церковь свв. Константина и Елены. Вертикальная модель мира нашла реализацию во взаимосвязи с дохристианскими обрядовыми практиками сообщества: низу Мировой оси соответствует жертвенная яма во дворе церкви. Второй этап освоения с. Чернополе произошел после возвращения части сообщества из депортации во второй половине XX в., когда микрокосм поэтапно обрел три Центра, а за его пределами актуализировалось представление о «чужом» пространстве, иномирии («чертов мост»). В статье устанавливается существование в настоящее время внутреннего «центра» для членов общины (на фоне полиэтничности села), обусловленного расположением древних икон: образовавшийся когда-то как следствие закрытия церкви, этот центр со временем не только не прекратил своего существования, но и под влиянием коллективной памяти стал интегрирующим для сообщества. Рассматривается фольклорная картина мира, в которой отражается множественная идентичность, унаследованная со времен Византийской империи: с одной стороны, локальная, с другой стороны — идентичность римская с центром в Константинополе; выявлено, что в народных песнях чернопольцев пространственная модель мира особенно ярко проявляется в лиминальной символике.

Ключевые слова

Фракийские греки Крыма, этническая идентичность, модель мира, фольклорная картина мира, локальное этническое сообщество

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/> «Лингвокогнитивный аспект вопроса этнической и национальной идентичности (на материале новогреческого языка)» в КФУ им. В. И. Вернадского.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2025 г.
 Статья доработана автором 20 июня 2025 г.
 Статья принята в печать 25 июня 2025 г.

Цитирование: *Кожуховская Ю. В.* Пространственная модель мира в основе этнической идентичности фракийских греков Крыма // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2025. Т. 20. № 1–2. С. 187–203. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.10>

SPATIAL MODEL OF THE WORLD IN THE ETHNIC IDENTITY OF THE THRACIAN GREEKS OF CRIMEA

Yulia V. Kozhukhovskaya

Ph.D. in Philology, Associate Professor,
 Theory of language, literature
 and sociolinguistics department,
 Institute of Philology,
 V. I. Vernadsky Crimean Federal University
 Postal address: Academician Vernadsky Avenue, 4
 Simferopol, 295007, Republic of Crimea
 E-mail: jv-k@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-6057-5821

Abstract

The article focuses on the perception of the territory by representatives of the local ethnic community of Greeks of Chernopolye village (Crimea) in the context of their ethnic identity. As a result of their departure from Thrace in 1830 after the Treaty of Adrianople, the community lost contact with their homeland. The need to address the initially alien landscape expressed itself in symbolic developments once the community began to degenerate without connection “with its land”. The article examines two stages of sacralization of landscape caused by the forced migrations, loss of connection with native land and the resulting problems with identity. The first stage is represented by the search for “one’s own” land, where the mediators were the spiritual patrons of the community, st. Constantine and Helena, who “chose” a certain water source. The symbolic boundaries of the area were designated by four sources, the degree of significance of which corresponds to the symbolism of the cardinal directions. After this, a chapel (konak) was erected in the symbolic center of the village, later the Church of st. Constantine and Helena. The vertical model of the world was realized in connection with the pre-Christian ritual practices of the community: the bottom of the World Axis corresponds to the sacrificial pit in the church yard. The second stage of development of the village of Chernopolye occurred after the return of part of the community from deportation in the second half of the 20th century, when the microcosm gradually acquired three Centers, and beyond its borders the idea of “foreign” space, the other world (“devil’s bridge”) was actualized. The article establishes the current existence of an internal “center” for community members (against the background of the village’s multi-ethnicity), conditioned by the location of ancient icons: formed once as a result of the closure of the church, this center not only did not cease to exist over time, but under the influence of collective memory became integrative for the community. The folklore picture of the world is considered, which reflects multiple identities inherited from the times of the Byzantine Empire: on the one hand, local, on the other hand — Roman identity with the center in Constantinople; it is revealed that in the folk songs of the Chernopolye residents, the spatial model of the world is especially clearly manifested in liminal symbolism.

Keywords

Thracian Greeks of Crimea, ethnic identity, model of the world, picture of the world, local ethnic community

Funding

This research was supported by the Russian Science Foundation (project No 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/>) and took place in V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Received 24 April 2025

Revised 20 June 2025

Accepted 25 June 2025

For citation Kozhukhovskaya Yu. V., 2025. Spatial Model of the World in the Ethnic Identity of the Thracian Greeks of Crimea. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 187–203. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.10>

ВВЕДЕНИЕ

Связь с ландшафтом как для этний, так и для наций, особенно сильна, в случае если он воспринимается как священный, связан со святыми делами предков как частью коллективных воспоминаний и другими факторами или содержит захоронения предков: «этническая территория вызывает у людей коллективные эмоции и становится частью исторической культуры сообщества»¹. В целом представитель этносимволизма Э. Д. Смит характеризует этнии как «имеющие название группы, обладающие общими мифами о происхождении и воспоминаниями, или этноисторией, с сильной ассоциацией с исторической территорией, или родиной, не обязательно через обладание ею»². В связи с этим актуальным является вопрос связи с «родной землей» и восприятия ландшафта представителями локальных этнических сообществ в случае их проживания вне исторической территории.

Фракийские греки Крыма компактно проживают в одной деревне — в с. Чернополье Белогорского района Республики Крым. Выходцы из Восточной Фракии (Румелии) прибыли в Крым в первой половине XIX в. и в настоящее время представляют собой локальное этническое сообщество (численностью примерно в сто человек). Выходцы из района гор Странджа на фоне активного взаимодействия с представителями других этнических групп сохранили самобытность своей культуры: так, на Балканах явное славянское влияние ощущалось с VII в., а в XV в. — с падением Константинополя — члены общины стали турецкими подданными в составе Османской империи.

¹ Смит Э. Д. Мифы и память нации. Реф. кн.: Smith A. D. Myths and memories of the nation. N.Y.: Oxford univ. press, 1999. 288 p. // Символическая политика. 2015. № 3. С. 150.

² Там же. С. 105.

Цель статьи — установить особенности пространственной реализации модели мира греков-фракиотов Крыма на фоне социально-культурных изменений, которым подверглись представители сообщества с момента их отбытия из Румелии. Материалом исследования послужили результаты этнолингвистической экспедиции (2025 г. под руководством автора статьи), в частности интервью по этнолингвистическому вопроснику А. А. Плотниковой³, а также специально подготовленные анкеты на тему текущего состояния этнической идентичности. В результате собран фольклорный материал, сделаны аудиозаписи устного народного творчества греков-фракиотов Крыма. Кроме того, в качестве источника использовались материалы по истории жителей деревни, приведенные в книге И. К. Зековой⁴, а также архивные аудиозаписи фольклорной экспедиции 1996 г. под руководством С. А. Лазариди.

Корни самосознания греков-фракиотов уходят в Восточную римскую империю, в которой, как известно, преобладала множественная идентичность. Более того, отмечаются трудности в территориальном определении «родины» — ядра империи, которое в разные исторические периоды смещалось между Анатолией и Балканами в зависимости от внешних факторов⁵. Среди признаков византийской идентичности называют: римскую христианскую политическую традицию, религию (православное христианство), культуру (классическое наследие), семью и место происхождения (*patris*)⁶. Из этой классификации следует дифференцирующее влияние места происхождения на самосознание жителей империи. В связи с этим на региональную идентичность влияние оказывают места памяти (по концепции П. Нора⁷), которые подразумевают не только материальные объекты: «память часто изображалась и истолковывалась при помощи пространственной метафоры»⁸.

³ Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

⁴ Зекова И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму. Симферополь: Н. Орианда, 2019.

⁵ *Cođođer J. S. Byzantine identity: territory and language // The Mediterranean: A view from the East / ed. D. Dueck. Sevilla: Editorial Universidad de Alcalá / Editorial Universidad de Sevilla, 2025. P. 195–220.*

⁶ *Harris J. Being a Byzantine after Byzantium: Hellenic identity in Renaissance Italy. Kam-bos: Cambridge Papers in Modern Greek. 2000. No 8. P. 29–30; Bryer A. Late Byzantine identity // Byzantium. Identity, Image, Influence. Major Papers from the XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18–24 August 1996 / ed. K. Fledelius, P. Schreiner. Copenhagen: Danish National Committee for Byzantine Studies, 1996. P. 49–50.*

⁷ *Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де. Винок М. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.*

⁸ *Сабанчев Р. Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 33–38.*

1. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА ПОСЛЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ ФРАКИИ В КРЫМ

Территория как историческое место проживания локального сообщества — один из основных факторов в основе этнической идентичности, который устанавливает связь с предками. С начала XIX века греки-фракиоты — выходцы из села Корфоколимба — неоднократно были вынуждены менять место проживания. Наиболее ранние нарративы общины относятся ко времени оставления всей деревней своей фракийской родины. В результате родная земля как фактор этнической идентичности для греков с. Чернополя имеет не столько физическое измерение, сколько приобретает сакральные черты.

Символическое мышление — важная составляющая традиционных сообществ — имеет архаическую природу. В исследованиях неоднократно подчеркивалось, что языку предшествует символический образ мышления, как и язык символических действий⁹. После прибытия в Крым в 1830 г. прошло тридцать девять лет, прежде чем община поселилась в Чернополье (Карачоль). По словам И. К. Зековой¹⁰, община вырождалась. Лишь столкнувшись с кризисом идентичности, её представители обратились к концепту родной земли и символическому коду в интерпретации местности.

Поиск вела религиозная группа нестинариев: в предыдущих местах поселения (Греческий Джанкой и Карабай) они «не имели силы»¹¹, что запечатлелось в коллективной памяти. Таким образом, на первом этапе освоения местности прослеживается реализация пары антиномий «свое-чужое». Мифопоэтическое мышление строится на бинарных оппозициях, основной из которых является взаимодействие «своего» (человека, его общины) и «чужого», при этом Т. В. Цивьян¹² отмечает, что наиболее выраженной является реализация этой оппозиции с помощью пространственных элементов. В случае с. Чернополье за поиском земли для проживания кроется задача превратить «чужое пространство» в «свое», а медиаторами являлись духовные покровители общины, свв. Константин и Елена, «выбравшие» источник, который получил соответствующее наименование в их честь.

⁹ *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000; *Иванов Вяч. Вс.* Примечания // Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 351.

¹⁰ *Зекова И. К.* Греки Восточной Фракии в Крыму...

¹¹ *Мосхури И. В.* Этническая история и традиционная культура греков с. Чернополье (Карачоль) Белогорского района Автономной Республики Крым // Проблемы греческой культуры. Материалы международной научно-практической конференции. Симферополь: [б. и.], 1997. С. 133.

¹² *Цивьян Т. В.* К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 196.

В дальнейшем на месте источника св. Константина («Аязма») строится деревня (в те годы «Карачоль» — с крымскотатарского — «черная земля», «Чернополье»), и «свое» пространство приобретает последующее деление на «центр» и «периферию», обрамленную границами. Традиционным обществам свойственно восприятие мира как микрокосма — замкнутого организованного пространства, которому противостоит пространство хаоса¹³. Следовательно, на втором этапе освоения пространства, за счет открытия еще трех источников¹⁴, которые очертили границы микрокосма, актуализируется символика четырехчастности мира. Она ярко проявляется прежде всего в космогонических мифах и относится к горизонтальной структуре космоса. По данным аналитического каталога Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина¹⁵, мотив обозначения границ земли, производящегося в четырех направлениях, является универсальным и фиксируется, например, в Южной Америке, Балтоскандии, на северо-востоке Индии: «с неба землю с четырех сторон держат четыре каната», в Вавилонии уточняется, что эти веревки — Млечный путь; у маори по сторонам света — четыре колышка, у скандинавов — по углам карлики, у племен Южной Венесуэлы четыре дерева по сторонам света, которые держат землю; у макуна — двенадцать каменных столбов (гор) по периметру земли и столб в центре — *Axis Mundi* и т. п.

В с. Чернополье установление границ пространства связано с водной символикой, которая относится к дохристианскому пласту (на Балканах было распространено почитание локусов, связанных с мифами о Громовержце¹⁶). Значение открытых источников для общины соответствует принятой символике сторон света. Основному целебному источнику (Аязма, Святая Криничка, Святой источник), расположенному на востоке и, соответственно, символически соотносящемуся с восходом солнца (положительная оценка), противопоставлялся Западный источник. Исходя из мифопоэтических представлений, положительная оценка также должна была отсутствовать у Северного источника (сторона, где отсутствует солнце): он использовался для хозяйственных нужд. Из Южного источника, в свою очередь, поили скот, который являлся важным ресурсом (солнечную сторону принято связывать с положительной оценкой).

После символического ограничения пространства на уровне природных ресурсов происходит преобразование местности за счет «окультуривания»: строится часовня (конак) — символический центр деревни, а через десятилетия на ее месте — каменная церковь в честь свв. Константина и Елены.

¹³ Элиаде М. Избранные сочинения... С. 147.

¹⁴ Зекова И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму...

¹⁵ Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁶ Цивьян Т. В. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 172-195.

На первый план на этапе после первичного освоения выходит символика строительства, при этом распространенный на Балканах фольклорный мотив строительной жертвы в Чернополье не прослеживается. Для последнего мотива отмечается, что «жертвоприношение необходимо для того, чтобы ввести в дом (жилище <...> монастырь или крепость <...>) душу: для этого другое одушевленное существо должно быть убито»¹⁷. Однако символизм одушевления «центра» может реализовываться у греков-фракиотов Крыма через иные практики.

Жертвоприношения животных — неотъемлемая часть ритуальной деятельности греков-фракиотов, при этом изначально обряд был непосредственно связан со строительством церкви. Для церкви как воплощения *Axis Mundi* в случае с Чернополье был обозначен низ Оси, который соотносился с жертвенной ямой во дворе церкви, куда лилась кровь жертвенных животных. Информант уточнила, что в настоящее время яма располагается под деревом (одно из воплощений Оси): «там орех, но не сразу под орехом, а наверное в метре» (в последние годы обряд проводится во дворе конака).

Дополнительно утверждают символику циклично повторяющиеся в течение года обрядовые практики как воплощение «вечного возвращения» (термин М. Элиаде), некоторые из них известны с глубокой древности. Так, очистительный обряд «обхода по кругу» известен еще с античности, когда жертвенное животное обводилось вдоль всех границ своей земли¹⁸. В Чернополье после возвращения из депортации, как и в античности перед закланием, происходил обход с жертвенным животным вокруг церкви — «центра» деревни.

Более того, исторически на понимание чернопольцами «центра» влияла множественная идентичность времен Византийской империи, когда кроме региональной (локальной) идентичности, существовала идентичность ромейская — римская, для которой центром был Константинополь — столица империи. Данная особенность отражается в фольклорной картине мира. Упоминание Константинополя (*η Πόλη*) встречается в обрядовых песнях (в частности в тех, которые исполняются на Ай-Янь — день св. Иоанна Крестителя). Город, так же как и храм¹⁹, — одно из воплощений Центра Мира — реплика Оси вертикали²⁰. Именно эта двойная идентичность была характерна в целом для империи и способствовала сохранению памяти о своем прошлом²¹ и выживанию «отдельных локальных традиций», которые сочетались с «имперскими идеями»²².

¹⁷ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009. С. 308–309.

¹⁸ Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб.: Алетей, 2004.

¹⁹ Элиаде М. Избранные сочинения... С. 159.

²⁰ Там же. С. 150.

²¹ Роменский А. А. Региональная идентичность византийской Таврики и её образ в Империи: парадоксы взаимного восприятия // *ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΟΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. 2023. № 3. С. 181.

²² Там же. С. 180.

2. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ МИРА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ДЕПОРТАЦИИ

В 1944 г. в результате депортации греки с Чернополье были высланы на Урал. Соответственно, около тридцати лет место проживания воспринималось как временное и пространство не поддавалось символическому осмыслению, а идентичность поддерживалась вокруг обрядовой деятельности сообщества. Лишь после возвращения в Крым в начале 1970-х гг. вновь началась символическая организация пространства: деревня уже была заселена другими народами, церковь разрушена, источники забыты. В этот раз сакральный ландшафт видоизменился, символические действия сконцентрировались не вокруг первичного обозначения границ, как в период первичного заселения села, а вокруг установления «центра».

Долгое время символическим центром деревни выступал вновь открытый святой источник с целебными свойствами (прежде восточный, основной), которому покровительствует св. Константин. В 1999 г. восстановили церковь свв. Константина и Елены, которая вместе с источником сформировала диаду, обусловленную традиционными верованиями²³: они расположены на некотором расстоянии друг от друга, однако ежегодно на Панаир их связывает крестный ход, который собирает греков со всего Крыма²⁴. В последние годы рядом с источником на трассе возвели Поклонный крест, который дополнил «центр», представленный теперь тремя символами.

После возвращения в народном сознании сформировалось противопоставление «своего» пространства, а именно «центра» — «чужому», что выразилось в оппозиции номинаций-топонимов: «святой» и «чертов». В этой паре антиномий «центру» (святому источнику) противопоставляется иномирие — «чертов мост», при этом мост является известным мифопоэтическим символом границы, который в данном случае расположен в пограничном пространстве — на реке за деревней, а дорога к нему идет за лесополосой. Именно там, за границами деревни — микрокосма, где обитают демоны и духи (в народной демонологии чернопольцев существовало представление об обитающих в степях и лесах привидениях), происходит, в частности, избавление от «вычитанной» воды через разбитие банки как часть обряда избавления от сглаза. В основе лежит символическая порча (разбирание на части) всего, что связано с иномирием. Банку с водой кидают о камень под мостом с просьбой к Господу об исцелении от сглаза. Налицо явный синкретизм: несмотря на языческий характер обряда, наименования противопоставленных друг другу топонимов представлены в христианских терминах, как и обращение к христианскому Богу.

²³ Во Фракии источник всегда располагался рядом с конаком; в Чернополье здание конака со временем (в дореволюционный период) заменила церковь.

²⁴ Сейчас начинает формироваться традиция крестного хода местного населения к источнику до Литургии, то есть до приезда гостей.

К особенностям идентичности можно отнести современные топонимы, представленные не на греческом, а на русском языке (в случае с «чертовым мостом»). В целом, язык в настоящее время — самый неустойчивый компонент идентичности, и топонимы отражают взаимодействие чернопольцев с другими народами с давних времен. Так, источник — самый ранний элемент чернопольского локуса, поэтому его древнейшее наименование дано на греческом языке, при этом на карте-плане села до 1944 года значится написание «аязмо»²⁵, характерное для болгарского языка (окружение предков чернопольцев), а сегодня наиболее употребительным является «криничка» (его использовала в речи информант) и «источник». Изначально было всего три улицы, две из них имели крымскотатарские названия: первая, на которой возвели часовню, получила уже существовавшее на момент покупки земли название Карачоль (название села соответствует изначальному названию земли); вторая — Баяут, на которой сейчас расположена домовая церковь, где собирается община. Третья улица получила русское название Васильевка, она расположена, по словам информантов, «где сейчас музей».

По М. Элиаде²⁶, микрокосм может иметь множество Центров. На фоне того, что греки-фракиоты теперь составляют лишь небольшой процент среди других народностей с. Чернополье (менее десяти процентов), после возвращения из депортации пространство усложнилось и образовался скрытый центр, который существует только для членов общины.

Если проследить историю перемещений чернопольцев, то становится очевидным, что локализация центра обусловлена расположением древних икон свв. Константина и Елены. С этими иконами связаны обрядовые практики и песенный фольклор, поэтому большое значение придается месту их хранения, которым в настоящее время стала домовая церковь общины (конак), расположившаяся в доме последнего «архианестенария» (на момент возвращения в Крым и до 2004 г.).

Когда-то община решила оставить свое исконное место проживания во Фракии во многом за счет более сильной связи с духовными покровителями, чем с территорией — землей предков, то есть большей значимости религиозного компонента для самосознания сообщества. Это стало возможным благодаря тому, что иконы являются своеобразными заместителями предков: их не называли «иконы» или «свв. Константин и Елена», а называли «Паллоубес»²⁷, то есть «деды», таким образом достигалась связь общины со своими предками.

Затем в Крыму иконы располагались в часовне (конаке) / церкви, а одна из них (утерянная) — у источника, к которому ранее эти иконы привели чернопольцев. Наиболее значимым содержимым коллективной памяти яв-

²⁵ Зекова И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму... С. 39.

²⁶ Элиаде М. Избранные сочинения... С. 149.

²⁷ Полевой архив Центра греческих исследований при Научно-исследовательском центре Крымоведения, аудиокассета 1.

ляется рассказ о чудесном спасении в период закрытия церкви двух икон свв. Константина и Елены и двух икон Иисуса Христа. Две из них отправились с греками на Урал, после вернулись обратно в Крым, две остались с теми, кто не был депортирован.

Перемещение символического «центра» и восстановление функций фракийского конака было связано с периодом гонений на церковь, которую в начале XX века закрыли. Однако после ее восстановления в конце прошлого века роль конака (домовой церкви) не только не уменьшилась, но и, напротив, в настоящее время является интегрирующей для общины, а связанная с ней обрядовость получила закрытый характер.

3. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Постоянные перемещения общины не могли не отразиться на фольклорной картине мира. Кроме того, мифологема пути является ключевой в балканской традиции²⁸, причем за счет географических и исторических факторов эта мифологема наиболее отчетливо реализуется в траектории лабиринта²⁹.

Народные песни жителей с. Чернополье существуют в неразрывной связи с обрядностью³⁰. С. А. Лазариди³¹ среди основных выделяет обрядовую земледельческую лирику (колядки, масленичные и жнивные песни), игровые, ритуальные, заклинательные песни. Однако мотив пути особенно ярко проявляется в песнях середины XX в., которые были созданы под влиянием кризисного события в истории общины: ссылки на Урал. В этих песнях обозначаются начальная и конечная точки пути: место назначения «*στο βουνά*» — «в горы» (или «*гору*» — «*στο βουνό*») и исходная точка — концепт родной земли, который реализуется в названии деревни: «*Τη Καρατσόλ, τη χόμα μου*» («Карачоль, моя земля»).

Мотив пути-странствия, который соответствует балканскому круговому лабиринтному пути³², отразился как в народном фольклоре, так и в нарративах. В этническом дискурсе чернопольцев важное место занимает духовное водительство их покровителей: «нас ведёт по жизни царь Константин и его мать Елена» (информант 1942 г. р.), точно так же, как их предков ког-

²⁸ Цивьян Т. В. Движение и путь в Балканской модели мира: исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999. С. 5.

²⁹ Там же. С. 147.

³⁰ Лазариди С. А. Христианские мотивы в греческой народной лирике // Международный сборник. Таврические духовные чтения. 2013. Т. 2. С. 255–263.

³¹ Лазариди С. А. Характер обрядовых песен греков села Чернополье // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лагтев. Симферополь: КЭМ, 2002. С. 190–194.

³² Цивьян Т. В. Движение и путь в Балканской модели мира: исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999.

да-то вели иконы Константина и Елены на новое место жительства. Усложненный путь встречается и в специфических конструкциях, когда фиксируется переплетение народных песен и нарративов, например, о странствии в Крым по данным 1996 г.: «Я только помню, что мать и отец говорили, что, когда выехали из Турции <...> сорок дней, сорок ночей плыли по морю»³³. Такой путь связан с хронотопом. Следует параллель с песней «Χριστός γεννιέται» («Христос рождается»): «σαράντα μέρες, σαράντα νύχτες» («сорок дней, сорок ночей») — калька из основной обрядовой песни, которая сейчас в обязательном порядке исполняется на все праздники. Вероятно, нарратив был переработан в коллективной памяти и не относится к историческим. В XIX в. это время (тридцать — сорок дней) занимал путь через Атлантику; в то время как греки за период в сорок дней сделали только одну небольшую остановку, в связи со смертью пожилой женщины³⁴. Значимые сложные события в памяти подвергаются эффекту растяжения времени.

Корабль в песенном фольклоре чернопольцев — один из основных символов, а в греческой лингвокультуре в целом прослеживается выраженная связь корабля с Мировой осью: внизу — хаос вод, в то время как мачта уходит в верхний мир (например, в «осевой» праздник в греческой народной традиции принято наряжать не ель, а кораблики). В песнях чернопольцев прежде всего реализуется лиминальная функция корабля. Во всем мире путешествие по морю рассматривается как обряд перехода и исторически часто включало обрядовые действия на борту корабля в связи с разными этапами плавания³⁵. Ладья известна как средство достижения загробного мира у многих народов, но вместе с тем — это и источник средств существования³⁶. В то время как море выступает символом смерти, корабль выполняет функцию медиатора между мирами живых и мертвых: «σαν πειθάνω, σαν πειθάνω στο καράβι, ρίξτε με, ρίξτε με μες στη θάλασσα» — «как умру, как умру на корабле, бросьте меня, бросьте меня в море». Прочитываемую песню пели ночью у гроба покойника³⁷, и, хотя ее происхождение жители села относят ко времени странствия их предков из Фракии в Крым на судне (под влиянием смерти члена сообщества)³⁸, вариации этой песни известны у других групп греков, не связанных с Чернополем. Возможно, песня была заимствована и значительно переработана в коллективной памяти; под влиянием реальных событий, которые пережила община.

³³ Полевой архив Центра греческих исследований при Научно-исследовательском центре, аудиокассета 1.

³⁴ Зекова И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму... С. 15.

³⁵ Vanhulle D. Boat Symbolism in Predynastic and Early Dynastic Egypt: an Ethno-Archaeological Approach // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2018. Vol. 17. P. 173–187.

³⁶ Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. М.: Типография О. О. Гербек, 1890. С. 102–103.

³⁷ Зекова И. К. Греки Восточной Фракии в Крыму... С. 15.

³⁸ Там же.

С другой стороны, вершина Оси вертикали в фольклоре греков-фракиотов Крыма наиболее часто ассоциируется с символом птиц. В исследованиях отмечается значимость птицы в хтонических конструкциях³⁹: «в новогреческих песнях птицы вылетают из Аида и приносят новости из мира мертвых, от умерших детей к их матерям и сестрам»⁴⁰.

Лиминальность птицы у чернопольцев выражается в способности перемещаться между мирами живых и мертвых: в песне «Εσείς περήφανα πουλάτια» (в стандартном новогреческом: «πουλάκια») («Вы гордые птички») — на крыльях птиц передается весточка матери, что сына убили в Турции. В других известных в греческом ареале вариантах этой песни птицы пролетают мимо Греции или мимо родины («πατρίδα»), у греков-фракиотов — мимо Крыма, что свидетельствует о переработке фольклора чернопольцами. Другой аспект лиминальности птиц находим в акритской (акритские песни слагались по разным датировкам с VIII–X до XIII вв.) свадебной песне «Τώρα τα πουλιά, τώρα τα χελιδόνια» («Сейчас птицы, сейчас ласточки»), где они выступают посредниками пробуждения ото сна — пограничного состояния сознания человека (антиномия сон — явь).

В горизонтальной структуре космоса наиболее проявленным пороговым символом в фольклоре чернопольцев является берег, несмотря на то что их община всегда жила в некотором удалении от моря. Берег приобретает лиминальную символику на основе своих характеристик как места, где встречаются море, земля и небо⁴¹. Берег выступает местом действия в народной песне «σιжу на берегу, сижу на побережье» (κάθου στο γιάλο, κάθου στα περελιά): в стандартном новогреческом — «κάθομαι στο γιάλο, κάθομαι στην παραλία».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория — один из основных компонентов этнической идентичности, которая определяется прежде всего содержанием коллективной памяти, в то время как в нарративах, отражающих это содержание, одним из ключевых концептов является концепт родной земли. Значимость территории фиксируется исследователями для различных по масштабам форм общностей людей, и если нация может определяться как «симбиотическая ассоциация людей и земли»⁴², то для небольших общин, идентичность ко-

³⁹ Стельник Е. В. «Сад Хароса» как византийская фольклорная модель загробного мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 145–149.

⁴⁰ Там же; Τραγούδια ρωμαϊκά. Popularia carmina. Graeciae recentioris / ed. A. Passow. Lipsiae: Aedibus V. G. Teubneri, 1860. P. 292.

⁴¹ Scarre C. Introduction: Situating Monuments: The Dialogue between Built Form and Landform in Atlantic Europe // Monuments and Landscape in Atlantic Europe: Perception and Society During the Neolithic and Early Bronze Age / ed. C. Scarre. London: Routledge, 2002. P. 1–14.

⁴² Taylor P. J. The English and Their Englishness: «A Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People» // Scottish Geographical Magazine. 1991. Vol. 107, no. 3. P. 146–161.

торых непосредственно выстраивалась вокруг взаимодействия с особенностями среды обитания, эта связь особенно витальна.

Переселение из с. Корфоколимба во Фракии — места многовекового проживания предков членов общины с. Чернополье — значительно повлияло на территориальное сознание, однако не спровоцировало полной утраты данного компонента этнической идентичности. Разрыв связи с территорией каждый раз оценивается как кризисное событие и отражается в различных семиотических системах (фольклор, обряд и т. д.). В случае миграций и потери связи с исконной территорией проживания народа одним из факторов сохранения идентичности является обращение самосознания к символическому осмыслению местности. Для чернопольского сообщества два кризисных периода в истории общины, обусловленные отсутствием связи с «родной землей» (сначала расставание с Фракией, затем оставление с. Чернополье и возвращение обратно), соответствуют двум этапам сакрализации ландшафта. Формируемая с каждым новым переселением картина мира не идентична предыдущей, однако каждый раз окружающее пространство комплексно концептуализируется в символике как горизонтальной, так и вертикальной модели мира.

Основной мифопоэтической бинарной оппозицией в «осмыслении» пространства выступает дихотомия «свой-чужой»: символическая деятельность сосредоточилась на осмыслении «центра» в его противопоставлении «чужому» пространству (образ-схема «центр-периферия»). В одном случае после установления «центра» произошло символическое очерчивание «своего» пространства, то есть границ микрокосма, в другом — поляризация элементов указанной бинарной оппозиции, где за пределами микрокосма располагалось пространство хаоса.

Для греков-фракиотов Крыма компонент «территория» находится в тесной взаимосвязи с другими компонентами идентичности и прежде всего — с религиозным компонентом, что обусловлено византийскими корнями общины. Реализация ядра территориального сознания определяется традиционными верованиями, которые представляют собой синкретизм христианства и язычества. Связь с местностью устанавливалась посредством обрядовых действий группы нестинариев и связана с реликвиями общины — иконами их покровителей свв. Константина и Елены. Именно расположение старинных икон определяет истинный «центр» для членов общины, который в результате многочисленных переселений и под воздействием социальных факторов сместился из церкви (положение центра в период сближения с официальной религией) обратно в конак (домовую церковь), подобно тому, как было принято во Фракии (в Греции фиксируются случаи конфликтов нестинариев и представителей Церкви: так, священник может покинуть деревню во время проведения анастенарий⁴³).

⁴³ *Xygalatas D. Ethnography, Historiography, and the making of History in the Tradition of the Anastenaria // History and Anthropology. 2011. № 22(1). P. 57-74.*

Связь с «землей» (номинации земли: то *χώρα μου* — «моя земля») в аспекте ее пространственной реализации нашла отражение в фольклорной картине мира чернопольцев, которая имеет ярко выраженную лиминальную символику. Тем не менее часть песен исполняется во время обрядов, связанных непосредственно с «землей» без пространственных ориентиров: они исторически обусловлены земледельческим характером общества; среди них, например, песня «*βρέξε túριαμ (kúrieμ / kúrie μου) krúo veró...*» — «задожди, Господи, холодной водой», которая исполнялась в обряде вызывания дождя (на Балканах известен как Додола, Пеперуда и под другими именами), однако в наши дни больше в Чернополье не исполняется. Именно песни земледельческого цикла наиболее часто утрачиваются в связи с изменением характера жизнедеятельности членов сообщества.

Источники

- Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 10.01.2025).
- Зекова И. К.* Греки Восточной Фракии в Крыму. Симферополь: Н. Орианда, 2019. Полевой архив Центра греческих исследований при Научно-исследовательском центре Крымоведения, аудиокассета 1.
- Τραγούδια ρομαικά. Popularia carmina. Graeciae recentioris / ed. A. Passow. Lipsiae: Aedibus V. G. Teubneri, 1860.*

Литература

- Анучин Д. Н.* Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. М.: Типография О. О. Гербек, 1890.
- Буркерт В.* Греческая религия. Архаика и классика. СПб.: Алетей, 2004.
- Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор. М.: Знак, 2009.
- Иванов Вяч. Вс.* Примечания // Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С. 340–364.
- Лазариди С. А.* Характер обрядовых песен греков села Чернополье // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. Симферополь: КЭМ, 2002. С. 190–194.
- Лазариди С. А.* Христианские мотивы в греческой народной лирике // Международный сборник. Таврические духовные чтения. 2013. Т. 2. С. 255–263.
- Мосхури И. В.* Этническая история и традиционная культура греков с. Чернополье (Карачоль) Белогорского района Автономной Республики Крым // Проблемы греческой культуры. Материалы международной научно-практической конференции. Симферополь: [б. и.], 1997. С. 132–134.

- Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / Нора П., Озуф М., Пюи-меж Ж. де. Винок М. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Роменский А. А.* Региональная идентичность византийской Таврики и её образ в Империи: парадоксы взаимного восприятия // ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. 2023. № 3. С. 179–198.
- Сабанчиев Р. Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 33–38.
- Смит Э. Д.* Мифы и память нации. Реф. кн.: Smith A. D. Myths and memories of the nation. N.Y.: Oxford Univ. press, 1999. 288 p. // Символическая политика. 2015. № 3. С. 155–170.
- Стельник Е. В.* «Сад Хароса» как византийская фольклорная модель загробного мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 145–149.
- Цивьян Т. В.* Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Балканский лингвистический сборник. М.: Наука, 1977. С. 172–195.
- Цивьян Т. В.* Движение и путь в Балканской модели мира: исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999.
- Цивьян Т. В.* К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 191–213.
- Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000.
- Bryer A.* Late Byzantine identity // Byzantium. Identity, Image, Influence. Major Papers from the XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18–24 August 1996 / ed. K. Fledelius, P. Schreiner. Copenhagen: Danish National Committee for Byzantine Studies, 1996. P. 49–50.
- Codoñer J. S.* Byzantine identity: territory and language // The Mediterranean: A view from the East / ed. D. Dueck. Sevilla: Editorial Universidad de Alcalá / Editorial Universidad de Sevilla, 2025. P. 195–220.
- Harris J.* Being a Byzantine after Byzantium: Hellenic identity in Renaissance Italy. Kampos: Cambridge Papers in Modern Greek. 2000. No 8. P. 25–44.
- Scarre C.* Introduction: Situating Monuments: The Dialogue between Built Form and Landform in Atlantic Europe // Monuments and Landscape in Atlantic Europe: Perception and Society During the Neolithic and Early Bronze Age / ed. C. Scarre. London: Routledge, 2002. P. 1–14.
- Taylor P. J.* The English and Their Englishness: «A Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People» // Scottish Geographical Magazine. 1991. Vol. 107, no. 3. P. 146–161.
- Vanhulle D.* Boat Symbolism in Predynastic and Early Dynastic Egypt: an Ethno-Archaeological Approach // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2018. Vol. 17. P. 173–187.

Xygalatas D. Ethnography, Historiography, and the making of History in the Tradition of the Anastenaria // History and Anthropology. 2011. № 22(1). P. 57–74.

References

- Anuchin, D. N., 1890. *Sledges, Boats and Horses as Burial Implements*. Moscow: O. O. Gerbek. (In Russian)
- Bryer, A., 1996. *Late Byzantine identity*. In: K. Fledelius, P. Schreiner, ed., 1996. *Byzantium. Identity, Image, Influence. Major Papers from the XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18–24 August 1996*. Copenhagen: Danish National Committee for Byzantine Studies, pp. 49–50.
- Burkert, W., 2004. *Greek Religion*. St. Petersburg: Aleteyya. (In Russian)
- Codoñer, J. S., 2025. *Byzantine identity: territory and language*. In: D. Dueck, ed., 2025. *The Mediterranean: A view from the East*. Sevilla: Editorial Universidad de Alcalá / Editorial Universidad de Seville, pp. 195–220.
- Eliade, M., 2000. *Selected Works: The Myth of the Eternal Return; Images and Symbols; The Sacred and the Profane*. Moscow: Ladomyr. (In Russian)
- Harris, J., 2000. Being a Byzantine after Byzantium: Hellenic identity in Renaissance Italy. *Kambos: Cambridge Papers in Modern Greek*, 8, pp. 25–44.
- Ivanov, Vyach. Vs., 1985. *Notes*. In: K. Lévi-Strauss, 1985. *Structural anthropology*. Moscow: Nauka, pp. 340–364. (In Russian)
- Ivanov, Vyach. Vs., 2009. *Selected Works on Semiotics and History of Culture. Vol. 5: Mythology and Folklore*. Moscow: Znak. (In Russian)
- Lazaridi, S. A., 2002. *The nature of ritual songs of the Greeks of the village of Chernopolye*. In: M. A. Aradzhioni, Yu. N. Laptev, ed., 2002. *Ethnography of Crimea in the 19th – 20th centuries and modern ethnocultural processes: Materials and research*. Simferopol: CEM, pp. 190–194. (In Russian)
- Lazaridi, S. A., 2013. Christian motives in Greek folk lyrics. *Proceedings of the Tauride Theological Seminary*, 2, 255–263. (In Russian)
- Moskhuri, I. V., 1997. Ethnic history and traditional culture of the Greeks of the village of Chernopolye (Karachol) of the Belogorsk district of the Republic of Crimea. In: *Problems of Greek culture. Materials of the international scientific and practical conference*. Simferopol, pp. 132–134. (In Russian)
- Nora, P., 1999. *Problem of Places of Memory*. In: Nora, P.; de Puimège, M. J.; Vinok, M., 1999. *France-memory*. St. Petersburg: Publishing House St. Peterburg, pp. 17–50. (In Russian)
- Plotnikova, A. A., 2009. *Materials for ethnolinguistic studies of the Balkan Slavic area*. Moscow: Institute of Slavic studies RAS. (In Russian)
- Romenskiy, A. A., 2023. Regional Identity of Byzantine Taurica and its Image in the Empire: Paradoxes of Mutual Perception. *ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΑΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*, 3, pp. 179–198. (In Russian)
- Sabancheev, R. Yu., 2018. Pierre Nora's concept of «sites of memory» as a method of historical reconstruction. *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*, 1 (43), pp. 33–38. (In Russian)

- Scarre, C., 2002. *Introduction: Situating Monuments: The Dialogue between Built Form and Landform in Atlantic Europe*. In: C. Scarre, ed., 2002. *Monuments and Landscape in Atlantic Europe: Perception and Society During the Neolithic and Early Bronze Age*. London: Routledge, pp. 1–14.
- Smith, A. D., 2015. Myths and memories of the nation. Book Ref.: Smith A. D. Myths and memories of the nation. N.Y.: Oxford univ. press, 1999. 288 p. *Symbolic politics*, 3, pp. 155–170. (In Russian)
- Stelnick, Eu. V., 2012. “Charon’s garden” as a Byzantine folklore model of Netherworld. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 22 (2), pp. 145–149.
- Taylor, P. J., 1991. The English and Their Englishness: «A Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People». *Scottish Geographical Magazine*, 107 (3), pp. 146–161.
- Tsivyanyan, T. V., 1975. *On the semantics of spatial elements in a fairy tale (based on an Albanian fairy tale)*. In: *Typological studies in folklore. Collection in memory of V. Ya. Propp*. Moscow: Nauka, pp. 191–213. (In Russian)
- Tsivyanyan, T. V., 1977. *Balkan additions to the latest studies of the Indo-European myth of the Thunderer*. In: *Balkan linguistic collection*. Moscow: Nauka, pp. 172–195. (In Russian)
- Tsivyanyan, T. V., 1999. *Movement and Path in the Balkan Model of Peace: Studies in Text Structure*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Vanhulle, D., 2018. Boat Symbolism in Predynastic and Early Dynastic Egypt: an Ethno-Archaeological Approach. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*, vol. 17, pp. 173–187.
- Xygalatas, D., 2011. Ethnography, Historiography, and the making of History in the Tradition of the Anastenaria. *History and Anthropology*, № 22 (1), pp. 57–74.

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ ОБ ОСВЯЩЕНИИ ДВУХ КАФЕДРАЛЬНЫХ СОБОРОВ В БОСНИЙСКОМ ВИЛАЙЕТЕ В 1870-Е ГГ.: ДОКУМЕНТЫ

Ксения Валерьевна Мельчакова

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kmelchakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Аннотация

Вниманию читателя представлена публикация двух архивных документов, хранящихся в фондах Главный архив (161/1) и Посольство в Константинополе (180) Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва). Они представляют собой донесения двух российских дипломатических агентов — консула в Сараеве Алексея Николаевича Кудрявцева (1868–1877 гг.) и вице-консула в Мостаре Якова Петровича Славолобова (1872–1875 гг.). Предметом внимания дипломатов стали важные события в жизни православного населения Боснийского вилайета — подробно описаны торжественные процедуры освящения кафедральных соборов Рождества Пресвятой Богородицы в Сараеве в 1872 г. (Дабробосанская митрополия) и Святой Троицы в Мостаре в 1873 г. (Герцеговинская митрополия). Сооружение новых больших храмов стало возможным благодаря изданному султаном Османской империи в 1856 г. хатт-и хумаюну. Православные общины Сараева и Мостара в 1863 г. приступили к строительным работам, которые продлились почти 10 лет. Большое содействие в реализации этих проектов оказывала Россия. В донесениях А. Н. Кудрявцева и Я. П. Славолобова содержится информация о процедурах освящения храмов, проблемах, с которыми приходилось сталкиваться православным общинам Сараева и Мостара, и мерах, предпринятых османскими властями для обеспечения безопасности участников мероприятий. Документы публикуются впервые и могут представлять интерес для исследователей российской дипломатии и церковной политики на Балканах, а также для изучения истории Дабробосанской и Герцеговинской митрополий Боснии и Герцеговины в последние годы османского управления.

Ключевые слова

Боснийский вилайет, Сараево, Мостар, собор Рождества Пресвятой Богородицы, собор Святой Троицы, православие, А. Н. Кудрявцев, Я. П. Славолобов

Финансирование

Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2025 г.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2025 г.

Статья доработана автором 31 марта 2025 г.

Статья принята в печать 5 апреля 2025 г.

Цитирование: Мельчакова К. В. Российские дипломаты об освящении двух кафедральных соборов в Боснийском вилайете в 1870-е гг.: документы // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 204–219. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.11>

RUSSIAN DIPLOMATS ON THE CONSECRATION OF TWO CATHEDRALS IN THE BOSNIAN VILAYET IN THE 1870S: DOCUMENTS

Ksenia V. Melchakova

Ph. D., Senior Resercher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: kmelchakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Abstract

Readers are presented with the publication of two archival documents from the collections of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI, F. 161/1. and F. 181) in Moscow. These are reports from two Russian diplomatic agents, A. N. Kudriavtsev, consul in Sarajevo (1868–1877), and Ya. P. Slavoliubov, vice consul in Mostar (1872–1875). The diplomats focused on important events in the life of the Orthodox population of the Bosnian Vilayet. They described in detail the procedures for the consecration of the Cathedral of the Nativity of the Theotokos in Sarajevo in 1872 (The Metropolitanate of Dabar-Bosnia) and Holy Trinity Cathedral in Mostar in 1873 (The Metropolitanate of Herzegovina). The construction of new large temples became possible thanks to the hatt-i Humayun issued by the Sultan of the Ottoman Empire in 1856. In 1863 the Orthodox communities of Sarajevo and Mostar began construction work, which lasted almost 10 years. Russia provided great assistance in the implementation of these projects. The reports by A. N. Kudriavtsev and Ya. P. Slavoliubov contain information about the procedures for the consecration of churches, the problems faced by the Orthodox communities of Sarajevo and Mostar, and the measures taken by the Ottoman authorities to ensure the safety of participants in the events. The documents are being published for the first time and may be of interest to researchers of Russian diplomacy and church policy in the Balkans and conducive to the study of the history of the of Bosnia and Herzegovina and their metropolitanates in the last years of Ottoman rule.

Keywords

Bosnian Vilayet, Sarajevo, Mostar, Cathedral of the Nativity of the Theotokos, Holy Trinity Cathedral, Orthodoxy, A. N. Kudriavtsev, Ya. P. Slavoliubov

Funding

The work was carried out in accordance with the state assignment of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences within the framework of the Program of fundamental scientific research in the direction “Russia and the Middle East: historical, political and cultural contacts and interrelations” of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the The Imperial Orthodox Palestine Society in 2025.

Received 10 March 2025

Revised 31 March 2025

Accepted 5 April 2025

For citation: Melchakova, K. V., 2025. Russian Diplomats on the Consecration of Two Cathedrals in the Bosnian Vilayet in the 1870s: Documents. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 204–219. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.11>

В 1856 г. султаном Османской империи был издан хатт-и хумаюн, этот рескрипт подтверждал равенство прав всех ее жителей вне зависимости от вероисповедания. Православные общины получали возможность строить новые храмы¹. Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак (с 1865 г. — Боснийский вилайет) не остались в стороне. В Сараеве (Дабробосанская митрополия) был возведен собор Рождества Пресвятой Богородицы, а в Мостаре (Герцеговинская митрополия) — собор Святой Троицы. Их строительство началось в 1863 г. и производилось силами местных православных общин. Оба проекта реализовал знаменитый на Балканах архитектор Андрей Дамьянов (1813–1878). Значимую помощь православным жителям вилайета в этом деле оказала Россия, о чем свидетельствуют документы, отложившиеся в архивах российского МИД, Св. Синода и Славянского благотворительного комитета. Российские дипломатические представительства в крае появились после Крымской войны: в 1857 г. открылось консульство в Сараеве, с 1859 г. начало работу и консульство (с 1868 г. — вице-консульство) в Мостаре. В инструкциях МИД подчеркивалось, что дипломатические представители должны стоять на страже интересов православного населения края.

В фондах Посольство в Константинополе (180) и Главный архив (161/1) Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) удалось выявить документы о процедурах освящения кафедральных соборов Сараева и Мостара, составленные непосредственными участниками событий, российскими дипломатами в Боснии и Герцеговине.

В середине XIX столетия в Сараеве был лишь один небольшой дотанзиматный православный храм Свв. архангелов Михаила и Гавриила², который находился в окружении 104 мечетей³. В городе преобладало мусульманское население⁴. В 1859 г. сараевская православная община получила разрешение от турецких властей на возведение нового собора. В начале 1860-х гг. был выкуплен участок земли в самом центре города, напротив здания российского консульства. Тогда же руководство общины обратилось в Пе-

¹ Убичини А., де-Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр. По официальному ежегоднику на 1875–[18]76 г. (салмане на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1877. С. 207–213.

² Точная дата возведения храма не установлена. Есть предположения, что основан он был еще в XV столетии. Церковь несколько раз страдала от пожаров и была восстановлена в 1793 г. В 1881 г. к ней была пристроена колокольня. В таком виде церковь сохранилась до наших дней.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2330. Сараево. 1868 г. Л. 32–33.

⁴ См.: Гильфердинг А. Ф. Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1873. С. 283; Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб.: Военная типография, 1868. С. 192.

тербург с просьбой оказать финансовую помощь в этом начинании. Российский консул в Сараеве Евграф Романович Щулепников (1858–1868 гг.) настоял на том, чтобы на будущей церкви обязательно были купола и колокола. План храма был утвержден султаном Абдул-Азизом⁵. В 1863 г. православная община Сараева приступила к строительству.

Россия оказывала значимую помощь сараевцам в деле возведения храма. Работы над сооружением иконостаса, кафедры проповедников и архиерейского места были произведены по заказу Азиатского департамента МИД русскими мастерами; 73 иконы переданы в дар от архимандрита Свято-Троицкой Сергиевой пустыни Игнатия (Малышева), поступали пожертвования от Славянского благотворительного комитета и частных лиц⁶. Строительство собора на всех этапах курировали российские консулы в Сараеве Евграф Романович Щулепников и Алексей Николаевич Кудрявцев (1868–1877 гг.). Большое содействие оказал также секретарь и драгоман сараевского консульства Виктор Арнольдович Якобсон (1869–1872 гг.).

К осени 1871 г. завершились строительные работы. Освящение собора должно было состояться в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, но было отложено из-за конфликта православной паствы с Дабробосанским митрополитом Дионисием II (1868–1871 гг.)⁷. Православная община добивалась выдворения архипастыря из Сараева. В мае 1872 г. из Константинополя пришло известие о переводе владыки Дионисия в Зворник. На дабробосанскую кафедру был назначен митрополит Паисий (1871–1874 гг.)⁸. Однако возникли проблемы с проявлением фанатизма у группы местных мусульман, по городу разносились слухи о готовящейся резне⁹. По настоянию российского консульства и при содействии османских властей освящение собора Рождества Пресвятой Богородицы удалось провести в день св. Пророка Илии — 20 июля 1872 г. (здесь и далее даты даются по старому стилю).

24 июля 1872 г. российский консул в Сараеве А. Н. Кудрявцев¹⁰ составил два донесения о процедуре освящения собора Рождества Пресвятой Богородицы, где подробно сообщал о мерах, предпринятых османскими

⁵ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2330. Сараево. 1868 г. Л. 32–33.

⁶ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3925, Д. 3947, Д. 3968.

⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2333. Сараево. 1871 г. Л. 100.

⁸ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2334. Сараево. 1872 г. Л. 47–48.

⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2334. Сараево. 1872 г. Л. 25–26 об.; Л. 38–39 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988. С. 280; *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. С. 490; *Donia R. J.* Sarajevo: a biography. London: C. Hurst and Co. (Publishers) Ltd., 2006. p. 34; *Koetschet J.* Osman Pascha, der letzte grosse wiesier Bosniens, und seine Nachfolger. Sarajevo: D. A. Kajon, 1909. S. 55–56.

¹⁰ Краткую биографию А. Н. Кудрявцева см.: *Тенић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 41–48.

властями для обеспечения порядка и безопасности в день торжества. Донесение № 115 направлено российскому послу в Константинополе Николаю Павловичу Игнатьеву (1864–1876 гг.). Документ был получен 12 августа 1872 г. и зарегистрирован под № 1549¹¹. Именно эта версия приводится в данной публикации. Аналогичный текст содержится в донесении Кудрявцева директору Азиатского департамента МИД Петру Николаевичу Стремоухову (1864–1875 гг.) № 116 (документ получен 25 августа 1872 г. и зарегистрирован под № 2793)¹².

В Мостаре, где преобладало православное население¹³, также действовал один небольшой православный храм Рождества Пресвятой Богородицы¹⁴, построенный в 1834 г. Местная православная община задумалась о сооружении большого кафедрального собора в 1856 г. При содействии российского консульства в Сараеве была организована поездка иеромонаха из Мостара Прокопия Чокорило (1802–1863) в Россию с целью сбора средств на строительство и восстановление церквей и монастырей в Герцеговине, она состоялась в 1858–1860 гг. Чокорило привез на родину более восьми тысяч рублей, а также несколько сундуков церковных вещей и богослужебных книг. В Мостар еще долго поступали посылки с собранными в России пожертвованиями¹⁵.

К сооружению храма община смогла приступить только в 1863 г. Для строительства был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич, денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула¹⁶. Затем община пригласила Андрея Дамьянова. К середине 1869 г. были готовы все своды внутри церкви, построен средний большой купол, некоторые угловые купола, отделана часть колокольни и сооружена деревянная крыша¹⁷. К 1870 г. строительство было почти завершено. Однако долго не было возможности окончить работы по внутренней отделке.

Торжественное освящение собора Святой Троицы состоялось 18 октября 1873 г. Об этом российский вице-консул в Мостаре Яков Петрович Славлюбов (1872–1875 гг.)¹⁸ подробно сообщает в донесении № 102 от 20 октября 1873 г. Н. П. Игнатьеву (документ получен 15 ноября 1873 г.,

¹¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2334. Сараево. 1872 г. Л. 68–71.

¹² АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 817. Сараево. 1872 г. Л. 47–50 об.

¹³ См.: *Pasko Vasa-efendija*. Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvet-efendije. Banja-Luka: Besjeda, 2011. S. 64; Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II... С. 194.

¹⁴ Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Мостаре сохранился до наших дней.

¹⁵ Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. С. 207–216.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1750. Московский славянский благотворительный комитет. Оп. 1. Д. 79. Л. 63.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Краткую биографию Я. П. Славлюбова см.: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 63–66.

зарегистрирован под № 1732)¹⁹. Его копия была приложена к донесению № 105 и направлена П. Н. Стремоухову в Санкт-Петербург 27 октября 1873 г. (документ получен 19 ноября 1873 г., зарегистрирован под № 3437)²⁰. В публикации приводится текст этой копии. Донесение сопровождал фотографический снимок храма, сделанный в 1871 г.²¹

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Сараеве по сей день украшает город, являясь кафедральным собором Дабробосанской митрополии. Судьба храма Святой Троицы в Мостаре сложилась трагически — в 1992 г. он был разрушен во время осады города. С 2011 г. ведутся работы по его восстановлению.

Археографическая подготовка документов осуществлена в соответствии с методическими рекомендациями Росархива и ВНИИДАД (М., 2022)²². Документы публикуются полностью на языке оригинала по современным правилам орфографии с сохранением стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Транскрипция собственных имен и географических названий воспроизводится в соответствии с оригиналом. Явные ошибки и опiski исправлены без оговорок. Даты даются по старому стилю.

*Вступительная справка,
публикация и комментарии
К. В. Мельчаковой*

Донесение российского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева российскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву от 24 июля 1872 г., № 115. Сараево.

№ 115

Сараево, 24 июля 1872 года

Милостивый государь Николай Павлович!

Имею честь всепочтительнейше доложить Вашему превосходительству, что 20-го сего июля, в День св[ятого] Пророка Илии, в присутствии г[оспод] представителей иностранных держав и при огромном стечении боснийского православного народа, Его Высокопреосвященством митрополитом Паисием освящен новопостроенный в Сараеве православный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Это духовное торжество, долженствовавшее совершиться еще в Троицын день настоящего года, было отложено вследствие опасений мусульманского фанатизма и страстей и, наконец, ныне только осуществилось, несмотря на разные препятствия и на ходившие по городу тревожные слухи.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2059. Мостар. 1873 г. Л. 65–69.

²⁰ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 629. Мостар. 1873 г. Л. 95–99.

²¹ Там же. Л. 126.

²² Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде / Росархив, ВНИИДАД. М.: б.и., 2022. 314 с.

Дней еще за пятнадцать до освящения в Сараеве говорили, что мусульмане готовятся произвести резню и разрушить этот храм, стоящий в самой середине города и своею громадностью и высотой как бы насмехающийся над окружающими его мечетями с их тонкими минаретами; передавалось таинственно, что они точат ятаганы, чистят ружья, запасаются порохом; указывали даже на некоторых коноводов, окруживших себя шайками отчаянных, будто бы, головорезов, фанатизированных дервишами и решившихся раз навсегда покончить со здешними христианами²³.

Эти слухи были, конечно, преувеличены и дошли до таких размеров, отчасти, вследствие страха и взаимного недоверия тех элементов, которые составляют население Сараева; тем не менее, они произвели здесь тяжелое впечатление. При таких обстоятельствах коллеги мои и я вменили себе в обязанность сделать неоднократные представления Ассим Паше²⁴ о необходимости принять строгие меры во избежание могущих возникнуть беспорядков и, вместе с тем, поставить ему на вид всю ту ответственность, которая на него ляжет, в случае несчастного столкновения между христианами и мусульманами.

Генерал-губернатор, не отличаясь энергией и инициативой, не был в состоянии успокоить умы. Чувствуя в себе недостаток самоуверенности и затрудняясь этой новой заботой, наложенной на него стечением обстоятельств, он желал отложить освящение храма, опираясь на то, что в настоящее время он уже не вали и, как простой управляющий вилайетом, не может иметь достаточно авторитета на чиновников и жителей этого края. Освящение, однако, не было отложено и Ассим Паша должен был, наконец, принять меры, требуемые осторожностью и благоразумием.

Еще накануне 20-го июля многочисленные обходы пересекали город во всех направлениях, всем безразлично запрещено было являться на улицах с оружием, питейные дома были закрыты на три дня; при том, по его же распоряжению, крестный ход должен был происходить как можно раньше, в то время когда на улицах весьма мало или вовсе нет мусульман. Со своей стороны, начальник войска, ферик Ахмат Паша призвал к себе влиятельнейших мусульман и христиан, успокоил последних, запретил им стрелять из ружей во время торжества — что составляет у сербов укоренившееся обыкновение — и строго внушил первым о необходимости беспрекословно-

²³ Главным возмутителем спокойствия и источником неприятностей в крае был некий фанатично настроенный мусульманин, противник реформ османизма Хаджи Лойо (Салих Вилайетович). Зимой 1872 г. он организовал сбор наиболее радикально настроенных мусульман, на котором они дали клятву разрушить старый и новый православные храмы в Сараеве в случае, если еще хоть раз в главном городе Боснийского вилайета раздастся звон церковного колокола. Опасаясь возможных беспорядков, османские власти наложили запрет на колокольный звон в Сараеве.

²⁴ Мехмед Асим паша (Мехмед Ассим паша) — занимал пост генерал-губернатора Боснийского вилайета с 10 сентября 1871 г. по 23 августа 1872 г. На момент освящения собора он уже знал, что его отзывают из Сараева.

го повиновения воле Е[го] В[еличества] Султана, милостиво и справедливо относящегося во всем к своим верным подданным и давшего дозволение на постройку в Сараеве нового христианского храма. В заключение он сказал, что у него «войско готово, пушки тоже» и что, в случае кровавого столкновения, он не задумается велеть стрелять в толпу, «а пули и картечь никого не разбирают».

В четверг, 20-го июля, в четыре часа утра, в сопровождении г[осподина] Славолюбова, нарочно приехавшего по этому случаю из Мостара в Сараево, и секретаря императорского консульства г[осподина] Якобсона, я прибыл в митрополию, находящуюся около старой церкви²⁵, чрез полчаса крестный ход двинулся со св[ятыми] мощами, хоругвями и иконами по направлению к новому собору. Перед митрополитом шло все сараевское духовенство и более 70 священников из боснийской епархии. Стечение народа со всех концов Боснии было велико, несмотря на рабочую пору и на распространяемые слухи о резне и нападении со стороны мусульман. По всем улицам и переулкам, чрез которые мы проходили, расставлены были заптие²⁶ и солдаты; босняки же мусульмане в этих местах не показывались. Народ вел себя весьма сдержанно и с достоинством.

Наконец, и самое освящение храма совершилось мирно и спокойно Высокопреосвященным Паисием, в присутствии г[оспод] консулов — между которыми был и г[осподин] Каллай, австро-венгерский дипломатический агент в Белграде²⁷, — и этот новый собор впервые огласился церковным пением и в нем отправлена торжественно и соборне, божественная литургия.

Глубокое и неизгладимое впечатление производили тысячи наших единоверцев, с чувством благоговения и выражением душевной радости возносивших к небу усердные молитвы в стенах этого высокого, просторного и светлого храма Божия. Мысль невольно уносилась в другую церковь, тесную и почерневшую от времени, углубленную в землю, точно подземелье, окруженную высокими стенами, чтобы не быть видною, и, столько лет, бывшую свидетельницей страданий и молитв православных христиан Боснии²⁸. Сердца их чувствовали, что благодаря политике императорского

²⁵ Церковь Свв. архангелов Михаила и Гавриила (Старая православная церковь) в Сараеве.

²⁶ Заптие — жандармы.

²⁷ Беньямин фон Каллай (1839–1903) — австро-венгерский государственный деятель, генеральный консул в Белграде (1867–1875 гг.), имперский министр финансов и управляющий оккупированными провинциями Боснией и Герцеговиной (1882–1903 гг.). В 1872 г. совершил поездку по Боснии и Герцеговине. О своем визите в вилайет оставил дневниковые записи, где упоминается и о процедуре освящения православного собора в Сараеве. См.: *Kállay B. Naplójegyzetek. (Vázlat.) // A szerb felkelés története, 1807–1810. Hátrahagyott kézírataiból kiadta Thallóczy Lajos. K. 2. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1909. Old. 315–346.*

²⁸ Имеется в виду Церковь Свв. архангелов Михаила и Гавриила (Старая православная церковь) в Сараеве.

правительства и настроению всей России совершился этот переход от подземелья к свету и возвышению.

Сараевский собор заложен в 1863 г[оду] и окончен только в настоящем году. По величине и размерам он лучший православный храм во всей Турецкой империи и в Австрии. Материалом для его постройки послужил весьма твердый и плотный камень. Срединный купол поддерживается четырьмя массивными столбами с позолоченными капителями (пожертвование консула и секретаря сараевского консульства)²⁹ и окружен четырьмя малыми куполами; с западной стороны, над папертью, возвышается колокольня (24 сажени высоты). Лучшее украшение внутренности храма — это великолепная позолота иконостаса, работа бывших здесь русских мастеров, и на нем более 70 изящных икон, писанных в Сергиевской пустыни. Резная работа на высокой кафедре для проповедей весьма красива. В середине, с правой стороны, возвышается архиерейское место, а напротив, под золотым навесом, община, в знак симпатии и признательности, назначила место для русского консула. Кроме того, нельзя не упомянуть о двух больших паникадилах — одном хрустальном, другом из накладного серебра, и о нескольких серебряных лампадах, пожертвованных здешними жителями.

Из России прислано в пользу нового собора, кроме 73 икон иконостаса, гвардии полковником Снесоревым³⁰ — черная бархатная плащаница, вышитая золотом, на престольный крест и пять священнических облачений одинаковой парчи для соборных служений; Славянским благотворительным комитетом³¹ — паникадило из накладного серебра, большая бархатная плащаница (на 250 рублей пожертвованных г[осподином] Демидовым³²), священнические и диаконские облачения, шелковая завеса и несколько пар покровцев. Наконец, нельзя не упомянуть и [о] том обстоятельстве, что, вследствие ходатайства Вашего превосходительства, архимандриту Савве Косановичу разрешен выезд в Россию для сбора пожертвований в пользу новопостроенного в Сараеве православного собора³³.

²⁹ А. Н. Кудрявцева и В. А. Якобсона.

³⁰ Вероятно, имеется в виду Николай Аполлонович Снесорев (Снессарев) (1838–1914(?)) — кадровый военный русской армии. В 1867–1868 гг. был включен в состав русской военной миссии в Княжестве Сербия; с 1868 г. — чиновник для особых поручений при военном министре; с 1869 г. — член Комиссии по перевооружению армии; с 1871 г. — совещательный член Оружейного отдела Артиллерийского комитета, с 1878 г. — помощник начальника артиллерии Восточно-Сибирского военного округа; с 1879 г. — член Артиллерийского комитета; с 1881 г. — генерал-майор; с 1885 г. — управляющий делами Артиллерийского комитета, в 1891 г. — уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты.

³¹ О деятельности Славянского благотворительного комитета см.: *Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах*. М.: Издательство Московского университета, 1960. 364 с.

³² Вероятно, имеется в виду промышленник и благотворитель Павел Павлович Демидов (1835–1885).

³³ Савва Косанович (1839–1903) — уроженец Герцеговины, в 1860 г. окончил курс обучения в Белградской семинарии, с 1862 г. — дьякон, с 1863 г. — священник, 19 июня

При сем приемлю смелость ходатайствовать пред Вашим превосходительством о доведении до сведения императорского правительства о пожертвованиях, присланных для этого храма гвардии полковником Снесоревым, Славянским благотворительным комитетом в Москве, а равно и в С[анкт]-Петербурге его отделом.

Копия с сего донесения будет препровождена к г[осподину] директору Азиатского департамента³⁴.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугой

А. Кудрявцев.

*АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе.
Оп. 517/2. Д. 2334. Сараево. 1872 г. Л. 68–71.*

**Копия донесения российского вице-консула в Мостаре
Я. П. Славолубова послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву
от 20 октября 1873 г. № 102. Мостар**

№ 102

Мостар, 20 октября 1873 г.

18-го сего октября совершено, при полном благочинии церковном и при совершенном спокойствии, несмотря на многочисленное стечение народа, доходящее до 4 т[ысяч] человек, освящение православной церкви в Мостаре, основание которой положено в 1863 году.

Накануне этого торжества в три часа пополудни город Мостар оглашен был звоном колоколов³⁵, принесенных со старой колокольни и воздвигнутых на высокой колокольне новой церкви, господствующей над Мостаром.

В 6 ½ часов утра по призыву колокольному народ начал стекаться массами в церковь. В то же время появилась и расположилась в мужской школе, в близком расстоянии от церкви, вооруженная рота солдат, присланная мутессарифом³⁶ для охранения порядка. При том торжественном спокойствии народа турецкие солдаты оставались простыми зрителями.

После утрени в новом храме, продолжавшейся не боле часа, открыто было высокопреосвященным митрополитом Герцеговинским Прокопием в предшестве 23-х священников с евангелиями, хоругвеносцев, рапиноносцев и священосцев, торжественное шествие вокруг церкви, сопро-

1872 г. постригся в монахи, а в день освящения собора Рождества Пресвятой Богородицы митрополит Паисий рукоположил его в архимандриты. В 1872–1874 гг. находился в России с целью сбора пожертвований для обустройства новопостроенного храма в Сараеве и покрытия долгов сараевской православной общины. В 1881–1885 гг. — Дабробосанский митрополит.

³⁴ Петру Николаевичу Стремоухову. См.: АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 817. Сараево. 1872 г. Л. 47–50 об.

³⁵ В отличие от Сараева в Мостаре колокольный звон был разрешен.

³⁶ Мутесариф (мутешериф) — начальник округа.

вождаемое народом с зажженными свечами. К сему шествию присоединились австрийский консул г[осподин] Рельо, управляющий французским агентством г[осподин] Свентуховский³⁷ и католический епископ Кралевич³⁸. По троекратном обходе процессия, при сияющих лицах народа, вступила снова в храм и начался обряд освящения. По совершении освящения Герцеговинский митрополит взшел на кафедру, с которой произнес благодарственную речь Его Величеству Султану за благодеяния, оказываемые им народу, и за соизволение постройки освящаемого храма. По омовению руки владыки пропет был с хор мальчиками и девочками гимн в честь султана. Затем митрополит распространился в восхваления сараевскому вали Мустафе Ассим-паше³⁹, бригадному генералу в Мостаре Селим-паше и герцеговинскому мутессарифу Хассан-бею за оказанное ими содействие к окончанию постройки храма. После восхвалений турецким властям владыка произнес приветственные слова русскому консулу⁴⁰ и его семейству и поблагодарил католического епископа за честь сделанного им посещения храма в столь торжественный день. В заключение, обращаясь к народу, он поблагодарил ктиторов и приложников за пожертвования в пользу храма и за усердие при постройке его. Указав на пустые рамы в иконостасе, владыка обратился с воззванием к народу, приглашая мужчин к денежным пожертвованиям и женщин к продаже серег, браслетов и других женских украшений для позолоты иконостаса и для заказа икон. Владыке неизвестно, что, вследствие моих стараний, пишутся уже иконы доброхотным пожертвованием в С[анкт]-Петербурге. Ему следовало бы или совсем умолчать об иконах или же дать другой оборот речи. Но Герцеговинскому митрополиту хотелось порисоваться перед народом, дабы показать, как горячо к сердцу он принимает благолепие храма. Между тем слова его в полнейшем разладе с делом. Община воспользовалась речью митрополита и пригласила его в митрополию, по окончании литургии, к пожертвованию в пользу храма. Владыка не устыдился моего присутствия, наотрез отказал в пожертвовании, и, обращаясь к священникам, сказал: «Мы достаточно приняли трудов при постройке церкви; денежные же пожертвования не относятся до духовенства».

По произнесении своих речей митрополит поставил в архимандриты трех игуменов: 1. Мелентия Перовича, игумена Дужского монастыря; 2. Феодосия Веселицу, игумена Милешевского монастыря в Преполье и 3. Христофора Поповича, игумена монастыря Таслидже. Если бы наименование архимандритом Перовича сопровождалось переводом его в Мостар

³⁷ Жером Свентуховский — французский вице-консул в Мостаре.

³⁸ Анджео Кралевич (1807–1879) — католический епископ Герцеговины в 1864–1879 гг.

³⁹ Мустафа Асим паша (Мустафа Ассим паша) — генерал-губернатор Боснийского вилайета в ноябре 1872–ноябре 1873 гг.

⁴⁰ Вице-консулу.

на место умершего архимандрита Памучины⁴¹, то, при том уважении, каким пользуется Перович у народа, перемещение его сюда было бы целесообразным для интересов народа, так как мостарское духовенство, за исключением одного священника, находящегося у митрополита в опале, коснея в невежестве, делается невольным орудием интриг митрополита, и мостарцы хоронятся от них, боясь проронить неосторожное слово, перетолковываемое ими подчас в превратную сторону. На место Перовича мог бы быть назначен который-либо из двух новопоставленных архимандритов в уважение того, что Дужский монастырь по своему местоположению с исстари пользуется уважением народа, тогда как монастыри Таслиджский и Препольский, находясь на окраинах Герцеговины, далеко не имеют того влияния. Но Герцеговинским митрополитом, при поставлении архимандритов, руководили не интерес народный, а тщеславие. Его целью было с одной стороны избавить себя от справедливого нареkania за ссылку архимандрита Серафима⁴², с другой же загладить неблагоприятное впечатление, произведенное поставлением, месяца полтора тому назад, 3-х полуграмотных священников, сопровождавшимся соблазном в церкви. За посвящение он взял с них 36 червонцев. Говорят, что при наименовании архимандритов, кроме тщеславия, двигала митрополитом и корысть.

Тем не менее произнесение двумя священниками проповедей после утрени и обряда освящения, приспособленных к торжественному случаю, громогласное и стройное пение на хорах мальчиков и девочек и блистательное архиерейское служение благотельно повлияли на настроение народа. Даже католики поражены были стройностью богослужения и торжественно-спокойным видом народа. Торжество это надолго останется в памяти не только герцеговинцев, прибывших как из городов, так и из отделенных сел Герцеговины, но и лиц, пришедших из Далмации и Боснии. Они унесут с собой благоприятное впечатление и распространят оное между своими соотечественниками.

По окончании литургии посетил церковь мутессариф и оставался в ней в продолжении 20-ти минут, восседая на месте, предназначенном для российского вице-консула.

⁴¹ Иоанникий Памучина (1810-1870) — уроженец Герцеговины, с 1853 г. — мостарский архимандрит, активно занимался литературным трудом, в 1860-1864 гг. неофициально занимал кафедру Герцеговинского митрополита.

⁴² Серафим Перович (1827-1903) — уроженец Герцеговины, в 1848 г. принял монашеский постриг, в 1857 г. окончил курс обучения в Белградской семинарии, затем стал игуменом монастыря Житомыслич (с 1858 г.), с 1864 г. — архимандритом. В 1865-1866 гг. находился в России с целью сбора пожертвований в пользу монастыря Житомыслич и на открытие семинарии при нем. В 1870 г. Серафим Перович, его брат Йован и священник Леонтий Радулович были арестованы османскими властями по подозрению в организации восстания в Герцеговине. Они были отправлены в ссылку в Феццан. Митрополит Прокопий отстранился от этого дела, несмотря на многочисленные просьбы о помощи со стороны паствы. В 1876 г. братья Перовичи и Л. Радулович были освобождены благодаря вмешательству иностранных держав. В 1889-1903 гг. Серафим Перович занимал кафедру Герцеговинского митрополита.

При посещении мною митрополита мне привелось присутствовать на сотрапезновании его с новопоставленными архимандритами и со служащим духовенством. В конце обеда митрополит произнес тост за благоденствие Российского императорского дома и за мое здоровье, — тост, возвращенный мною с обоюдным приветствием высокопреосвященному митрополиту и новопоставленным архимандритам и с обращением слов к собранию: «Ныне мы присутствовали при освящении храма рукотворного; да освятит храм наш нерукотворный и да витает в сердцах наших благодать Духа Божия ко благу и преуспеянию народа». Тост был принят с непритворным ликованием. На другой день мне отдан был визит высокопреосвященнейшим митрополитом и новопоставленными архимандритами и иеромонахом Косиеровского монастыря, а равно представителями мостарской общины. Сии последние заявили мне благоговейные чувства благодарности Императорскому дому за милости, оказываемые народу, и просили меня усердно быть посредником в представлении сих чувств нашему правительству, надеясь, что они и впредь будут снисканы щедротами Царствующего российского дома.

Поспешность освящения храма вызвана была, главным образом, тем обстоятельством, что в августе месяце Герцеговинский митрополит Проконий получил письменный и телеграфический приказ патриархии явиться в Константинополь. В первую минуту он готов был исполнить приказание патриархии, выговорив себе только дозволение остаться в Мостаре для освящения церкви. Впоследствии же, заручившись ходатайством местной турецкой власти, с другой же стороны, узнавши об отставке патриарха Анфима⁴³, он отменил свое намерение, ссылаясь на то, что при отсутствии лица, которое могло бы заменить его, он не в состоянии покинуть своей епархии, где интересы православия требуют его присутствия.

Сооружение церкви, продолжавшееся в течение 10-ти лет, стоило свыше 20 т[ысяч] червонцев, не считая строительного материала, пожертвованного в значительной степени мостарцами. Часть денег обращена была от сбора, сделанного в России покойным мостарским иеромонахом Прокопием Чокорило, часть пожертвована сербским правительством (250 червонцев) и турецким (30 000 пиастров). Тем не менее оказывается ныне в церкви дефицит в 1 000 червонцев, взятых отчасти из училищного капитала⁴⁴, отчасти же из Житомысличского монастыря. Но предстоят еще довольно значительные расходы на позлачение иконостаса, на покупку паникадила и других предметов. По отзыву представителей общины, хотя сбор от освящения церкви был довольно значительный, но он едва ли будет достаточен к покрытию расходов по усиленным последним работам к окончанию постройки церкви.

⁴³ Анфим VI (Иоаннидис / Куталианос) (1782–1877) — патриарх Константинопольский, занимавший престол трижды: 1845–1848 гг., 1853–1855 гг., 1871–1873 гг. В 1873 г. ушел в отставку вследствие обострения греко-болгарского церковного вопроса.

⁴⁴ В Мостаре действовали мужская и женская православные школы.

Не лишним считаю представить при сем фотографический снимок церкви, снятый в 1871 году⁴⁵.

По случаю освящения храма мною пожертвовано по сборной книге и покладам на блюда 8 наполеондоров, о размещении которых отнести на счет чрезвычайных издержек осмеливаюсь покорнейше просить исходатайствования Вашего превосходительства пред императорском министерством⁴⁶.

С глубочайшим уважением и пр[очее]...

*АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 629.
Мостар. 1873 г. Л. 95–99.*

Рис. 1. Собор Святой Троицы в Мостаре. Фотографический снимок 1871 г.⁴⁷

Holy Trinity Cathedral in Mostar. Photograph from 1871

Сокращения

ВНИИДАД — Федеральное бюджетное учреждение
«Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела»

Росархив — Федеральное архивное агентство.

⁴⁵ См. рис. 1.

⁴⁶ 16 ноября 1873 г. Я. П. Славолубов получил разрешение из посольства в Константинополе отнести это пожертвование на счет чрезвычайных издержек вице-консульства. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2059. Мостар. 1873 г. Л. 88.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 629. Мостар. 1873 г. Л. 126.

Источники

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):
 Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3925, Д. 3947, Д. 3968.
 Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 629, Д. 817.
 Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2059, Д. 2330, Д. 2333, Д. 2334.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):
 Ф. 1750. Московский славянский благотворительный комитет. Оп. 1. Д. 79.
- Военно-статистический сборник на 1868 год. Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб.: Военная типография, 1868.
- Гильфердинг А. Ф.* Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1873. С. 279–328.
- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1988.
- Убичини А., де-Куртейль П.* Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр. По официальному ежегоднику на 1875–[18]76 г. (салнаме на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1877.
- Kállay B.* Naplójegyzetek. (Vázlat.) // A szerb felkelés története, 1807–1810. Hátrahagyott kézirataiból kiadta Thallóczy Lajos. K. 2. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1909. Old. 315–346.
- Koetschet J.* Osman Pascha, der letzte grosse wesier Bosniens, und seine Nachfolger. Sarajevo: D. A. Kajon, 1909.
- Pasko Vasa-efendija.* Bosna i Hercegovina za vreme misije Dževdvet-efendije. Banja-Luka: Besjeda, 2011.

Справочная литература

- Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде / Росархив, ВНИИДАД. М.: б.и., 2022. 314 с.

Литература

- Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.
- Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960. 364 с.
- Тетий И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. 586 с.
- Donia R. J.* Sarajevo: a biography. London: C. Hurst and Co. (Publishers) Ltd., 2006. 435 p.

References

- Donia, R. J., 2006. *Sarajevo: a biography*. London: C. Hurst and Co. (Publishers) Ltd.
- Melchakova, K. V., 2019. *Bosnia and Herzegovina in Public and Political Life of Russia in 1856–1875*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Nikitin, S. A., 1960. *Slavic committees in 1858–1876*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)
- Terpić, I., 1988. *Bosnia and Herzegovina in Russian sources: (1856–1878)*. Sarajevo: Veselin Masleša. (In Serbian)

«ЗАМЕЧАЕТСЯ ВСЁ БОЛЬШАЯ И БОЛЬШАЯ НЕРВозНОСТЬ КАК В ПРЕССЕ, ТАК И В ОФИЦИАЛЬНЫХ КРУГАХ...». ПОЛОЖЕНИЕ В ЮГОСЛАВИИ ЛЕТОМ 1948 Г. ГЛАЗАМИ РУМЫНСКОГО ПОСЛА

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук;
ведущий специалист,
Российский государственный архив
социально-политической истории
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия;
Большая Дмитровка, 15,
Москва, 125009, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Никита Викторович Бондарев

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес:
nikitabondarev1977@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2184-585X

Аннотация

Противоречия между советским и югославским руководством, впервые обозначившиеся еще во время Триестского кризиса (май-июнь 1945 г.), достигают критической точки к весне 1948 г. Хотя Югославия по окончании Второй мировой войны решительно приступила к осуществлению глубоких экономических и политических реформ в соответствии с коммунистической доктриной, чересчур самостоятельный и амбициозный Иосип Броз Тито не обеспечивал должного контроля Москвы за положением в собственной стране и в этом смысле мало соответствовал представлениям И. В. Сталина о лидере государства, строящего социализм согласно общим установкам мирового коммунистического движения. В мае Тито отклонил требование руководства ВКП(б) прибыть на новое совещание Коминформбюро, а состоявшееся в конце июня в Бухаресте без участия югославской делегации совещание приняло резолюцию, содержащую острые обвинения лидеров компартии Югославии в национализме. В рамках мирового коммунистического движения разворачивается антиюгославская кампания, к которой были подключены все компартии советской сферы влияния, к этому времени уже обладавшие всей полнотой власти в своих государствах. В самой Югославии происходит консолидация режима Тито, сопровождавшаяся жесткими мерами против тех коммунистов, которые призывали свое руководство подчиниться диктату Москвы. Крайне напряженная внутривнутриполитическая атмосфера в Белграде конца лета 1948 г. предстает в описании посла Румынии в Югославии уроженца Бессарабии Теодора Руденко, выступавшего в качестве информатора советского руководства.

Ключевые слова

И. В. Сталин, Иосип Броз Тито, советско-югославский конфликт 1948 г., Румыния, Коминформбюро

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2025 г.

Статья доработана автором 18 мая 2025 г.

Статья принята в печать 29 мая 2025 г.

Цитирование: *Стыкалин А. С., Бондарев Н. В.* «Замечается всё большая и большая нервность как в прессе, так и в официальных кругах...». Положение в Югославии летом 1948 г. глазами румынского посла // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2025. Т. 20. № 1–2. С. 220–240. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.12>

**“MORE AND MORE NERVOUSNESS IS NOTICEABLE
BOTH IN THE PRESS AND IN OFFICIAL CIRCLES...”
THE SITUATION IN YUGOSLAVIA IN THE SUMMER OF 1948
VIEWED BY THE ROMANIAN AMBASSADOR**

Alexandr S. Stykalin

Ph. D., Lead Resercher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences;
Lead Specialist,
Russian State Archive
of Social-Political History
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia;
B. Dmitrovka, 15,
Moscow, 125009, Russia
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Nikita V. Bondarev

Ph. D., Senior Resercher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: nikitabondarev1977@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2184-585X

Abstract

The contradictions between the Soviet and Yugoslav leadership, which first emerged during the Trieste crisis (May-June 1945), reached a critical point in the spring of 1948. Although Yugoslavia, after the end of the World War II, resolutely turned to implementation of deep economic and political reforms in accordance with the Communist doctrine, the overly independent and ambitious Josip Broz Tito did not let Moscow control the situation in his country. And in this sense, he did not correspond to I. V. Stalin's ideas about the leader of a country which was building socialism in accordance with the general principles of the World Communist movement. In May, Tito rejected the demand of the Soviet leadership to attend a new meeting of the Cominform bureau, and the meeting held at the end of June in Bucharest without the participation of the Yugoslav delegation adopted a resolution containing sharp accusations of nationalism against the leaders of the Communist Party of Yugoslavia. An anti-Yugoslav campaign was launched within the framework of the World Communist Movement. It involved all the Communist parties of the Soviet sphere of influence, by this time already possessing full power in their states. The consolidation of the Tito regime was accompanied by harsh measures against those communists who called on their leadership to submit themselves to the dictate of Moscow. The extremely tense domestic political atmosphere in Belgrade at the end of the summer of 1948 is reflected in the descriptions by the Romanian ambassador to Yugoslavia, Bessarabia-born Teodor Rudenko, who acted as an informant for the Soviet leadership.

Keywords

I. V. Stalin, Josip Broz Tito, Soviet-Yugoslav Conflict of 1948, Romania, Cominform-bureau

Received 20 April 2025

Revised 18 May 2025

Accepted 29 May 2025

For citation: Stykalin, A. S., Bondarev, N. V., 2025. “More and More Nervousness is Noticeable both in the Press and in Official Circles...” The Situation in Yugoslavia in the Summer of 1948 Viewed by the Romanian Ambassador. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 220–240. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.12>

Советско-югославский конфликт 1948 г., его предпосылки, ход развития, влияние на характер отношений внутри формирующегося советского блока и на обострение холодной войны стали предметом обширной историографии как в странах постъюгославского пространства, так и за их пределами. Но продолжают вводиться в научный оборот новые источники, дополняющие ранее не известными подробностями наши знания о тех драматических событиях. Это касается и отклика на разрыв между советской и югославской компартиями со стороны стран советской сферы влияния, в которых он вызвал большой шок, поскольку титовская Югославия после 1945 г. по праву воспринималась как страна, быстрее и успешнее других продвигавшаяся по пути построения основ социализма с опорой на советские образцы.

Вниманию читателей предлагаются свидетельства человека, который провел в Белграде крайне напряженные первые месяцы развития конфликта, внимательно наблюдая за реакцией югославского руководства на эскалацию обвинений, звучавших из Москвы. Речь идет не только о румынском коммунисте с довоенным стажем, приближенном к руководству своей партии, к началу 1948 г. овладевшей полнотой власти, вытеснив с политической арены всех конкурентов, но и об официальном представителе своего государства. Ведь в начале декабря 1947 г., в самый канун бурных политических изменений в Румынии, приведших к лишению короля Михая трона и его отъезду в эмиграцию, Теодор Руденко был назначен послом в соседней Югославии и прибыл в этом качестве в Белград¹. Некоторая кажущаяся необычность принятого в Бухаресте кадрового решения заключалась в том, что Фёдор (а именно таково его изначальное имя) Руденко отнюдь не был этническим румыном. Уроженец Южной Бессарабии, украинец, он родился подданным Российской империи, хотя его юность и годы становления действительно прошли в королевской Румынии, во владение которой этот край перешел в 1918 г. Руденко не мог получить в условиях межвоенной Великой Румынии систематического образования на русском языке (выше начального), однако, как явствует из публикуемого ниже донесения, владел им в такой степени, что без особого труда мог писать на нем развернутые записки, адресованные в Москву, в ЦК ВКП(б). Литературным румынским языком он, впрочем, владел еще лучше, что позволяло ему выступать в качестве публициста в румынской коммунистической печати. Более того, в 1936 г. во время пребывания в тюрьме Дофтана, где содержались многие политические заключенные, он написал текст революционной песни, которая потом широко исполнялась в Румынии 1950-х годов — по свидетельству румыно-американского политолога Владимира Тисмэняну, ее пели даже на школьных утренниках. Не удивительно, что в 1945–1947 гг. ему, в то время сотруднику аппарата ЦК Румынской компартии, доверено было работать с творческой интеллигенцией.

¹ По совместительству он был и послом в Албании.

Что касается прекрасного знания русского языка, то в этом отношении Руденко был далеко не одинок в элите румынской компартии — из Бессарабии, где русский язык и в межвоенный период имел самое широкое распространение в повседневном общении, происходили и начали здесь свою политическую деятельность многие ее представители. Иосиф Кишиневский (Ройтман), Александру Бырлэдяну и Леонте Рэуту (Лев Ойгенштейн) входили в разное время в высшее партийное руководство, Василе Малинский долгие годы возглавлял румынский госбанк, Леонте Тисмэняну (Леонид Тисменецкий) был видным партийным журналистом; список можно продолжать и продолжать. Такое обилие бессарабцев в румынской партэлите вполне устраивало советское руководство. В Молдавской ССР с момента ее образования летом 1940 г. подавляющее большинство ответственных должностей заняли выходцы с левого берега Днестра, где с 1924 г. существовала молдавская автономия в составе Украины. В то же время коммунистам с правого, бессарабского берега этой реки после войны Москвой было доверено право строить социализм по другую сторону Прута, то есть в Румынии, гражданами которой они являлись до 1940 г. и где они приобщились к коммунистическому движению.

О юности Фёдора Руденко известно в основном из скупых анкетных данных, хранящихся в российских и румынских архивах. Он родился в 1909 г. в зажиточной крестьянской семье в знаменитом своими винодельческими традициями селе Шабо Аккерманского уезда Бессарабской губернии², которое в декабре 1821 г., в период своей южной ссылки, посетил А. С. Пушкин в сопровождении И. П. Липранди. В 1924 г., когда будущему румынскому послу в Югославии было 15 лет, не столь уж далеко от его родных мест, в Татарбунарах, произошло мощное восстание, жестоко подавленное румынскими властями. Его организаторы, рассчитывавшие на военную помощь извне, ставили целью дать новый толчок мировой революции, теперь уже не на западном, а на балканском направлении.

В 1929 г. 20-летний Руденко сумел выехать в Советский Союз, в Одессу, мотивируя это желанием продолжить там образование и приобщиться к строительству социализма. Эти страницы его биографии покрыты мраком неизвестности. Известно лишь, что он был (вполне ожидаемо!) задержан и через некоторое время депортирован обратно в Румынию, где также заключен на три месяца под стражу за незаконное пересечение границы. Его впечатления о кратковременном пребывании в СССР нашли отражение в ряде статей, опубликованных в левой румынской прессе. В кругах коммунистов их автора обвиняли в извращении реального положения в «стране Советов», за что Руденко позже не раз приходилось оправдываться.

² Село находилось всего в 4–5 км от уездного города Аккерман. При румынской власти, когда Руденко окончил местный лицей, город назывался Четатеа-Албэ; ныне Белгород-Днестровский, Одесская область Украины.

В 1930 г. Руденко поступил в политехнический институт Тимишоары, выбрав специальность инженера-электротехника. Там он приобщился к общественной деятельности, возглавив организацию местных студентов-бессарабцев. Учеба в университете через два года была прервана призывом на военную службу, Руденко провел почти год на курсах по подготовке военных инженеров. После демобилизации он продолжает учебу по той же специальности, только уже не в Тимишоаре, а в Яссах. Там он возглавил левую студенческую организацию и сблизился с подпольной компартией, а через некоторое время вступил в нее. В 1934 г. за участие в оппозиционных акциях он впервые был арестован и провел за решеткой 8 месяцев. Освободившись, продолжил нелегальную деятельность, что привело его к повторному аресту и приговору к 8 годам заключения. На свободу вышел в декабре 1942 г., но находился под неослабным полицейским контролем.

Карьере Руденко в послевоенной Румынии способствовало знакомство в тюрьме Дофтана с будущим лидером компартии и страны Г. Георгиу-Дежем, находившимся там в заключении. С довоенных времен румынскую компартию, как в московской эмиграции, так и в подполье, раздирала острая и подчас кровавая внутренняя борьба, в которой были представлены разные группировки. Победителем в ней стал Георгиу-Деж, переиграв всех своих конкурентов³. Руденко с самого начала сделал выбор в пользу Дежа, вошел в его окружение, и это обеспечило ему послевоенную карьеру, несмотря на его прежние «уступки троцкизму», известные соратникам по партии⁴. Компрометирующие моменты биографии, очевидно, не стали роковыми для Руденко лишь благодаря его личной верности Дежу, а также длитель-

³ Борис Стефанов, болгарин, генеральный секретарь румынской компартии в 1936–1940 гг., был исключен из нее, а после войны предпочел жить и работать в Болгарии. Его преемник, трансильванский венгр Штефан (Иштван) Фориш (генеральный секретарь в 1940–1944 гг.) был усилиями Георгиу-Дежа и людей его команды смещен в апреле 1944 г. по обвинению в трусости и связях с политической полицией Антонеску (сигуранцей), а после войны обвинен новыми властями в измене и убит в застенках Секуритате в 1946 г. Один из главных интеллектуалов компартии Лукрециу Пэтрэшкану (министр юстиции в первом, коалиционном правительстве, сформированном после свержения Антонеску, и участник переговоров о перемирии с СССР) был арестован в 1948 г. и казнен в 1954 г., став жертвой судебного процесса, проведенного на основании сфальсифицированных обвинений уже после смерти Сталина. Представители румынской компартии в Исполкоме Коминтерна и глава ее заграничного бюро Анна Паукер вместе с близкими ей членами «московской фракции» в партии Василе Лукой и Теохари Джорджеску оставались в руководстве РКП и страны до 1952 г., когда они были выведены из него с громкими обвинениями во фракционной деятельности и чуть позже арестованы, причем Лука скончался в заключении уже в 1960-е годы.

⁴ В 1935 г. троцкистскую группу в Румынии организовал Д. Корнер, впоследствии видный французский троцкист. О причастности к ней Руденко сведений нет. Но в его личном досье, хранящемся в румынском партархиве, нашли отражение его высказывания в узких кругах о роли Троцкого в осуществлении октябрьской революции в России, о чем он предлагал не забывать, критикуя его более позднюю политическую линию. Подобные настроения характеризовались как протроцкистские.

ному пребыванию в застенках королевской Румынии, в том числе в годы «большого террора» в СССР, жертвами которого стали и многие румынские коммунисты.

После падения 23 августа 1944 г. режима Антонеску, перехода Румынии на сторону Антигитлеровской коалиции и выхода компартии из подполья Руденко сначала возглавляет парторганизацию на уездном уровне, затем переходит в аппарат ЦК в отдел пропаганды и агитации.

Доступные нам документы не дают ответа на вопрос о том, когда, при каких обстоятельствах и по чьему поручению Руденко стал выступать в качестве информатора аппарата ЦК ВКП(б) или других советских органов и насколько систематически это делал. Можно только предполагать, что какие-то договоренности на этот счет могли быть достигнуты при посещении им Советского Союза в течение ряда недель в 1946 г. в составе делегации общества, призванного заниматься укреплением сотрудничества с СССР⁵. Можно лишь с уверенностью сказать, что свои советские связи он не афишировал перед румынским руководством, ибо это могло стоить ему карьеры, а то и еще больших неприятностей: люди, такими связями обладавшие (а это прежде всего те, кто долго работал в СССР в структурах Коминтерна или других учреждениях), не пользовались доверием Дежа. Что же касается Руденко, то он продолжал свою карьеру, как партийную, так и дипломатическую, еще более 10 лет. Пробыв два года послом в Югославии (с декабря 1947 г. по декабрь 1949 г.), он вскоре выехал в Пекин. С 10 марта 1950 по декабрь 1952 г. он был первым послом Румынии в КНР, откуда переведен на должность заместителя министра иностранных дел (после отстранения с министерского поста Анны Паукер Георгиу-Деж пытался укрепить аппарат МИДа своими доверенными людьми). Позже Руденко стал послом в Китае вторично (1957–1958). Перед этим, с 1955 г. он возглавлял отдел внешних связей ЦК румынской компартии. Но по мере того как во внутренней политике Румынии с конца 1950-х годов усиливались националистические тенденции, позже расцветшие пышным цветом уже в «золотую эпоху» Чаушеску, Руденко оказывался все менее ко двору. На удаление из партноменклатуры этого человека, «чьи заслуги перед республикой общеизвестны», обратил внимание его старый знакомый, советский писатель Савва Дангулов, в прошлом карьерный дипломат, проработавший в Румынии около трех лет во второй половине 1940-х гг., а в момент своей творческой командировки летом 1964 г. заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература»⁶. Удалившись так рано на пенсию, Руденко не дожил и до 60 лет, скончавшись в 1967 г.

⁵ Asociația Română pentru strângerea Legăturilor cu Uniunea Sovietică (ARLUS). Делегация была принята на высоком уровне, присутствовала на приеме в Кремле.

⁶ Стыкалин А. С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 361.

В Югославии Руденко оказался в крайне острый для страны момент. К лету 1948 г., с одной стороны, достигли критической массы противоречия между советским и югославским руководством, впервые обозначившиеся еще во время Триестского кризиса (май-июнь 1945 г.). С другой, мобилизационно-реквизиционные методы управления экономикой, до некоторой степени перекликавшиеся с советским опытом «военного коммунизма», очевидно, себя исчерпали. По определению Л. Я. Гибианского, «применительно к условиям существования в Югославии многоукладной экономики, наличия частной собственности в мелкой промышленности, ремесле, розничной торговле, а особенно единоличного крестьянства, преобладавшего в деревне, вызывала интерес с югославской стороны экономическая практика периода НЭПа»⁷. Констатируем, что осторожный интерес титовского руководства к практике многоукладной экономики в Советском Союзе понимания и одобрения не находил, то есть экономические проблемы Федеративной народной республики Югославии (ФНРЮ), отмеченные в записке Т. Руденко, перестают быть сугубо внутренним моментом и переходят во внешнеполитическую плоскость.

Точкой невозврата в нагнетании взаимных претензий СССР и ФНРЮ становятся направленные в Москву в конце 1947 г. советским послом А. И. Лаврентьевым и военным атташе Г. С. Сидоровичем докладные, в которых Йосипа Броза Тито обвиняли в вождизме, а югославское руководство — в непонимании подлинной сути марксизма-ленинизма. 9 марта 1948 г. Лаврентьев сообщал, что в Экономическом совете Югославии отказались предоставить советскому торгпреду статистическую информацию об экономике страны. Лаврентьев был вызван в Москву, где на совещании у Сталина 12 марта дал подробное описание ситуации в ФНРЮ, развеяв сомнения в «уклонизме» Тито, если они у кого-то были. 18 марта Тито получил телеграмму за подписью В. М. Молотова, в которой было сказано, что непредоставление информации о югославской экономике рассматривается советским правительством «как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР».

3 апреля 1948 г. Лаврентьев уведомил югославские власти о разрыве советской стороной двустороннего протокола о статусе Триеста в связи с тем, что югославское руководство заявило об изменении своей позиции по принадлежности Триеста без консультации с СССР. 22 мая Тито отклонил официальное приглашение (а по большому счету требование) за подписью секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Сулова принять участие в совещании Коминформа в Бухаресте. 11 июня 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отменило поездку в Белград делегации советских работников культуры. 29 июня 1948 г. была опубликована резолюция Коминформбюро, которая предложила югославским коммунистам «заставить своих нынешних руководителей открыто

⁷ Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941-1947 гг. М., 1987. С. 146.

и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, — сменить их и выдвинуть новое интернационалистское руководство КПЮ»⁸. Как ответ СССР и Коминформу во второй половине июля в Белграде проходит Пятый конгресс КПЮ, на котором югославские коммунисты высказали свою безусловную поддержку Тито и осудили Коминформ, при этом адресных, персональных нападок на советское руководство, включая Сталина, в резолюции Пятого конгресса не было. Впрочем, как явствует из записки Руденко, хорошо передающей крайне нервную, напряженную (и среди прочего сопровождавшуюся сильной шпиономанией) ситуацию в стране летом 1948 г., немалая часть функционеров разных ведомств и уровней, военнослужащих, рядовых коммунистов, усомнившись в способности правящей югославской верхушки противостоять давлению Сталина, заняла в конфликте сторону Москвы. Они жестко преследовались властями, а те, кому удалось покинуть страну, примкнули к формируемому в эмиграции под эгидой Коминформа югославскому антититовскому движению, существовавшему при поддержке СССР до осени 1954 г., т. е. до начала советско-югославского примирения⁹.

Несмотря на крупные разногласия, диалог СССР и Югославии в конце 1948 — первой половине 1949 г. так или иначе продолжался. Советский Союз и Югославия в числе других придунайских стран приняли участие в Белградской конференции, завершившейся подписанием 18 августа 1948 г. соглашения, регулирующего судоходство по Дунаю, что как раз и описывает Т. Руденко в своей записке. СССР в первой половине 1949 г. продолжал отстаивать интересы Югославии в переговорах с западными странами, в частности поддерживал претензии ФНРЮ к Австрии (но не к Италии). Двусторонние отношения между СССР и Югославией были разорваны 28 сентября 1949 г. на фоне сфабрикованного в Венгрии судебного процесса по делу Ласло Райка, имевшего ярко выраженную антиюгославскую направленность. 25 октября Москву покинул югославский посол со своей дипмиссией. 16 ноября 1949 г. из Белграда уехал советский посол А. И. Лаврентьев. В те же дни на совещании Коминформа принимается новая резолюция, означавшая переход конфликта на следующий виток: югославская компартия объявляется находящейся во власти уже не просто националистов и правоуклонистов, а «шпионов и убийц».

Как сателлит СССР, Румыния была активно вовлечена в антиюгославскую кампанию, развязанную Сталиным¹⁰. Как отмечалось выше, именно

⁸ См.: Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. С. 583

⁹ Кимура К. Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М. 2016. С. 324–348.

¹⁰ См.: Гладышева А. С. Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1953 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории. М.; СПб., 2017. С. 270–325.

в Бухаресте состоялось в июне 1948 г. второе совещание Коминформа, где была принята резолюция о положении в КПЮ, с которой, собственно говоря, и началась массированная антиюгославская кампания¹¹. Сюда уже летом 1948 г. был переведен из Югославии аппарат Коминформа и находился здесь фактически до роспуска этой организации весной 1956 г. Крайне напряженным вплоть до 1953 г. оставалось положение на югославско-румынской границе¹², осуществлялись репрессии против сербского населения румынского Баната, которое массовым порядком было переселено в восточную часть Румынии, к северу от Дуная — в засушливую Бэрэганскую степь¹³. Правда, в Румынии не был проведен такой же громкий судебный процесс антиюгославской направленности, как в Венгрии, Болгарии и Албании (жертвами этих процессов стали Л. Райк, Тр. Костов и К. Дзодзе). В силу этого отношение Тито к Дежу было хотя и очень сдержанным, но все же не настолько враждебным, как к венгерскому коммунистическому лидеру Матьяшу Ракоши. Показательно, что в июне 1956 г., когда югославский лидер ехал с официальным государственным визитом в СССР, первым после примирения двух стран, а через три недели возвращался обратно домой на поезде, он предпочел более длинный, окольный путь, через Румынию, а не Венгрию, лишь бы не встречаться с Ракоши¹⁴. Кроме того, с Румынией югославскому руководству удалось быстрее, чем с Венгрией, урегулировать проблемы взаиморасчетов в экономических отношениях, фактически прерванных после разрыва 1948 г.¹⁵

Восприняв в 1955 г. начавшееся советско-югославское сближение с известной настороженностью, как угрозу своим позициям, Деж довольно быстро оценил преимущества полноценного восстановления отношений с соседней страной. Ведь результаты поездки советской делегации во главе с Н. С. Хрущевым в Югославию в мае-июне 1955 г. и ответного визита И. Броза Тито в Советский Союз, состоявшегося через год, стали для

¹¹ См.: Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / вступ. ст. и комм. Г. М. Адibeкова, Л. Я. Гибианского, А. Ди Бьяджо, С. Понса. М., 1998.

¹² На границе постоянно происходили вооруженные стычки и провокации, а листовки и брошюры пропагандистского содержания сбрасывались на территорию Югославии с самолетов и судов (См., например: Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room. Introduction of Cominform Propaganda into Yugoslavia via Danube, Begej and Tamis rivers. 14.12.1951. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009500470011-8.pdf> (дата обращения: 17.03.2021). Некоторые пограничные инциденты имели место и в 1954 г.

¹³ *Гладышева А. С.* Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945–1989 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 198.

¹⁴ А в ходе его встреч с Георгиу-Дежем обсуждались наиболее животрепещущие проблемы двусторонних отношений. См.: *Croitor M., Borşa S.* Triunghiul suspiciunii: Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito (1954–1964), vol. I. Cluj-Napoca, 2014. P. 48–50.

¹⁵ *Stanciu C.* From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956 // Iorga Institute. Historical Yearbook. Vol. V. Bucureşti, 2008. P. 113–126.

коммунистической Югославии в некотором смысле дипломатическим триумфом: нормализация диалога между Белградом и Москвой происходила именно «на югославских условиях». Этот успех означал закрепление совершенно особого международного статуса ФНРЮ, делая югославский опыт ценным и для соседней Румынии, где коммунистическая элита во главе с Георгиу-Дежем с середины 1950-х годов, но особенно после XX съезда КПСС и венгерских событий осени 1956 г. стала все больше задумываться об определенной автономии Румынии в рамках «социалистического лагеря», позволявшей ограничивать вмешательство «Большого брата» во внутренние дела¹⁶.

В октябре 1956 г. Деж во главе румынской правительственно-партийной делегации прибыл в Белград с официальным визитом. Между странами были подписаны долгосрочное торговое соглашение, конвенция о культурном сотрудничестве, готовились другие документы, призванные в перспективе заложить основы многогранных двусторонних связей. При всей заинтересованности обеих сторон в том, чтобы начать историю «с чистого листа», груз прошлого то и дело давал о себе знать. Так, в ходе бесед союзный секретарь по иностранным делам ФНРЮ К. Попович затронул проблему возвращения или компенсации имущества румынских сербов, к тому времени уже отпущенных с принудительных работ в Бэрэганской степи. Это вызвало довольно резкую реакцию Дежа, поэтому Тито поспешил сгладить углы, подчеркнув, что Югославия ни в коем случае не желает вмешиваться во внутренние дела Румынии или оказывать на нее давление, и выразил убеждение, что все последствия прошлого вскоре будут преодолены¹⁷.

В Белграде 23 октября членов румынской делегации застало начало мощнейшего венгерского восстания. Уже первоначальная реакция Дежа на вести, доходившие из Будапешта, была довольно симптоматична как один из первых знаков осторожных поисков более самостоятельной внешнеполитической линии. При всей его крайней озабоченности положением в соседней стране (и прежде всего опасениях, что примеру своих соплеменников могут последовать трансильванские венгры, а их численность даже по официальным данным достигала почти 1 млн 700 тыс. человек, составляя более 8% населения всей страны и около 30% населения Тран-

¹⁶ См.: *Стыкалин А. С.* У истоков румынской национальной модели коммунизма. К вопросу о влиянии XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского фактора // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. М.; СПб., 2020. С. 96–120.

¹⁷ Arhiv Jugoslavije. KPR. I-3-a/97-4. Rumunija. Poseta delegacije vlade NR Rumunije načelu s Georgi Georgiu Dežom. Zabeleške o jugoslovensko-rumunskim razgovorima, vođenjim na Brionima i Belom dvoru. 22.X.1956. Авторы благодарят Б. С. Новосельцева за указание источника.

ильвании) он придавал отношениям с Югославией настолько большое значение, что предпочел по возможности не комкать заранее подготовленную программу визита и не прерывать его, наблюдая еще в течение нескольких дней за происходящим в Венгрии из Белграда и наставляя соратников по телефону.

С начала 1960-х гг. руководство Румынии, не удовлетворенное положением страны в системе экономических и оборонных связей в рамках СЭВ и Организации Варшавского договора, все более дистанцируется от общей линии советского блока по ряду ключевых вопросов международных отношений. Оно не поддерживает курс на дальнейшее углубление экономической интеграции стран социализма, пытается занять равноудаленную позицию в условиях активизировавшейся советско-китайской полемики. При этом внеблоковая титовская Югославия выступала для румынских лидеров (в 1965 г. Г. Георгиу-Дежа сменил во главе партии и страны Н. Чаушеску) примером социалистической страны, умело отстаивающей свои национально-государственные приоритеты в условиях жёсткого внешнего давления. Между соседними странами, Румынией и Югославией, складываются особые партнерские, пусть не всегда безоблачные отношения, основанные на общности интересов, что в ряду других явлений международной жизни 1960-х гг. свидетельствовало о продолжавшемся размывании жесткой bipolarности в европейской политике и усилении полицентризма в мировом коммунистическом движении. В конце августа 1968 г., ровно через 20 лет после написания послом Руденко своего донесения в Москву, публикуемого ниже, лидеры соседних Югославии и Румынии И. Броз Тито и Н. Чаушеску встретились близ границы двух стран, в сербском городе Вршац, чтобы со всей озабоченностью обсудить теперь уже общий для них вызов — вторжение СССР и ряда его союзников в Чехословакию¹⁸. Таков был итог эволюции, проделанной, условно говоря, «советским лагерем» за эти два десятилетия.

¹⁸ См.: «Нынешние советские руководители полностью забыли об интересах социализма и выступают лишь как великая держава...» (Запись беседы Йосипа Броз Тито и Николае Чаушеску. 24 августа 1968 г.) // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории. М.; СПб., 2021. С. 339–365.

Копия

О положении в Югославии

Как и следовало ожидать, в Югославии репрессии и открытые выходки усилились и стали более заметными после съезда партии¹⁹.

Знаменательно в этом отношении начало чистки в Черногорском правительстве²⁰ и слухи о подготовке такой же чистки в Боснии, Словении и, говорят также, в Македонии. Снимаются с ответственных постов неблагоденственные, колебавшиеся в связи с резолюцией Информбюро.

Аресты продолжают. Во многих случаях неизвестно, были ли люди арестованы, расстреляны или скрылись где-то в горах или за границей. Таков, например, случай с председателем контрольной комиссии Воеводины и бывшим членом окружного комитета партии Душаном Новаковым. После открытого выступления в окружном комитете Воеводины за резолюцию и именно, когда секретарь обкома²¹ заявил, что с резолюцией может быть

¹⁹ Речь идет о Пятом конгрессе КПЮ, проходившем в Белграде с 21 по 28 июля 1948 г. Это был первый конгресс партии с момента окончания Второй мировой войны, его делегаты выразили безоговорочную поддержку Йосипу Броз Тито и осудили резолюцию Коминформа. Был избран новый Центральный комитет, общей численностью 63 человека, и Политбюро, в которое вошли 9 человек. Ими стали: Тито, Эдвард Кардель, Борис Кидрич, Милован Джилас, Иван Гошняк, Франц Лескошек, Благое Нешкович, Александр Ранкович и Моше Пияде. Очень характерен национальный состав нового Политбюро — два серба, один черногорец (Джилас), один хорват (два, если считать Тито) и три словенца. На эту диспропорцию (особенно отсутствие в Политбюро боснийцев и македонцев) не преминули обратить внимание критики Тито в Москве. Генеральным секретарем КПЮ был единогласно избран Йосип Броз Тито.

²⁰ Разрыв ФНРЮ и СССР особенно тяжело был воспринят в Черногории. В поддержку резолюции Коминформа высказались партийные организации городов Цетинье, Никшич, Бар, Даниловград, Беране, Колашин, Биело Поле. Разобраться с ситуацией ЦК партии поручил Комнелу Церовичу, который до 1948 г. был министром сельского и лесного хозяйства республики, и что гораздо более важно, он был женат на Милке Джилас, сестре входившего в узкое руководство партии Милована Джиласа, и пользовался абсолютным доверием последнего. Церович начал осуществлять чистку рядов черногорских коммунистов, более или менее удачную в приморских и центральных районах страны, но абсолютно провалившуюся на севере. В частности, партийная организация города Биело Поле в полном составе, во главе с первым секретарем обкома Илией Булатовичем, буквально ушла в леса и начала партизанскую войну против «ревизионистов» в Белграде. Против «сталинистов» из Биело Поле был брошен сводный отряд военных и милиции, общей численностью около тысячи человек, во главе с министром внутренних дел Черногории Саво Йоксимовичем. Большая часть несогласных с курсом партии была расстреляна на месте, немногие уцелевшие отправлены в спецтюрьму Голи Оток. В югославской (и сербской) историографии принято объяснять последовательно просоветские настроения в Черногории традиционным русофильством этого народа, что соответствует действительности лишь отчасти. В частности, через два года вспыхнуло стелье же массовое восстание в боснийской Цазинской Краине (г. Бихач), которое уже никак не может быть объяснено «русофильством» местного населения. См.: *Banas Ivo. Sa Staljinom protiv Tita: informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990.*

²¹ Фамилию не удалось установить.

согласен только тот, кто трус, кто изменник или оппортунист, Душан взял слово и заявил, что он не трус, как все это знают (партизан), не изменник и не оппортунист, но голосует за резолюцию и всецело с ней согласен, и, наоборот, не согласен с точкой зрения и линией ЦК во главе с Тито. Конечно, после этого у него отобрали карточку делегата (в последний вечер), и днем и ночью не оставляли в покое, «дружественно» убеждая (моральный террор) отказаться от своего заявления. Во время съезда человек вынужден был скрываться по ночам (днем мог ходить свободно, будучи очень популярным), а сейчас же после съезда исчез бесследно, даже жена, тоже активистка, ничего не могла узнать о его судьбе.

Многие другие, исключенные из партии после своих заявлений или даже только сомнений, сейчас же вскоре были изгнаны из предприятий и учреждений и буквально лишены возможности заработать на кусок хлеба.

К ним можно еще добавить иностранных подданных, отказавшихся перейти в югославское подданство. Они были тоже изгнаны из предприятий. Интересно, что даже и югославские подданные, но по происхождению другой национальности, были переведены из министерств на другие работы, если до этого работали по линии государств их национальности. Так, не был послан уже объявленный о назначении послом в Прагу Войвода потому, что был словак по происхождению²². Чех, заведующий чешским отделом коммерческих сношений, был переведен на другую работу²³. Румын (Лупшич)²⁴ — то же самое.

Нужно добавить, что итальянские эмигранты, потерявшие все доверие к югославам, просят в другие демократические страны, конечно, нелегально.

Другая сторона дела, побег югославы за границу. Таковы случаи побегов в Венгрию (депутаты венгры, офицеры)²⁵ и известные случаи попыток

²² Правильно — Вейвода. Иво Вейвода (1911-1991) — хорватский коммунист, чех по отцу. В межвоенный период учился в Праге на архитектора, поскольку имел двойное гражданство, использовался как курьер Коминтерном и советской военной разведкой (был в группе Мустафы Голубовича). Участник гражданской войны в Испании, во время Второй мировой — политический комиссар различных партизанских отрядов. В 1944-47 гг. — главный редактор Телеграфного агентства Югославии (Танюг), с 1952 г. на дипломатической работе (посол в Бразилии, Чехословакии, Великобритании, Италии, Франции).

²³ Неустановленное лицо.

²⁴ Речь идет о человеке по имени Кориолан Лупшич, мелком служащем из Панчево, активном члене Общества румынской культуры. См.: Mitrović Nemanja. Jugoslovensko-rumunski odnosi (1954-1968): doktorska disertacija. Beograd, 2023.

²⁵ Бежавшие лица сразу включались в движение, направленное на подрыв действующей в Югославии власти. О деятельности (в том числе в Венгрии) югославской коминформовской эмиграции см.: *Аникеев А. С.* Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броз-Тито (1948-1952) // *Славяноведение*. 2016. № 5. С. 31-42; *Кимура Каори*. Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948-1954 гг.; *Vukman P.* “Harcban Tito és Rankovics klikkje ellen”. Jugoszláv politikai emigránsok Magyarországon (1948-1980). Budapest — Pécs, 2017.

побегов в Румынию²⁶. В связи с этим об Арсо Йовановиче нового чего-либо добавить не могу. Пресса о нем молчит. В парторганизациях случаи обсуждается, и его называют как предателя, захватившего официальные документы для того, чтобы продать их чужой стране²⁷. Многие того мнения, что здесь не без провокации (заявления пограничников на Моравице подтверждают это).

О генерале Попиводе до 25 августа ничего не было известно публично, как только то, что кто-то бежал самолетом²⁸.

²⁶ О разрыве со своим правительством объявил и посол Югославии в Румынии Радоня (или Радонья) Голубович (1906–1984) — черногорский коммунист, активный участник партизанского движения в годы Второй мировой войны, после войны занимал различные номенклатурные должности, в частности министра внутренних дел СР Черногории. Год проработал советником в югославском посольстве во Франции, в конце 1947 г. направлен послом Югославии в Румынию. После резолюции Коминформа запросил в Румынии политическое убежище, его заявление об отказе от югославского гражданства было опубликовано в газете «Правда». В 1949 г. возглавил редакцию антититовской газеты «За социалистическую Югославию». «Следует отметить, что редакция нового издания с самого начала ее создания выполняла функции, не ограничивавшиеся подготовкой газеты. По сути, она стала руководящим органом югославской политэмиграции в СССР и странах “народной демократии”», — пишет Каори Кимура (там же). Умер в Советском Союзе. Отец российско-сербского бизнесмена и политического активиста Олега Голубовича.

²⁷ Арсо Йованович (1907–1948) — югославский военный и государственный деятель, потомственный офицер, в 1934 г. окончил Академию Генштаба Королевства Югославия, в 1940 г. — дополнительные курсы комсостава, после чего начал службу в Генеральном штабе. В 1939 г. опубликовал брошюру «Тактика пехотного батальона». Был застигнут войной в Боснии, пытался организовывать там партизанское движение, после неудачи этих попыток переместился в Черногорию, где активно участвовал в «Восстании 13 июля» против итальянских оккупантов. В компартию вступил постфактум, уже будучи одним из партизанских командиров. В январе 1942 г. становится начальником Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии, оставался в этой должности до конца войны. В 1945 г. стал начальником Генштаба вооруженных сил Югославии, в марте 1946 г. направлен в СССР для повышения квалификации, в начале июня 1948 г. вернулся на родину. В конце июня поддержал антититовскую резолюцию Коминформа. Погиб якобы при попытке перехода границы с Румынией 11 августа 1948 г. Современное осмысление биографии и обстоятельства гибели Йовановича см.: Vukelić V., Šumanović V. Arso Jovanović — an erased biography // *Balkanica Posnaniensia*. XXV, Posnan, 2018.

²⁸ Петар (Пётр Саввич) Попивода (1916–1979) — участник партизанского движения в Югославии, неформальный лидер «коминформовской» югославской эмиграции, генерал-майор ВВС СССР. В 1952 г. от имени антититовской коминформовской эмиграции выступал на XIX съезде ВКП(б). До войны офицер королевского флота, с началом черногорского восстания 13 июля примкнул к партизанам, в партию принят постфактум (здесь нельзя не отметить сходство биографий Попиводы и Арсо Йовановича). Войну закончил в звании полковника, в 1945 г. был направлен на обучение в СССР, женился на советской гражданке, по возвращении в Югославию был произведен в генералы и назначен начальником оперативного управления ВВС. 16 августа 1948 г. угнал подведомственный ему самолет и пересек на нем югославско-румынскую границу. В 1951 г. его брат Владо вместе с тремя другими членами экипажа также бежал на самолете из Югославии. См.: *Miloradović G., Timofejev A. Između dve otadžbine — jugoslovenski politički emigranti u Sovjetskom Savezu 1948–1956*. Beograd, 2016.

Вообще замечается все большая и большая нервозность как в прессе, так и в официальных кругах. После неудачных попыток использовать присутствие Вышинского для доказательства хороших отношений с Советским Союзом (об экскурсиях и приемах пресса говорила не о том, что сказал Вышинский, а кто был²⁹. Называли по именам всех членов советской делегации и только мимоходом глав других демократических делегаций и т. д.). Во всяком случае, еще от съезда тянутся некоторые разочарования и дезинтеграции насчет возможности улучшения отношений с СССР и примирения при помощи Вышинского также с другими странами народной демократии.

Таким образом, объясняется и открытое выступление против Румынии в связи с ее национальным праздником 23 августа, когда телефонно, в день 23-го августа, приглашенным официальным лицам и представителям культуры и искусства были отданы распоряжения (партии) не являться на прием в румынское посольство³⁰. Об этом распоряжении некоторые признались потом открыто, вместо извинения.

Когда в связи с вручением ноты задали вопрос министру Симичу³¹, является ли его отсутствие и отсутствие других с ведома и одобрения правительства, он без обиняков ответил, что да, что правительство уполномочило только Беблера³² с делегацией представить на приеме югославское

²⁹ Приезд заместителя министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского был связан с проведением в Белграде летом 1948 г. международной конференции, созванной с целью послевоенного международно-правового урегулирования режима судоходства по реке Дунай (см. подробнее ниже).

³⁰ 23 августа 1944 г. при поддержке молодого короля Михая I в Бухаресте произошел государственный переворот, в результате которого был свергнут режим маршала Иона Антонеску. Новое правительство порвало с нацистской Германией, Румыния присоединилась к Антигитлеровской коалиции, объявив войну Германии и Венгрии. Этот день с установлением в конце 1940-х гг. в стране коммунистического режима и вплоть до конца эпохи Чаушеску был государственным праздником Румынии.

³¹ Станое Симич (1893–1970) — югославский государственный деятель, потомственный дипломат (отец, Светислав Симич — многолетний посол Сербии в Болгарии). С 1920 г. на дипломатической службе в МИД Королевства СХС, неоднократно увольнялся в связи с социалистическими взглядами, а затем принимался назад на работу. С 1942 г. посланник, с 1943 г. — посол югославского королевского эмигрантского правительства в СССР, активно сотрудничал с югославской коммунистической эмиграцией и титовскими партизанами. В 1945–46 гг. — посол Югославии в США, в 1946–48 гг. — министр иностранных дел, в 1948–53 гг. — министр без портфеля. С 1953 г. ушел из активной общественной жизни. Судя по контексту, нота была вручена в связи с тем, что приглашенные официальные представители Югославии проигнорировали прием по случаю национального праздника Румынии, выразив тем самым неуважение румынской государственности.

³² Алеш Беблер (1907–1981) — словенский и югославский государственный деятель. Юрист по образованию, окончил Сорбонну, с 1929 г. был членом ЦК молодежной организации компартии Югославии, вместе с Эдвардом Карделем и Борисом Кидричем. С 1933 г. в Советском Союзе находился под именем Антон Хартманн, в 1936 г. отправлен на гражданскую войну в Испанию под именем Андре Кабаль, перед отправкой, вероятно, прошел обучение на военно-политических курсах Коминтерна (см.: *Бондарев Н. В.* Русские тайны Иосипа Броза Тито. Архивы свидетельствуют.

правительство (Библер только заместитель и не член правительства; есть много схожего с приездом и выездом румынской делегации на Дунайскую конференцию³³).

Знаменательны в заявлении Библера на приеме во время демонстративного ухода две идеи: во-первых, что мы (румыны), якобы, выступлениями румынских руководителей подготовляем атмосферу для войны; во-вторых, что всей нашей политикой и нашим отношением (?) к Югославии мы (румыны) толкаем ее в объятия англо-американского империализма. Из всей его нервозности и заявления бросается в глаза попытка оправдания будущих действий Югославии, что если, мол, и случится, то есть если мы и порвем с вами и сблизимся открыто с Америкой, то виноваты в этом будете вы, румыны, и т. д., а не мы, югославы. Собственно говоря, по этой линии они идут уже дальше, совсем открыто, устраивая публичные митинги провокаций по адресу Румынской Народной Республики (митинг на строительстве Нового Белграда³⁴).

М., 2019). Участник партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны, организатор партизанской бригады «Матия Губец» в Словении (одноименный отряд был и в Хорватии). После окончания войны — министр финансов СР Словении, затем заместитель министра иностранных дел ФНРЮ. Руководитель югославской делегации на Дунайской конференции 1948 г. В 1949–52 гг. — представитель Югославии в ООН. В 1955–57 гг. — посол Югославии во Франции. С 1963 г. отодвинут на периферию общественной жизни (судья Конституционного суда) из-за сложных отношений с А. Ранковичем. Активно участвовал в деятельности Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (ВФАСООН), одно время был ее председателем.

³³ В соответствии с решением Потсдамской мирной конференции 1945 г. была создана специальная конференция в целях урегулирования международного статуса Дуная. Она состоялась в Белграде 31 июля — 18 августа 1948 г. Помимо дунайских стран (включая СССР) в работе конференции участвовали США, Великобритания, Франция, Китай. По итогам обсуждения была разработана и принята Конвенция о режиме судоходства на Дунае, подписанная 18 августа 1948 г. В ней были сформулированы основные принципы работы Дунайской комиссии — существующей по сегодняшний день (хотя и без участия России) организации, образованной после вступления в силу Дунайской конвенции в мае 1949 г. О сербском видении работы Дунайской конференции см.: Пауновић Ј. Историјски развој принципа слободне пловидбе Дунавом и Конвенција о режиму пловидбе на Дунаву од 1948 године. Београд, 1957; Стојковић М. Дунавска комисија. Београд, 1970; Стојић-Карановић Е. Дунавска сарадња / Danube River of Cooperation. Београд, 2005; Гулић М. Београдска дунавска конференција 1948. Године // Токови историје. № 1 (2013). Р. 173–202; Гулић М. Југословенске дипломате и службеници на Дунаву у вријеме сукоба Југославије са Информбиром // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова. Београд, 2012. Р. 159–173.

³⁴ Митинг в честь установки закладного камня на строительстве района Новый Белград состоялся 11 апреля 1948 г. На митинге присутствовали председатель Экономического совета правительства ФНРЮ Борис Кидрич, министр строительства ФНРЮ Владо Зечевич, председатель правительства СР Сербии Благое Нешкович (все трое члены Политбюро ЦК КПЮ) и другие официальные лица. Министр Зечевич поблагодарил собравшихся, в основном участников добровольных молодежных бригад, за оперативность и хорошую работу по подготовке территории (осушению болот) и выразил надежду, что уже через год между старыми районами

Конечно, и эти их выходки связаны именно с тем, что им больше всего: так называемое строительство социализма. Здесь дела идут плохо.

Вообще, планы пятилетки не выполняются³⁵. В общем за первую половину второго года было реализовано только 31% предвиденного плана. Не блестяще дело обстоит и на новом Белграде. Сюда уже приходил митинговать перед съездом Тито, сейчас же после съезда Кардель и Джилас, теперь новый митинг в связи с нотой протеста. В итоге добровольцы (волонтеры) митингуют, а дело движется плохо, медленно, без особого воодушевления, нет материалов, нет пищи, нет уверенности и спокойствия (шоссе Кнеза-Милена до сих пор не закончили, а конгресс прошел давно).

Плохо идет кампания хлебозаготовок. Говорят о перегрузке планов. О преувеличенных планах говорят и в промышленности. На самом деле отсутствуют кадры (ушли советские специалисты³⁶), материалы, да и моральное состояние среди рабочих после резолюции Информбюро уже не то. Отсюда — не перестающие процессы шпионства, саботажа и т. д.

После национализации торговых магазинов³⁷ витрины пустуют, купить ничего нельзя, доставлять тоже пока не в состоянии. Наблюдается ухудше-

---

Бежания и Старо Саймиште вырастут здания правительства ФНРЮ, правительства СР Сербии и ЦК КПЮ. По факту первые два объекта действительно были построены достаточно быстро, а строительство третьего затянулось. В ответной речи представитель трудовой молодежи заверил ответственных товарищей, что эта стройка будет также и «школой братства и единства народов Югославии».

³⁵ В 1946 г. был принят Закон о планировании и началась разработка первого пятилетнего плана, основным координатором работы был Андрия Хебранг. После ареста Хебранга в 1948 г. в связи с подозрениями в поддержке линии Коминформа ответственным за реализацию плана был назначен Борис Кидрич. Первый пятилетний план осуществлялся с 1947 по 1951 г. в основном силами «молодежного рабочего действия» (некий добровольно-принудительный аналог советских стройотрядов, начавших создаваться несколько позже). За время реализации первого пятилетнего плана было построено 200 крупных промышленных и энергетических объектов, железные дороги Шамац-Сараево, Никшич-Титоград и др. На 30% планировалось увеличить жилой фонд в стране, и именно эта часть плана реализована была не вполне, все ресурсы поглотила стройка Нового Белграда, в первых кварталах которого конторских зданий и гостиниц было больше, чем жилых домов. В 1952 г. плановая экономика советского образца была признана не отвечающей интересам югославских трудящихся, некий аналог Госплана при этом продолжал существовать. В 1957 г. был принят второй пятилетний план, реализовывавшийся до 1961 г. В 1962 г. Югославия окончательно отказалась от практики пятилетних планов.

³⁶ 24 февраля 1948 г. был задержан (а на самом деле отменён) выезд в ФНРЮ всех новых групп советских специалистов. В апреле произошел массовый исход из Югославии находившихся там специалистов из СССР. Однако же в августе 1948 г., когда была написана записка Руденко, утверждать, что «все советские специалисты ушли», было несколько преждевременно, последние группы советских специалистов (горные инженеры, согласно распространенному апокрифу, искавшие в Югославии урановые руды) покинули страну только осенью 1948 г.

³⁷ Закон о национализации частных предприятий был принят 7 декабря 1946 г. Под него попадали 42 разновидности частного предпринимательства, от металлургии и машиностроения до небольших частных магазинчиков. Отметим, что ремесленников-кустарей, работавших в одиночку, этот закон не затрагивал.

ние снабжения, вздорожание цен. Может быть, в связи с этим уменьшается и количество портретов Тито на витринах и вообще наблюдается некоторая заминка.

Нельзя не подчеркнуть, что ни в одном книжном магазине невозможно найти сочинений И. В. Сталина. Что было — все распродано. Нового не хотят привозить. Пытался заказать через магазин — отказались. И это в так называемой «Русской книге»³⁸!

А желающие есть. Издание писем ЦК ВКП(б), конечно, сопровождаемых письмами КПЮ и введением, разошлось в течение одних суток. Через неделю уже вышло второе издание. Люди хотят познать правду из прямых источников, а не через пропаганду Джиласа. Распространение литературы идет и нелегально с участием иностранных представительств. Газета «За прочный мир, за народную демократию» требуется во все большем количестве. Многим приходится даже отказывать.

Руденко
31. VIII. 1948 г.

*РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Отдел внешних сношений ЦК ВКП(б).
Д. 1163. Л. 87–90. Машинописная копия*³⁹.

Источники

«Нынешние советские руководители полностью забыли об интересах социализма и выступают лишь как великая держава...» (Запись беседы Йосипа Броз Тито и Николае Чаушеску. 24 августа 1968 г.) / публикация Б. С. Новосельцева // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / отв. редактор Т. В. Волокитина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 339–365.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Сопровождения Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М.: РОСС-ПЭН, 1998.

Arhiv Jugoslavije. Beograd.

Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room. Introduction of Cominform Propaganda into Yugoslavia via Danube, Begej and Tamis rivers. 14.12.1951. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009500470011-8.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

³⁸ Речь идет о магазине «Русская книга», с 1945 по 1991 г. находившемся в здании Сербской академии наук и искусств. В отличие от магазинов советской книги в других странах социалистического блока (в одной Софии таких магазинов было три), этот магазин не контролировался трестом «Международная книга», хотя и сотрудничал с ним. Как следствие, в 60–70-х гг. на полках этого магазина соседствовали продукция советских издательств и «тамиздат», скажем книги издательства «Посев». Поэтому советским туристам этот магазин издали показывали, но внутрь не пускали.

³⁹ Без помет и подчеркиваний. Сопроводительная записка к документу, а также данные о рассылке в деле отсутствуют.

Литература

- Аникеев А. С.* Югославская политэмиграция в советских планах свержения Й. Броз-Тито (1948–1952) // Славяноведение. 2016. № 5. С. 31–42.
- Бондарев Н. В.* Русские тайны Иосипа Броза Тито. Архивы свидетельствуют. М.: Вече, 2019.
- Гибянский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М.: Наука, 1987.
- Гладышева А. С.* Векторы румынской политики в отношении национальных меньшинств, 1945–1989 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 188–205.
- Гладышева А. С.* Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1956 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 270–325.
- Гулић М.* Београдска дунавска конференција 1948. Године // Токови историје. 2013. № 1. Р. 173–202.
- Гулић М.* Југословенске дипломате и службеници на Дунаву у вријеме сукоба Југославије са Информбироом // Југословенска дипломатија 1945–1961. Зборник радова. Београд: Институт за новију историју србије, 2012. Р. 159–173.
- Кимура К.* Четыре совещания югославской политэмиграции в СССР и странах «народной демократии» и их роль в антититовской кампании в 1948–1954 гг. // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 324–348.
- Пауновић Ј.* Историјски развој принципа слободне пловидбе Дунавом и Конвенција о режиму пловидбе на Дунаву од 1948 године. Београд: Savez udruženja pravnika Jugoslavije, 1957.
- Стојковић М.* Дунавска комисија. Београд: Univerzitet u Beogradu, 1970.
- Стыкалин А. С.* У истоков румынской национальной модели коммунизма. К вопросу о влиянии XX съезда КПСС, венгерской революции 1956 г. и югославского фактора // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 96–120.
- Стыкалин А. С.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 333–364.
- Югославия в XX веке: очерки политической истории / под ред. К. В. Никифорова. М.: Индик, 2011.
- Banas I.* Sa Staljinom protiv Tita: informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb: Globus, 1990.
- Croitor M., Borşa S.* Triunghiul suspiciunii: Gheorghiu-Dej, Hruşciov şi Tito (1954–1964). Vol. I. Cluj-Napoca: Mega, 2014.

- Miloradović G., Timofejev A.* (urednici). *Između dve otadžbine — jugoslovenski politički emigranti u Sovjetskom Savezu 1948–1956*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2016.
- Mitrović N.* *Jugoslovensko-rumunski odnosi (1954–1968): doktorska disertacija*. Beograd, 2023.
- Stojić-Karanović E.* *Dunav reka saradnje / Danube River of Cooperation*. Beograd: Međunarodni naučni forum «Dunav — reka saradnje», 2005.
- Stanciu C.* *From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956 // Iorga Institute. Historical Yearbook. Vol. V. Chief ed. C. Bodea. București, Romanian Academy, 2008. P. 113–126.*
- Vukelić V., Šumanović V.* *Arso Jovanović — an erased biography // Balcanica Posnaniensia. XXV. Posnan, 2018. P. 161–180.*
- Vukman P.* “Harcban Tito és Rankovics klikkje ellen”. *Jugoszláv politikai emigránsok Magyarországon (1948–1980)*. Budapest — Pécs: Kronosz, 2017.

References

- Anikeev, A. S., 2016. The Yugoslavian Emigration in the Soviet Plans of the Overthrow of Iosip Broz Tito (1948–1952). *Slavyanovedenie*, 5, pp. 31–42. (In Russian)
- Banac, I., 1990. *Sa Staljinom protiv Tita: informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu*. Zagreb: Globus.
- Bondarev, N. V., 2019. *Russian Secrets of Iosip Broz Tito. The Archives Testify*. Moscow: Veche. (In Russian)
- Croitor, M., Borșa, S., 2014. *Triunghiul suspiciunii: Gheorghiu-Dej, Hrușciov și Tito (1954–1964)*. Vol. I. Cluj-Napoca: Mega.
- Gibianskii, L. Ya., 1987. *The Soviet Union and the New Yugoslaviya. 1941–1947*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Gladysheva, A. S., 2014. The Trends of the Romanian Policy regarding the National Minorities. 1945–1989. In: E. P. Serapionova, ed., 2014. *The National Minorities in the Countries of the Central and South-Eastern Europe: the Historical Experience and the Contemporary Situation*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, pp. 188–205. (In Russian)
- Gladysheva, A. S., 2017. The Soviet-Yugoslavian Conflict and Romania: the Involvement into the Polemics. 1948–1956. In: A. S. Anikeev, ed., 2017. *Moscow and the Eastern Europe. The Soviet-Yugoslavian Conflict and the Countries of the Soviet Bloc. 1948–1953*. Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 270–325. (In Russian)
- Gulić, M., 2012. Yugoslav Diplomats and Officials on the Danube during the Yugoslav Conflict with Informbureau. In: *Yugoslavian diplomacy. 1945–1961. Collection of articles* Beograd: Institut za noviju istoriju srbije, pp. 159–173. (In Serbian)
- Gulić, M., 2013. The Belgrade Danube Conference of 1948. *Tokovi istorije*, 1, pp. 173–2002. (In Serbian)
- Kimura, K., 2016. Four Conferences of the Yugoslavian Political Emigration in the USSR and the Countries of the People’s Democracy and their Role in the anti-Titoist Campaign of 1948–1954. In K. V. Nikiforov, ed., 2016. *Together in the Century of Conflicts. Russia and Serbiia in the XX century*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, pp. 324–348. (In Russian)

- Miloradović, G., Timofejev, A., ed., 2016. *Između dve otadžbine — jugoslovenski politički emigranti u Sovjetskom Savezu 1948–1956*. Beograd: Institut za savremenu istoriju.
- Mitrović, N., 2023. *Jugoslovensko-rumunski odnosi (1954–1968)*. PhD thesis. Beograd.
- Nikiforov, K. V., ed., 2011. *Yugoslavia in the 20th Century: Essays on the Political History*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Paunović, J., 1957. *Historical Development of the Principle of Free Navigation on the Danube and the Convention on the Regime of Navigation on the Danube since 1948*. Beograd: Savez udruženja pravnika Jugoslavije. (In Serbian)
- Stanciu, C., 2008. From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956. *Iorga Institute. Historical Yearbook*. Vol. V. Chief ed. C. Bodea. București, Romanian Academy, pp. 113–126.
- Stojić-Karanović, E., 2005. *Dunav reka saradnje / Danube River of Cooperation*. Beograd: Međunarodni naučni forum «Dunav — reka saradnje».
- Stojković, M., 1970. *The Danubian Commission*. Beograd: Univerzitet u Beogradu. (In Serbian)
- Stykalin, A. S., 2011. What the Romanians Thought about the USSR. The Soviet Diplomat Testifies. In N. M. Kurennaiia, ed., 2011. *Looking for New Ways. Power and Society in the USSR and the countries of Eastern Europe in 1950–1960s*. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, pp. 333–364. (In Russian)
- Stykalin, A. S., 2020. At the Origins of the Romanian National Model of Communism. To the Question of the Influence of the 20th Congress of the CPSU, the Hungarian Revolution of 1956 and the Yugoslavian Factor. In: A. S. Anikeev, ed., 2020. *Moscow and the Eastern Europe. National Models of Socialism in the Countries of the Region (1950–1970s). Formation, features, modern assessments*. Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 96–120. (In Russian)
- Vukelić, V., Šumanović, V., 2018. Arso Jovanović — an erased biography. In: *Balcunica Posnaniensia*. XXV, Posnan, pp. 161–180.
- Vukman, P., 2017. “*Harcban Tito és Rankovics klikkje ellen*”. *Jugoszláv politikai emigránsok Magyarországon (1948–1980)*. Budapest — Pécs: Kronosz.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: МИФ И ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ.
О НОВОЙ КНИГЕ: ШНИРЕЛЬМАН В. А. В ПОГОНЕ ЗА ПРЕДКАМИ:
ЭТНОГЕНЕЗ И ПОЛИТИКА. М.; СПБ.: НЕСТОР — ИСТОРИЯ, 2024. 624 с.
ISBN 978-5-4469-2321-2**

Владимир Яковлевич Петрухин

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Отдел средних веков,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32-А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Аннотация

Фундаментальная и во многом итоговая работа историка, этнографа и археолога В. А. Шнирельмана посвящена одной из вечных тем общественной мысли — поискам основ истории народов России. Автор сохраняет необходимую историческую дистанцию между современностью, для общественной мысли которой поиски предков остаются не менее актуальными, чем для предшествующих эпох, и его объектом — этногенетическими исследованиями времен «императорской России» и «сталинского СССР». Первоочередной интерес рецензента вызывают проблемы, связанные со славяно-русской проблематикой. В дореволюционный период «русский национализм» использовался властью для противодействия революционному движению, в советский период использовался ею в интересах партийных верхов, «советский патриотизм» не отменял поисков великого прошлого разных народов, входивших в СССР. В советский период ситуация оказалась парадоксальной — официальные идеологи вынуждены были метаться между откровенным шовинизмом и «пролетарским интернационализмом», необходимостью укрепления государственности и национально-освободительных движений. Актуальность анализа, предложенного В. А. Шнирельманом, подтверждается возникшей при становлении разных форм советской (и постсоветской!) государственности тенденцией к максимальному удревнению своей истории в рамках границ республик и автономий.

Ключевые слова

Историография, этнология, археология, этногенез, славистика, национальные отношения

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2025 г.

Статья доработана автором 1 мая 2025 г.

Статья принята в печать 15 мая 2025 г.

Цитирование: Этническая история: миф и поиски идентичности. О новой книге: Шнирельман В. А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор — История, 2024. 624 с. ISBN 978-5-4469-2321-2 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 241–255. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.13>

**ETHNIC HISTORY: MYTH AND THE SEARCH FOR IDENTITY.
ABOUT THE NEW BOOK: SHNIRELMAN V. A. IN PURSUIT OF ANCESTORS:
ETHNOGENESIS AND POLITICS. MOSCOW; ST. PETERSBURG:
NESTOR — ISTORIYA, 2024. 624 P. ISBN 978-5-4469-2321-2**

Vladimir Ia. Petrukhin

D. Sc., Chief Researcher,
Department of the Middle Ages,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Abstract

The fundamental and largely final work of the historian, ethnographer and archaeologist V. A. Shnirelman is devoted to one of the eternal themes of social thought — the search for the foundations of the history of the peoples of Russia. The author maintains the necessary historical distance between the present, where the search for ancestors remains no less relevant than in previous eras, and his object — ethnogenetic studies of the times of “imperial Russia” and “Stalin’s USSR”. The primary interest of the reviewer is caused by the problems associated with the Slavic-Russian problems. In the pre-revolutionary period, “Russian nationalism” was used by the authorities to counter the revolutionary movement, in the Soviet period it was used in the interests of the party leaders, “Soviet patriotism” did not cancel the search for the great past of various peoples that were part of the USSR. In the Soviet period, the situation turned out to be paradoxical: official ideologists were forced to rush between outright chauvinism and “proletarian internationalism”, between the need to strengthen statehood and the national liberation movements. The relevance of the analysis proposed by V. A. Shnirelman is confirmed by the tendency that arose during the formation of various forms of Soviet (and post-Soviet) statehood to the maximum antiquity of its history within the borders of republics and autonomies.

Keywords

Historiography, ethnology, archeology, ethnogenesis, Slavic studies, national relations

Received 7 April 2025

Revised 1 May 2025

Accepted 15 May 2025

For citation: Petrukhin V. Ia., 2025. Ethnic History: Myth and the Search for Identity. About the New Book: Shnirelman V. A. In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics. Moscow; St. Petersburg: Nestor — Istoriya, 2024. 624 p. ISBN 978-5-4469-2321-2. *Slavic World in the Third Millennium*, 2025 (1–2), pp. 241–255. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.13>

Фундаментальная и во многом итоговая работа историка, этнографа и археолога В. А. Шнирельмана посвящена одной из вечных тем общественной мысли — поискам основ истории народов России. Автор сохраняет необходимую историческую дистанцию между современностью, для общественной мысли которой поиски предков остаются не менее актуальными, чем для предшествующих эпох, и его объектом — этногенетическими исследованиями времен «императорской России» и «сталинского СССР». Первоочередной интерес рецензента вызывают проблемы, связанные со славяно-русской проблематикой.

Становление российской академической науки, действительно, происходило в имперский период, в «сталинский» период эта наука обслуживает потребности государственной политики и идеологии; впрочем, политизация гуманитарных наук, как подчеркивает автор, усиливается повсюду в эпоху геополитических перемен на рубеже тысячелетий, когда «этнонационализм» становится характерной чертой современного мира (с. 15 и сл. в рецензируемой книге).

Естественно, проблемы «этногенеза» были актуальны для мира идей во все эпохи: для европейской цивилизации они были заданы библейской традицией о происхождении народов мира от трех братьев — библейских сыновей Ноя и не менее престижной античной традицией, давшей академической науке сам термин *этнос*. Русская академическая наука восприняла эти традиции в XVIII в. (начиная с В. Н. Татищева) при посредстве польской ренессансной книжности. Имена библейских «патриархов» на основе вполне средневекового «этимологического» метода сближались с ономастиком актуального этноса (библейский «князь Рос» — Россия, Мосох — Москва и т. п., ср. с. 55–56). Античные «предки» изыскивались тем же способом: польские авторы, возводившие свое шляхетское рыцарство к героическим всадникам — сарматам, готовы были найти и для русских сарматское имя — *роксоланы* и т.п. (ср. с. 55)¹

«Примордиализм» — ориентация на извечность этнических общностей, воплощенных в престижных предках, будь то библейские патриархи или античные культурные герои, основатели великих городов и народов (вроде троянского Энея, Ромула, Августа в идеологеме «Москва — третий Рим» и т. п.), не просто тешит национальную гордость, но и соответствует архаическим (первобытным) ментальным установкам, сохраняющимся у всякого народа. «Свой народ», владеющий понятным языком, занимает центральное место в архаической картине мира: эта устойчивая ментальная конструкция эксплуатируется идеологами тоталитарных режимов — подчеркивает В. А. Шнирельман (вслед за Э. Кассирером — с. 18–19) в 1 главе («Этнонациональные мифы о прошлом»). Автор справедливо именуется ква-

¹ Эти разыскания предков «россиян» (с основой на *рос, рокс* и т.п.) продолжают современные любители средневековых этимологий: см. об этой историографии работы А. С. Мильникова, к сожалению, не учтенные В. А. Шнирельманом.

зинаучные нарративы, связанные с этими конструкциями «этноцентристскими мифами», предлагая классификацию этих мифов. К этим стереотипам относятся мифы о славных автохтонных предках героического «золотого века», последующие несчастья «народа-мученика» связаны со злодеяниями заведомо враждебного иноэтничного окружения (с. 46 и сл.). Эти мифологические схемы легко накладывались на схемы социальных (и расовых) теорий, в том числе марксистскую, догматически усвоенную Сталиным и предполагавшую непрременную доминанту социально-экономического базиса и зависимость от него «надстройки», в том числе национальной: первобытное племя сменялось «феодальной» народностью, на смену ей приходила буржуазная (затем социалистическая) нация. Эта схема была самодостаточной, не предполагала взаимодействия разных этносов и традиций и способствовала популярности в советской науке автохтонизма (см. с. 52–53). В гипертрофированном виде автохтонистская тенденция представлена лингвистической теорией Н. Я. Марра, специально исследуемой в связи с развитием науки об этногенезе в рецензируемой книге (ориентироваться в солидной по объему монографии позволяет составленный автором именной указатель).

Вторая глава посвящена становлению «националистического направления в российской науке» в досоветский — «имперский» период. Автор справедливо связывает этот период с упомянутым воздействием польской ренессансной науки, синтезированным в первом учебнике русской истории — «Синописе» киевского книжника Иннокентия Гизеля. Установки Гизеля надолго пережили эпоху становления отечественной истории: его стремление снабдить погодными датировками известия, недатированные в космографическом введении к Начальной русской летописи («Повесть временных лет»), в том числе деяния летописного Кия (принадлежавшего к «роду Афета, племени Мосоха»), основавшего Киев в 431 г., были восприняты в советский период — схожую датировку начала Киева предлагал Б. А. Рыбаков, исторические конструкции которого анализируются в книге)². Естественно, это первое пособие по русской истории было неприемлемо для основателя критического направления в исследовании источников русского академика немецкого происхождения А. Шлёцера: «немецкие профессора» стали «первыми настоящими учеными в России в XVIII в.» (с. 63).

Обращение призванных в Академию наук немцев к источникам по русской истории не могло не привлечь их специального внимания к призванию иностранцев, положившему начало русской государственности согласно летописной традиции. Это было призвание варяжских князей; замечу, что открытие Г. Ф. Миллером того факта ономастики, что финны именуют Швецию *Ruotsi*, предопределило последующие научные изыскания по этимологии имени *русь*. Скандинавское (норманнское) происхождение варягов (вопреки Синописису, разоблаченному еще Г. Байером) не вызывало сомне-

² Неслучайно Синописис был переиздан в Москве в 2006 г. под показательными названием «Мечта о русском единстве» (изд-во «Европа»).

ния у немецких историков, хотя Шлёцер указывал при этом на одновременность сложения государств у норманнов и руси в IX в. Культуртрегерский миф о неспособности славян к сложению собственной государственности, то есть собственно традиционный жупел официальной историографии — «норманнская теория», сложился в позднейших пропагандистских конструкциях, особенно нацистских (ср. с. 63).

М. В. Ломоносов в «патриотическом упрямстве» (по характеристике В. О. Ключевского) оставался в полемике с немцами последователем Синописа и даже цитируемого тем же Гизелем русского средневекового (начало XVI в.) «Сказания о князьях Владимирских», возводившего род московских князей (и их претензии на власть над Пруссией) к вымышленному родственнику Августа Прусу (с. 64–65). Прусы и прочие народы Восточной Европы, включая древних скифов, считались в эпоху становления официальной российской науки славянами, что предшествовало идеологии «будущего имперского панславизма» (с. 66–67). Даже призывание варяжских князей было в контексте становящейся имперской идеологии не свидетельством отсталости славянства, а подтверждением исконных верноподданнических чувств, отказа от первобытного народоправства; летописная дата призвания — 862 г. была признана официальной датой начала русской государственности после указа Николая I (с. 69).

Эпоха романтизма придавала особое значение понятиям «народ», «народный дух», что актуализировало поиски древних истоков этих понятий, начального славянского единства, уравнивающего судьбы народов, оказавшихся под чужеземным игом, прежде всего — болгар, с судьбами древних народов; Ю. И. Венелин приписывал дунайским болгарам деяния части их тюркоязычных предков — обитателей причерноморских степей, настаивая на славянских основах «гунно-аваро-хазарских» объединений степных кочевников: эта тенденция сохранялась в исторических официальных конструкциях Д. И. Иловайского и позднейших «евразийцев». Естественно, в соответствии с этой тенденцией продолжались поиски древних ненорманнских истоков собственно русского народа — *руси*, обнаруживаемых повсюду, где находились напоминающие имя руси этники (от упомянутых роксоланов до ругиев, обитателей славянского Рюгена на Балтике и на склонах Альп): эти поиски с мультипликацией руси продолжаются в работах А. Г. Кузьмина и его последователей, конструкциях доваряжского «Русского каганата» IX в. на пути «из немец в хазары» и т. д. и т. п.

Эти тенденции подхватили ранние славянофилы, «для которых идея народа имела безусловный приоритет перед идеей государственности» (с. 76 и сл.). Задача русского государства — объединение всех славян и православное просвещение всего мира с преодолением чуждых истинной вере традиций Запада (показательно, что труды А. С. Хомякова были переизданы в 2008 г. под общим заголовком «Всемирная задача России»). Историческое обоснование таких всемирных задач нуждалось в демонстрации древних

основ славянской/русской цивилизации, не уступавших древностью индийскому и античному героическому эпосу: сформировавшиеся тогда стереотипы (близость русских северных диалектов санскриту, «этруски — это русские» и т. п.) сохраняются у любителей «народной этимологии» до сих пор (во многом благодаря некритическому тиражированию изданий Венелина, Классена и др.). Эпоху Николая I автор именует «героическим этапом в русской историографии», проникнутой самодовлеющими патриотическими чувствами. (с. 78).

Романтизм этих конструкций остается привлекательным и проникает в современные научные проекты: в учебнике русской истории для университетов (М., 2006), изданном под редакцией акад. Милова, говорится об индоевропейской древности славян, пришедших вместе с индоевропейцами из Малой Азии, археологи с определенным энтузиазмом поддержали романтический проект Тура Хейердала, искавшего на Нижнем Дону свидетельства переселения скандинавов из Малой Азии (исландский книжник XIII в. Снорри сближал имена переселенцев *асов* с названием материка *Азия*, ср. с. 79).

Конструкции, ориентированные на панславизм, столкнулись со второй половиной XIX в. с реакцией польских, украинских и белорусских «националистов», настаивавших на неславянском характере русского этноса, включавшего значимые финно-угорские и тюркские (татарские) составляющие. Реакцией на эту тенденцию уже в среде русской эмиграции 1920-х гг. стало евразийство, усматривавшее историческую роль русского народа в объединении всех народов, входивших в империю, а затем и СССР (с. 85–86). Те же во многом противоречивые тенденции были свойственны и дореволюционной археологической науке, стремившейся определить границы этносов и углубляющей историю славян до эпохи формирования земледелия (скифы-пахари и даже неолитическая трипольская культура); эти тенденции долго сохранялись на уровне интерпретации археологического материала. Особой остротой отличался «украинский вопрос»: проблема самостоятельности украинского языка, разграничения Малороссии и ее населения с русским населением Великороссии начиная с М. А. Максимовича заставляла искать различия в исторических судьбах южной и северной групп восточнославянского населения, украинские истоки древнейшей («Киевской») Руси и т. п.

В этот «украинский» историографический контекст не вполне укладывался характеризуемый автором подход русского филолога А. А. Шахматова (с. 110–112): опираясь на исследование начального летописания и поиски исторических истоков известий летописи, Шахматов подчеркивал единство славянской культуры в древнейший период, но признавал варяжское (неславянское) происхождение руси. При этом Шахматов некритически воспринял данные археологии о распространении скандинавских древностей в Восточной Европе, посчитав, в соответствии с предложенной им реконструкцией древних летописных сводов и известий первой половины

IX в. о «русском каганате», что «начальная» русь обосновывалась в Киеве, а варяги были призваны позднее (в 862 г.) в Новгород. Эта конструкция повлияла на представления позднейшей историографии об «исконной» Киевской Руси, в том числе на представления основателя украинской исторической науки и просветителя М. С. Грушевского: он стремился углубить истоки этого южнорусского конструкта до эпохи славянского расселения VI в. и увязать его со славянским объединением антов (игнорируя лауну между известиями VI и IX вв.). Таковыми оказались истоки средневековой «Украины-Руси», многотомную историю которой создал Грушевский: он стремился преодолеть средневековые стереотипы (усвоенные ученой историографией, начиная с Карамзина), возводящие власть московских государей к великим киевским князьям. Опять-таки средневековая византийская традиция разделения Малороссии и Великороссии (ср. с. 112–120) увязывалась с самостоятельным развитием разных народов — украинцев, белорусов и русских, восходящим едва ли не к эпохе неолита.

Эта значимость этнической истории воспринималась властями как покушение на государственный суверенитет Российской империи, ввоз данной во Львове многотомной истории «Украины-Руси» был запрещен (переиздание было инициировано в Украине в 1994 г). Работы Грушевского способствовали росту интереса к проблеме формирования этнического самосознания, П. Н. Милуков подчеркнул связь становления великорусского самосознания с формированием Московской государственности на рубеже XV–XVI вв.; ту же проблематику стали разрабатывать М. К. Любарский, М. Д. Приселков, А. Е. Пресняков — последний настаивал на бесперспективности примордиальных поисков истоков наций в «племенных культурах» (с. 121–124).

Становление национального вопроса в советской науке (глава 3) было связано с формированием федеративной политической структуры Советского государства, при этом нация воспринималась как сложившееся исторически этническое образование. Проблему составляло наличие иных консолидирующих нацию факторов, прежде всего — религиозного: М. Султан-Галиев отстаивал доктрину «мусульманского национального коммунизма» (с. 132), вызвавшую противодействие властей; риторически оставались господствующие установки на борьбу против буржуазного национализма и великодержавного шовинизма, при посредстве которых подавлялись устремления к самостоятельности национальных регионов. Партийная бюрократия боролась со стремлением к культурному развитию автономий (мордвы, коми, карел) на основе национального языка и традиций; сложные проблемы сопровождали «национальное размежевание в Средней Азии» и на Северном Кавказе (с. 151–159). В этой ситуации относительно нейтральной представлялась идея поиска «славных предков» народов, в досоветский колониальный период практически лишенных истории (с. 166–169). Эта идея не могла не воздействовать на станов-

ление науки об этногенезе, поиск примордиального соответствия этноса археологической культуре и т. п. Примордиальная риторика воздействовала и на собственно археологические исследования материальной культуры; в этих условиях сложилась и тенденция обнаружения истории русского народа, предшествующей истории русского государства (Ю. В. Готье, с. 173). В краеведческом движении начался «музейный бум», ориентированный на демонстрацию «непреходящей ценности местного культурного наследия».

Нужды социалистического строительства требовали оперативного преодоления отсталости в области традиционного ведения хозяйства и племенных пережитков — формирования новых национальных образований, коллективных единиц, соответствующих идеям социализма.

Особую объективную проблему создавало отсутствие «древних» писанных историй, подобных русскому летописанию, у многих народов СССР. Эта проблема породила полемику по поводу первой марксистской истории России М. Н. Покровского, разбираемую В. А. Шнирельманом (с. 184 и сл.): историка, стремившегося соблюсти принцип интернационализма, обвиняли как в пренебрежении историей собственно русского народа, так и в игнорировании истории других народов. Пришлось «Историю России» переименовывать в «Историю народов СССР» (с. 185).

Марксистский метод был парадоксальным образом понят Н. Я. Марром, выступившим против традиционного сравнительно-исторического языкознания, в первую очередь — индоевропейской («арийской») теории. Его естественная привязанность к Кавказу воздействовала на конструкцию некоей «яфетической семьи языков», формирующейся в результате синтеза разных языков в соответствии с развитием общественных формаций.

Замечу, что накануне Второй мировой войны сформировалась историографическая тенденция, направленная на поиски долетописных свидетельств о славянском, а не норманнском (варяжском) происхождении народа *русь*: А. П. Дьяконов отверг германскую интерпретацию этника *hros*, упомянутого сирийским автором VI в. Захарией Ритором в «гуннских пределах» (к северу от Кавказа), в начале XX в. предложенную Й. Марквартом, и настаивал на славянской его природе (ВДИ, 1939, № 4). Хотя собственно славяне не поминались сирийским автором, Дьяконов, апеллируя к множественности славянских объединений VI в., соотносил этот «народ» с антами, игнорируя альтернативную конструкцию Грушевского. Это построение, сохранявшееся в отечественной историографии вплоть до работ Б. А. Рыбакова и В. В. Седова, было подхвачено Н. В. Пигулевской, включившей упоминание «народа» *hros* в число ранних известий о народах СССР в 1941 г. и специально писавшей об этом «народе» в 1952 г., когда борьба с «норманизмом» достигла апогея в отечественной историографии³.

³ Приводимая конструкция вырывала «народ» *hros* из контекста источника, который помещал этот «народ» среди монстров окраины ойкумены — псоглавцев, амазонок и т. п.: естественно, эти известия не были включены в «Свод древнейших известий о славянах», изданный Институтом славяноведения в 1994 г.

В главе 4 автор приводит «наиболее интересные случаи», характеризующие построение «этногенетических нарративов» уже в поствоенный период. Особый раздел посвящен «украинским истокам», искать которые в наиболее радикальных нарративах принято в энеолите (культура Триполье, III тыс. до н. э.). В украинской историографии сформировалась тенденция принципиально разделять украинцев и русских — «московскую народность» как результат смешения разных восточнославянских племен с финнами в исторический (и доисторический энеолитический) период, хотя общее древнее самоназвание русь (возводимое к варягам) осложняло эту конструкцию. Продолжалась полемика по поводу степени восточнославянского единства в домонгольскую эпоху — эпоху Киевской Руси. Стремление ряда украинских авторов (М. И. Яворский и др.) продемонстрировать самостоятельность истории Украины с древнейших времен, «балансировать на грани марксизма и национализма» привело к ликвидации харьковского Института Марксизма в 1931 г (с. 202).

Идея исторической и этнической самостоятельности белорусов формировалась в период революционного движения и военных конфликтов с Польшей в первой четверти XX в. Тогда возникли «страсти по кривичам», центром которых (в соответствии с начальным летописанием) был Полоцк, соперник Киева; белорусский академик В. Ю. Ластовский издавал журнал «Кривич». И здесь не обошлись без обращения к мифическим первопредкам — волотам (автор сохранил белорусскую огласовку — *волаты*), фольклорным доисторическим великанам, чей образ напоминает *hros* Захарии Ритора — великанов, которых не могли носить кони. Популярной остается и давняя народно-этимологическая примордиальная трактовка этнонима *кривич*: «кривич» — «кровный» (с. 206–209), при том, что летописное *кривичи* означает живущих на окраине (славянского мира).

Контroversы, связанные с восхождением народов Поволжья — казанских татар и чувашей — к волжско-камским булгарам, господствовавшим в этом регионе в домонгольской период, этнические отношения татар и башкир рассматривались в историографии под воздействием пантюркистских теорий, не предполагавших самостоятельных предков для каждого народа и хронологически не опускавшихся ниже гуннского нашествия.

Древние истоки стремились обнаружить и первые историки марийцев, сближая современный этноним с летописным *меря*; арийские истоки отыскивались у удмуртов, для чего их имя сближалось по созвучию с именем удинов Азербайджана (что соответствовала распространенной в 1930-е гг. яфетической теории). Эти идеи вызывали подозрение в возвеличивании истории финских общностей и привело к фабрикации «дела Союза освобождения финских народностей» в 1932 г. (с. 224–229). Сложную и противоречивую проблему переставляла собой этническая история мордвы, историографические перипетии которой подробно изложены в книге: насколько прочно и когда древний этноним *мордва* объединил две группы мордвы —

эзрю и мокшу — и каковыми были отношения этих групп с Русским государством и Волжской Булгарией, остается дискутируемой проблемой. Один из вождей мокши Пуреш признавался «ротником», принесшим присягу-роту вассалом русских князей (в книге ошибочно характеризуется как «ратник», с. 249). «Славное прошлое» коми создавалось К. Ф. Жаковым, сочинившим эпическую поэму «Биармия» (подражая «Калевале» Лённрота): фантастическая северная страна скандинавских саг, чье имя Биармия традиционно сближается с именем Пермь, и образ противника Стефана Пермского волхва Пама позволяли углублять культурные истоки коми в духе национального романтизма. К концу 1920-х гг. эти тенденции были признаны «уклонистскими».

«Борьбой за древнее наследие» именуется автором попытки построения этнической истории среднеазиатских тюрков и ираноязычных таджиков. Проблематичной была традиционная, восходящая к эпохе Средневековья, установка на существование единой этнокультурной области Туркестан; эта проблематичность усугублялась наличием в тюркоязычной среде иноязычных анклавов (сартов). Нейтрализацией этнических контроверз служила яфетическая теория Марра, но поиск престижных предков заставлял ассоциировать достижения античной цивилизации (Согд) с развитием культуры узбеков и таджиков (с. 273).

Та же тенденция характеризовала этногенетические нарративы с 1920-х гг., ориентированные на поиск истоков народов Северного Кавказа в древней Передней Азии. Своей древностью «подкупали» и аланы (сарматы), хазары, зихи античных авторов, не говоря уж о предшественниках хеттов — хаттах Передней Азии (их язык в лингвистических реконструкциях относится к северокавказской семье). Естественно, в качестве престижных предков выступали и герои нартского эпоса (подобно мифическим великанам других традиций). Знаменитый осетинский филолог В. И. Абаев настаивал на глубоких алано-сарматских и даже скифских корнях осетинского народа (к его более поздним классическим работам относится и исследование скифо-европейских изоглосс, обнаруживающих древнее воздействие иранского — скифского языка на балто-славянские и др. европейские); развиваемый Абаевым сравнительно-исторический метод в языкознании был неприемлем как для марристов, так и для последователей официального направления, сформированного антимарристским сочинением Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (с. 298–302). Этот поворот в отношении к языкознанию сопровождался борьбой с «буржуазным национализмом», в том числе отрицанием добровольного вхождения народов в состав Российской империи.

С не меньшими сложностями развивалось исследование этнической истории армян, особенность которой связана с многочисленной переднеазиатской диаспорой. Самоназвание армян — *хай* выводится из урартского обозначения обитающих к западу от Евфрата (включая хеттов), страны

Хайасы. Урарту — древнейшее государство на территории СССР: в работах армянских исследователей армяне стали господствовать на его территории после разгрома этого государства фригийцами в VIII в. до н. э., являясь автохтонами в Закавказье (с. 306–313).

Создание этнической истории нового образования в составе СССР, Азербайджанской ССР, автор именуется «изобретением национальной истории» (с. 313). Сложности заключались прежде всего в том, что большая часть азербайджанцев проживает в одноименной провинции на северо-востоке Ирана. Новый этноним *азербайджанцы* призван был выделить новую нацию из традиционных объединений, сохранявших архаическое имя *тюрки* (*татары*), тем более что тем же наименованием пользовались соседи в Турции и Иране. Новый этноним стал знаменем борьбы с пантюркизмом. Продемонстрировать автохтонизм требовали власти республики; ранние достижения культуры, как и в Средней Азии, в Азербайджане искали в средневековой книжности — «своим» великим поэтом признали персидского автора Низами; действительно, замечу что он родился в Гяндже и охватил в своей поэме об Александре — Искендер-наме историю не только Кавказа, но и всей Евразии (упоминая русов как псоглавцев!). Соответственно в историографии этногенез азербайджанцев увязывался с древними мидянами, жителями закавказских стран — каспиями, албанами; как автохтоны азербайджанцы не могли уступать грузинам и армянам — албанский алфавит, введенный в V в. Месропом Маштоцем, был объявлен азербайджанским (с. 323).

С возникновением письменности увязывали начало своей истории бурятские и якутские интеллектуалы (с. 326–330); замечу, что схожий подход демонстрировала уже русская начальная летопись — создание славянской письменности Кириллом и Мефодием увязывалось там с правлением Вещего Олега, заключившего первый письменный договор с греками в 911 г.

Напрямую с летописной традицией о норманнах-варягах и данными археологии оказалась связана судьба Немецкой автономии в Поволжье: немецкие колонисты были расселены в Среднем Поволжье в новое время, но энтузиасты обнаруживали внедренность германских элементов в историю Поволжья уже в готскую эпоху (благо этот регион был включен в Готскую державу Германариха еще Иорданом, автором VI в.). Естественно, эта увлеченность была принята за национализм, а отношение к германскому влиянию на русскую историю резко поменялось с началом войны (с. 330–334).

Годы революционных потрясений характеризует парад национальных суверенитетов, который затронул и казачество, чья сословная обособленность («самостийность») провоцировала на поиски особых этнических корней среди разнообразных обитателей пограничья степной зоны — от «скифов-славян» до «алано-хазар»; традиции собственной государственности возводились к Хазарии и так называемой Тмутараканской (Приазовской) Руси (с. 334–345).

В эмиграции создавались радикальные националистические мифы (доныне популярные среди неоязычников), возводящие украинцев к истинным арийцам, преследуемых семитами, но унаследовавшим достижения древней ближневосточной цивилизации и основавшим Иерусалим; они считались потомками языческого Дажьбога (с. 334–348; ср. конструкцию о «русичах — Дажьбожьих внуках» Слова о полку Игореве).

Проблемы становления официальной советской науки в 1920–30-е гг. рассматриваются в главе 5 «В борьбе за интернационализм». Ориентация на победу всемирной революции делал неактуальными исследование архаических традиций и их «пережитков», в том числе в области археологии, этнографии и краеведения. Актуальной оказывалась история материальной культуры — недаром Н. Я. Марром была создана Государственная академия истории материальной культуры (с. 353). Автохтонизм стал доминирующим в подходе к этногенезу — каждый народ даже был иметь своих древних предков, значение миграций и межэтнических отношений минимизировалось. Вместе с тем марровская яфетическая теория — смена языков в соответствии со сменой экономических формаций — не вполне укладывалась в автохтонистскую тенденцию. Согласно яфетической теории «скифскую» стадию развития степных культур сменяла «гуннская», потом «тюркская» и т. п. (с. 364). Одновременно началась интенсивная борьба с проявлениями «национализма», репрессии против национальной интеллигенции и элиты в Якутии, Абхазии, Украине, среди поволжских финнов; народы, ассоциировавшиеся с нациями «враждебных» стран, — советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы, поляки и др. подвергались дискриминации. Репрессированы были и представители традиционных подходов и академических направлений, «старые» профессора, закрыт и организованный академиком Н. С. Державиным Ленинградский институт славяноведения (с. 374). Разгром «реакционного» краеведческого движения и закрытие музеев сопровождалось распродажей музейных ценностей; экспозиции сохранившихся этнографических музеев должны были демонстрировать успехи ленинской национальной политики. Националистическими были признаны формирующиеся в Белоруссии и Украине школы гуманитарных исследований, ориентированные на изучение «реакционных» традиций. Репрессии обрушились на интеллигенцию всех вошедших в СССР республиканских образований и географических регионов (Сибирь, с. 339–394). В итоге, заключает В. А. Шнирельман, «наука стала жертвой режима», что во многом определялось сменой научной номенклатуры (с. 493–397).

Глава 6 посвящена «смене парадигм» — выработке новой идеологии, знаменующей переход «от интернационализма к национализму», «патриотизации отечественной истории», появлению «мифологемы единого советского народа» с середины 1930-х гг. Патриотический национализм требовал совмещения с пролетарским интернационализмом, военная конфронтация «оправдывала» депортацию немцев, поляков, финнов, латышей и др.

из приграничных районов. Доминантной в официозной идеологии становилась роль русской истории и русского народа с его культурными героями и вождями — Александром Невским и Иваном Сусаниным (его именем заменили старое название оперы «Жизнь за царя»); «русские цари», по характеристике Сталина, «сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство — до Камчатки». (Это «дело», между прочим, оправдывало тиранию Ивана Грозного). Большевики выступали как продолжатели этого дела, «сплотившие и укрепившие это государство»: выступавшие против этого единства (в том числе поднимавшие «национальный вопрос») подлежали уничтожению как смертельные враги СССР и социализма в целом (с. 398–409). Соответственно строились научные и учебные программы, в которых реабилитировалась история, где, во-первых, «история Великороссии не отрывалась бы от истории других народов СССР», а во-вторых, «не отрывалась бы от мировой истории» (с. 419). При этом В. А. Шнирельман справедливо выделяет тенденцию к созданию «этноцентристской концепции ранней истории русского народа» в доваряжский период, возникновение официозного жупела «норманнской теории», принижающей исторические способности славян (что приписывалось уже деятельности немецких академиков XVIII в.) (с. 426 и сл.). Этой тенденции, естественно, противоречили историографические проблемы, встающие перед исследователями, работающими над историей Казахстана и других регионов (см. с. 425–427): первоочередными считались исследования братских народов — русских, украинцев и белорусов, «гонения на национальные истории» усилились в послевоенные годы (с. 431 и сл.). Ситуация оказалась парадоксальной — официозные идеологи вынуждены были метаться между откровенным шовинизмом и «пролетарским интернационализмом», необходимостью укрепления государственности и национально-освободительных движений; особое значение придавалось разоблачению реакционного движения Шамиля на Кавказе (с. 433–439). Борьба с проявлениями пантюркизма, паниранизма и т. п. ставила под удар любые научные попытки исследовать этническую историю.

Особую ревность вызывала связь с древнейшим историческим государством на территории СССР в Закавказье — Урарту: начало своей истории увязывали с ним армяне и грузины (с. 448).

Крайнем выражением шовинистических тенденций в официозной идеологии стала борьба с «космополитизмом» в середине XX в. Классовые враги были уничтожены; окончательному единству советского народа противоречило существование «безродных космополитов» (под ними подразумевались преимущественно евреи), в области монолитной социалистической культуры — буржуазные и более архаичные ценности, навязываемые враждебным зарубежным окружением. Главными целями разоблачения стали не только пантюркизм и тому подобные жупелы официозной пропаганды, но и тюркология, и финноугроведение, «лишавшие народы», по приводимой в книге характеристике С. П. Толстова, «их национального своеобразия» (с. 452).

Любые сравнительно-исторические исследования приравнивались к низкопоклонству перед чуждыми ценностями: кроме упомянутого в книге старого классика отечественной филологии А. Н. Веселовского, напомним о судьбе В. Я. Проппа — сравнение сюжетов русской сказки с фольклором других народов считалось принижающим их достоинство.

Актуальную проблему представляло славяноведение, особенно вопросы этнической истории восточных славян. Уже в 1939 г. начала свою деятельность комиссия по этногенезу, на первом заседании которой акад. Н. С. Державин настаивал на автохтонном развитии балканских славян, Б. А. Рыбаков — на антских истоках Руси, углублявших ее историю в доваряжский период. Древняя Русь стала основой не только общности восточнославянских народов, но и основой Советского государства. Представления о развитии археологических культур должны были соответствовать формирующейся схеме: экономический фундамент грядущего развития должны были демонстрировать если не культуры охотников каменного века (как думал Державин), то, во всяком случае, земледельческие культуры энеолита (упомянутая трипольская). Оживились запретные со времен господства марровских идей проблемы прародинности славян; к наследию марризма можно относить при этом замалчивание особой близости славянских и балтских языков, предполагающей древнее балто-славянское единство. Прародиной — исконной территорией — славянства считалось в официозных конструкциях Среднее Поднепровье (с. 467–468). Как уже говорилось, наследие марровского стадийного подхода позволяло усматривать автохтонное возникновение славян как на русском Севере (до Прибалтики), так и на юге Восточной Европы, на Северном Кавказе, в Крыму и Причерноморье в целом (ср. выше о народе *hros*). Следует отметить, что с вторжением начальной руси в Причерноморье (с IX в.) внешние источники могут именовать Черное море (Понт) «Русским», русь князя Святослава выводить от боспорских «тавроскифов» и т.п.; к этим источникам относится и славянское «Житие» Константина Философа, который якобы видел книгу с «русскими письменами» в Корсуни (Херсонесе; у В. А. Шнирельмана ошибочно — в Керчи, с. 472). Но это — не более чем традиционные конструкции средневековых книжников, стремившихся разместить неизвестный им народ в пределах ойкумены. Конкретные археологические исследования обнаружили специфику локальных археологических культур в Причерноморье, никак не связанную со славянами, бесосновательность традиции выводить славян из скифов, не говоря уж о трипольцах и т.д. (с. 474 и сл.).

Особой деликатностью отличаются проблемы интерпретации героических эпосов разных народов, в том числе общих эпических традиций и героев, принадлежавших разным народам: вопрос о приоритете в формировании этих традиций задевал национальные чувства этих народов в связи с эпосами «Кер оглы» (у азербайджанцев и туркменов), «Манас» (у киргизов и казахов), Нартовский эпос (у осетин и других народов Кавказа)

(с. 447). Добавлю, что эпическими врагами богатырей былиного эпоса могли выступать татары (или «литва»), в эпосе тюркоязычных народов Едигей — русские (ср. об эпосе Гэсэр: с. 483). О разоблачительной пропаганде, относящей эпосы к архаическим творениям реакционных верхов, см. в главке «Кампания против народных эпосов» (с. 482–506).

В Заключении В. А. Шнирельман отметил «высокую эмоциональную напряженность», которая сопровождала непрерывную дискуссию о предках и этнической истории. В дореволюционный период «русский национализм» использовался властью для противодействия революционному движению, в советский период ею использовался в интересах партийных верхов, «советский патриотизм» не отменял поисков великого прошлого разных народов, входивших в СССР. «Процесс конструирования советских наций» порождал поиски разных оснований для таких контракций — своеобразия языка у украинцев, формирование ранней «кривичской» государственности у белорусов, вопросы об этнической территории у азербайджанцев и т. д. Актуальными оставались поиски древних, в том числе легендарных основ культуры — иранской у таджиков, Биармии скандинавских саг у финно-угорских народов, Тюркских каганатов у тюркоязычных народов. «Завораживающим» был и образ древних арийцев для народов индоевропейской языковой семьи, волжских болгар и хазар для народов Поволжья и т. п.

Актуальность анализа, предложенного В. А. Шнирельманом, подтверждается возникшей при становлении разных форм советской (и постсоветской!) государственности тенденцией к максимальному удревнению своей истории в рамках границ республик и автономий — семитомная «История татар» (2002) начинается с эпохи бронзового века Евразии, «академическая история Югры» (2024) — с палеолита.

В заключение рецензент считает своевременным поделиться воспоминанием о рассказе академика Б. А. Рыбакова (совмещавшего посты директора Института истории и Института археологии АН СССР) студентам первого курса Истфака МГУ в сентябре 1967 г. Это был юбилейный год (50 лет Октябрьской революции), и власти страны стремились использовать возможности, связанные с празднованием разных событий. Б. А. Рыбаков рассказывал, как к нему пришли «украинцы» с настоятельным вопросом: почему Тбилиси празднуют 1 500-летний юбилей, Еревану — почти 3 000, а Киеву нет? Академик сказал, что может способствовать празднеству 1 500 юбилея Киева: празднество официально отмечалось в 1982 г. Автор статьи успел побывать на его продолжении на Пятом Международном конгрессе славянской археологии в Киеве в сентябре 1985 г.; отделение истории АН СССР более оперативно выпустило в 1982 г. посвященные юбилею монографию Б. А. Рыбакова «Киевская Русь и древнерусские княжества XII–XIII веков» и книгу В. Т. Пашуто, Б. Н. Флори и А. Л. Хорошкевич «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства».

**СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД НА ВЕЛИКОМОРАВСКИЕ ГОМБИКИ.
О НОВОЙ КНИГЕ: KRUPÍČKOVÁ Š. GOMBÍKY FROM MIKULČICE
AND THEIR REGIONAL AND SUPRAREGIONAL CONTEXT.
BRNO: CZECH ACADEMY OF SCIENCES, INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY,
2024. 257 P. ISBN 978-80-7524-086-6**

Кирилл Алексеевич Юрьев

Аспирант,
Воронежский государственный университет
Почтовый адрес: Университетская площадь, 1,
Воронеж, 394018, Россия
Электронный адрес: kirill.yuriev2012@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-0787-3254

Аннотация

В работе анализируется монография Ш. Крупицковой, посвященная великоморавским гомбикам — предметам, которые интерпретируются разными специалистами как застежки или статусные вещи. Сам термин «гомбики» и его употребление по отношению к тому или иному предмету дискуссионен в среде ученых, поэтому автор уточнил, что употребляет его для обозначения сферических предметов, изготовленных из стекла или листового железа. Методологическая основа исследования, подробно описанная автором в начале книги, представляет собой вполне привычную для современной чешской историографии ситуацию, когда в качестве опоры используются наработки пост-процессуальной археологии американско-европейских и чешских исследователей. Как и заявлено в названии работы, Ш. Крупицкова анализирует в первую очередь археологический материал, обнаруженный на поселении Микутьчицы, однако, оправдывая остальную часть названия, региональный контекст раскрывается на примере целого ряда археологических памятников из разных стран, в первую очередь Чехии, Словакии и Венгрии, что делает данную книгу в некоторой степени крупной обобщающей работой по теме. Несмотря на большой объем материала, а также недостаток навыков для некоторых научных изысканий, где автор не является специалистом, Ш. Крупицкова справляется с поставленной задачей, подтверждая некоторые тезисы, например, об изначальном распространении гомбиков в среде элиты, а также опровергает выдвинутую в начале гипотезу о сакральной функции предмета. Также нельзя не упомянуть о выдвинутой автором схеме диффузии инноваций из одной культурной среды в другую, благодаря чему и появились великоморавские гомбики, так как в этом процессе автором отмечается большая роль Византии, нежели франков, что не является типичным для новейшей чешской историографии.

Ключевые слова

Великая Моравия, гомбики, археология, элиты, историография

Статья поступила в редакцию 10 мая 2025 г.

Статья доработана автором 31 мая 2025 г.

Статья принята в печать 7 июня 2025 г.

Цитирование: *Юрьев К. А.* Свежий взгляд на великоморавские гомбики. О новой книге: Krupíčková Š. Gombíky from Mikulčice and Their Regional and Supraregional Context. Brno: Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology 2024, 257 p. ISBN 978-80-7524-086-6 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 256–260. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.14>

**A FRESH LOOK AT THE GREAT MORAVIAN GOMBÍKY.
ABOUT THE NEW BOOK: KRUPÍČKOVÁ Š. GOMBÍKY FROM MIKULČICE
AND THEIR REGIONAL AND SUPRAREGIONAL CONTEXT.
BRNO: CZECH ACADEMY OF SCIENCES, INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY,
2024. 257 P. ISBN 978-80-7524-086-6**

Kirill A. Yuriev

Postgraduate,
Voronezh State University
Postal address: University Square, 1,
Voronezh, 394018, Russia
E-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-0787-3254

Abstract

The paper analyzes the monograph by Š. Krupičková, dedicated to Great Moravian gombíky — objects that are interpreted by different specialists as fasteners or status items. The term «gombíky» itself and its use in relation to one or another object is debatable among scientists, so the author specified that she uses it to designate spherical objects made of glass or sheet iron. The methodological basis of the study, described in detail by the author at the beginning of the book, is a situation quite common for modern Czech historiography, when the developments of post-processual archeology of American-European and Czech researchers are used as a support. As stated in the title of the work, Š. Krupičková analyzes primarily the archaeological material discovered at the Mikulčice settlement, however, justifying the rest of the title, the regional context is revealed using the example of a number of archaeological sites from different countries, primarily the Czech Republic, Slovakia and Hungary, which makes this book to some extent a large generalizing work on the topic. Despite the large volume of material, as well as the lack of skills for some scientific research, where the author is not a specialist, Š. Krupičková copes with the task, confirming some theses, for example, about the initial distribution of gombics among the elite, and also refutes the hypothesis put forward at the beginning about the sacred function of the object. It is also impossible not to mention the author's scheme of diffusion of innovations from one cultural environment to another, thanks to which the Great Moravian gombics appeared, since in this process the author notes the greater role of Byzantium rather than the Franks, which is not typical of modern Czech historiography.

Keywords

Great Moravia, gombík, archaeology, elites, historiography

Received 10 May 2025

Revised 31 May 2025

Accepted 7 June 2025

For citation: Yuriev, K. A., 2025. A Fresh Look at the Great Moravian Gombíky. About the New Book: Krupičková Š. Gombíky from Mikulčice and Their Regional and Supraregional Context. Brno: Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology 2024, 257 p. ISBN 978-80-7524-086-6. *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 256–260. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.14>

За последние несколько лет были изданы как минимум две чрезвычайно любопытные монографии, выполненные на основе диссертаций по археологии Великой Моравии: книга М. Главицы, в которой он предпринял попытку создать собственную концепцию социально-политического устройства Моравии в IX в.¹; книга Ш. Крупичковой о великоморавских гомбиках, которой и посвящен данный обзор. Термин «гомбики» автор употребляет для обозначения сферических предметов, изготовленных из листового железа или стекла.

В качестве теоретической основы автор пользуется методами культурной антропологии, называя среди вдохновителей следующих исследователей: Г. Халсолла, Г. Хёрке, С. Братера, Е. Неуступного, Ш. Унгермана. При подготовке диссертации, которая легла в основу этой монографии, научным руководителем Ш. Крупичковой был Й. Махачек, который стремился синхронизировать дискурс чешских средневековых исследований с западно-европейскими². В своих работах он «инструментально» подходит к выбору теории, черпая вдохновение в процессуальной археологии, но не замыкаясь на ней³. Подобная ситуация характерна для новейшего этапа чешской историографии.

По мнению автора, великоморавские гомбики возникли в результате процесса диффузии инноваций из Средней Азии в Византию, оттуда через Балканы в Великую Моравию.

Изначально гомбики появились в среде узкой прослойки великоморавской знати среди мужчин в качестве небольших (2 см) застёжек для одежды. Затем их размер увеличился, а украшение их чеканкой сделало гомбики именно великоморавской особенностью. В этот период они распространились в среде знати более широко, даже среди женщин и детей. Также гомбики распространились за пределами Великой Моравии в качестве дипломатических даров (на территории современной Венгрии) или в результате культурного влияния на сопредельных территориях (в Праге действовала мастерская по производству гомбиков). Гомбики были предметом, распространенным среди элиты и приближенных низкого сословия, но на следующем этапе они распространились в широких слоях населения, теряя качество производства и статус элитного элемента одежды, становясь украшением. После падения Великой Моравии какое-то время действовал пражский центр производства, но он вскоре прекратил работу.

Также важен не подтвердившийся в ходе исследования тезис автора — гомбики формата погребушек не были амулетами, оберегавшими детей

¹ *Hlavica M.* Fragmenty Velké Moravy. Hrnčířské značky jako nástroj výzkumu společenské a politické komplexity Moravy 9. století. Brno: Archeologický ústav AV ČR, 2023. S. 6.

² *Ibid.* S. 8.

³ *Curta F.* The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // *Ephemeris Napocensis*. 2013. No. 23. P. 167.

от духов, так как были широко распространены и во взрослых погребениях, более того, они издавали негромкий шум.

Достоинствами работы можно назвать иллюстрации, таблицы и схемы, которые удачно дополняют текст, а также обращение к материалу разных археологических памятников, что позволило создать относительно полноценную картину истории гомбиков.

Как заметили Б. И. Колоницкий и Ю. А. Сафонова, сама по себе монография рассчитана на более широкий круг читателей, нежели диссертация, поэтому многие элементы диссертации следует переработать в соответствии со стилистикой и потребностями читателя⁴. Ш. Крупичкова допустила эту ошибку, что проявляется, например, в лишних деталях описания методологии или частых повторениях одинаковой информации в разных разделах, однако данный аспект никак не умаляет значимости работы в целом.

Как справедливо отметил сам автор, одному археологу из Чехии трудно справиться с задачей, которую надо решать международной группой специалистов разных профилей, поэтому многие тезисы и интерпретации могут подвергнуться корректировке.

В заключении хочется указать на то, что через призму одного предмета автору удалось затронуть целый ряд важных тем от особенностей жизни элит до детской археологии. На фоне четкого разворота новейшей чешской историографии «на Запад» достаточно интересен вывод именно о византийском влиянии на появление гомбиков. Данный тезис хорошо вписывается в картину чешской историографии последнего времени. Так, например, в ранее упомянутой монографии М. Главицы выдвигается концепция, согласно которой Великая Моравия — это «зеркальная империя» Франкской⁵. То есть основным источником влияния на Великую Моравию были франки, но надрегиональный характер элит, широкие торговые сети и диффузии инноваций из одной культурной среды в другую способствовали тому, что в деталях могла проявляться многовекторность и индивидуальность Великой Моравии.

Литература

Колоницкий Б. И., Сафонова Ю. А. Как написать диссертацию. Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024.

Curta F. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // *Ephemeris Napocensis*. 2013. No. 23. P. 163–174.

⁴ Колоницкий Б. И., Сафонова Ю. А. Как написать диссертацию. Путеводитель для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. С. 64.

⁵ Hlavica M. Fragmenty Velké Moravy... S. 8–10.

Hlavica M. Fragmenty Velké Moravy. Hrnčířské značky jako nástroj výzkumu společenské a politické komplexity Moravy 9. století. Brno: Archeologický ústav AV ČR, 2023.

References

Curta, F., 2013. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather. In: *Ephemeris Napocensis*, 23, pp. 163–174.

Hlavica, M., 2023. *Fragmenty Velké Moravy. Hrnčířské značky jako nástroj výzkumu společenské a politické komplexity Moravy 9. století*. Brno: Archeologický ústav AV ČR.

Kolonitsky, B. I., Safronova, Yu. A., 2024. How to Write a Dissertation. A Guide for Undergraduate and Postgraduate Students in the Humanities: A Tutorial. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian)

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИФАНОВ
(09.10.1955–01.08.2025)

Дарья Юрьевна Ващенко

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Отдела славянского языкознания
Института славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32-А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: daranis@mail.ru

Аннотация

В некрологе рассматриваются основные вехи научного и педагогического наследия выдающегося словакиста, доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Константина Васильевича Лифанова. Приводится краткий анализ разработанной К. В. Лифановым оригинальной концепции истории словацкого литературного языка, подчеркивается ее новаторский характер; дается краткая характеристика разработанных К. В. Лифановым учебных пособий. Деятельность К. В. Лифанова анализируется в общем контексте тенденций развития отечественной и мировой словакистики.

Ключевые слова

История литературного языка, кодификация, грамматика, методика преподавания, словацкий язык, К. В. Лифанов

Цитирование: *Ващенко Д. Ю.* Константин Васильевич Лифанов (09.10.1955–01.08.2025) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 1–2. С. 261–264. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.15>

KONSTANTIN VASIL'EVICH LIFANOV
(09.10.1955–01.08.2025)

Daria Yu. Vashchenko

PhD, Senior researcher,
Department of Slavic Linguistics,
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: daranis@mail.ru

Abstract

The obituary examines the main stages of the scientific and pedagogical heritage of the outstanding Slovakist, Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavic Philology of the Philological Faculty of Moscow State University Konstantin Vasilyevich Lifanov. A brief analysis of the original concept of the history of the Slovak literary language developed by K. V. Lifanov is given, its innovative nature is emphasized; a brief description of the teaching aids developed by K. V. Lifanov is given. The activities of K. V. Lifanov are analyzed in the general context of trends in the development of Russian and world Slovak studies.

Keywords

History of literary language, codification; grammar, teaching methods, Slovak language, K. V. Lifanov

For citation: Vashchenko D. Yu., 2025. Konstantin Vasil'evich Lifanov (09.10.1955–01.08.2025). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (1–2), pp. 261–264. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.1-2.15>

Скончался Константин Васильевич Лифанов, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Совсем немного ему оставалось до 70-летия.

Всю свою жизнь Константин Васильевич посвятил Московскому государственному университету и подготовке специалистов по словацкому языку, литературе и культуре, его вклад в развитие российско-славянских отношений невозможно переоценить. На протяжении нескольких десятков лет он был главным словакистом России и одним из ведущих в мировой славистике. Как в научном, так и в человеческом плане в нем парадоксально и органично сочетались цельность натуры и гибкость, широта, эмоциональность и здравый смысл.

Он родился в 1955 г. в городе Серпухов Московской области, в 1977 г. окончил славянское отделение филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, научным руководителем его дипломной работы был проф. Самуил Борисович Бернштейн, фигура, знаковая для российской славистики. В 1985 г. Константин Васильевич, уже под руководством проф. Александры Григорьевны Широковой, защитил на филологическом факультете МГУ кандидатскую диссертацию «Категория рода и категория одушевленности в истории словацкого языка». В 2001 г. на филологическом факультете МГУ он защитил докторскую диссертацию «Генезис словацкого литературного языка». Этот труд, который впоследствии был дважды издан монографически (в 2001 и 2008 гг.), основывался на огромной фактической базе, в результате чего была представлена совершенно новая концепция развития словацкого литературного языка, обладающая также мощной прогностической силой при исследовании синхронной ситуации в словацком литературном языке и выявлении основных перспектив его дальнейшего развития. Суть ее состояла в том, что в качестве литературного языка у словаков первоначально функ-

ционировал чешский язык, в результате его постепенной словакизации сформировался оригинальный идиом, который затем был положен в основу первой кодификации словацкого литературного языка, предпринятой в конце XVIII в. Антоном Бернолаком. В рамках данного подхода существенно уточнялась хронология бытования словацкого литературного языка старого типа; были внесены коррективы в целом в периодизацию словацкого литературного языка. Работа Константина Васильевича позволила разрешить коллизии теории генезиса словацкого литературного языка, прежде главенствовавшей в словакистике, и экстраполировать методологию, намеченную в докторской диссертации, на более поздние этапы развития идиома, структурировать весьма неоднозначные процессы его развития в XX в. В круг научных интересов Константина Васильевича также входили диалектология и социолингвистика, он исследовал немецкое и венгерское влияние на памятники ранней словацкой письменности; языковую ситуацию в кругу словаков за пределами этнической территории и многое другое.

Константин Васильевич несколько десятков лет руководил подготовкой словакистов на филологическом факультете МГУ. Он вел занятия по практическому языку, диалектологии, истории языка, теоретической грамматике, каждое занятие было ярким, творческим и увлекательным. Ученики Константина Васильевича смогли найти себя в самых разных областях жизни: они стали учеными, преподавателями, дипломатами, журналистами; нашли себя в области перевода и государственной службы, и кроме собственно филологических компетенций, наш учитель смог передать нам главное: любовь к делу, которым мы занимаемся. Свой преподавательский опыт Константин Васильевич воплотил в нескольких очень важных учебно-методических пособиях, которые выдержали несколько переизданий, и формируют некий золотой стандарт при освоении словацкого языка: это «Морфология словацкого языка» (1999 г.), «Диалектология словацкого языка», выдержавшая четыре издания (в 2012, 2015, 2016 и 2023 гг.), двухчастное «Словоизменение в словацком языке» (2022 и 2023 гг. соответственно). Все эти книги, насыщенные по содержанию, написанные легким, ясным языком, могут быть использованы как универсальные справочники для всех, кто интересуется словацким языком; крайне полезны они в научной работе.

Кругозор Константина Васильевича и его стремление открывать новые горизонты позволили ему расширить свою «научную географию», он много раз был на стажировках не только собственно в Словакии, но и в США, а также в Венгрии, откуда неизменно привозил новые сюжеты для своих исследований.

Константин Васильевич был исключительно отзывчивым человеком, который всегда был готов к сотрудничеству и любил открывать для себя новые горизонты; он искренне радовался успехам коллег и легко соглашался быть рецензентом монографии, статьи; членом редколлегии или диссертационного совета. На него всегда можно было положиться, его вдохновен-

ное, даже романтическое отношение к науке как таковой было отражением его высокой духовной культуры. Как научный наставник он всегда стремился в первую очередь научить методологии научной работы, дисциплине, рациональности, умению четко формулировать цели, структурировать как саму проблематику, так и время / текстовое пространство, отведенное на решение конкретной задачи.

Нам будет не хватать Константина Васильевича, его мудрости, честности, открытости, доброты, оптимизма и жизнелюбия. Коллеги, ученики, сотрудники Института славяноведения РАН выражают соболезнования его родным и близким.

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446 (журнала)
DOI 10.31168/2412-6446.2025.20.1-2 (выпуска)

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2025.20.1-2

Главный редактор:
Е. С. Узенева

Редакторы (русский язык):
И. С. Пекунова, В. С. Кучко

Редактор-корректор:
С. Е. Родионова

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Russian Language Copy-Editors:
Irina S. Pekunova, Valeria S. Kuchko

Proofreaders:
Svetlana E. Rodionova

Computer layout:
Pavel N. Morozov

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:

Фрагменты фотографий, сделанных во время экспедиции к славянам Аргентины и Бразилии в 2024 г. Фотографии используются с разрешения их авторов.

Фото 1. Скульптурная композиция, изображающая переселенцев из Польши. Гуарани-дас-Мисойнс, штат Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия. 26 августа 2024. Автор фото: С. А. Борисов.

Фото 2. Праздничная процессия по случаю 88-летия колонии Ванда, основанной эмигрантами из Польши. На фото изображены потомки первых колонистов в польских национальных костюмах. г. Ванда, провинция Мисьонес, Аргентина. 15 августа 2024. Автор фото: Г. П. Пилипенко.

Фото 3. Гости на празднике иконы Ченстоховской Божией Матери в часовне, ей посвященной. Линья Бом-Жардим, штат Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия. 25 августа 2024. Фото предоставлено Дж. Гжечиньски.

On the cover:

Fragments of photographs taken during the expedition to the Slavic Communities of Argentina and Brazil in 2024. The photographs are used with the permission of their authors.

Photo 1. Sculptural composition depicting immigrants from Poland. Guarani das Misoies, Rio Grande do Sul, Brazil. August 26, 2024. Photo by S. A. Borisov.

Photo 2. Festive procession on the occasion of the 88th anniversary of the Wanda colony, founded by emigrants from Poland. The photo shows the descendants of the first colonists in Polish national costumes and with the Polish flag. Wanda, Misiones Province, Argentina. August 15, 2024. Photo by G. P. Pilipenko.

Photo 3. Guests at the Feast of Our Lady of Czestochowa in the chapel dedicated to her. Linha Bom Jardim, Rio Grande do Sul State, Brazil. August 25, 2024. Photo courtesy of J. Grzeczinski.

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 15.07.2025. Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,62.
Объем 16,63 печ. л.

Заказ № 38.

Тираж 500 экз.